АЛЕТЕЙЯ

MARTIN HEIDEGGER

FRUHE SCHRIFTEN

I ABTEILUNG:
VERÖFFENTLICHTE SCHRIFTEN
1914-1970
BAND 1

Frankfurt am Main
VITTORIO KLOSTERMANN

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

РАННИЕ РАБОТЫ

Перевод с немецкого
Владимира Ткаченко-Гильдебрандта

Издание осуществляется
под общей редакцией
Олега Матвейчева

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2025

УДК 165.62
ББК 87.3(4Гем)6
Х 15

Издание осуществлено благодаря
Фонду развития общественных проектов «Время»
и Олегу Анатольевичу Матвейчеву

Хайдеггер М.

Х 15 Ранние работы / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. А. Ткаченко-Гильдебрандта. – СПб.: Алетейя, 2025. – 392 с.

ISBN 978-5-00267-004-8

Поэт Андрей Вознесенский, познакомившись и встретившись с ним в Западной Германии, назвал его «коренным зубом немецкой философии», а в суровые годы нацизма несмотря на ожесточенную войну и различные запреты национал-социалистических властей ему удалось сохранить трепетное отношение к русской литературе и философии: наряду с Майстером Экхартом, Фомой Аквинским и Якобом Бёме, он считал Ф. М. Достоевского одним из тех, кто сподвиг его на создание учения о бытии.

Речь идет о величайшем философе XX столетия, последнем представителе немецкого классического идеализма пантеистического толка – Мартине Хайдеггере (1889–1976). В первом томе его полного собрания сочинений публикуются труды раннего периода, в том числе первое фундаментальное исследование, посвященное средневековой схоластике – «Учение о категориях и значениях Дунса Скота» (1916); а вместе с ним и эссе «Понятие времени в исторической науке», заметно повлиявшее на последующий и ставший знаменитым трактат «Бытие и время» (1927). Перевод осуществлен Владимиром Ткаченко-Гильдебрандтом.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, неравнодушных к философии экзистенциализма, а также студентов и преподавателей философских факультетов и кафедр университетов России.

УДК 165.62
ББК 87.3(4Гем)6

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© В. А. Ткаченко-Гильдебрандт,
перевод на русский язык, 2025
© Verlag Vittorio Klostermann (Frankfurt am Main), 1978
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР: УЧЕНИЧЕСТВО.
Вступительное слово переводчика..... 9

ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ (1912).....13

НЕДАВНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛОГИКИ (1912).....25

ОБЗОРЫ (1913/1914).....47

Избранные письма Канта. Отредактированные и объясненные Ф. Оманном.....47

Николай фон Бубнофф. Временность и отсутствие времени [основополагающая теоретико-философская противоположность в ее типичных проявлениях и в ее значении для современной философии] (1913) 47

Франц Брентано. Из классификации психических феноменов (1914) 48

Шарль Сентруль. Кант и Аристотель (1914).....50

Кант-Лайенбревье. Изложение кантовских мировоззрения и жизненных взглядов для неученого образованного человека – из сочинений, писем и устных высказываний Канта. Составлено Ф. Гроссом (1914).....54

Предисловие к первому изданию «Ранних сочинений» (1972) 55

УЧЕНИЕ О СУЖДЕНИИ В ПСИХОЛОГИЗМЕ.
Критико-позитивный вклад в логику (1913)

Предисловие 59

Введение 61

Первый раздел
Суждение выводится из основного апперцептивного свойства умственной деятельности (Вильгельм Вундт)

Первая глава. Представление 61
§ 1. Суждение и его структура 61
§ 2. Формы суждения 68

Вторая глава. Критическая оценка
§ 1. Имманентный анализ теории суждений Вундта 73
§ 2. Доказательство и оценка психологической постановки проблемы в теории суждений Вундта.....75

Второй раздел
Сущность суждения обнаруживается в действиях, составляющих суждение (Генрих Майер)

Первая глава. Представление 85
§1. Решение 86
§2. Структура суждения 88
§3. Формы суждения 90

Вторая глава. Критическая оценка 95

Третий раздел
Суждение характеризуется как основополагающий класс психических феноменов (Франц Брентано, Антон Марти)

Первая глава. Представление 105
§ 1. Представление и суждение 106
§ 2. Суждение и экзистенциальная соль 108

Вторая глава. Критическая оценка.....111

Четвертый раздел
Сущность суждения заключается в востребованном отношении к предмету психического субъекта (Теодор Липпс)

Первая глава. Представление теории в ее историческом развитии.....115

Первый этап развития.....116
§ 1. Философия и логика.....116
§ 2. Суждение и структура суждения.....118
§ 3. Формы суждения.....119

Второй этап развития.....121
§ 1. Суждение и структура суждения.....122
§ 2. Формы суждения.....123
§ 3. Основание для суждения и закон мышления.....126

Третий этап развития.....127
§ 1. Суждение, предмет, требование.....127
§ 2. Структура суждения и причины суждения.....130

Вторая глава. Критическая оценка.....135

Раздел пятый
Итог критического исследования и взгляд на чисто логическое учение о суждении

Первая глава. Итог критического суждения.....145

Вторая глава. Взгляд на чисто логическое учение о суждении.....149
§ 1. Логический предмет и значимость.....150
§ 2. Смысл.....153
§ 3. Суждение.....155
§ 4. Элементы суждения.....158
§ 5. Отрицательное суждение.....161
§ 6. Имперсональное суждение.....164
Литература.....168

УЧЕНИЕ О КАТЕГОРИЯХ И ЗНАЧЕНИЯХ ДУНСА СКОТА (1915)

Предисловие 173

Введение: необходимость проблемно-исторического рассмотрения схоластики 175

Первая часть

Учение о категориях. Систематическое обоснование понимания учения значения 187

Первая глава. Unum – математическая, естественная и метафизическая реальность 193

Вторая глава. Verum – логическая и психическая реальность 236

Третья глава. Языковая форма и содержание языка. Область значения 257

Вторая часть

Учение о значении 269

Первая глава. Значение и функция значения. Принципы учения о значении 271

Вторая глава. Теория форм значений 301

Заключение. Проблема категорий 349

ЛИЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО 359

ПОНЯТИЕ ВРЕМЕНИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (1916) 361

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА 376

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА 378

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 383

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР: УЧЕНИЧЕСТВО

Вступительное слово переводчика

Ал. Михайлову

Художник, воспитай ученика,
Сил не жалей его ученья ради,
Пусть вслед твоей ведет его рука
Каракули по клеточкам тетради,
Пусть на тебя он взглянет свысока,
Себя на миг считая за провидца.

Художник, воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться.

Евгений Винокуров[*]

Теперь уже можно без преувеличения сказать, что, если русская литература вышла из гоголевской «Шинели», то и последующий величайший философ XX столетия Мартин Хайдеггер вырос из рясы выдающегося представителя схоластики Высокого Средневековья монаха Иоанна Дунса Скота (прибл. 1265–1308), одного из первых, кто разделял воззрение, что философия отнюдь не ancilla theologiae (служанка теологии), а сама по себе самостоятельная и самодовлеющая научная дисциплина. Поистине, если взглянуть на последующее грандиозное философское наследие Хайдеггера сквозь призму его докторского сочинения «Учение о категориях и значениях Дунса Скота» (1915 год), то можно выявить направления мысли фрайбургского гения десятилетия спустя. На самом деле, в сочинении о Дунсе Скоте мы обнаруживаем уже потенции не только хайдеггеровской философии о бытии, системно выраженной в «Бытии и времени» (1927 год), но и наброски других отраслей, заявивших о себе уже во второй половине прошлого столетия, в том числе лингвистической философии – дисципли-

---

* Советская поэзия. В 2-х томах. Библиотека всемирной литературы. Серия третья. Москва: Художественная литература, 1977

Иоанн Дунс Скот. Скульптура. Нач. XXI в. (Колледж Иоанна Дунса Скота в Дансе, Шотландия)

Иоанн Дунс Скот. Роспись ц. Сан-Франческо в Монтефалько, Италия. 1452 г. Худож. Б. Горццоли

Иоанн Дунс Скот. 1473–1478 гг. Художники Й. ван Гент и П. Берругете (Палаццо Дукале, Урбино, Италия)

ны на стыке лингвистики, психологии, логики и метафизики, выдающийся представитель которой Ноам Хомский «ее бессмысленностью» (выражение Мартина Хайдеггера), преодолев, раздвинул границы позитивистской науки, сформировавшейся еще в первой половине XIX века. Особо подчеркивал Хайдеггер, что и выдающийся схоласт Дунс Скот по мере своего ведения парадоксальным образом предавался «пограничным исследованиям», стараясь работать на стыке психологии, лингвистики, логики и метафизики, хотя две первые области знания еще как таковые не оформились, определившись многие столетия спустя.

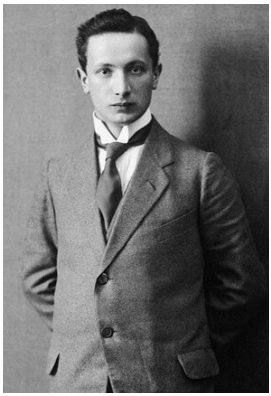
И здесь мы переходим к теме учителя и ученика из великолепного поставленного в эпиграф стихотворения Евгения Винокурова. Известно, что Иоанн Дунс Скот буквально на ходу делал многочисленные заметки на средневековой латыни, а затем составлял их – и таким образом возникали его сочинения. Нам представляется, что Мартин Хайдеггер «подсмотрел» у своего средневекового учителя этот творческий способ и затем оставался верным ему на протяжении всей своей долгой жизни. Как видим, методика «философствования» Дунса в руках Хайдеггера оказалась в высшей степени плодотворной.

Вопреки расхожему мнению о принадлежности «тонкого доктора» Иоанна Дунса Скота к францисканскому ордену, осмелимся предположить, что он принадлежал к картезианскому или цистерцианскому орденам, по-

скольку последние две конгрегации были очень тесно связаны с Орденом тамплиеров. Этьен Жильсон сообщает о том, что в 1307 году, находясь в Париже, Иоанн Дунс Скот привлекался к процессу по делу рыцарей Храма, но, не пожелав участвовать в процессе, сфабрикованном французским королем Филиппом Красивым, был отослан в Кёльн, город святого Бруно Кельнского, основоположника картезианского ордена, где умер 8 ноября 1308 года. Вместе с представителями Ордена тамплиеров Иоанн Дунс Скот уже в то время настаивал на введение догмата о Непорочном зачатии Девы Марии, чему противостояли доминиканцы, в руках которых находилось следствие по ересям – церковная инквизиция. Существует легенда, что Иоанн Дунс Скот оказался в Кёльне без слуги и впал в летаргию, а тамошние монахи не знали о его патологии и похоронили «тонкого доктора». Последнее опять же роднит его с Николаем Гоголем: оказывается, от рясы Дунса Скота до гоголевской шинели не так и далеко. Правда, впоследствии Фрэнсис Бэкон, биограф Дунса Скота, и опровергает эту версию, хотя что можно сказать по прошествии веков?

Зримое свидетельство участия в картезианском ордене – изображение Иоанна Дунса Скота с поднятым указательным пальцем правой руки у губ – жест, обозначающий молчание у картезианцев, цистерцианцев и тамплиеров: так же изображается в иконографии и святой Бруно Кельнский. Не прошло и шести лет со смерти Дунса Скота, когда на его родине при Баннокберне шотландская армия под командованием Роберта Брюса, основу которой составляли опальные тамплиеры, разбила с 23 на 24 июня 1314 года вторгшиеся войска английского короля Эдуарда II.

А что же Хайдеггер, носивший имя святого Мартина Турского и покровителя своего родного городка Месскирха в швабском Зигмарингене? В 1909 году он пытается принять постриг в иезуитском ордене, который, как считают исследователи, во многом заменил Орден тамплиеров, но болезнь сердца круто изменяет линию его жизни, и он поступает в том же году на факультет систематического богословия Фрайбургского университета, опять же курируемый Обществом Иисуса. Затем переход в 1911 году на философский факультет и погружение в схоластическую философию Высокого Средневековья, в том числе в труды «тонкого доктора» Иоанна Дунса Скота, среди которых высоко ценимое Хайдеггером «Оксфордское сочинение». К слову, Мартин Хайдеггер в совершенстве владел древнегреческим, а также классической и средневековой латынью и легко мог вести на этих языках философские дискуссии.



Хайдеггер. Из юности в молодость

Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт

Некоторые считают, что профессиональная инициация, если угодно, посвящение, может передаваться только прямо и непосредственно от учителя (художника) к ученику, но в нашем случае творческий гений христианского экзистенциального пантеиста Мартина Хайдеггера зажег «тонкий доктор» схоластической мысли Иоанн Дунс Скот: тем самым состоялось посвящение вне времени и пространства в том месте свечения, которое обозначается самим Хайдеггером пра-бытием. А дальше произошло то, что следует из стихотворения Евгения Винокурова: художник воспитал ученика, чтоб было у кого потом учиться. Теперь диалоги «художника» Иоанна Дунса Скота и «ученика» Мартина Хайдеггера пребывают в лучах Изрядного Художника – Творца и славе бесконечной Живоначальной Троицы (δόξα), иногда прорывающейся в наш и известной по ветхозаветной церкви как присутствие – Шхина, שְׁכִינָה; что, собственно, и есть хайдеггеровское прабытие.

Владимир ТКАЧЕНКО-ГИЛЬДЕБРАНДТ, GOTJ KCTJ OSMTH

ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Остроумный француз Брюнетьер пишет в своей характерной манере о проблеме внешнего мира: «Я хотел бы, разумеется, знать, кто сей больной или неудачно шутящий и, должно сказать, безумный, который первым бы осмелился подвергнуть сомнению реальность внешнего мира, поставив этот вопрос перед философами. Ведь есть ли в оном вопросе вообще какой-нибудь смысл?» (1). Однако критический ум, придумавший слово «банкротство науки», недостаточно глубоко заглянул в это дело. Его обращение к «здравому смыслу», с помощью которого Кант записал определенную мысль (Proleg., Лейпциг, стр. 34), все же далеко отстает от методологически-научного подхода к нашему вопросу. Кто проводит различие между наивным, вполне достаточным для практической жизни воззрением, полагающим, что оно соответствует реальному, и научным, методически направленным мысленным установлением с определением реальностей, для того здесь кроется проблема. Энергичное избавление от гнетущего свинцового бремени предполагаемой самости является необходимым предварительным условием для более глубокого осознания задачи, требующей решения.

I

Чтобы получить историческую основу для обсуждения проблемы, следует вкратце отметить, что мышление греческой философии ориентировано на критический реализм; реалистично мыслят неоплатоники, философы средневековья и Нового времени. Существуют также модификации, относящиеся к определению господствующего Реального, и в отношении определения транссубъективного царит единодушие. Только благодаря Беркли (2) позиция реализма пошатнулась. Своим esse-percipi, включением бытия и восприятия, он утверждает тождество физического и психического. Трансцендентное сознанию существование независимого телесного мира считается отмененным. Хотя психологически он все еще реалист, так что, помимо душевной субстанции, он предполагает еще множество духов. Последующий юмор Беркли последовательно положил конец его

сенсуализму. Фундаментальные понятия субстанции и причинности лишаются своего объективного, реального характера, поскольку последние распадаются на «связку восприятий», последняя сводится к субъективному принудительному чувству, на основании которого мыслятся ассоциативно связанные воспроизведения определенных одновременных восприятий в объективном отношении. Кант, желавший преодолеть угрожающие опасности односторонности английского эмпиризма и обеспечить для человека универсальное, необходимое, применимое к определенным границам познание, не продвинулся дальше, чем к установлению таинственной «вещи в себе». И если учесть, что Кант в конечном счете применил свой трансцендентальный метод только к формальным наукам, исследуя возможности чистой математики, естествознания и метафизики (в рационалистическом смысле) (3), то становится понятным, что проблема реальности не могла найти места в его теории познания. Правда, Кант до конца своей жизни все еще боролся с попыткой перекинуть мост от метафизики к физике; но он больше не должен был находить решения. Ясно, что посткантианская философия, которая в конце концов пришла к упадку идеализма *Гегеля*, все дальше и дальше уходила от реальности и понимания ее основ и предназначения. Когда с упадком гегелевской философии отдельные науки решительно вырвались из-под покровительства философии и угрожали полностью подавить ее (обратите внимание на шаткое положение и самостоятельную задачу философии в позитивизме), единственное спасение виделось в «возвращении к Канту». Таким образом, философия нашего времени дышит духом Канта, но не менее подвержена влиянию тенденций английского и французского эмпиризма. На то есть веские основания, чтобы увидеть в *Юме* (4) настоящего духовного наставника философии времени. Итак, господствующие эпистемологические направления характеризуются как консциенциализм (имманентизм) и феноменализм, взгляды, которые стремятся определить реальное или даже, подобно первому, просто установить независимый от сознания внешний мир как недопустимый и невозможный. Одновременно с расцветом современной философии эмпирические естественнонаучные исследования неуклонно продолжали свою работу в духе здорового реализма, что привело их к блестящим успехам.

Является ли существующий здесь разрыв между философской теорией и естественнонаучной практикой реальным? Или, возможно, точка зрения реальности и феноменализм как «формалистические дисциплины, враща-

ющие и переворачивающие мысли» пережили друг друга? Стало быть, теоретическое исследование познания, видящее свою задачу в применении трансцендентального метода к законченной науке, в нашем случае стремится решить проблему как вероятное эмпирическое естествознание (?), обязуясь утвердительно ответить на вышеупомянутый вопрос на основании своих результатов. В соответствии с вышеизложенным становится понятным, что *О. Кюльпе* мог написать в конце своей работы «Философия настоящего в Германии» (Лейпциг, 1911 (5), стр. 136): «На пороге этой философии будущего … стоит *проблема реальности*». Профессор философии в Бонне, по-видимому, посвящает, прежде всего, этой проблеме свою особую исследовательскую работу. В своих последних работах он часто обращается к тому же самому; в этом году на Философском конгрессе в Болонье он внес свой вклад в историю концепции реальности (5); и в статье «Теория познания и естествознание», опубликованной в прошлом году, дает позитивное обсуждение проблемы реальности с особым вниманием к естествознанию (6).

Итак, как уже отмечалось, непреложный, эпохальный факт естествознания поставил нашу проблему в центр внимания. Когда морфолог определяет форму тел растений и животных, когда анатом анализирует внутреннее строение живых существ и их органов, когда клеточный биолог занимается изучением клетки, ее строения и развития, когда химик исследует вещества на предмет их элементов и соединений, когда астроном определяет положение и вычисляет путь движения небесных тел, то все исследователи сих различных отраслей науки убеждены, что они анализируют не просто ощущения или оперируют чистыми понятиями, а устанавливают и определяют существующие реальные объекты, независимо от них самих и их научных исследований.

Как возможны реализация, а затем установление и определение трансубъективных объектов? Однако положительному ответу на поставленный вопрос должно предшествовать критическое обоснование, определяющее, допустимо ли вообще выходить за пределы реальности сознания, предполагать и характеризовать реальности, сводящееся к столкновению с консциенциализмом и феноменализмом. Таким образом, вся проблема сводится к четырем четко очерченным частичным вопросам (EN 9 и далее):

1. Допустимо ли установление реального?
2. Как возможно установление реального?
3. Допустимо ли определение реального?

4. Как возможно такое определение?

Чтобы продвинуться вперед методологически, мы начнем с обсуждения 1-го и 3-го вопросов и вернемся к письму Кюльпе, касаясь двух других.

II

1. Во вступлении мы указали на значение Юма в формировании современной эпистемологии. Английский эмпиризм претерпел в наше время множество модификаций. Рихард фон Шуберт-Зольдерн разработал теорию солипсизма и рассматривает ее как самоочевидный факт, не требующий более подробных доказательств. Сознание познающего, и только оно, является предметом познания. Имманентная философия находит в *Шуппе* своего главного представителя. Он изложил и попытался обосновать свою точку зрения в своей «эпистемологической логике» (Бонн, 1878 г.). Все бытие – это сознательное бытие. Понятие сознания включает в себя сознательный субъект и сознательный объект. Но эти два момента можно разделить только абстрактно. Отсюда вытекает неразрешимая взаимосвязь мышления и бытия. Следует еще упомянуть *эмпириокритицизм Авенариуса*, родственный философии имманентности, который в своих трех основных работах (7) ставит своей целью установить единственно правильное понятие мира. В конце концов еще можно было бы назвать *Э. Маха* (8), основателя т. н. *монизма ощущений*. Лучше всего он развил свои идеи в книге «Вклады в анализ ощущений» (1906). Вещь, тело, материя суть не что иное, как связь элементов [т. е. ощущений], цветов, звуков и т. д., кроме так называемых признаков (см. вышеуказанное сочинение, стр. 17 и дальше).

Опровергая консциенциализм, реализм, по крайней мере, представлен как возможная точка зрения. Он идет наиболее безопасным путем, когда сосредотачивает основное внимание на выделение главной консциенциалистской идеи, т. е. *принципа имманентности* (9). Отрицательные аргументы в пользу «точки зрения реальности», которые должны поколебать обычно выдвигаемые положительные доводы в пользу реализма (например, применение закона причинности к содержанию сознания как таковому), неизменно страдают логической ошибкой, заключающейся в том, что они основаны на принципе имманентности, который еще только предстоит обосновать. Более глубокого рассмотрения заслуживают прямые, позитивные аргументы, которые Климке сводит к трем (10): априорному, эмпирическому и методологическому.

Первый аргумент хочет видеть противоречие в понятии бытия, независимого от мышления. Благодаря мышлению о такой реальности оно становится зависимым от мышления и, следовательно, от реальности сознания. Но мыслимое сущее отнюдь не тождественно бытию в мышлении; бытие (феноменальное) – это понятие, содержание которого интенционально соотносится с трансцендентным бытием. Психическое существование понятия и идеальное бытие содержания понятия – совершенно разные вещи. Однако реальное бытие мыслится посредством понятия, но тем самым не переносится в субъект и не превращается в психическое бытие. Гейзер не без оснований пишет m. E.: «Вся предполагаемая сложность не что иное, как ослепительная софизм диалектической измышленной логики» (11). Если только вывести следствие из процесса, который отождествляет акт и содержание понятия, то становится ясно, что при правильности вышеуказанного предположения всякая рассудочная жизнь была бы остановлена. Если акт существен для содержания, то он должен часто мыслиться в своей тождественности, производя в каждом конкретном случае себя самое и, следовательно, сопровождающую его среду сознания. Но факт постоянного течения психических событий заставляет признать это требование невыполнимым, поскольку каждый момент времени, исходя из опыта, представляет собой измененную картину психической жизни.

Эмпирический аргумент по своему содержанию имеет утверждение: на самом деле даны только факты сознания; из них имманентно, без всякого лежащего в каком-либо направлении трансцендентного момента, строится всякое познание. Само по себе чистое суммирование данных сознания (кто должен суммировать и распознавать сумму как таковую?) не создает познания. Беспринципное сопоставление восприятий и представлений должно было бы привести к хаотической картине. Скорее, мы обнаруживаем, что определенные основные принципы всего познания, логические принципы, направляют познание по неизменным, абсолютно верным траекториям. Но консциенциалисты пожелают указать нам путь, поскольку реальные закономерности в связи с мыслительными актами также являются и психическими актами, причинными законами психического события, а, следовательно, не являются аргумента против нашего утверждения. Здесь снова прорывается ошибочное сочетание психического акта и логического содержания. Логические принципы не суть индуктивно обоснованные и соответственно действующие причинные законы субъективного психического события; скорее, мы видим в них непосредственно доказательные,

объективные, идеальные принципы, «содержание которых представляет собой наиболее общие отношения между интенциональной мыслью и предметом [в логическом смысле]» (12). Наконец, указанный эмпирический аргумент вступает в противоречие с психологическим опытом. Ибо само по себе становление обладающим в данный момент содержанием сознания означает выход за пределы данной сферы сознания. И при этом оно не дает даже изначального уровня опыта; оно может быть устранено только посредством абстрагирующей трансцендентальной мыслительной деятельности, непосредственно данной непосредственному (13). И как благодаря простому наличию фактов сознания может быть достигнута уверенность, необходимая для научного познания?

Разумеется, утверждает третий методологический аргумент, целью науки является абсолютная достоверность и универсальность ее положений. Но они не могут быть построены на произвольно обусловленных предпосылках и гипотезах; единственно надежный, незыблемый фундамент может дать только то, что непосредственно, безусловно дано в сознании. С другой стороны, следует отметить, что достоверность нельзя предсказать с помощью чистых фактов (в том числе суждений, рассматриваемых как психические акты). Факты либо есть, либо их нет. Воистину, это всего лишь знания, и, как мы видели выше, они не могут быть получены только из данных сознания. Кюльпе пишет об этой уверенности, особенно постулированной Махом: «Конечно, эта уверенность непоколебима, но не потому, что она доказана в споре и побеждает, противостоя противоречию, а потому, что с ней вообще невозможно спорить и ей противоречить» (14).

2. Что касается консциенциализма, обоснование которого мы только что доказали несостоятельным, то по сути нашей проблемы вообще не существует. Не так радикально проявляется эпистемологическое направление феноменализма. Он считает возможным и необходимым установление реального, но и только это. Определение реального запрещено в его кодексе законов. Неизвестный X, загадочная вещь в себе, действует как субстрат для чувственных ощущений, возбуждаемых в субъекте извне. Классическим представителем феноменализма является Кант. Согласно ему, трансцендентальные условия познания созерцания и разума носят генетически-априорный, субъективный характер, как он пытался показать в своем «трансцендентальном учении об элементах» (15). Таким образом, мы познаем вещи только в субъективных оболочках, такими, какими они нам кажутся. Помимо того, что вывод об априорности и субъективности форм

созерцания и рассудка не имеет права на феноменалистическое допущение, как может показаться при поверхностном рассмотрении проблемы, утверждение об изменяющемся поведении этих форм в субъективном смысле остается чисто догматическим допущением. Доказать это предубеждение всегда будет невозможно. Кант сам отказался от своего тезиса о том, что можно мыслить только наглядно, следовательно, разум не имеет конкретного объекта, когда он сделал предметом своего исследования чистые рассудочные понятия и их дедукцию. Когда Кант пишет: «Итак, мы проследим чистые понятия до их первых зародышей и зачатков в человеческом разуме, в котором они подготовлены, пока, наконец, они не будут развиты в опыте и представлены в своей чистоте тем же самым разумом, освобожденным от эмпирических условий, которые к ним прикреплены» (16), – тогда эта мыслительная работа может быть выполнена только при условии, что невообразимое, «чистые понятия», равно могут мыслиться. Точно так же, вопреки утверждению Канта, можно мыслить без категорий. Кюльпе справедливо указывает: «Даже беспорядочный, хаотичный материал ощущений, который Кант предполагает для материала чувственного познания, хотя и мыслим, но едва ли может быть представлен и, конечно, не может быть испытан. Если бы мышление было неизбежно связано с применением категорий, то такой хаос вообще не мог бы мыслиться» (17). Кроме того, в логике понятия, суждения, выводы возводятся в разряд объектов мышления; следовательно, здесь, как и в формулировках общих законов, мыслится непостижимое. Эмпирическое мнение Канта о наглядной природе всех объектов мышления тем самым не может быть поддержано. Вероятно, данное, обнаруженное составляет материальную основу нашего мышления о проявляющейся в нем реальности. И определение этого, а не только его проявления, и составляет цель науки. Обработка разумом материала опыта действует у Канта в смысле, прямо противоположном реализации: вместо того чтобы устранять субъективные составляющие, объект познания испытывает только усиленную субъективацию через категории; познание все дальше и дальше удаляется от своего реального предмета.

Нетрудно видеть, что для возможности определения установленных реальностей фундаментальное значение имеет правильная фиксация соотношения опыта и мышления. Сенсуализм в новейшей психологии лишил мышление самостоятельного характера. Мышлению же в действительности присуща деятельность, независимая от чувственной деятельности, процессов ассоциации, которая управляет эмпирическим открытием как

воспринимающим его и действующим в соответствии с объективными, универсальными, идеальными принципами, противопоставляя его анализирующей и дополняющей деятельности. Кюльпе, вероятно, соглашается с нами, когда пишет: «Если спросить, в чем же заключается закономерность мышления, если оно совершенно не влияет на свой предмет, то можно ответить, что оно зависит от своих предметов. Законы мышления являются законами его объектов, и, следовательно, мышление не относится к Коперниковой революции, используемой Кантом в своей теории познания» (а именно, что объекты должны руководствоваться мышлением). «Мышление можно прямо охарактеризовать как способность иметь в виду нечто, существование и сущность чего не зависит от субъекта, который имеет в виду и который имеется в виду» (К 98, 97) (18).

С отказом от консциенциализма и феноменализма установление и определение реальностей представляются возможными. Как бы ни противоречили друг другу эти два направления реализации, косвенно они все же подтолкнули к более глубокому и всестороннему, более обоснованному решению вышеупомянутой проблемы. Теперь возникают вопросы, имеющие отношение к положительной стороне нашей задачи: как возможно установление и определение реальных объектов?

3. Цель реализации – определить данность, обнаруженную с устранением модифицирующих способов восприятия и составляющих познающего субъекта в его представлении. Пространственно-временное поведение предметов опыта, их сосуществование и последовательность, паузы восприятия, отношения содержаний сознания, не определяемые нашей волей и навязываемые нам, несомненно, обнаруживают закономерность, независимую от переживающего субъекта. Установление трансцендентных сознанию реальностей обусловлено прежде всего тем фактом, что один и тот же объект непосредственно доступен для общения различным индивидам. Гейзер, посвятивший нашему предмету глубокое, проницательное исследование, правда, в измененном контексте, верно пишет: «Это сообщение является фактом и по преимуществу легендой для возможности общепризнанной эмпирической науки» (19).

Рассматривать содержание восприятия в том виде, в каком оно представляется нам, как объективную реальность в духе наивного реализма было бы опрометчивым поступком. Сенсорные инструменты, более близкие к периферическим волокнам чувствительных нервов, возбуждаются механическим, физическим и химическим воздействием. Воздействующие

стимулы затем направляют волокна ощущений в определенные центральные точки и, таким образом, доводят до нашего сознания процессы внешнего мира. Такие факты, как наличие порога и уровня возбуждения, нарушения физиологической организации (полный или частичный дальтонизм, разница в остроте зрения), ясно показывают, что не только существование восприятий, но и их содержание существенно зависит от субъективных факторов, поэтому мы можем представить себе *феноменальные образования*, созданные с помощью субъекта перед нами. Пусть отношения, заключающие в себя отображения наших восприятий, также претерпевают субъективные изменения в силу закона специфической чувственной энергии, тем не менее, как таковые должны быть установлены в качестве объективно-реальных закономерностей. Абстрагирование от субъективных моментов, в отрицательном смысле составляющих задачу специальной реализации, выделение объективного факта из мира реальности сознания, может быть осуществлено только через опыт и мышление. Чистое мышление является судом, не имеющим юрисдикции для принятия решения об идеальном или реальном бытии. Существуют ли реальные предметы, это может дать нам знать только опыт, но не настолько, чтобы он мог решить это в одиночку в совершенстве. Чувственные впечатления как таковые уже не являются реальными; они не могут быть легко использованы для реалистического определения. Значит, только там, где эмпирические и рациональные моменты взаимодействуют, возникает хорошее звучание. Если внешний мир является причиной наших восприятий, то здесь действует смешанный критерий. Кюльпе, правда, считает, что именно этот критерий, получивший особое значение со времен Шопенгауэра, не совсем верен, поскольку «не понимается сам мотив естественно-научного реализма и создается впечатление, что [можно] из субъективных последствий сделать вывод о природе объективных причин» (EN 24). Причинно-следственная связь между внешним миром и чувственными ощущениями, несомненно, должна существовать; но это еще не означает, что качество возбуждающей причины не имеет значения. Как показывает научный опыт, сенсорные стимулы (процессы движения) несопоставимы с воспринимаемыми предметами, такими как цвет, звук, запах, вкус. Кюльпе, очевидно, чтобы избежать превратного мнения, указал нам на другой, более определенный критерий, когда он видит во внешнем мире «носителя чужеродных правовых отношений наших чувственных впечатлений». По аналогии с физическим явлением (вынужденным движением) он определяет эти отношения

«необходимо» вынужденными. Ясно, что здесь все же имеет место причинно-следственная связь.

4. Теперь возникает особый вопрос: как возможно определение реальностей, т. е. факторов, вызывающих их возникновение? Это положение нормируется по содержанию установленными отношениями, т. е. оно должно быть таким, чтобы отношения представлялись способными осуществлять реальное действие. Кюльпе кратко фиксирует эту мысль: «Природные субстанции являются воплощением способностей, позволяющих происходить реальным отношениям, состояниям и изменениям, связанным с ними» (EN 27). Полное, адекватное определение установленных реальностей останется идеальной целью для реальных наук. Если бы также были выявлены все возможные эмпирические отношения, то следует иметь в виду, что существует несамостоятельное реальное, чего мы не способны постичь с помощью своего чувственного познания, даже если наши органы чувств были бы вооружены самыми совершенными инструментами. И только ли тогда можно однозначно определить подлинную природу реальностей? Несмотря на это, наука по-прежнему остается обширным полем деятельности. Наряду с материальным прогрессом история наук однозначно указывает на движение вперед в нормальном определении объектов.

В одиночку, разве определение реальности, к которому стремится критический реализм, не должно останавливаться перед шлагбаумом, который, по-видимому, установлен принципом субъективности чувственных качеств? Конечно, в результате следования этому принципу реальности потеряют свой наглядный характер; но это не отменяет их как таковых. Однако в таком случае необходимо порвать с эпистемологической догмой сенсуализма, согласно которой всякое познание должно придерживаться наглядного. Действительное практическое поведение реальных наук не знает этого предубеждения (20).

Учитывая то, что сегодня уже часто преобладают прагматические (довольно поверхностные с научной точки зрения) взгляды, Кюльпе также ищет ответ на вопрос, имеет ли критический реализм существенное значение и с этой, хотя и не единственной, авторитетной для науки точки зрения. Последнее справедливо в утвердительном смысле. В своей чрезвычайно яркой манере изложения он показывает, что противоположные воззрения консциенциализма и феноменализма в конечном счете толкают задачу реальных наук и ее выполнение на мертвый путь. Он пишет: «Едва ли есть что-либо более убедительное, чем изложенное в терминах этой теории

познания тех естествоиспытателей, которые постоянно уверяют, что они, разумеется, не желают связывать реалистические взгляды с выбором реалистических выражений. Они вносят в ее изложение чуждый их области взгляд и забывают, что осторожность – мать не только мудрости, но и бездействия. Только тот, кто верит в определимость реальной природы, приложит свои силы к ее познанию» (21).

Если нам и нельзя полностью согласиться с Кюльпе, особенно в отношении его понимания «индуктивной» метафизики, ее гипотетического характера и обоснования, его заслугой останется то, что он вновь поставил перед теорией познания, далеко уклонившейся со своего пути, ее реальную задачу (22). Всегда мыслившая реалистично Аристотелевско-схоластическая философия не упустит из виду это новое эпистемологическое движение: ее задачей должна стать позитивная работа.

(1) *Sur les chemins de la croyance:* Ière étape (l'utilisation du positivisme). Paris 1910e, S. 25 Anmerkung.

(2) Ср. Fr. Klimke, *Der Monismus und seine philosophischen Grundlagen*, Freiburg 1911, S. 382 ff. Эта работа, название которой даже отдаленно не предвещает массы затрагиваемых в ней мыслей, разбирает в IV Книге (стр. 371–533), правда, с точки зрения эпистемологического монизма, направления консциенциализма и феноменализма, рассматриваемые нами в дальнейшем.

(3) «…главным вопросом всегда остается, что и в какой степени может познавать разум, разум, свободный от всякого опыта…» Krit. d. r. V., Leipzig, Vorr. z. erst. Ausg. S. XVII. Ср. далее относительно трех частей основного трансцендентального вопроса, Proleg., Leipzig, S. 57 ff. Кюльпе справедливо замечает, что Кант, который так предостерегал от нарушения границ, изменил самому себе и позволил теории формальных наук превратиться в теорию науки вообще.

(4) Ср. Philos. Jahrb. XXΠI (1910) Heft 2 S.161–182: E. Walz, David Hume und der Positivismus und Nominalismus.

(5) A. Rüge, „Unter den beiden Türmen". Zum Kongreß der Philosophen in Bologna. „Der Tag" Nr. 99, 1911.

(6) Мы процитируем ниже: I. Kant, Leipzig, 1908 = K; Введение в философию, там же, 1910 = E; Эпистемология и естествознание, там же, 1910 = EN; Философия современности в Германии, там же, 1910 = Ph.

(7) Философия как мышление о мире в соответствии с принципом наименьшего усилия, Берлин, 1903, Критика чистого опыта, Лейпциг, 1907, Человеческая концепция мира, там же, 1905.

(8) Подробная критика у Külpe Ph. 23 ff.; Klimke, op. cit., 416 ff.

(9) Külpe E 149 ff. Краткое изложение у Klimke, op. cit., 431–451.

(10) Кюльпе различает логический, эмпирический, формальный, телеологический и генетический аргументы.

(11) Grundlagen der Logik und Erkenntnislehre, Münster 1909, S. 62.

(12) Grundlagen, op. cit., S. 275; ср. о затрагиваемой всеми проблеме E. Husserl, Logische Untersuchungen I (1900) § 17 ff., A. Messer, Empfindung und Denken, Leipzig 1908, S. 163 ff.

(13) Ср. W. Wundt, Grundriß der Psychol., Leipzig 1911, S. 34 f.

(14) Külpe, Ph. 27. 15.

(15) Kr. d. r. V. A 17 ff., B 31 ff.

(16) Kr. d. r. V. A 66, B 91.

(17) Külpe, K 85.

(18) На «предметный характер мышления» хорошо ориентирует A. Messer, Einführung in die Erkenntnistheorie. Philos. Bibl. Bd. 118. Kap. II. Abschn. 4. S. 14 ff. В этой же книге Vf. о наивном и критическом реализме, S. 41–61. Особенно четко выделяются опасения по поводу наивного реализма. Хотя первое возражение «со стороны религиозного сомнения» кажется не совсем ясным.

(19) Grundlegung der empyrischen Psychol., Bonn 1902, S. 89.

(20) В области психологии особенно важны работы Вюрцбургской психологии. Школа высшей духовной жизни инициировала энергичную борьбу с сенсуалистической психологией, видящей в ощущениях и их воспроизведении единственные элементы сознания. Ср. Geyser, Einfuhrung in die Psychol, der Denkvorgänge. Padb. 1909; далее N. Kostyleff, Rév. philos. XXXV (1910) 12, S. 553–580: Les traveaux de l'école de Wurzbourg. L'étude objective de la Pensée.

(21) Külpe, EN 38.

(22) Влияние Эд. фон Гартманна и его «трансцендентального реализма» в наибольшей степени предопределило философский подход к реалистическому мышлению.

НЕДАВНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛОГИКИ

I

На рубеже веков научная логика добилась разъяснения своих принципов. Возможность и факт такого критического осмысления должны в корне подрывать то традиционное представление, согласно которому логика представляет собой неисчислимую сумму неразложимых форм и правил мышления. С «отменой» – в гегелевском смысле – этого способа мышления существование логических проблем, включая неразвитые области исследований, гарантировано. Глубокое понимание смысла и значения упомянутой принципиальной борьбы само по себе лишает утверждение о совокупности логических проблем чуждого характера, но в то же время положительно освещает путь к постановке вопроса. Таким образом, общая структура следующего уже стала бы прозрачной. Тем не менее, я не считаю излишним добавить о методе, поскольку он отнюдь не является прямым итогом специфики упомянутых работ и характера нашего обсуждения как обзора и направления.

Едва ли стоит упоминать, что мы стремимся отойти от внешнего, даже строго хронологического упорядочения рассматриваемых работ и их подробного описания на всем протяжении. Если мы установим в качестве наиболее общей цели возможность познания существующих логических проблем, то это приведет к двойному результату для выполнения задачи.

Пока же, поскольку в философии проблемы тесно переплетены и одна сменяет другую, будет необходимо стремиться к определенной, хотя и не строго систематической взаимосвязи. Закрытая систематика была бы сегодня слишком смелым предприятием при обилии нерешенных вопросов, но она также отвлекла бы нас от поставленной задачи. С другой стороны, это дает принцип отбора литературы для чтения. Работы фундаментального значения, продолжающие исследования, и те, которые предполагают критические точки рассмотрения, должны быть равно отмечены. Естественно, что общие представления логики и т. п. часто остаются без названия, в результате чего ни в одном случае не выносится оценочного суждения, в то время как внимание больше сосредоточено на отдельных исследованиях, значимость которых сумела определять научная философия. О том, что при всем этом сохраняется некоторая несбалансированность в содержании и представлении, референт знает, пожалуй, лучше всех.

Перед каждым последующим шагом попытка, подобная настоящей, должна будет целесообразно ответить на вопрос: что такое логика? Уже здесь мы сталкиваемся с проблемой, решение которой остается за будущим. Однако, в принципе, отсутствие четкого, единодушного определения логики не может помешать продвижению исследований вперед в своей области. Эта неуместность отнюдь не освобождает от навязчивого осознания подлинной сущности и предмета логики. Это требование нашло свое воплощение в изложении принципов, отмеченных в начале, что совпадает с решительным отходом от психологизма. «Сам факт про “причуду философов” может оказаться непростым для рассмотрения с точки зрения истории проблем». Обширные психологические исследования, основанные на формальной страсти, психологическая установка в этических и эстетических изысканиях, преобладающий психологический метод в педагогике и юридической практике, психологическая чувствительность, близкая к чрезмерной, в литературе и искусстве, объясняют слово «эпоха психологии». Так что вряд ли бы кого удивило, если оный общий подход к психологии был бы окрашен логикой. Но соотношение как раз обратное. Антагонизм критического идеализма между психологическим и трансцендентальным методами, более того, психологическая интерпретация Канта, давно преобладающая, основанная Шопенгауэром, Гербартом, Фризом, одновременно с развивающейся наукой о природе придали психологии всеобъемлющее значение и привели к «натурализации сознания». Проблему психологизма в более широком аспекте О. Эвальд поднял вслед за конкретным историческим – но не филологическим – вопросом о том, «был ли психологизм или трансцендентализм заложен в сущности кантовской философии» (1). Вероятно, сегодня вопрос решен в пользу трансцендентально-логической концепции, которой с семидесятых годов в основном придерживались Герман Коэн и его школа, а также Виндельбанд и Риккерт. Следовательно, Кант в своей критике спрашивал не о психологическом происхождении познания, а о логической ценности его достоверности. Для рассматриваемой проблемы указанная кантовская логическая интерпретация и дальнейшее развитие важны в той мере, в какой благодаря им была выделена собственная ценность логического. Поэтому Наторп может с некоторым правом сказать, что «им [жителям Марбурга] не так уж много осталось узнать о прекрасных высказываниях Гуссерля (в первом томе «Логических исследований»), которые мы могли только с радостью приветствовать» (2). Однако мы хотели бы придать большое значение глубоким и чрезвычайно удачно сфор-

мулированным исследованиям Гуссерля (3), поскольку они фактически разрушили психологический барьер и привели к разъяснению отмеченных принципов. Автор, не колеблясь, с благодарностью отмечает вдохновение, принесенное ему «Научное познанием» (1837 г.) австрийского математика и философа Б. Больцано. Запланированное переиздание ставшего редким произведения, вероятно, появится в ближайшее время. В этой связи я не хотел бы оставить без внимания имя немецкого математика Г. Фреге с его логико-математическими трудами: на мой взгляд, они еще не оценены в их истинном значении, а отсюда и не могут быть исчерпанными. То, что он изложил в своих работах о «смысле и значении» (4), о «понятии и предмете» (5), ни одна философия математики не должна упускать из виду; но в той же степени это ценно и для общей теории понятия. Если Фреге, вероятно, в принципе преодолел психологизм, то Гуссерль лишь в своих «Пролегоменах к чистой логике» (6) систематически и всесторонне разобрал сущность, релятивистские следствия и теоретическую несостоятельность психологизма. Критика Гуссерля направлена, в частности, против Дж. Ст. Милля, Хр. Зигварта, Б. Эрдманна и Т. Липпса. Но в последнее время Липпс, кажется, отошел от своего прежнего положения, что, возможно, облегчит его понимание психологии и ее задач, во многих произведениях связанных с Гуссерлем. Но то, что психологизм все еще пытаются сохранить, доказывает, кстати, проницательное сочинение Г. Гейманса «Законы и элементы научного мышления» (7).

Под психологизмом в широком смысле понимается применение психологических принципов, методов и способов обоснования в работе логики. Логика – это мышление. Мышление, несомненно, следует отнести к тому комплексу фактов, который представляет собой совокупность психических процессов. Из этого непосредственно вытекает, что психология как собственно фундаментальная наука должна формально впитывать в себя логику. Основания для этого требования могут быть усилены. Логика занимается, в частности, также и «законами мышления», и следует признать их первостепенное значение. Но где можно выделить эти «законы» мышления с более четкой методологической определенностью, как не в «экспериментальной психологии», работающей со средствами точной науки? Гейманс еще больше расширяет задачу и повышает компетентность психологов. Она должна исследовать данные факты осознания знаний и научных убеждений на предмет их сознательных и бессознательных (!) причин. Такое «психологическое изучение явлений мышления может затем привести к их

обоснованию»: «… решение о первоначальной ценности наших знаний может быть найдено методологически только путем психологического исследования». Гейманс прямо говорит об «экспериментальном исследовании»; под этим он понимает одновременное наличие в сознании доказательств и вызванное ими научное убеждение, как бы экспериментальная установка, с помощью которой изучаются сущность и закон познания. Заявленное полное сходство эпистемологии с химией устраняет всякое сомнение в том, что Гейманс предполагает в теории познания наличие экспериментальной науки. Теперь его воззрения на логику в узком смысле также становятся вполне понятными. Здесь имеют место реальности – психические реальности по отношению к объектам. Так называемые основные законы мышления – суть совокупность фактов, регулирующих ход психического мышления. Причина их необходимости и очевидности кроется в определенной логико-психологической организации интеллекта. Это, по мнению Гейманса, отнюдь не означает, что именно интеллектуальная структура является единственно возможной и необходимой, иными словами, действующему человеку, возможно, придется мыслить и по другим законам.

Здесь ощутимо проявляется эмпирическая, релятивистская тенденция психологизма. Гуссерль только что всесторонне обосновал и применил аргумент о том, что психологизм вообще внутренне противоречив. Гейзер также вносит ценный вклад в критику (8). Если с критической точки зрения не преподается ничего существенно нового, то работа остается ценной, особенно во второй, исторической части, которая показывает, что психологизм не является чем-то новым. На мой взгляд, тот факт, что Кант действительно входит в число психологов по своей основной критической тенденции, нельзя просто игнорировать, но его следует отрицать, несмотря на множество возражений, и не нужно становиться на сторону крайних неокантианцев, чтобы подтвердить сей тезис.

Основополагающим для понимания бессмысленности и теоретической бесплодности психологизма остается различение психического акта и логического содержания, реального мыслительного процесса, протекающего во времени, и идеального вневременного тождественного смысла, короче говоря, различие того, что «есть», с тем, что «действительно». Этот чистый самосущий смысл предстает предметом логики, а посему с самого начала приобретает характер эмпирической дисциплины. «Функция» основных логических законов как норм мышления оказывается при более глубоком рассмотрении производным моментом. Предложения противоречия, исклю-

ченного третьего являются идеальными содержательными отношениями между объектами мышления вообще, для которых совершенно не имеет значения, мыслятся ли они, когда и как. Поэтому следует последовательно избегать термина «законы» для обозначения этих смысловых отношений, чтобы также лингвистически разграничивать их с законами природы.

Как только эти фундаментальные различия станут ясными, определение сущности и задачи чистой логики может пойти по верному пути. Конечная цель познания – это замкнутое, объективное единство чувственного содержания. Оное единство создается общей совокупностью понятий, т. е. взаимосвязи посредством «законов». В чисто теоретических науках исследование наталкивается на фундаментальные законы, которые выше всякой связи знаний вообще. То, что эмпирические науки требуют в своем теоретическом запасе, они черпают из «номологических» дисциплин.

Основной вопрос логики сводится теперь к условиям знания вообще. Логика – это теория теории, научное учение. Наряду с первоначальной теорией, фундаментальными понятиями (категориями), их взаимосвязями и систематикой она изучает логическую структуру отдельных наук, стремится выявить отличительные моменты их построения и метода, разграничивает их как отдельные области друг с другом и, наконец, стремится к единству в системе наук. Для выполнения этой задачи логика должна оставаться в постоянном контакте с остальными науками; в то же время становится очевидным, что, несмотря на проделанную и еще не исчерпанную предварительную работу (9), эта задача не будет решена в ближайшее время.

При рассмотрении и критике психологизма выявилась неоднородность психического, тем самым заимствованного из пространства-времени, реальности вообще и логического. Это в настоящее время действующее царство должно быть принципиально выделено во всей своей полноте как в отношении чувственно-сущего, так и в отношении сверхчувственно-метафизического в его собственной чистой сущности – требование, которое никогда еще не было удовлетворено полностью сознательно и последовательно на протяжении всей истории философии. Типичным для «ипостасирования» логического в метафизически сущее всегда останется Платон. Ласк в широком и глубоком исследовании «Логика философии» (10) четко сформулировал вышеупомянутое требование и тем самым одновременно проложил путь к более строгому определению философии как науки о ценностях. Работа в целом представляет собой углубление и дальнейшее

развитие трансцендентальной логики Канта, выросшее на почве трансцендентально-логического критицизма: дальнейшее развитие, поскольку Ласк по отношению к Канту, ограничившему проблему категорий только чувственно-сущим, открывает категории «новую область применения», саму философию. Итак, Ласк стремится не к чему иному, как к теории категорий, охватывающей все мыслимое, существующее и действующее в обоих его полушариях, и его попытку можно с полным основанием отнести к числу великих, уже пытавшихся создать теорию категорий.

Логику категорий бытия создал Кант. Для их понимания необходимо отметить, что бытие утратило свою транслогическую самостоятельность, что бытие преобразовано в понятие трансцендентальной логики. Это не означает, что предметы «штампованы до логического содержания»; только предметность, вещественность по отношению к вещественному, бытие по отношению к сущему является логической ценностью, содержанием формы. Объединение формы (категории) и материала называется «смыслом». Для трансцендентальной философии познание означает прямое объединение материала (чувственного) с категорией. Следовательно, логика, объектом познания которой являются именно категории, может познавать эти формы только путем повторного включения их в другие формы. Итак, философская категория – это форма формы. Как бытие является «категорией области» для чувственно-наглядного материала, так и действительность предстает конститутивной категорией для чувственного материала. То, что до сих пор принималось за простую форму, оказывается взаимосвязью применяемого и применимого. Следовательно, эта логическая форма используется снова в категории применяемого – тем самым мы приходим к форме формы от формы. Ласк не отрицает открывающегося здесь регресса в бесконечность; он не означает ровным счетом ничего, «кроме того, что категория в бесконечности может стать материалом категории» (стр. 112). Теперь через всю систему категорий проходит двух-упорядоченность, парность конститутивного начала. Над всем сущим стоит только абсолютно чистая логическая форма. «Учение о противопоставлении конститутивного содержания бытия и конститутивного содержания в философии обеспечивает основу для всякого понимания любых общих логических форм» (стр. 138), как они представлены в рефлексивных категориях. В качестве их типа Ласк кладет в основу своих рассуждений категории тождества (11). Чувственный, соответственно, смысловой материал до сих пор признавался различимым по значению моментом чистой логической формы в двух составляющих

областях. Но «субъект-объектная двойственность» также может влиять на формирование смысла. Субъективность – творец рефлексивной сферы. В качестве их территориальной категории мы признаем идентичность, категорию «нечто вообще». В рефлексивной категории исчезает всякое различие в категориальном содержании, что объясняет ее лишь формальное, т. е. не фактическое значение. Хотя рефлексивная область обязана своим «бытием» субъективности, она, обретя устойчивость, становится объективной; это формальные отношения, по своей силе лишенные произвола мышления, но остающиеся подчиненными его власти, поскольку способны овладевать любым содержанием без учета его особого конститутивного характера. Таким образом, рефлексивным формам придается общее значение. Ласк продолжает исследовать отношения между рефлексивными и конститутивными категориями, называя классификацию философских категорий (стр. 169), посвящает особую главу философскому познанию и завершает свою работу поучительным историческим экскурсом по философским категориям в теоретической философии.

Критика в своих собственных интересах станет воздерживаться от того, что прямо называется отрывочным изложением в ожидании обещанной завершенной системы логики.

II

Мне кажется, что не меньше резерва имеется в отношении совершенно новой науки, которую в нашем контексте необходимо выделить: это наука, впервые получившая название теории объектов, столь по-разному при своем появлении оцененная Мейнонгом (12) и его учениками. Если при внезапном возникновении новой и всеобъемлющей науки, какой хочет быть теория объектов, возникают непосредственные сомнения, то поиск понимания должен оставаться первейшей обязанностью. «Все, что чем-то является, называется объектом. Тем самым область объектов охватывает по преимуществу все, независимо от того, мыслится это или не мыслится, и мыслимо ли это вообще. В частности, также не является определением объекта то, что он есть, следовательно, существует ли он и как. Каждый предмет есть нечто, но не каждое нечто им предстает».

У каждого объекта есть как бы бытие, независимое от его бытия, положение, которое, в свою очередь, неприменимо. Предмет, обладающий противоречащим как бы бытием (круглый четырехугольник), не может

существовать, являясь невозможным предметом. Бытие и как бы бытие Мейнонг называет объективными: отсюда предметы, к ним относящиеся – небытие, как и бытие, объективное бытие – объекты в более узком смысле.

Подобные терминологические определения занимают большое место, но их «предмет», на мой взгляд, отнюдь не нов для философии. Исследования должны рассматриваться только как предварительные и не давать никаких окончательных результатов. Амезедер пытается сгруппировать известные до сих пор и названные предметы, «хотя и не в соответствии с какой-либо репрезентативной классификацией». Он выделяет две основные группы объектов, не являющихся основой, и объектов, зиждущихся на основе (сравнительные отношения).

К первой группе относятся «вещественные объекты» (материя), которые являются исключительно объектами, поскольку объективности никогда не обладают реальностью. Далее, к этой группе следует отнести «объекты ощущений», цвета, звуки и т. д. Эти предметы могут быть, но не могут существовать, в то же время с ними «сосуществуют» определения времени и места. Амезедер теперь выясняет некоторые отношения между «схваченным» и «совместно схваченным», например, цвет требует определения местоположения, но не конкретно своего определения. Отношения сравнения – это тождество, сходство и различие. Между двумя последними отношениями Амезедер устанавливает определенные взаимосвязи, к примеру, совпадение, т. е. «два предмета не могут быть схожими, не имея в себе различия, и, наоборот, не могут быть разными, не будучи равно и схожими» (стр. 100).

Оборот, на мой взгляд, не совсем верный. Разумеется, способ, воспринимающий «различное», всегда рассматривает его как количественное. Таким образом, сходство и различие существуют только между предметами одного и того же вида. Следовательно, разные предметы – я называю треугольник и электрометр – ничем не отличаются и, конечно, не одинаковы. Понятие сходства нигде не может быть определено. Определение близости как временного или местного сходства, в отличие от расстояния как такого же различия, позволяет предположить, что эти два понятия различаются только количественно; стало быть, согласно способу, бесконечное расстояние – это лишь нулевое приближение. Одностороннее рассмотрение количественного момента не позволяет способу перейти к понятию подобия вообще, получающему в математике четкое определение. Но остается неясным, является ли сие математическое понятие понятием сходства вообще,

а не местно-обособленным. Во всяком случае, заостренный и тупоугольный треугольники суть два треугольника, как близость и расстояние – два расстояния; но их различие отнюдь не означает сходства.

Дальше Амезедер обсуждает «гештальт-предметы» и «связующие предметы», например «a и b». Для последних, которые должны обладать величиной, было бы четкое различие между «и» и + (13).

В вышеизложенном не рассматривались конкретные вопросы в целях реальной критики; следует лишь доказать, что предметно-теоретические исследования действительно сталкиваются с проблемами; следует ли теперь кратко рассмотреть те, которые относятся к отдельной новой науке, подлежащей построению. Для нашего контекста очевиден вопрос – и именно поэтому теория полой Земли подверглась критике – не составляет ли она подоснову логики. Мейнонг отрицает данный вопрос. И его взгляд на логику как на теоретико-практическую дисциплину подтверждает его правоту. Она должна установить правила и законы, ведущие к максимуму познания. Сама по себе логика как учение об искусстве предполагает теоретическое и не может рассматриваться как наука. Если вспомнить наше предыдущее определение понятия «чистая логика», то нетрудно будет увидеть, что теория объектов входит в него. К этому добавляется то внешнее обстоятельство, что Мейнонг (стр. 22) прямо отмечает, что это «те же самые цели», о которых с ним спорит Гуссерль в своих «Логических исследованиях». Мейнонг также прямо называет «символическую логику», «логистику», частью теории объектов, а математику – особой областью, что в точности совпадает с тенденцией включать математику в логику.

Итак, новым было лишь название и отнюдь не сухая терминология. Это не означает отрицания того факта, что настоящие исследования – особенно исследования Маллиса– богаты проницательными мыслями, которые становятся важными для все еще отсутствующей систематической теории отношений. Точно так же теория суждения может черпать вдохновение прежде всего из учения об объективных сферах, не в последнюю очередь из все еще проблематичного учения об отрицании. И, наконец, новая терминология не должна восприниматься как балласт, поскольку в логике действительно есть нечто безымянное, я имею в виду тонкие различия, выявляемые прогрессивным анализом значений.

Нельзя не сказать, что чисто логический характер исследований не подтвержден. Наряду с метафизическими «включениями» (стр. 91/92) в психологии встречаются и переплетения, как бы принципиально Мейнонг

ни выступал против психологизма. Эти трудно предотвратимые рецидивы в психологии наводят на мысль, что резкое отделение логики от психологии, возможно, неосуществимо. Что мы должны различать здесь. Одно дело, обосновывает ли психология логику в принципе и обеспечивает ли ее применимость, другое дело, играет ли она роль только в том, чтобы стать первым полем деятельности, базой для операций. И второе имеет место, поскольку мы имеем дело именно с тем своеобразным, возможно, никогда до конца не разрешимым проблемой фактом, что логическое заложено в психическом. Но только что зафиксированное положение психологии все еще требует уточнения. Экспериментальная психология остается несущественной для логики. Однако даже так называемое самонаблюдение остается полезным лишь в определенной обстановке. Исследование переходит к значениям, смыслу актов и тем самым становится теорией значения, феноменологией (14) сознания. Критикуя психологизм, Гуссерль в то же время положительно обосновал феноменологию в теории и сам успешно действует в трудной области. В только что установленном смысле психология всегда будет пребывать в связи с философией, как бы иначе она ни представляла собой – и по праву – область исследований, второстепенную по отношению к естествознанию.

После сих общих логических проблем нас теперь будут занимать особые вопросы.

Когда Кант ясно воображал перед собой основную проблему критической философии в поисках «руководства к открытию всех чистых понятий разума», он полагал, что должен вернуться к оному суждению. Сие ходатайство Канта перед судом присяжных ныне отклонено как несколько раз пропущенное. Но в этом есть элемент истины, поскольку Кант выделил нерв познания с помощью суждения: «Но мы можем свести все действия разума к суждениям, так что разум вообще может рассматриваться как способность к суждению». Заслуга новой логики в том, что она сделала само суждение проблемой. Тот факт, что сегодня существует большое разнообразие теорий суждения, может быть использован в качестве доказательства сложности проблемы.

Суждение – это психический процесс, своеобразное объединение и слияние представлений. Суждение предстает перед нами в облике грамматического предложения. Положение о том, что каждое суждение занимает определенную позицию в дизъюнкции «истинное – ложное», ознаменовало бы своеобразие суждения, ибо сама дизъюнкция не может быть применена ни

к простым представлениям, ни к волевым актам и мыслительным движениям, имеющим смысл. Итак, что является правдой или ложью соответственно? В соответствии с вышеизложенным, происходит слияние представлений. Но можно ли сказать о «процессе», что это правда или неправда? Произошло или не произошло, следовательно, находится за пределами сказанного либо – либо. Истинным, скорее, является содержание представления, то, что мы имеем в виду, смысл. Суждение имеет смысл. Таким образом, мы выиграли переход от психологии к логике. Смысл суждения «золото желтое» имеет определенную структуру. Если мы знаем это, то также можем определить, что, с точки зрения логики, является суждением. Выше было замечено, что суждение приобретает как бы фиксированную форму, выражается в грамматическом предложении. В своей обычной форме оно оказывается соединением подлежащего и сказуемого посредством связки. Отсюда мы сразу перейдем к утверждению, что суждение связывает содержание предметного представления с содержанием предикатного представления.

Действительно ли грамматика являлась надежным проводником к познанию логической структуры суждений? Кто-то кричит «пожар»! Репутация может быть правдивой или ложной, поскольку это суждение. Где находятся подлежащее и сказуемое, которые должны быть соединены связкой? В суждении «гремит!» мы напрасно ищем предметное представление, как и совокупность. Какая из трех лингвистических формулировок должна дать направление для нахождения логической схемы? Разве логический смысл «огонь!» не богаче, чем единственное слово? И какой смысл кроется в «этом»? И можно ли в нем увидеть субъект? И если предположить, что суждение обычно представляет собой соединение двух содержаний представления, то как можно более точно охарактеризовать взаимосвязь между ними? Означает ли сие, что «золото – желтое», золото входит в сферу действия термина «желтое»? Однако данное толкование ни в коем случае нельзя навязывать суждению «a больше, чем b». Если Лемен (15) заявляет, что суждением утверждается тождество двух понятий, а точнее тождество того, что познается этими понятиями, то при таком определении, если оно вообще является надежным, гипотетическое суждение «когда температура опускается до 0º по Цельсию, вода замерзает» полностью исключается.

Имперсоналии и экзистенциальные предложения всегда были крестом научной логики. Но они также больше всего настаивали на том, чтобы тщательно изучить разницу между грамматическим предложением и логическим суждением. Таким образом, нельзя поддаваться искушению

ориентировать логику на грамматику, тем более что многие формы предложений вообще не выражают суждений (16). Однако в некоторых случаях результаты описательно-психологических исследований языка нельзя недооценивать. Я думаю, прежде всего, о проблеме вопроса (17), которую невозможно решить ни чисто логически, ни чисто психологически.

Полное несоответствие логики и грамматики было убедительно продемонстрировано Ласком (18) в его работе о суждении.

Возникает вопрос, на чем основано одностороннее «членение состава высказывания», «неизменяемое» направление отношений между подлежащим и сказуемым? Теоретическая структура смысла обусловлена конституцией предметов, что, однако, удается, не выходя за пределы области логического, только логике, ориентированной на Канта. В этом указании на теоретическую изначальность следует обратить внимание на работу способа, рассмотренную ранее. Там Ласк называет «смыслом» соединение категориальной формы и категориального материала. Тем самым распознавать – значит, облекать материал в форму. В суждении, соответственно, из алогического материала в качестве субъекта высказывается категориальная форма (сказуемое). Ласк пытается максимально приблизить Аристотеля и Канта друг к другу с помощью своей теории предикации. Для Канта суждение означает отнесение чувственно-созерцательного материала к категориальным понятиям рассудка. Даже у Аристотеля категории являются предикатами основной категории субстанции; сами по себе эти предикаты металогичны по своей природе. Суждение «a есть причина b» интерпретируется в соответствии с грамматической теорией таким образом, что a субъект, причина, a b – предиката. Ласк разлагает на материал (a и b) и на категорию причинности. Его теория может быть случайно применена к имперсоналиям. Чувственно-наглядный материал «грома» относится к категории существования. Ласк подробно рассматривает трудность в том, что в суждениях разделение на алогический материал и логическую форму не всегда может быть осуществлено непосредственно, что, скорее, уже готовые понятия, т. е. сформированный материал, выступают в позиции субъекта. Категория как бы обращается к исходному материалу через уже выполненную категориальную оболочку. Таким образом, это может быть сделано категориально несколько раз в разных направлениях. Отношение между элементами суждения (материалом и формой), совокупность, имеет в теории Ласка индифферентный характер «относимости вообще». Предыдущие попытки скоро определяли «есть» как тождество (Лотце), как «включение

одного предмета в содержание другого» (Эрдманн) или даже непосредственно как существование (Брентано) (19).

То, к чему стремится Ласк в смысле трансцендентальной философии, Гейзер пытается достичь на аристотелевской основе и смежными путями, Крейбиг – в только что названных исследованиях. Работе Гейзера следует придать принципиальное значение, поскольку она впервые нарушила традиционное понимание и трактовку логики с аристотелевско-схоластической стороны и выдвинула на первый план проблемы.

Гейзер исследует формы и принципы репрезентативно нормированного познания. Представленное здесь понятие объекта следует отличать от критического блага. Объектом (субъектом) суждения является «тот реальный или нереальный объект, который предполагается представить посредством мысли суждения и который, следовательно, противостоит этой цели как мера и норма» (стр. 51). Объектом является «объективная данность», которая «служит для утверждения или отрицания суждения» (стр. 54). Таким образом, решение суждения предполагает выполнение или невыполнение намеренной мысли объектом; аналогичным образом, согласно Ласку, решение суждения ставится перед вопросом, является ли истинность или несостоятельность намеренной мысли предметом. Противоречие истине соответствует или не соответствует настоящему смыслу. Как бы ни были близки, по-видимому, оба взгляда, они так же далеки друг от друга. В понятии объективности пути расходятся.

Критика Гейзером «сверхиндивидуального я» (20) кажется мне не совсем верной. Концепция понятия выросла именно из стремления сделать истину и ее значение независимыми от индивидуального субъекта. Термин следует понимать чисто логически как систему действующих форм познания, которые, однако, при текущем познании заложены в индивидуальном субъекте; точно так же, как Гейзер должен требовать «носителя» для чистых интенциональных мыслей. «Чистые помыслы» Гейзера приближаются к тому, что Мейнонг называется «объективным» (21). И я считаю это явление проблематичным не из-за его существования, но, возможно, из-за его «природы» и структуры.

Особая проблема теоремы суждения заключается в отрицательном суждении. С точки зрения реальности познания положительное суждение, несомненно, имеет преимущественную силу. При рассмотрении их логического построения оба оказываются равноценными. В утверждении «фрагменту смысла», т. е. ценностно-различному отношению между

категорией и материалом категории, присваивается истинность, в отрицании – противоречие истине. «Основа» решения суждения одинакова для обоих типов суждений (22). Для Гейзера «отрицательное суждение не является простой противоположностью положительного суждения, но логически богаче на одну мысль». Оно заключается в «отрицании вводного положительного суждения» (23). Возможно, Гейзер руководствовался своим пониманием «не», присутствующим в предложении, выражающем невыполнение интенциональной мысли в подлежащем. Положительное суждение, с другой стороны, предполагает, что намерение выполнено без явного лингвистического подтверждения. Сама теория суждений Гейзера, на мой взгляд, требует координации положительного и отрицательного суждений. Оба являются решениями, противоположными нейтральному по отношению к ценности вопросу о том, выполняется или нет «интенциональная мысль» в предмете (24). «Синтетическое намерение», предшествующее отрицательному суждению, похоже, идентично «утвердительным предположениям», которые Мейнонг допускает в отношении отрицательного суждения. Гейзер хочет рассматривать свой анализ как логический, не имеющий ничего общего с психологическим вопросом о том, как возникают отрицательные суждения, но само по себе «опробованное положительное суждение», призванное обосновать каждое отрицательное суждение, не является чисто логическим, специфическим моментом, поскольку «опробованное суждение» может предшествовать и определенному положительному. Вопрос заключается не в том, как возможно определенное отрицательное суждение о предмете, а в том, каков смысл именно этого вынесенного отрицательного суждения.

III

В дальнейшем продолжении теории суждений мы перейдем к подробному рассмотрению делений на количество (25), отношение и модальность. Однако следует отметить, что выдающиеся логики (Лотце, Виндельбанд) выделяют количественный и модальный принципы деления как не чисто логические. Однако широко обсуждаемое гипотетическое суждение следует отбросить. Утверждение: «По мере роста давления воздуха температура кипения жидкости увеличивается» (Крейбиг); состоит из двух предложений, но это всего лишь суждение. И действительно, предметом притязания не является ни постскриптум, ни предшествующее предложение. Скорее,

это предопределяет «наличие отношения причины и следствия» (26). Кант уже дал то же положение, что этим суждением мыслится только следствие, и особо отмечает, что здесь остается невыясненным, «истинны ли оба этих предложения сами по себе» (27). Предшествующее предложение и послесловие, как уже отмечалось, не содержат суждения. Мейнонг (28), подвергая их содержание анализу, рассматривает их как «предположения». «Обычно» в «если – так» нельзя найти суждения о взаимосвязанном отношении. Гипотетическое суждение – это заключение, «только не заключение суждения, а заключение предположения». Вероятно, в некоторых или даже в большинстве приведенных здесь суждений акцент мысли, по-видимому, опирается на постскриптум. Но здесь это не имеет значения. Цель логики состоит в том, чтобы выявить объективное значение, а гипотетическое суждение предопределяет соотношение причины и следствия.

Теория Мейнонга остается ценной в том смысле, что она рассматривала передний и задний абзацы по отдельности. Но Мейнонг в своей теории допущений сильно зависит от языковой формы. Смысл приведенного выше примера можно выразить адекватно: повышение температуры кипения жидкости обусловлено ростом давления воздуха. Насколько я понимаю, здесь нет ни предположений, ни, тем более, выводов из предположений.

В теории умозаключения логик всегда заново сталкивается с вопросом о познавательной ценности силлогизма. С тех пор как Пиррон заявил о кажущейся правдоподобной никчемности, этот тезис, по-видимому, принадлежит железному стержню логики. Зигварт первым вновь предпринял попытку спасения силлогизма, противостоя Дж. Ст. Миллю. Пока логика останавливается на схемах и хитроумных сдвигах понятий и не стремится к живому контакту с фактическими науками, ей неизбежно не удается обрести новые идеи. Уже один только взгляд на функцию силлогизма в общей структуре математики (29) должен побуждать к критическому осмыслению. Точно так же силлогизм имеет большое значение в естественнонаучных исследованиях, когда из индуктивно полученного предложения выводится суждение, которое не было включено в предшествующий индукционный материал. Таким образом, подобные силлогизмы становятся средством контроля и в то же время укрепляют индуктивно полученное знание. Тогда и только тогда можно избежать круговорота в силлогизме, если предложение не рассматривается как универсальное объемлющее суждение. Было бы желательно, чтобы замечания Гейзера (30) по рассматриваемой проблеме были дополнены включением математики. Мы не собираемся здесь

останавливаться на всеобъемлющей проблеме индукции, на которую указывает предыдущий вопрос (31).

Только когда в суждении и умозаключении обнаруживается логический ход мышления, можно с успехом что-либо понять о содержании и значении логических принципов. Их недоказуемость общепризнана. Они «сразу очевидны». Логики редко и с осторожностью подходят к проблеме очевидности, если только она не остается без внимания как психологический вопрос. Истина, определенная как объективное соответствие, без конкретной характеристики гармонирующих звеньев и характера гармонии, освобождается в текущем познании от своей обособленности, т. е. становится истиной для познающего субъекта. Утверждение истины для эго требует предшествующего ее бытийного видения. Необходимо испытать созвучие (32).

По поводу понимания этого «опыта» мнения расходятся. На почве психологизма доказательность – это формулировка необходимости-так-думать – в силу интеллектуальной организации, чувства психологического принуждения. Если мы хотим обойти последствия антропологизма, то доказательства не должны определяться и оцениваться чисто психологически. Доказательность – «не дополнительное чувство» (Гуссерль), а понимание объективного положения вещей. Истина познается «через созерцание мысли суждения в воспринимаемом предмете» (Гейзер). В последнее время Ганс Шмидкунц углубился в проблему доказательности (33).

Для познания недостаточно того, что суждение истинно, это может быть и суждение, лишенное разума, – то же самое должно быть и обоснованным. Доказательность как обоснованность является частичным свойством, и это правда, что существуют доказательства как для суждений, основанных на достоверности, так и для суждений, основанных на вероятности. Шмидкунц поднимает фундаментальный вопрос: является ли свойство «свойством факта или свойством ценности»? Доказательства не добавляют ничего нового к материальному суждению, они являются «формальными», т. е. дают «гарантию» истинности вынесенного решения. Таким образом, доказательство психологически характеризуется не как простой факт, а как «переходящий от происхождения к легитимации, санкционированию». Откуда же мне теперь знать, что я знаю? Шмидкунц различает очевидность ad rem или «проницательность», и такую очевидность, как ad hominem или разумение; первая предстает единственной, другая многократно видоизменяется. Чисто эмпирический психологический анализ доказательств остается недостаточным: «самая яркая эмпирия еще не означает достоверности». Необ-

ходимо попытаться провести сверх-эмпирический анализ. Доказательность требует непротиворечивости, проявляющейся в «отношениях совместимости». С чем должно быть совместимо очевидное суждение? Шмидкунц, не стесняясь в выражениях, отвечает другими доказательными суждениями. Бесспорно, «… что мы можем найти очевидное суждение только в рамках этого круга. Остается лишь признать договоры, упомянутые здесь, как таковые. Такое познание … существует… и существует как логика». Доказуемое должно соответствовать логическим требованиям. «Очевидно то, что оправдывает себя, (насколько верно и то, что подтверждается)». Те суждения, которые приводят к доказательствам (доказательственным основам), Шмидкунц называет «доказательственным материалом». В качестве видов доказательств различают прямые, косвенные и методологические доказательства.

Мы оставляем без внимания определение истины, которые в лингвистической формулировке могли бы сильно напоминать прагматические банальности. Концепция доказательств Шмидкунца стремится выгодно отойти от сомнительного измерения психологии. Если отношения совместимости как бы транзитивно переходят от одного суждения к другому в бесконечность, то полная доказательность никогда не может быть получена с помощью конечного ряда суждений. На каком доказательном материале, например, должна основываться теорема противоречия? И по какому принципу отбирается «определенный» (доказательный) материал для суждения? Оправдание должно быть «осуществимо только в бесконечном»; обращение к бесконечности бесполезно до тех пор, пока процесс бесконечного круговорота остается незавершенным. Несколько вопросов, вероятно, покажут, что обсуждаемая теория не может удовлетворить логическую совесть.

В конце концов, разве мышление не должно возвращаться к исходным данным, из которых непосредственно вытекает смысл фундаментальных логических «законов»? Логические принципы не должны выводиться из суждений, их содержание и значение они черпают из изначальных составляющих мышления вообще: предмет и суждение. На основании этих установленных «общих условий всех логических принципов» Гейзер пытается сделать соответствующий вывод.

В качестве иллюстрации формулировки Гейзера следует упомянуть принцип идентичности. Это дается для того, чтобы, следуя приведенным выше положениям, принцип мог что-то предугадать относительно бытия (= находимости) предметов и относительно суждений, направленных на их

отображение. Гейзер выражается в следующем смысле: «Тому, чем является предмет, соответствует только мысль, что он сим является, а не мысль о том, что он не является этим. Вот почему из позитивной и негативной мысли, намеревающихся изобразить оное бытие, позитивная предстает истинной, а негативная – ложной».

Логики отнюдь не единодушны в отношении содержания указанного принципа. При многообразии опробованных положений невозможно занимать критическое положение в данной ориентации и тем более исследовать остальные «законы мышления» на предмет их смысла. Теория Гейзера была затронута, поскольку открывает новый путь в «происхождении». Но остается вопрос о том, действительно ли это возможно.

Вопрос о том, действительно ли это возможно, остается открытым. Может ли принцип тождества входить в ту функцию, которая ему присуща. Утверждение Гейзера представляется мне спорным хотя бы потому, что в его формулировке не идет речь о действительном смысле тождественного, а скорее о соответствии, созвучии.

Новое направление в логике претендует на заслугу того, что только с помощью своих методов полностью и систематически основало логику на новых неопределимых понятиях и двадцати недоказуемых принципах.

Идея «логистики», или «символической логики», была выдвинута Лейбницем еще в «Characteristica universalis».

Во второй половине прошлого века математические методы совершенствовались. Исследования математиков были направлены на более четкую формулировку и в то же время к систематическому изложению руководящих принципов и основ своей науки. Эти философски направленные устремления привели к обоснованию теории множеств и теории групп. Одновременно формальная логика начала выходить за рамки традиционной логики подчинения; была создана общая логика отношений, в которой для решения логических задач использовались алгебраический метод и его символы. Два данных движения, как бы сходящиеся, привели к возникновению логистики. Она составляет логическую основу математики. Систематичность и замкнутость логистических проблем представляется наиболее продвинутой у Бертрана Рассела (34). Редактируя второй том совместно с А. Уайтхедом, Рассел осознал, что предмет его исследования более обширен, но в то же время и то, что многое в предыдущем изложении было «сомнительным и неясным». Таким образом, Рассел и Уайтхед создали совершенно новое произведение, первый том которого опубликован (35).

«Исчисление суждений», «исчисление классов» и «исчисление отношений» охватывают основные логические понятия и функции. Благодаря доказательству того, что эти и только эти фундаментальные явления лежат в основе построения математики, устанавливается тождество логики и математики. С точки зрения логики, с помощью этой теории возникает новая задача разграничения областей. При их решении, на мой взгляд, прежде всего необходимо доказать, что логистика вообще не вытекает из математики и не может перейти к собственно логическим задачам. Я вижу барьер в применении математических символов и терминов (прежде всего функционального понятия), которые скрывают значения и смысловые сдвиги суждений. Более глубокий смысл принципов остается неясным, например, исчисление суждений – это высчитывание суждений, логистика не знает проблем теории суждений. Математика и математическое решение логических задач достигают пределов, где их понятия и методы терпят неудачу – то есть именно там, где лежат условия их возможности.

Намеченной здесь работе еще только предстоит быть проделанной, и она будет выполнена не так скоро, как преодоление психологизма. Одним целым с нашим вопросом остаются философские проблемы математики и чистого естествознания, которые не утихали со времен Декарта и которые стали еще более запутанными благодаря невиданным достижениям математики. С последними мыслями мы перешли к широкой проблемной области: логике и систематике отдельных наук, вопросам, которые иногда требуют отдельного изложения.

(1) Kants Methodologie in ihren Grundzügen, Berlin 1906, S. 29.

(2) Kant und die Marburger Schule, Berlin 191 2, S. 6.

(3) Logische Untersuchungen, Halle (I) 1900, (II) 1901.

(4) Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Bd. 100 (1892).

(5) Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie XVI (1892).

(6) Logische Untersuchungen I.

(7) Aufl. Leipzig 1906. Работа, вызывающая возражения почти со всех сторон, была использована для того, чтобы сделать характеристику психологизма более конкретной; впрочем, при современном состоянии логических исследований мы считаем всякое опровержение психологических заблуждений праздным занятием.

(8) Jahrbuch des Vereins für christliche Erziehungswissenschaft: Systematische und historische Darstellung der anthropologischen Auffassung

des Erkennens, S. 98–185. Auf die „Grundlagen der Logik und Erkenntnislehre" (ср. „Lit. Rundsch." 1911, S. 287); к этому же изданию мы вернемся в другом дополнении.

(9) Я думаю о логике Вундта, но прежде всего о теории методов Зигварта, 2-й части его логики, которая теперь изложена и опубликована в 4-м издании под редакцией Хайнр. Майера. В то же время следует указать на недавно отредактированную логику Лотце (Philos. Том 141, Лейпциг, 1912), которая, хотя и устарела в некоторых своих частях – теория суждения, этизирующая тенденция – все же может рассматриваться как фундамент современной логики.

(10) Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre. Eine Studie über den Herrschaftsbereich der logischen Form, Tübingen 1911.

(11) Ср. Windel band, Uber Gleichheit und Identität: Sitzungsberichte der Heidelberger Akad. der Wiss., Philos.-hist. Kl. 1910,14. Abhandlung.

(12) Untersuchungen zur Gegenstandstheorie und Psychologie. Herausgegeben von Meinong, Leipzig 1904; ср. далее Zeilschrift für Philosophie und philosophische Kritik CXXIX (1906), CXXX (1907).

(13) Ср. H. Rickert, Das Eine, die Einheit und die Eins. Bemerkungen zur Logik des Zahlbegriffs. Logos II (1911/12) S. 50 ff.

(14) E. Husserl, Philosophie als strenge Wissenschaft. Logos I (1910/11) S. 289–341.

(15) Lehrbuch der Philosophie 1^3 (1909) S. 55 ff.

(16) A. Meinong, Über Annahmen, Leipzig 1902, Kap. 2, § 6. Die 2. Aufl. 1910; этого издания у меня не было под рукой. Мейнонг хочет доказать, что «предположения» являются областью между представлениями и суждениями – мы будем обращать особое внимание на логическую значимость предположений.

(17) «Вопрос» всесторонне не рассмотрен; окончательных выводов о его «сущности» нет. Ср. Stadler, Die Frage als Prinzip des Erkennens und die „Einleitung" der Kritik der reinen Vernunft, Kantstudien XIII (1908); Cl. Kreibig, Die intellektuellen Funktionen- Untersuchungen über Grenzfragen der Logik, Psychologie und Erkenntnistheorie, Leipzig 1909, § 65 – Крейбиг считает этот вопрос сложным явлением и относит его к категории «мыслей, подобных суждениям».

(18) Die Lehre vom Urteil, Tübingen 1912, S. 44–79.

(19) Для ознакомления с разными теориями суждения. Ср. J. Geyser, Grundlagen der Logik und Erkenntnislehre. Eine Untersuchung der Formen und Prinzipien objektiv wahrer Erkenntnis, Münster 1909, S. 172 ff; Kreibig op. cit. 161 ff.

(20) Cp. J. Cohn, Voraussetzungen und Ziele des Erkennens. Untersudhungen über die Grundfragen der Logik, Leipzig 1908. Теория Кона восходит к Риккерту – H. Rickert, Der Gegenstand der Erkenntnis², Tübingen 1904. Внушительный труд для обоснования логики как науки о ценностях скоро будет опубликован в расширенном виде в новом издании. Ученик Ремкеса в последнее время пытается критиковать. Cp. O. Schlunke, Die Lehre vom Bewußtsein bei Heinrich Rickert, Leipzig 1911.

(21) Ann. Kap. 7, S. 150–211.

(22) Lask, Die Lehre vom Urteil, S. 181 ff.

(23) Geyser, Grundlagen deT Logik und Erkenntnislehre, S. 149 f.

(24) Ebd. 54 169 f.

(25) Эпистемологически важным является различие между объемом и областью применения терминов у A. Риля – A. Riehl, Beiträge zur Logik Leipzig 1912. Впервые в Vierteljahresschrift für Wissenschaft Philos. XVI (1892) I ff. 133 ff. – опубликованные статьи могут по-прежнему вызывать интерес у логиков еще и сегодня.

(26) Geyser, Grundlagen der Logik und Erkenntnislehre, S. 226. С этим согласен Крейбиг: «…утверждение в гипотетических суждениях сводится к факту необратимого отношения зависимости условное – обусловленное». (Die intellektuellen Funktionen, S. 166 f.).

(27) Kritik der reinen Vernunft A 73, B 98.

(28) Über Annahmen, S. 79 ff.

(29) H. Poincaré, Wissenschaft und Hypothese, Leipzig 1904. О природе математических способов вывода, S. 1–17.

(30) Op. cit. S. 351 ff.

(31) Следует отметить у v. Bubnoff, Das Wesen und die Voraussetzungen der Induktion, Kantstudien XIII (1908) S. 357 ff.

(32) Husserl, Logische Untersuchungen I, S. 139 ff.

(33) Zeitschr. für Philosophie und philos. Kritik CXLVI (1912) S. 1–64. Основные положения учения о логическом доказательстве. Классификацию психических явлений (§ 3 и 4), которую я считаю одной из лучших, можно обойти стороной.

(34) The Principles of Mathematics I, Cambridge 1903.

(35) Principia Mathematica I, Cambridge 1910, S. 666. О логистике в менее строгом изложении: Louis Couturat, Les Principes des Mathématiques, Paris 1905. Зигель (C. Siegel) перевел на немецкий язык и опубликовал в VII Bd. philos.-soziolog. Bücherei: Die philosophischen Prinzipien der Mathematik, Leipzig 1908.

ОБЗОРЫ (1913/1914)

Избранные письма Канта. Отредактированные и объясненные Ф. Оманном

В этот избранный сборник включена примерно половина из 300 сохранившихся писем Канта, относящихся к восьмидесяти годам его жизни. К заключению редактор приложил еще «Стихи-размышления, заметки и последнюю волю». Примечания не стремятся дать философский комментарий, а лишь рисуют ситуацию, из которой выросли отдельные письма. Тем самым личность философа должна пластически проявляться «через ее непосредственные частные проявления».

Но найдут ли все это те, кто ищет, в наше время «культуры письма»? Разве эти письма не совершенно лишены поэзии, когда им не хватает замечательных, ярких и восхитительных черт, отличающих богатую внутренне личность? Несомненно, поскольку они написаны Кантом, тем самым, жизнь которого в действительности колебалась между двумя полюсами: его научными проблемами и мелочами с неудобствами его холостяцкой жизни. Но именно в неустанном самообразовании, в постоянной приверженности жизненному труду, в борьбе за то, чтобы выйти за рамки обыденности жизни, проявляется высокая этическая сила. Но это не означает, что ни об одном кантовском культе не должно быть сказано ни слова, где нельзя упускать из виду и недостатки его характера.

Итак, с научной точки зрения письма всегда остаются ценными, ибо дают полное жизни представление об истории создания, прежде всего, трех фундаментальных работ, трех критик, созданных Кантом.

Николай фон Бубнофф. Временность и отсутствие времени [основополагающая теоретико-философская противоположность в ее типичных проявлениях и в ее значении для современной философии]

Настоящая, чрезвычайно актуальная работа является ярким подтверждением своеобразного факта, что Парменид и Гераклит не могут умереть; без отображения возникает проблема: можно ли преодолеть разрыв между

вневременной реальностью абстрактной мысли и временной реальностью чувственного восприятия, когда мышление все еще пребывает в состоянии борьбы? В первой части своего трактата автор, тщательно избегая второстепенных вопросов, выделяет основные этапы развития исторической проблемы. Со времени смелых попыток Платона и Аристотеля разрешить эту проблему мы находим в истории элеатскую мысль как доминирующий элемент, который у Спинозы почти вновь обретает свою «первоначальную монументальность». Рационализм и английский эмпиризм, представляющие собой решительный толчок в духе Гераклита, Кант стремится объединить в своей системе с преодолением крайностей. Во второй части книги рассматриваются многочисленные проявления указанного основного противоположного положения (Лотце, Гуссерль, Ласк).

В этом контексте Больцано не должен был остаться незамеченным. В издании автором более подробно обсуждается оценочная теория. Поистине, он не видит в ней окончательного решения задачи. По крайней мере, в своем нынешнем виде она остается застрявшей в психологизме. С фон Бубновым придется согласиться и в отрицании радикального гераклитизма Бергсона.

Сам автор, насколько видно из его критических замечаний, движется по правильному пути решения проблемы. Этому, вероятно, будет в значительной степени способствовать более четкое разделение логической, эпистемологической и метафизической сторон вопроса.

Франц Брентано. Из классификации психических феноменов. Новое и значительно улучшенное дополнениями к соответствующим главам по психологии издание, с эмпирической точки зрения

Появление этого сочинения будет приветствоваться именно сейчас, когда в философии оживают течения, которые следует охарактеризовать как самостоятельные разработки и отчасти как существенные изменения брентановской мысли; поскольку, кроме того, в настоящее время сама психология стала проблемой и предметом, методом и классификацией. Превращение психологии в общую научную теорию может обсуждаться в более или

менее тщательных исследованиях. В то же время это сочинение предлагает замену, по крайней мере, частичную, труднодоступной сегодня «Психологии с эмпирической точки зрения» Брентано (1874). Хотя мы в некоторой степени компенсируем упущенное многочисленными сносками и приложением объемом более 40 страниц. Но именно ненаписанная 1-я книга и главы 2 и 3 из 2-й книги теоретически являются основополагающими для классификационных исследований Брентано и, следовательно, практически необходимы для полного понимания настоящего исследования.

Именно Брентано совершенно правильно классифицирует не по априорной схеме, а исходя из природы психических явлений. О них обычно говорят отсутствующие главы, определяя их как явления, «которые интенционально содержат в себе какой-либо предмет». Согласно Брентано, психическое отношение к чему-либо как к объекту может быть тройственным: тем самым выделяются три основных класса: представление, суждение и движение ума (чувство и воля).

Особую известность получило разграничение Брентано понятия, противостоящего суждению, и связанной с ним теории суждения. Но логик, подобно Брентано, не может видеть в психическом акте признания сущность суждения. Логика движется только в сфере смысла. Психология суждения может обрести свой целенаправленный ход только тогда, когда логика суждения обеспечена. И тогда классификация психических явлений, вероятно, тоже примет другое направление. Вообще, задача классификации будет отодвинута на второй план по сравнению с предшествующим феноменологическим исследованием «сознания». Но именно для феноменологии, на мой взгляд, Брентано предлагает сильное, хотя и не прямое, стимулирование и ценные указания, особенно в отношении «эмоциональных» переживаний, которые также менее изучены в психологии.

Из приложения, которое еще более четко связывает сочинение с современными проблемами, следует упомянуть раздел 10 «О попытках математизировать логику» и раздел 11 «О психологизме». Суждение о логистике и ее значении для реальных проблем логики стоит одобрить, но вместе с тем следует учитывать, что математическая логика вполне заслужила развитие общей теории отношений. Если Брентано возражает против того, дескать, он согласен с релятивистскими последствиями психологизма, то он прав. Психологом он все равно останется. Несомненно, «познание есть суждение», но суждение «не принадлежит психической области», по крайней мере, поскольку оно имеет познавательную ценность.

Шарль Сентруль, Кант и Аристотель

Сентруль, ученик Мерсье, представил данное исследование в расширенном виде Немецкому обществу Канта в 1906 году в ответ на свою первую призовую задачу: Кантовское понятие познания по сравнению с понятием у Аристотеля. Работа была отмечена наградами вместе с работой С. Айхера (Ergänzungshefte der Kantstudien Nr. 6, 1907 – Дополнительные сборники кантовских исследований). Это означает, что их научный характер признан, но отнюдь не исключает критики. Сентруль «не описывает, а излагает» (предисловие автора VI), правда, не без намерения «ясно показать превосходство Аристотеля над Кантом» (там же). Но следование этой тенденции невозможно без критики и оценки. Только сие и делает книгу интересной, выводя ее за рамки сборника цитат из Аристотеля и Канта к более свободной подаче материала и вниманию к проблемам. Понятное до последнего подробное описание невозможно при наличии доступного пространства. Заголовки глав могут лаконично указывать на уплотненность материала: Введение: краткий обзор кантианской и аристотелевской доктрин познания; Глава I: Реалистический догматизм Аристотеля; Глава II: Истина по Канту; Глава III: Чувственная реальность по Канту; гл. IV: Понятие априори по Канту и синтез опыта; Глава V: Метафизические идеи по Канту; Глава. VI: Метафизическая наука после Аристотеля. Приложение: Философия религии Канта. Несколько подробных замечаний о книге позволят лучше понять ценность исследования, нежели перечень краткого содержания.

Примечательно, прежде всего, что Сентруль противопоставляет Аристотелю всего Канта, а не только «Критику чистого разума». В связи с чем ценны гл. V и приложение.

Но еще до сопоставления двух мыслителей стоило бы задаться вопросом, возможно ли это вообще. Во всяком случае, Сентруль уделял слишком мало внимания разнообразной духовно-исторической среде, в которой находится каждый из обоих философов. Следствием чего оказалось то, что своеобразие кантовской постановки проблемы недостаточно четко сформулировано. Когда Сентруль пишет: «Тот [Аристотель] смотрел прежде всего на сущее, этот [Кант] – на действительное» (стр. 29), то правильно характеризует аристотелевское мышление, поскольку для Аристотеля предметы познания представляют собой готовые величины (вещи), которые должен воспринять разум. Таким образом, учение Аристотеля о познании (через теорию движения и первого движителя, см. стр. 27 и далее) с самого начала

сильно метафизически обременено и, в отличие от Канта (вопреки мнению Сентруля), гораздо более требовательно. Аристотель и Кант оба должны предполагать возможность познания того, что действительно происходит и что должно происходить в любой теории познания, которая изначально не противоречит здравому смыслу. «Опровержение» Канта историей об отпиливании ветки, на которой тот сидит, в противном случае (не у Сентруля) должно было бы когда-нибудь окончательно исчезнуть. Для Канта проблемой становится именно предмет познания (существующий не как реально существующий, а по своему смыслу) и, следовательно, познание предмета. Если уяснить себе смысл данной постановки вопроса, то можно понять, почему и как Кант «предполагает» математику и естествознание в соответствии с их применимым набором значений. Это требование, которое Сентруль выставляет в качестве догматического (стр. 9, 302, 317), выдвигается для того, чтобы во всей остроте сделать его проблемой, т. е. показать его обоснованность. Предположение стало бы догматическим лишь в том случае, если бы на нем, как на одном из непроверенных, основывались дальнейшие выводы. Но не в этом заключается суть трансцендентального вопроса; она остается в рамках предпосылки и стремится понять ее в ее конститутивных элементах. Проблема Канта (хотя и односторонне ориентированная на математику и естествознание) носит научно-теоретический характер; аристотелевская, напротив, носит скорее антропологический, индивидуально-психологический характер. Это существенное различие не устранено у Сентруля. Отсюда отсутствует четкое сопоставление аристотелевского и кантовского понятий объекта и объективности (стр. 319). Сентрулю теперь можно было бы сказать: да так ли уж точно все изложено, что сказанное соответствует смыслу кантовского вопроса? Я бы ответил на мысль, которую он написал об Аристотеле: «Аристотель не рассматривал непосредственно первое противоречие, содержащееся в понятии истины, но из его теории можно извлечь элементы, которые можно объединить в удовлетворительном ответе на проблему истины в этом смысле» (стр. 34, выделено из рецензии). Это оправданное и ценное более свободное толкование Аристотеля (стр. 34 и далее, 302 и далее) следовало бы также более решительно применить по отношению к Канту. У Сентруля в перечне литературы отсутствуют исследования Коэна, Штадлера, Наторпа, Виндельбанда и Риккерта (стр. XV). Можно отвергать «логику происхождения» «марбуржцев», но они внесли значительный вклад в построение правильного понимания Канта. Хотя «философский критицизм» Риля учтен, влияние

этого классического произведения невозможно обнаружить, особенно в решающих местах. Таким образом, субъективистско-психологическое толкование Канта, напоминающее Шопенгауэра (стр. 9, 11 и далее, 32 и далее, 110 и далее, 123 и далее, в том числе 317 и далее), слишком строго отграничено; но как Сентруль может примирить с этим правильное воззрение на то, что метагеометрия не является возражением против Канта: последнее, признаться, мне непонятно (стр. 246 и далее).

Я хотел бы обратить внимание коллег на теорию суждения, которую Сентруль развивает в своей книге (главы I и II) вслед за Аристотелем. Сентруль, ясно осознавая главное значение суждения, со всей остротой выявил антиномии в проблеме истины «…либо у нас есть два звена сравнения, требуемого для установления истины, а именно мысль и вещь, но без возможности сравнения, либо у человека имеет место реальное сравнение, но не между желаемыми звеньями» (стр. 43). Сентруль стремится разрешить первую антиномию введением «онтологической истины» и все же каким-то образом объединить реальность и разум. Онтологическая истина – это тождественное отношение между «вещью, которая есть» и «тем, что она есть» (стр. 51). Логическая истинность суждения (как тождественного отношения между S и P) заключается в «единообразии … с онтологическим» (стр. 53). Суждение истинно «в силу его соответствия объективной противоположности, которая, в конце концов, является каким-то образом обязательно является самим существованием [реальностью]» (стр. 62, примечание 1).

Здесь, на мой взгляд, совершенно отчетливо проявляется проблемный характер «онтологической истины». Что значит: объективное противоположное звено? На чем основана объективность? Онтологическая истина не решает проблему, а лишь усугубляет ее во второй раз (ср. стр. 70). И является ли концепция суждения устойчивой как отношения идентичности? «Бытие» связки, понимаемое «как признак объективного тождества» (стр. 78), абсолютизирует «отношение» (тождество) в направлении суждения. Не следует ли подвести итог еще дальше? Разве основной характер связующего «бытия» не заключается в применении? Эта наиболее общая форма связки, выражающая в то же время конкретно-логическую реальность (или нереальность), получает, по моему мнению, свое значение только благодаря предикативному содержанию, так что именно с суждениями теснейшим образом переплетается многообразная полнота категориальной определенности. Отсюда проблему идеальной, математической предметности, осо-

бенно в ее сложном противопоставлении идеально-логически реальному, я считаю одной из сложнейших проблем, которую Сентруль еще не видит. Он подчеркивает только абстрактный момент субъективно общего (стр. 79 и далее, 98), упуская из виду главное: взаимосвязанный и конструктивный характер математической предметности. Логическая проблема начинается с математического «анализа». Для «проблемы истинности суждений реального порядка», решение которой Сентруль хочет только указать, насколько я понимаю, необходима тщательная ориентация на логический характер реальных наук. И как в области математически идеального понятие конструкции, я считаю конститутивным для естественных и культурных наук понятие связи, правда, со свойственной каждой специальной науке определенностью значения: естествознание (физика): связь движения; биология: организм; историческая наука: типы и историческое понятие времени. Научно-теоретическая установка по сей день отсутствует в аристотелевско-схоластической философии. Значит, Сентруль также не приходит к однозначному определению конечной цели познания. Как только «невыразимая индивидуальность» становится истинной реальностью (стр. 308), научными вновь оказываются лишь (обобщающие) общие суждения. И то, и другое правильно и неправильно. Общим в смысле всеобщности является любое научное познание, независимо от того, ставит ли оно своей целью представление индивидуального или общего. Существенной заслугой Риккерта является то, что он внес ясность в эти проблемы благодаря своим методологическим исследованиям.

С католической стороны у нас нет недостатка в тщательно научных, неотложных исследованиях Канта. Книга Сентруля знаменует собой значительный прогресс, и перевод с французского рукописи (с тех пор также появившейся в печати), сделанный Генрихом, можно рассматривать как реальное дополнение к немецкой аристотелевской и кантовской литературе. Хотя решение различных вопросов не удовлетворяет полностью, главная ценность исследования, на мой взгляд, заключается в том, что Сентруль не уклоняется от решения проблем, слишком часто прибегая к «здравому смыслу», а смотрит им прямо в лицо. Это должно обеспечить книге постоянное научное внимание.

Кант-Лайенбревье.
Изложение кантовских мировоззрения и жизненных взглядов
для неученого образованного человека –
из сочинений, писем и устных высказываний Канта.
Составлено Ф. Гроссом

Редактор удачно выделил и четко расположил отрывки из произведений Канта, которые раскрывают определенный нюанс в общедоступном тексте, тем самым подавая идею обеспечить подходящей пластичностью для «мирских нужд». Глава I («Знание»), затрагивая старую рационалистическую метафизику, противоречит ее основной идее трансцендентальной философии, объясняет ее метод в терминах математики и естествознания, завершаясь остроумными и часто саркастическими рассуждениями Канта о «науке и жизни – ученой академии». В главе II («Епифания») мы находим принципы критики способности суждения, в главе III («Вера») и главе IV («Действие») изложены известные религиозные и этические убеждения философа. Заключение («Жизнь») особенно ярко демонстрирует оригинальный немецкий и совершенно здоровый дух одинокого человека из Кёнигсберга. В «Последнем слове» Гросс представляет в значительной степени точную общую картину Канта и его положения в интеллектуальной жизни. Однако «Светский Требник» не должен давать нового импульса, к сожалению, усиливающемуся философскому дилетантизму. Истинное понимание Канта может быть достигнуто только путем «тщательного», но отнюдь не «скучного» изучения.

Предисловие к первому изданию «Ранних сочинений» (1972)

Во время написания этих ранних, в буквальном смысле беспомощных исследований, я еще ничего не знал о том, что затем угнетало мое мышление.

Тем не менее, они показывают путь, который в то время был для меня закрыт: в форме проблемы категорий – вопрос о бытии, вопрос о языке в форме учения о значении. Взаимосвязь обоих вопросов оставалась неясной. Пребывая в неведении, я даже не подозревал о неизбежной зависимости подхода к ним от господствующего положения учения о суждении для всей онто-логики.

Разумеется, в упомянутых разделах вопросов повсюду упоминался Аристотель, на текстах которого я пытался научиться мыслить еще до того, как были написаны достаточно неуклюже настоящие труды.

Я не мог осмелиться должным образом представить историческую связь средневековой мысли с Аристотелем.

Некоторые черты духовного мира, невыразимо определившие мои ранние начинания, описаны в краткой вступительной речи, произнесенной мной в 1957 году при приеме в Гейдельбергскую академию наук. В ней говорилось:

«На каждой остановке указанный путь для ретроспективы и выхода из предварительного видения предстает в другом свете, с другим тоном и вызывает другие толкования. Некоторые черты, правда, едва различимые для нас самих, ведут тем же путем через области мышления. Их облик отображен в небольшом сочинении «Проселок», написанном в 1947/48 гг.».

В гуманитарных гимназиях Констанца и Фрайбурга-в-Брайсгау в период с 1903 по 1909 гг. шло плодотворное обучение у отличных преподавателей греческого, латинского и немецкого языков. За это время вне школы на меня свалилось то, что должно было стать постоянным.

В 1905 году я впервые прочитал «Разноцветные камни» Штифтера. В 1907 году мой друг по отцовской линии с малой родины, будущий архиепископ Фрайбурга-в-Брайсгау доктор Конрад Грёбер вручил мне диссертацию Франца Брентано «О многообразном значении сущего по Аристотелю» (1862). Многочисленные, обычно более длинные цитаты на греческом языке заменили мне все еще отсутствовавшее издание Аристотеля, которое, однако, уже через год из библиотеки интерната стояло у меня на столе. Вопрос о простоте многообразного в бытии, который тогда был лишь неясным,

зыбким и беспомощным, оставался постоянным поводом для трактата «Бытие и время», опубликованного двумя десятилетиями позже, несмотря на множество превратностей, заблуждений и недоумений.

В 1908 году я нашел Гёльдерлина в сохранившемся до наших дней сборнике его стихов.

В 1909 году началось мое четырехсеместровое изучение теологии во Фрайбургском университете, которое в последующие годы было заменено на постижение философии, гуманитарных и естественных наук. С 1909 года я пытался, правда, без должного руководства, проникнуть в «Логические исследования» Гуссерля. Благодаря семинарским занятиям у Риккерта я познакомился с трудами Эмиля Ласка, который, выступая посредником между ними, пытался слушать и греческих мыслителей.

То, что принесло волнующее время между 1910 и 1914 гг., нельзя должным образом описать, а можно лишь указать на несколько избранных трудов: второе издание «Воли к власти» Ницше, увеличенное вдвое, перевод произведений Кьеркегора и Достоевского, пробуждение интереса к Гегелю и Шеллингу, поэмы Рильке и стихи Тракля, «Собрание сочинений» Дильтея.

Решающее и потому не поддающееся описанию словами определение для последующей собственной академической преподавательской деятельности исходило от двух людей, которых здесь по-особому следует назвать в память и с благодарностью к ним: один из них – профессор систематического богословия Карл Брейг, последний из представителей Тюбингенской спекулятивной школы, вдохновившийся полемикой с Гегелем и Шеллингом, придавший размах и пространство католической теологии; другой – историк искусства Вильгельм Фоге. Каждый час лекций этих двух преподавателей продлевал долгие семестровые каникулы, которые я постоянно и непрерывно проводил на работе в родительском доме в моем родном городе Месскирхе.

То, что в последующее время было удачным и неудачным на выбранном пути, ускользает от самовыражения, которое могло бы назвать только то, что не принадлежит самому себе. И это включает в себя все сущностное.

Я без колебаний, но с благодарностью принимаю предложение издателя этого нового издания господина доктора Клостермана; я также благодарен госпоже Д. Файк и господину университетскому преподавателю доктору В. Геррманну за тщательную проверку воспроизводимых текстов.

Фрайбург-в-Брайсгау, в марте 1972 г. М. Х.

УЧЕНИЕ О СУЖДЕНИИ В ПСИХОЛОГИЗМЕ

Критико-позитивный вклад в логику

Моим родителям

ПРЕДИСЛОВИЕ

Введение и само исследование вкратце говорят о том, к чему стремится настоящая работа. Возможно, как ни в одной другой науке, именно в философии первая попытка остается несовершенной. Это заложено в характере предмета, а также в возможном способе решения проблем. Как бы новичок ни старался постоять за себя, он остро нуждается в поощрении и руководстве. Так что я искренне выражаю сердечные чувства господину профессору Шнайдеру за любезную, постоянную заботу, проявленную им к данному труду. В неменьшей степени я остаюсь благодарным должником господина тайного советника профессора Риккерта. Ему я обязан видением и пониманием современных логических проблем. То, чем я обязан своим досточтимым учителям математики и физики, вероятно, покажут последующие исследования; точно так же я не позволю угаснуть влиянию господина тайного советника профессора Финке, который, с готовностью идя навстречу, пробудил во мне, неисторическом математике, любовь к истории и ее понимание.

ВВЕДЕНИЕ

Подъем психологических исследований, богатство их результатов сегодня неоспоримы. Но успехи не ограничиваются узкой областью психологии. Этические и эстетические исследования, педагогика и юридическая практика ищут углубления и разъяснения в психологии. И если рассматривать их понятие более широко, то современная литература и искусство также демонстрируют свое влияние на психологическое мышление. Так объясняется наименование «эпоха психологии». Отсюда неудивительно, почему общее влияние психологии распространилось и на философию, в частности, на логику как «учение о мышлении». Но соотношение здесь как раз обратное. Антагонизм между психологическим и трансцендентальным методами в рамках критического идеализма, точнее, *психологическая* интерпретация Канта, долгое время преобладавшая и поддерживавшаяся Шопенгауэром, Гербартом, Фризом, одновременно с развивающейся наукой о природе, стремящейся к мировоззренческим построениям, подняла психологию до неимоверного и всеобъемлющего значения, приведя к «натурализации сознания». Вопрос о кантовской интерпретации сегодня, вероятно, решен в пользу трансцендентально-логической концепции, которую с семидесятых годов прошлого века отстаивали Герман Коэн и его школа, а также Виндельбанд и Риккерт, хотя и не совсем в том же духе. Эта логическая кантовская интерпретация и *дальнейшее развитие* не только выявили подлинность «критики чистого разума», «коперниканского деяния» Канта со всей остротой; она, прежде всего, энергично подготовила к познанию логического как такового. Поэтому Наторп может с полным правом сказать, что «им [«марбуржцам»] не так уж много осталось узнать из прекрасных высказываний Гуссерля (в первом томе «Логических исследований»), которые мы могли только приветствовать» (1). Однако только что принципиальные и чрезвычайно удачно сформулированные исследования Гуссерля разрушили психологический барьер и дали начало разъяснению логики и ее задач. Отсюда можно считать занятие психологическими воззрениями праздной работой; да, тот, кто однажды «облек в плоть и кровь» логическое в его самостоятельности и отрешенности от психического, не откажется согласиться с понятным в своей остроте высказыванием Риккерта: «Устранение этого предрассудка [т. е. психологического], столь же распространенного, сколь и нелепого, принадлежит, однако, в лучшем случае логической пропедевтике» (2).

Но как только мы подходим к *особым проблемам* логики и хотим найти верное решение, становится очевидным, насколько здесь все еще преобладает психологический подход, насколько запутанными и разнообразными являются отправные точки и пути, которых чистая логика должна избегать. Эта защита от отклонений и рецидивов может быть достигнута только благодаря всестороннему знанию возможных психологических теорий.

Только в результате таких критических исследований понятие психологизма может быть точно определено по содержанию (3). В частности, *учение о суждении* стало предметом исследования потому, что в суждении, которое по праву считается «ячейкой», т. е. исходным элементом логики, наиболее четко должно быть выявлено различие между психическим и логическим, ведь из суждения вытекает собственно построение логики. Таким образом, слова Алоиса Риля можно было бы использовать в качестве девиза следующего исследования: «*Реформа логики стала реформой теории суждений*» (4).

Основное внимание – уже при изложении различных теорий – уделяется *способу постановки вопроса* о сущности суждения. Для того чтобы можно было единообразно рассмотреть связь этих четырех теорий с соответствующим решением, обусловленность этих четырех теорий другими, представляется полезным отдельное исследование четырех теорий. Это также показывает, что рассматриваемые психологические концепции суждения, хотя и совпадают, представляют собой различные разновидности психологизма. Форма этих изменений определяет порядок, в котором рассматриваются теории: В. Вундт исследует возникновение; Г. Майер – существование из актов, Т. Липпс – завершение процесса суждения. Фр. Брентано, который приходит к своей теории суждений через самую широкую постановку вопроса (классификация психических явлений), предваряет Липпса, поскольку учение последнего о суждениях наиболее близко подходит к чисто логическому и тем самым служит руководством к его изложению. Вторая глава пятого раздела не притязает на то, чтобы сказать последнее решающее слово в решении проблемы суждения, связанной с последними вопросами познания. Это было и остается «перспективой», первым шагом.

Наконец, еще предстоит обосновать, почему различные теории суждения представлены не во всех подробностях. Наряду с общим определением суждения, только негативное, имперсональное, гипотетическое и экзистенциальное суждения получили рассмотрение, поскольку представляют

наибольшую проблему для теории суждений и могут быть превращены в пробный камень любого определения суждения.

(1) Kant und die Marburger Schule. Bedin 1912, S. 6.

(2) Logos Bd. III (1912), S. 281.

(3) Ср. в Разделе V.

(4) „Logik und Erkenntnistheorie". Kultur der Gegenwart I, 6, 2. Aufl. 1908, S. 81.

I. РАЗДЕЛ
СУЖДЕНИЕ ВЫВОДИТСЯ ИЗ ОСНОВНОГО СВОЙСТВА АППЕРЦЕПТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УМА (ВИЛЬГЕЛЬМ ВУНДТ)

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Представление

[8] С самого начала логично предположить, что исследователь, столь заслуживающий внимания в области психологии, рассматривал проблему суждения только с точки зрения своей особенной и любимой науки. Но – помимо того, что Вундт не только однажды бегло ознакомился с логикой, но и написал полную «Логику», которая, как правило, входит в ряд классических исследований Лотца, Зигварта и Эрдманна – критическое исследование его теории суждений не может основываться на простых предположениях, равно как и на искусно подобранных цитатах, призванных доказать психологизм. Напротив, проблема суждения должна быть понята в ее индивидуальности и рассмотрена в соответствии с ее положением во всей логике.

§ 1. Суждение и его структура

Вундт приходит к своему определению путем дополнения и исправления субъективных и объективных теорий суждения. Суждение является его формой мышления, которая в субъективном понимании определяется скорее как «форма соединения или разделения понятий», либо скорее как «понятие единства или отношения между двумя различными понятиями» (1). Вундт считает эти общие положения недостаточными для того, чтобы отличать их от других понятийных связей. Точно так же объективное понимание, которое предполагает, что форма суждения является формой мышления, соответствующей реальной связи вещей, или что в суждении объективная значимость связи представлений достигается сознанием, ничего не дает для познания суждения как такового. Из аристотелевского определения не следует, что суждение – это утверждение, которое может быть

истинным или ложным, что для Вундта «представляет собой всего лишь тавтологию» (2).

Автор учитывает, что «утверждение, что суждение объединяет понятия или представления, по крайней мере, в отношении исходных выражений функции суждения, является неверным выражением» (3). Суждение не объединяет понятия, возникшие отдельно, а лишь выделяет понятия из единого представления. Истинное положение дел на самом деле определяется только формулой, которая характеризует суждение как «разложение общего представления на его составные части» (4).

С этим представлением о происхождении суждения из распада общего представления тесно связано объективное обоснование функции суждения. Перцептивные содержания делятся на составные части, относительно постоянные предметы выделяются из изменяющихся свойств и состояний; в рамках единого комплекса представлений различные части вступают друг с другом в различные отношения. Эти процессы проявляются в делении представлений, осуществляемом суждением. Однако приведенное выше определение суждения нуждается в расширении, чтобы применяться не только к содержанию восприятия, но и в равной степени к формам «абстрактного толкования». В соответствии с этим Вундт обычно определяет суждение как «разложение мысли на ее понятийные составляющие» (5). Всё суждение можно назвать аналитической функцией. «Суждение – это представление мысли, и для целей данного представления оно разбивает мысль на ее элементы, понятия. Не из понятий суждение слагает мысли, но мысли растворяют его в понятиях» (6).

Если объективные условия (контуры содержания возражений), упомянутые выше, и не играют недооцененной роли в возникновении функции суждения, то на самом деле на их основе невозможно объяснить двухчастную структуру суждения. Причина этого кроется в субъекте, точнее, в дискурсивной природе нашего мышления. Для этого невозможно одновременное осуществление нескольких связей представлений, но только в одном акте оно может перейти от одного представления к другому. Вероятно, теперь понятен единый ход «мыслительного акта», но суждение о замкнутом ходе ассоциативного ряда еще не осознано в его специфичности. Это удается только через снижение самосознания. Оно отделяется от изменяющихся содержаний сознания как нечто постоянное, и это фундаментальное различие между постоянным самосознанием и изменяющимся апперцепционным материалом теперь постоянно повторяется в области самого мате-

риала. Здесь мы сталкиваемся с относительно постоянными содержаниями сознания (объектами) и преходящими, изменяющимися представлениями (состояниями и свойствами). Этим объясняется, почему примитивное суждение предпочтительно перемещается между объектами и изменениями. В то же время настоящим доказывается необходимость разделения суждения на «две половины» – на понятие предмета и на понятие состояния или свойства.

Субъектом (подлежащим) суждения является предмет; свойство или состояние занимает место предиката (сказуемого). Правда, на ступенях более развитого мышления происходят категориальные сдвиги, т. е. понятия состояния или свойства, такие как «лежать», «иметь», становятся предметными понятиями «положение», «обладание». Эффективным моментом в этой перестановке форм понятий предстает грамматическая форма. Несмотря на это развитие, направленное на предметные понятия, основной характер суждения сохраняется, так что «субъект обозначает предмет мышления, которому в предикате противостоит переменная составляющая мысли» (7). Большее постоянство понятия подлежащего проявляется и в его грамматической форме существительного. Упомянутое категориальное смещение подобно подразделению субъекта и сказуемого имеет целью вывести мышление в область абстрактного и общего, в то же время обеспечив ему максимально возможную свободу движений.

Двухчастность суждения априори исключает совокупность как необходимый третий компонент. Связка является «поздним продуктом нашего мышления» (8); ибо изначально в языковых формах связки заключалось более содержательное значение. Но прежде всего следует отметить, что связка во всем своем развитии подчиняется предикату; она последний остаток его словесного значения и принадлежит ему в том смысле, что указывает на то, что термин, связанный с ним, «следует мыслить в предикативном смысле» (9). Но, несмотря на это ограниченное и подчиненное значение связки, логика снова и снова пытается сформировать суждения таким образом, чтобы связка выделялась отдельно. Это делается для того, чтобы создать связь между подлежащим и сказуемым особенно ясной. Но Вундт полагает, что нашел другую причину, которая «бессознательно» побудила логиков к этим лингвистическим преобразованиям. А именно, благодаря выделению связки понятие предиката всегда становится понятием предмета и затем относится к той же категории, что и понятие субъекта. Отсюда сравнение двух понятий становится прежде всего возможным; логика, проявляющая

большой интерес к соотношению этих двух понятий (предмета и предиката), например, логика подчинения, будет стремиться к созданию одной и той же категориальной формы субъекта и предиката. Тогда это сокращение все еще имеет особое значение для «суждений, в которых изложены общепринятые результаты познания» (10). Абстрактная словесная форма как раз «есть» и позволяет устанавливать отношение суждения между двумя предметными понятиями. Но в остальном связка становится вынужденной формой мышления, особенно в тех случаях, когда предикат содержит событие. Таким образом, в суждении «А есть В»: «есть» может предопределять равенство двух понятий или подчиненность В по отношению к А, или даже В как свойство А.

§ 2. Формы суждения

В противоположность случайности и непоследовательности в кантовской системе категорий, Вундт требует для классификации форм суждения принципы, которые присущи самому суждению. На основании трех (!) составляющих субъекта (подлежащего), предиката (сказуемого) и отношения между ними можно различать формы субъекта, сказуемого и отношения. В качестве подвидов «как раз в завершении» следует включить форму отрицания и модальности, которую Вундт суммирует как форму действительности. Изложенные во введении в соответствии с обоснованными принципами из форм суждения, различаемые и рассматриваемые Вундтом, в том числе имперсональное суждение (форма субъекта), гипотетическое суждение (форма отношения) и отрицательное суждение (форма действительности), должны быть представлены более подробно.

Обычный термин для неопределенного суждения: «бессубъектное суждение», грамматически «имперсональное», по Вундту, логически неверен, поскольку субъект не отсутствует, «а просто остается неопределенным» (11). Для этой неопределенности в языке есть «это» или флективный суффикс соответствующего выражения; эти формы речи применимы ко всем возможным предметам, следовательно, и к тем, которые мы по какой-либо причине оставляем неопределенными. Однако, если на место среднего рода приходит мужской или женский, то исчезает неопределенность. Обычно причину последнего следует искать в «незнании подлежащего (субъекта)», к которому следует отнести сказуемое (предикат). В частности, когда состояние или свойство короче или мгновенно должно быть выражено как

изменяющееся явление, субъекту не хватает более точной определенности. Наше внимание настолько поглощено происходящим процессом, внезапным изменением, что предмет, с которым происходят рассматриваемые явления, остается в темноте. Неопределенные суждения также должны соответственно дополняться, а не искусственно преобразовываться в экзистенциальное предложение; например, суждение «идет дождь» полностью определенно выражается благодаря словосочетанию «дождь идет из облаков». Субъект процесса, хотя и не характеризуется явным понятием объекта, тем не менее «концептуально мыслится в целом» (12). Вундт отвергает представление о рассматриваемых суждениях как о «зародышевых» или даже «простейших» (13) суждениях.

Гипотетическое суждение должно быть отнесено к группе форм отношений; и действительно, отношение может быть более точно определяться как отношение «зависимости». Задача суждения о зависимости вообще состоит в том, чтобы выразить природу зависимости между объектами опыта или понятиями. Оно делится на два или несколько суждений, связанных между собой. Основными звеньями являются не термины, а «под-суждения», которые сами по себе снова имеют понятийное отношение к содержанию. Одно суждение может быть названо определяющим, другое – определенным. Последовательность двух под-суждений не является однозначно и без исключения регулируемой. Логически закономерное суждение о зависимости строится тогда, когда детерминирующее суждение предшествует детерминированному; ибо это соотношение соответствует общей логике причины и следствия. Так будет, например, в суждении зависимости «когда предмет меняет свое место в пространстве, он движется»: изменение места ставится как условие, на основании которого возникает представление о движении внутри нас. Имеет ли место один и тот же субъект в обоих суждениях или нет, остается второстепенным. Лингвистическим выражением типа зависимости всегда является союз. Чаще всего мы сталкиваемся с лингвистической формой «если»: это означает, что в нас жива тенденция, отношение зависимости, которая изначально фиксируется преимущественно временными формами, выражаться через наиболее общее отношение зависимости. Тогда среди условных форм снова по-особому выделяется форма «логического обоснования», представителя которой мы встречаем в гипотетическом суждении. Широкое преобразование суждений о зависимости в гипотетическое суждение во многих случаях влечет за собой изменение смысла. Напротив, там, где «отношение зависимости можно рассматривать

как универсальное, независимое от особых условий восприятия пространства и времени» (14), всегда возможна замена гипотетической формы на особое отношение зависимости.

Вундт рассматривает проблему отрицания под общим названием «Формы обоснованности суждений» (15) и приписывает отрицанию сомнение и уверенность в суждении. Разделение на утвердительные и отрицающие суждения «не соответствует логической сущности функции суждения», ибо всякое суждение изначально и по своей природе является утверждающим.

Тем самым отрицание не может рассматриваться как «первоначальный акт суждения». «В нем подтверждается только способность, проистекающая из произвольного применения мыслительной функции, не желать суждений, так или иначе внешне представленных или уже образованных» (16). Следовательно, функция отрицания предполагает существование положительных суждений.

Поскольку различие между утверждающими и отрицающими суждениями оставляет «нетронутым» фактическое (положительное) содержание суждения, оно также не является и разделением суждений. По существу, в нем можно увидеть лишь «различение некоторых второстепенных мыслей» (17). Одобряя или не одобряя, принимая за истину или ложь, короче говоря, оценивая, поскольку к суждению всегда «добавляется» только нечто, логические условия отношения суждения никогда не могут быть выявлены. Если мы желаем последнего, то должны вернуться к «основным логическим функциям», позволяющим сначала свести понятия друг к другу в определенных соотношениях. И действительно, в отрицательном суждении действует такая основная функция – впрочем, она не отсутствует и в положительном – функция различения. По последней указанной причине отрицательное суждение не может исчерпать себя в отличительной функции, т. е. это еще не осознано во всем его существе как простое изъятие. Мы находим это только во «второстепенных положениях», сопровождающих отмену, но не все из них могут быть найдены и представлены логикой. Логическое исследование обращает свое внимание только на условия логических следствий, заложенных в самой отрицающей функции.

Логическое значение отрицания наиболее отчетливо проявляется в формах отношений суждений. В соответствии с двумя типами неопределенных концептуальных отношений Вундт различает два типа суждений об отрицательных отношениях: суждение об отрицательном предикторе и суждение об отрицательном разделении.

Первый тип представляет «наиболее распространенную и важную форму отрицания». В более общем плане суждение, которое дает отрицательный результат, является суждением о подчинении. Однако прямое указание на понятие, подлежащее переназначению, отсутствует; скорее, оно «более или менее ограничено лишь неопределенной дизъюнкцией по отношению к другому понятию, принадлежащему к тому же роду» (18). Тем не менее, посредством этой неопределенной дизъюнкции отрицательное понятие не должно быть отнесено к бесконечной области всех остальных возможных понятий, но при этом существует предпосылка, что отрицательное относится к более общему понятию вместе с положительным понятием. В суждении «этот дом невелик» я не хочу только отрицать величину, но и в некотором смысле заявляю о величине, которая все же должна оставаться неопределенной: «Таким образом, это негативно предиктивное суждение имеет значение неопределенно положительного утверждения» (19).

Логическим местом отрицания в указанном типе отрицательных суждений является не связка, а отрицание предиката. Предыдущее положительное суждение принималось в отрицательно предопределяющей форме суждения о подчинении. Во втором типе, отрицающих суждениях о разделении, эту роль играет суждение о тождестве. Суждению «свинец – это не серебро» предшествует утверждение «свинец – это серебро». Прежде всего, разделительное суждение применяется, когда мы хотим подчеркнуть, что два понятия являются несходными. Оные два понятия положительно даны рассматриваемому суждению, тогда как в первом типе отрицательных суждений предикат обычно остается неопределенным.

Далее, суждения о разделении отличаются от суждений о негативном предикторе тем, что они обратимы без изменения смысла: «свинец – это не серебро», «серебро – это не свинец». Стало быть, положение отрицания по отношению к подлежащему (субъекту) и сказуемому (предикату) является чередующимся, в то время как положение отрицания по отношению к связке остается постоянным. В разделительных суждениях отрицание, по-видимому, направлено «на составную часть, обеспечивающую связь понятий – совокупность: подобная взаимосвязь должна быть устранена возникающим отрицанием» (20).

Итак, из вышесказанного вытекает двойное «место отрицания» в отрицающем суждении. Оно привязано либо к сказуемому (предикату), либо к связке: «Напротив, отрицание ни в коем случае нельзя рассматривать как особый, самостоятельный элемент, стоящий рядом со связкой и остальными

составляющими суждения, как это следует из воззрения, приписывающего отрицающему суждению значение одного суждения над другим суждением» (21) (Зигварт).

(1) Logik Bd. I (1906), p. 146.
(2) Op. cit. p. 146.
(3) Op. cit. p. 146.
(4) Op. cit. p. 147.
(5) Op. cit. p. 148.
(6) Op. cit. p. 148 et seq.
(7) Op. cit. p. 152.
(8) Op. cit. p. 153.
(9) Op. cit. p. 154.
(10) Op. cit. p. 156.
(11) Op. cit. p. 166.
(12) Op. cit. p. 168.
(13) Ср. в Разделе II.
(14) Op. cit. p. 198.
(15) Op. cit. p. 200 et seq.
(16) System der Philosophie Bd. I (1907), S. 50.
(17) Logik I, S. 201.
(18) Op. cit. p. 205.
(19) System I, S. 51.
(20) Logik I, S. 210.
(21) Op. cit. p. 211.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Критическая оценка

§ 1. Имманентный анализ теории суждений Вундта

На протяжении всего развития своей теории суждений Вундт почти не затрагивает подробно существующие противоположные и расходящиеся точки зрения. Основная ценность для него явно покоится на замкнутом общем представлении, основанном на его общефилософских и научно-теоретических воззрениях, и только опираясь на них, можно будет дать соответствующую оценку его теории. Но исчерпывающей она становится только при проникновении в отдельные проблемы доктрины суждения. Отсюда, в свою очередь, можно получить точки зрения, которые окажут существенное влияние на оценку принципов.

Однако, прежде чем приступить к этой задаче, необходимо решить вопрос: на какую объяснительную ценность может претендовать теория суждений Вундта в области его логики, или, говоря иначе: достигает ли вообще последовательного осуществления первоначальная концепция суждения как «аналитической функции»?

Вундт уже выпадает из своего первоначального определения суждения в проблеме связки. Он объявляет связку несущественным компонентом суждения и придает ей логическое значение только в определенных случаях, т. е. благодаря исключительной логической важности. Таким образом, именно «абстрактная словесная форма [«есть»] позволяет прочно установить отношение суждения между двумя предметными понятиями». Отсюда два понятия, необязательно данные в общем представлении, могут становиться связанными друг с другом. Значит, связка делает возможным произвольный синтетический процесс – разумеется, обусловленный и нормированный содержанием предметных понятий. С другой стороны, суждение, по существу, есть «разложение мысли на ее понятийные составляющие». Однако следует ожидать, что этот аналитический характер будет присутствовать как неотъемлемая черта каждого суждения.

В неопределенном (имперсональном) суждении внимание сосредоточено на процессе, выраженном в сказуемом (предикате); субъект обыч-

но неизвестен, отсюда и его неопределенность. Суждению «вспыхивает» предшествует «общее представление» о мерцающей вспышке. Разложение сего понятия должно привести к суждению. Его можно было бы разделить на «это» (!) и «мерцание». Итак, что же такое «это» в качестве материала представления? Только Вундт учитывает, что «в целом» субъект остается неизвестным; следовательно, может быть дан один предикат, процесс вспышки. Отсюда разложение – до тех пор, пока одно из таких двух звеньев принадлежит другому или, скорее, вытекает из него – вообще не будет осуществимо при неопределенном суждении. Очевидно, что это суждение не может быть «аналитической функцией».

Однако наш вывод, по-видимому, подкрепляется замечанием, что субъекты рассматриваемых суждений, «хотя и не определяются указанием какого-либо отдельного понятия предмета», но «в целом мыслятся понятийно» (1). Вероятно, поэтому они не выделяются из общего представления путем разложения, а *привносятся, добавляются*. Таким образом, мы, очевидно, снова сталкиваемся с *синтезом*, воплощающим в себе полную противоположность фундаментальному определению Вундта.

Приведенное замечание Вундта также не в силах поколебать вышеизложенного возражения о том, что данный материал вообще недостаточен для разбора.

В этой связи следует отметить тот своеобразный факт, что Вундт не рассматривает суждения об экзистенции, которые противопоставляются предшествующим суждениям как «лишенные предикатов», тогда как этот феномен суждения не имел значения, до сих пор играя второстепенную роль в логике. Но в этом случае экзистенциальных суждений становится еще более очевидным, что «аналитическая функция» не находит поля деятельности, поскольку в общем представлении, которое должно быть разложено, отсутствует предикат «существование».

Подобно тому как аналитическая функция возможна при неопределенном суждении и при экзистенциальном суждении, она оказывается таковой и при *гипотетическом* суждении. Гипотетическое суждение призвано выражать зависимость, существующую между различными понятиями. Но установление отношения первоначального следствия никогда не может быть достигнуто путем *анализа*.

При отрицательном суждении нельзя спрашивать, как и действенна ли вообще в нем «аналитическая функция», поскольку Вундт объясняет всё различие между положительными и отрицательными суждениями как

лежащее вне суждения. Однако с этим нелегко согласовать утверждение, что суждение является «утвердительным по своей природе». Различие между положительными и утвердительными суждениями, которое действительно возможно, тщетно ищут у Вундта. Во всяком случае, такие зыбкие положения свидетельствуют о несбалансированности теории суждений. То же наблюдение следует сделать и в вопросе о логическом месте отрицания. Учитывая фундаментальное значение отрицания, это должно вызывать недоумение. Реальное объяснение этому появится позже.

Из вышеприведенного имманентного анализа основного определения суждения в его отношении к проблеме связки, к неопределенному экзистенциальному, гипотетическому и отрицательному суждению следует: *объяснительная ценность вундтовского понимания суждения для специальных проблем суждения сводится к нулю*.

Если это утверждение и поколебало первоначальную определенность теории, то оно не может быть уже отвергнуто как непригодное для логики. Напротив, все рассуждение, по-видимому, само по себе совпадает; ибо Вундт в своем определении имеет дело с «возникновением» суждения. Он прямо говорит, что более простые мыслительные акты, как и более сложные, появляются в результате разложения общих представлений на их составные части. Вскользь заметим, что Вундт в мгновение ока определяет суждение, возникающее в результате разложения, как само разложение.

Но критический вопрос настоящего исследования принципиально ставится только тогда, *когда тип и способ, коими Вундт получает определение суждения*, сам смысл его постановки проблемы становятся проблемой. Если постановка проблемы Вундтом окажется ошибочной, то его теория суждений как логическая не может быть поддержана. В то же время этим обнаруживается подлинная причина несоответствий, с которыми сталкивается имманентная проверка доктрины суждения.

§ 2. Доказательство и оценка психологической проблематики в вундтовской теории суждений

Формальная логика, по Вундту, оставляет невыполненной «главную задачу науки о формах и законах мышления». Для нее понятия и суждения рассматриваются только как составные части умозаключений; она не отдает себе отчета в «способе возникновения» этих форм. И все же исследование того, как эти формы мышления получают свое назначение от

природы нашего действительного познания, входит в круг задач научной логики. Эта «психологическая история развития мышления» может быть включена в исследование об основах познания (2).

Данный генетический анализ неоспорим, если учесть, что «логическое мышление» все же вплетено в контекст психических переживаний. Однако эту взаимосвязь в целом, по Вундту, должна решать психология; тогда как логика должна быть заинтересована в выделении особенностей, обусловливающих особый характер логического мышления.

Логическое содержание мышления, с которым мы впервые сталкиваемся после Вундта, суть представления и их связи. Ведь сами по себе аффекты и волевые акты в равной степени являются содержанием нашей психической жизни. Причина, по которой рефлексия обращается именно к представлениям, обладает своим известным психологическим основанием. Все человеческое мышление сначала обращается к объекту, и только гораздо позже размышление переходит к «природе мыслящего субъекта». Итак, изначально для нас представления на самом деле являются объектами. Этим объясняется, почему логика изучает преимущественно те мыслительные акты, которые «составляют часть процесса воображения». Причем Вундт понимает под представлениями объектное содержание сознания вообще; тем самым он отбрасывает ограничение обозначения представлениями о памяти. Итак, каковы отличительные черты мышления? Мышление есть прежде всего «субъективная деятельность» (3), не бездействующий объект, а «вечное действие». Само по себе наше представление, чувство, желание не меньше основывается и на собственной деятельности субъекта. Отсюда не следует говорить, что мышление предстает одним из видов субъективной деятельности, присущих упомянутым формам. Воображение, чувство и желание как раз и слагают составные части мышления: «Значит, мышление не является каким-то особым событием наряду с другими переживаниями, но все его своеобразие может быть основано лишь на том, каким образом в нем соединяются общие элементы сознания» (4).

Тем не менее, чувство и желание как переживания субъекта, не имеющие отношения к внешним вещам, находятся друг с другом в более тесной связи, чем с воображаемым. Каждый волевой акт есть комплекс чувств; и особенно важны те чувства, которые сопровождают действие и его непосредственные результаты; их связь означает то, что мы знаем как «я». «Я» – это «связь … чувств деятельности» (5). На основании данного отношения всего мышления к «желающему “я”» все мышление представляется «самосозна-

ющей деятельностью». Благодаря этой второй особенности мышление становится более близким, но не детализированным полностью. Волевые действия также самосознающие, и, следовательно, мышление еще не отделено окончательно от всех «субъективных процессов». В то время как внимание позволяет понять содержание, мышление связывает различные содержания. Мышление, в конечном счете, «связующая деятельность» – функция того же рода, что и внимание, но означающая более высокую ступень.

При характеристике мышления можно было бы придерживаться исключительно соответствующей деятельности и пропустить первые два признака как несущественные. Но есть и связанные функции, которые нельзя назвать актами мышления, переплетениями представлений, которые как бы даны нам, и которые совершаются непроизвольно – ассоциации. В противоположность им мышление представляет собой произвольный акт, возникающий из самосознающего субъекта, в первую очередь создающего отношения. Общим источником, из которого возникают самодеятельность и связующая функция, является апперцепция; и Вундт называет связи представлений, возникающие в результате сих действий, апперцептивными (6), в отличие от непроизвольных ассоциативных.

Несмотря на принципиальное различие ассоциативной и апперцептивной функции, две формы связи представлений остаются все же тесно связанными. Ассоциация является незаменимым фактором для получения представлений в сознании, поскольку она обеспечивает кратковременность чувственных впечатлений и позволяет им вновь осознаваться. С другой стороны, каждая ассоциация находит свое полное объяснение только через апперцептивный момент. Таким образом, то, что в «слиянии» преобладающие ощущения выделяются и попадают в поле зрения сознания, следует называть эффектом апперцептивной деятельности; точно так же усвоение определенных репродуктивных элементов представления из множества таковых обусловлено определенным направлением сознания. Эту форму апперцептивной деятельности Вундт называет пассивной, поскольку она является результатом готовых ассоциативных форм и «внешних воздействий». Однако если волевой акт, направляемый общим состоянием сознания и мгновенным направлением чувств, решает, какое представление следует поместить в поле зрения сознания, то возникает активная апперцепция.

Теперь мы подошли к тому моменту, когда логическое мышление должно быть включено в круг рассмотрения. Ибо это создает «составную часть произвольного хода мысли» (7). В вышеизложенном была отмечена лишь

основа, на которой покоится логическое мышление; в то же время все подготовлено для доказательства того, что взвешенное суждение, как его определяет Вундт, воплощает только психологическую природу логического мышления.

Названную активную апперцепцию можно рассматривать с точки зрения, сходной с ассоциацией. Одновременные апперцептивные связи приводят к общим представлениям. Так называется производное, в котором «несколько представлений объединяются в одно новое, имеющее более сложную природу» (8). Вундт выделяет три формы одновременных связей: более свободную, агглютинацию, при которой последовательно даются объединенные частичные представления, которые впоследствии в целом оформляются в новое представление. При этом части в большинстве случаев все еще четко различимы (командующие). В процессе синтеза представлений исходные элементы выступают лишь как «модифицирующие компоненты». Третью и наиболее важную форму представляют понятия.

Здесь мы ограничимся изложением и краткой характеристикой одновременных форм; причина, по которой мы воздерживаемся от более подробного обсуждения, будет объяснена позже. Ясно, откуда взялось явление «общего представления», играющее роль в понятии суждения.

Вторая форма апперцепции активного характера ведет к развитию хода мысли. В то время как последовательная ассоциация протекает без определенных ограничений, в апперцептивной деятельности действует закон бинарного разделения мыслей. Каждый ход мыслей самодостаточен. Целостность и внутренняя взаимосвязь частей содержат указание на то, что они возникают из общего представления. Ход мысли, в более широком смысле, возникает в результате разложения, и это подчиняется закону деления на две части. Пока в понятии выделяется только одно господствующее представление, в суждении, как в одном делении, расчленении, необходимы два. Действие указанного закона ясно отражается в категориях грамматического синтаксиса, т. е. в главном делении: подлежащее и сказуемое; подлежащее снова распадается на существительное и атрибут. Наиболее важным грамматическим звеном, несомненно, является предикативное: «Само по себе оно опосредует простейшее последовательное мышление» (9). Следовательно, в предложении дается «лингвистический» эквивалент основной логической функции суждения (10) и для логики.

Теперь, вероятно, стало очевидным, что определение суждения Вундта не «витает в воздухе»; скорее, его необходимость подтверждается

генетическим анализом. В то же время признается неизбежность такой предварительной работы для логики в целом.

Таким образом, мы оказались бы сейчас перед решающим вопросом: является ли этот анализ точным и, следовательно, гарантированным определением суждения как неопровержимого результата? Разве другой анализ не мог бы привести к другим результатам, разве не существует психологии мыслительных процессов, которая не согласуется с Вундтом? (11) Хотя результаты различных аналитических исследований мышления могут совпадать или расходиться, логик должен поставить гораздо более принципиальный вопрос: необходимо ли для логики исследование, подобное тому, которое проводил Вундт? И этот вопрос нужно радикально отрицать. Если даже совокупность логических знаний в отношении суждения не увеличивается, если я знаю, как процесс суждения развивается из процесса представления, то тем более ошибочно сводить результаты психологического анализа к основным определениям логики. Психологизм остается психологизмом, если логическое суждение рассматривается как психический процесс, а его сущность выводится из природы нашего разума. Или на чем основан фундаментальный закон разделения на две части? Вундт говорит об этом с желательной ясностью: «только в общих свойствах апперцепции» (12) оно может найти свое объяснение. Апперцепция по существу является волевым актом (13), пассивная и активная апперцепции суть «формы внутренней волевой деятельности» – «однотипные процессы» [v. Vf. gesp.]» (14). Психологический анализ, каким бы глубоким и всесторонним он ни был, никогда не сможет дать результата, пригодного для логики, поскольку он с самого начала стремится к предмету, лежащему вне логики. Убедительное возражение, что логическое мышление все же является составной частью нашего психического опыта, полностью отпадает именно потому, что логика никогда не сможет создать «психические переживания» как психические реальности объектом своего исследования. Логика не имеет никакого отношения ни к «процессам», ни к «психологическому происхождению» их явлений.

Наш тезис о том, что теория суждений Вундта является психологической, а не логической, и, как следствие, логика попадает под влияние психологии, отнюдь не опровергается явным замечанием Вундта о том, что логика не должна быть «отдана на откуп» психологии. Вундт прямо отделяет задачу логики от задачи психологии; он выделяет особенности логического мышления и утверждает различие психологических и логических законов мышления. Само по себе, его различия не всеобъемлющи и не

соответствуют полной неоднородности психического и логического. Критический анализ этих различий и попыток разграничения должен не только выдвигать возражения против нашего тезиса, но и способствовать еще большему укреплению его правильности.

Психология должна показывать действительный ход мысли; логика же, согласно Вундту, является нормативной наукой; она стремится установить, как должен протекать ход мысли. Откуда берется нормативный характер, в чем заключается законодательная сила норм? Нормативный характер вытекает из «выдающейся ценности», которую логическое мышление имеет для нашего сознания. Эта ценность есть факт внутреннего опыта; следовательно, психология должна дать о ней отчет. Три характеристики, придающие логическому мышлению первостепенное значение перед другими «процессами», – это спонтанность, очевидность и общность.

Характеристикой спонтанности Вундт хочет выразить то, что мы только что узнали, поскольку мышление есть «волевое действие», «внутренняя деятельность, определяемая мотивами». С активной апперцепцией связано «чувство», что последняя предстает свободным действием и, следовательно, подчиняется мотивам.

И здесь логическое истолкование рассматривается не иначе как деятельность; то, что оно представляет собой «высшую» духовную деятельность по отношению к механически и часто нерегулярно протекающим ассоциациям, не подлежит и легкому сомнению. Но при этом также не выявлено ни одной черты, которая определяла бы наше мышление как «логическое» и могла бы обосновать его нормативный характер.

Мышление больше, чем другие «психические функции, обнаруживает «внутреннюю необходимость», на основании которой мы приписываем его связям непосредственную определенность. Следовательно, не процессам можно приписать очевидность, внутреннюю необходимость, а только результатам мышления. Достоверность результатов является источником логической достоверности. Следовательно, доказательства никогда не могут быть даны отдельным понятиям, а всегда возникают только из понятийных связей. На чем, собственно, основана внутренняя потребность в результатах? Способ обнаружения, обретения уверенности может быть непосредственным, иными словами, озарением сразу после завершения мысли, или он может быть опосредованным, производным только от других мыслительных актов. Непосредственное доказательство основано на созерцании, но само по себе оно еще не является доказательством.

Для этого всегда требуется «связующая мыслительная деятельность»; именно в отношении простейшего содержания опыта мы можем получить наименьшее количество доказательств, например, в отношении равенства, поскольку в представлении две вещи никогда не бывают «полностью тождественными» (?). С другой стороны, связующее мышление может воздерживаться от того, что не поддается сравнению. Созерцание является лишь случайной причиной доказательства. Все наши доказательства обусловлены свободно связывающей деятельностью мышления (16). Когда мышление связывает созерцательные содержания и признает эти отношения объективными, тогда очевидность искажается. Таким образом, это можно определить как «опосредованное сравнительным мышлением отношение друг к другу эмпирических содержаний, данных как во внешнем, так и во внутреннем восприятии» (17). Отсюда отношение является логическим и отличается от психологических связей (ассоциативных связей) тем, что оно возникает в результате сравнительного мышления. Логическое мышление должно характеризоваться свойством доказательности как самоценного, и эта внутренняя необходимость вытекает именно из логической мыслительной деятельности!

Но за доказательностью, логической связью необходимо стоит постулат о том, что объекты мышления сами находятся в отношениях, адекватных связям сравнительного мышления. И этот постулат сводится к «самоочевидной предпосылке», что мышление не может вступать в противоречие со своим собственным содержанием, что оно согласуется с самим собой. Эта предпосылка находит свое объяснение в «непрерывном согласовании законов мышления друг с другом» (18).

Можно коротко сказать: Вундт переносит доказательства в организацию нашего разума; законы мышления для него – не что иное, как «законы воли» (19); то, что они гармонируют, основывается именно на закономерности нашей психической природы (20). На этом пути могут быть представлены не нормы и их законное право, а только факты. Ядро логического и его собственная закономерность по отношению к психологическому ходу мышления тем самым не затрагиваются даже самой чертой этого «доказательства». Вундт остается в сфере психологии.

Рассматривать понятие доказательства как таковое значило бы слишком далеко уводить от темы, если не стало бы заметным, что понятия достоверности, внутренней необходимости, очевидности не имеют одинакового значения.

Третья характеристика логического мышления, всеобщность законов мышления, как субъективных, основана на доказательствах; она гласит, что «одни и те же законы сохраняются для всех, кто думает, что они имеют значение» (21). То, что очевидно для нас самих, мы придаем обязательной силе и для других, как только можем предположить, что у них соблюдены условия для совершения мыслительного акта.

Под объективной общностью законов мышления Вундт понимает их полную применимость ко всему, что входит в наш опыт. Объекты познания потому и совместимы с логическим мышлением, что последнее обязано своим доказательством именно тем отношениям, которые даны нам с предметами опыта. Выше доказательства были обоснованы постулатом соответствия объектов мышлению. Здесь, наоборот, соответствие объясняется доказательствами!

Таким образом, никакого обоснования вообще не возникает, но Вундт в лучшем случае движется по кругу. Последней причиной этого является не что иное, как представление о том, будто законы мышления суть законы фактов, заложенные в природе нашего разума.

Тем не менее, как Вундт определяет различие между психологическими и логическими законами мышления? Выше отмечалось, что они являются законами воли; Вундт называет их «функциями, заложенными в нас» (22). Однако сущность функции всегда может быть познана только из ее действия; только из данного действия можно вообще заключить о существовании функции (23). Следовательно, функция понимается здесь не в математическом смысле как содержание мысли, как отношение зависимости, а как деятельность, процесс. Закон вообще обобщает «группу однородностей бытия или события под общим выражением» (24).

Главные законы являются основой всех «особых закономерностей» (25). Вундт говорит еще яснее, что каждая аксиома «устанавливает не только закон, применимый к определенному содержанию мышления, но скорее правило, которому следует само наше мышление в любой логической деятельности» (26). Законы мышления и закономерности мыслительного процесса суть синонимические выражения (27).

Итак, откуда же проистекает их нормативный характер? Посредством этого момента они отличаются от психологических законов мышления. Поскольку некоторые психологические связи мышления обладают доказательностью и всеобщностью, мы вообще можем подходить к нашему мышлению с требованием, чтобы оно соответствовало условиям доказательности и всеобщности. И эти условия Вундт называет нормами мышления (28).

Логические законы нельзя полностью отделить от психологических; последние всегда образуют более всеобъемлющую форму.

Для нашей проблемы это означает, что логика и ее нормативный характер в принципе остаются в психологии (29), что Вундт нигде не продвинулся к собственно истинному предмету логики и, следовательно, не нашел «закономерности» логического в его первоначальной природе, не говоря уже о том, что он резко отошел от психологической закономерности происходящего.

Подобный результат проливает яркий свет на нашу реальную проблему. Теперь мы знаем, что Вундт рассматривает суждение, как и все логическое, в качестве процесса мышления. Если он считает необходимым предварить «историю развития» своего реального рассмотрения логических проблем, то она не предназначена для объяснения психологической стороны суждения, но результат психологического анализа без изменений переносится в логику для установления фундаментального определения суждения. Психологическая концепция суждения должна была теперь стать для Вундта необходимым препятствием при объяснении отдельных форм суждения. Определение, полученное генетическим путем, не может быть согласовано с необходимыми положениями рассматриваемых специальных суждений, поскольку здесь проблема ставится не с точки зрения происхождения, а скорее с точки зрения смысла с его сквозным значением.

(1) Op. cit. p. 168 et seq.
(2) Logik I, S. 2.
(3) System I, S. 27. Ср. Logik I, S. 14.
(4) System I, S. 28.
(5) Op. cit. p. 31.
(6) Logik I, S. 14.
(7) Op. cit. p. 33.
(8) Op. cit. p. 34.
(9) Op. cit. p. 56.
(10) Op. cit. p. 62.
(11) Ср. Untersuchungen der “Würzburger Schule”.
(12) Logik I, S. 5.
(13) Op. cit. p. 32. Апперцепция – это «процесс, посредством которого какое-либо психическое содержание доводится до ясного понимания». Grundriß der Psychologie 1911, S. 252.

(14) «Таким образом, вся эта действенность воли проявляется в связях представлений, находящихся под ее влиянием». System II, S. 151.

(15) Ср. Logik I, S. 76.

(16) Ср. op. cit. p. 80 et seq.

(17) Op. cit. p. 83.

(18) Op. cit. p. 419.

(19) Op. cit. p. 75.

(20) Все, что происходит в уме, управляется имманентной логикой. Ср. System II, S. 75.

(21) Op. cit. p. 84.

(22) Philosophische Studien, Band VII (1892), S. 21.

(23) Op. cit. p. 26.

(24) Logik I, S. 548.

(25) System I, S. 59.

(26) Logik I, S. 551.

(27) Ср. Wundt, Logische Streitfragen. Vierteljahrsschr. f. wiss. Philos. Band VI (1882). Вундт полностью согласен с Липпсом, который считал законы мышления законами природы: «… что естественная закономерность мышления сама по себе ведет к определенным нормам, которые теперь, как правила правомочного мышления, противостоят общим психологическим расстройствам [!], делающим мышление неправильным». Op. cit. p. 345.

(28) Logik I, S. 88.

(29) Вундт в своей «Логике» (стр. 16, примечание), считая, что это «выходит за рамки цели данного изложения», отказывается от обсуждения спорного вопроса о соотношении логики и психологии и довольствуется ссылкой на соответствующую литературу.

В эссе «*Психологизм и логицизм*» [ср. Kleine Schriften Band I (1910), S. 511–654] проблема рассматривается скорее с точки зрения историко-генетической стороны, нежели с принципиальной. В своем заключении Вундт останавливается на мыслях, с которыми мы столкнулись в его логике.

То, что Вундт мыслит в основном психологически, хотя это и скрыто осторожностью в выражениях, также может свидетельствовать о его кантовском мировоззрении;

Вундт хочет дополнить Канта тем, что он пытается объяснить априорность, «похожую на выстрел из пистолета», снижением до «логических функций».

«Чем не должен быть для нас Кант?»

II. РАЗДЕЛ

СУЩНОСТЬ СУЖДЕНИЯ ИССЛЕДУЕТСЯ В ДЕЙСТВИЯХ, СВЯЗАННЫХ С СУЖДЕНИЕМ УЧРЕДИТЕЛЬНЫЕ АКТЫ (ГЕНРИХ МАЙЕР)

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Представление

Теория суждений Г. Майера не встречается нам как системное звено замкнутой, построенной логики. Майер руководствовался другой научной задачей, необходимой для построения его теории, обстоятельство, которое будет иметь большое значение для критической оценки.

До сих пор исследовательский интерес психологии и, в еще большей степени, почти непрерывный интерес логики был связан с когнитивной, познавательной стороной деятельности ума. В своей «Психологии эмоционального мышления» Майер стремится воздать должное оставленным областям науки (1). Эмоционально-практическая сторона духовной жизни, наиболее оригинальные проявления которой можно найти в «представлениях о чувствах и желаниях», включает мышление, «действенное в образах представлений аффективного воображения, как и в мире целей, норм, ценностей и благ, и наиболее характерное для нас в эстетическом созерцании, в религиозной вере, в традиции, праве и морали» (2).

Но эта аффективная, волевая мыслительная деятельность уже предполагает определенную степень представлений, выработанных умом в результате опыта. Но опыт заключает в себе познавательную мыслительную деятельность, это нечто иное: познавательное мышление означает рассудочное мышление. Тем более что теперь, когда в этом мышлении наиболее четко и полно проявились логические формы, их изучение необходимо тем более, что они, хотя и в определенных модификациях, преобладают над всей областью эмоционального мышления. Тот, кто хочет с успехом проникнуть в «логическую структуру эмоциональных представлений», вряд ли сможет обойтись без анализа элементарной функции суждения. Майер считает

выполнение данного требования неотложным не в последнюю очередь потому, что сам анализ «еще не нашел удовлетворительного решения» (3).

В соответствии с ограничением нашей задачи, исследование направлено только на собственно теорию суждений. Конечно, нельзя полностью исключать из обсуждения и эмоциональные акты мышления, поскольку они также, согласно Майеру, относятся к области изучения логики (4), и некоторые проблемы могут быть решены только при внимательном рассмотрении взаимосвязи между когнитивными и эмоциональными актами мышления (5). Но в зависимости от того, как следует разуметь логику и, более конкретно, суждение, должно быть понято, решение по приведенным воззрениям Майера не может быть принято.

§ 1. Суждение

Если необходимо получить четкое представление о сущности суждения, то прежде всего следует перейти к самой первоначальной и примитивной форме суждения. Традиционная логика со времен Аристотеля издревле использовала грамматическую форму полного предложения для доступа к образному типу суждения. Даже психология в этом вопросе пала жертвой сильного влияния логической теории. Нормальное суждение состоит из представления субъекта (подлежащего), представления предиката (сказуемого) и связки, полностью совпадая с несокращенным высказываемым предложением. Однако Майер отмечает, что уже грамматически ориентированная теория суждений столкнулась с основными проблемами, требующими раскрытия смысла «бытия» в суждении и того, выражается ли в суждении уравнение или отождествление представлений субъекта и предиката, и дальше, в какой степени и каким образом суждение утверждает «действительность» бытия.

Все эти проблемы до сих пор занимают теории суждений, расходящиеся в самых разных направлениях. При всем многообразии господствующих здесь воззрений возникает вопрос: в чем причина сей путаницы? Майер утверждает два момента: как только мы начинаем с грамматически полного предложения, а затем придерживаемся мнения, что представления сами по себе никогда не могут быть ни истинными, ни ложными, эти предикаты применяются только к соединениям представлений (6).

Теория суждений Брентано (7) со всей силой стремится освободиться от последнего предрассудка, показывая, что «объектами суждений» могут

стать как изолированные представления, так и связи представлений. Но, несмотря на несомненный прогресс, она, по мнению Майера, все же возвращается к старому предрассудку. О том что представления (восприятия, образы воспоминаний, понятия) совершенно нейтральны по отношению к предикатам, истинным или ложным – таково было как раз мнение Аристотеля. Связь представлений теперь вводится только в новой форме, в той мере, в какой она соответствует истинному или ложному. Ложность сводится к соединению представления с представлением о бытии.

Теперь уже должно быть ясно: стремление Майера направлено на то, чтобы устранить заблуждение, согласно которому основная форма суждения заключается в искажении представления. Исторические истоки для теории суждения, стремящейся вернуться к первоначальной форме, можно найти в стоическом учении о συγκατάθεσις и в теории веры у Юма (8). Совершенно «очевидные соображения» уже должны вести к познанию элементарного суждения. Общепризнанной является правильность этой мысли: все познающее есть суждение. «Основой суждения «солнце светит», несомненно, является восприятие. Однако само восприятие, чтобы служить основой, должно на самом деле зарекомендовать себя как опора; иными словами, к восприятию должно быть уже привязано сознание значимости. Только «софистическое искусство» может вывести из восприятия это сознание. С другой стороны, если его присутствие признается, то само восприятие оказывается суждением, «по сравнению с которым испытуемое «светит солнце», по-видимому, имеет вторичную природу» (9).

И если даже противопоставить только что приведенному суждению фразу «оно светится», то нетрудно понять, что здесь должно присутствовать «несомненно, более оригинальное» суждение. Еще более глубокий анализ обнаружит даже, что уже в субъекте суждения «светит солнце» скрывается суждение. Несомненно, в приведенном суждении я рассматриваю солнце как нечто действительное и предшествующее на основе восприятия, т. е. суждения. Последнее «имеет гораздо более элементарную природу» по сравнению с упомянутым (10).

Итак, без лишних слов, мы видим себя вынужденными выносить суждения уже в рамках изолированных представлений.

Теперь возникает соблазн сформулировать выявленные суждения в таких предложениях, как: «это снег». Здесь уже имеет место «суждения субъекта и субстрата» (11). В «этом» тоже уже присутствует суждение. Такие формы не возникают сами по себе, они являются как бы «незаконченными

представлениями», поскольку в подобном суждении «реальное представляется в определенном месте, но его содержание не постигается» (12). Посредством сформированных тем самым суждений создается субстрат для «суждений о наименовании» по типу упомянутого.

Собственно элементарное суждение вообще невозможно сформулировать в грамматической норме. Лингвистическое воплощение – не «это дерево», а «дерево». Если объектами суждения являются, например, процессы, а не вещи, то предложная форма имперсонального суждения обеспечивает полную замену: «вспышка» и «оно вспыхивает» имеют совершенно одинаковое значение. Очень часто примитивные суждения вообще лишены всякого лингвистического выражения (13).

Ощущения и воспроизводимые представления, которые перемешались в поле нашего сознания, обретают «психическую самостоятельность» только благодаря акту внимания, направленному на них. Интерес, привлекающий внимание к данным сознания, в то же время стимулирует «процесс воображения», превращающий данные в познавательные или эмоциональные представления. Акт, осуществляющий этот переход от данности сознания к представлению о познании, всегда является суждением. Таким образом, Майер приходит к определению: «актами суждения суть… объективирующие представления непосредственно данных или производных данных познания» (14).

§ 2. Структура суждения

Более глубокий анализ уже показал, что двухчастное суждение основывается на более отдаленных элементарных суждениях. Если анализ не остановить, то даже самое элементарное суждение оказывается составным в большей степени, нежели производное слияния «частичных логических актов».

Если необходимо понять представление, проникающее в поле сознания, то это может быть достигнуто только путем присоединения к уже известному воспроизведенному представлению. Индивид, способный к воображению, несет в себе определенный «запас» предрасположенностей к воображению. Охватываемое представление должно быть включенным в этот готовый комплекс. В любом, даже самом примитивном суждении осуществляется «уравнивание» воспринимаемого представления с воспроизводимым. Благодаря данному «уравниванию» представление обретает значение; сам Майер считает выражение «уравнивание» для интерпрети-

рующей функции «не вполне соответствующим» (15). Ибо не тождество обоих представлений образует предмет суждения. Присоединение воспринимаемого к воспроизводимому представлению, их слияние – только средство, частичная функция в целом акта суждения. Однако чувство узнаваемости, сопровождающее каждый акт установления связей, указывает на то, что имеет место сопоставительная деятельность.

Акт интерпретирующего уравнивания, хотя и составляет необходимый компонент функции суждения, все же не является ее особенностью, но повторяет ее в эмоциональном мышлении. Действительной составляющей акта суждения предстает, скорее, второй логический частичный акт – объективация. Объективировать воспринимаемое содержание представления – значит мыслить его «как действительное» (16). Когда я сужу «– Rigi», то рассматриваю содержание представления, интерпретируемое как Rigi, а одновременно и в качестве «содержания действительности». Однако акт объективации не обусловлен субъективным желанием судящего, а совершается на основании признаков объективации. Их можно описать «только очень несовершенно». Для «знака ощущения», например, особенно характерно сознание того, что дано нечто чуждое, независимое от моего представления: в мое сознание входит нечто, «с чем связано мое представление и от чего я чувствую себя в то же время определенным и обусловленным» (17).

Итак, что же в большем приближении означает акт объективации? Никак не «каузальный вывод» из представлений об объективно действительных причинах, ведь объективация есть «понимание знака объективации» (18). Акт установления действительности, подобно акту приравнивания, является внутренней интерпретацией, а именно интерпретацией объективирующего признака. В реальности стоит разделять три момента. На данный момент я устанавливаю содержание представления как объект; представление, присутствующее в данный момент и обогащенное элементами воспроизводства, не идентично объекту представления, а содержит только часть того, что на самом деле является объектом.

Мысля содержание как объект, оно в то же время – это второй момент в реальной постановке – вырывается из субъективной связи мира представлений и оформляется как нечто независимое от моей «воли к представлению». И, наконец, полагаю, объект представления включенным во «внесубъективный объектный контекст».

К двум взаимосвязанным логическим частичным актам приравнивания и объективации в большинстве случаев присоединяется третий акт – всякий

раз, когда суждение находит лингвистическое выражение: «привязка объекта к предложному представлению» (19). Этот последний «логический синтез» имеет особое значение для суждения в том смысле, что посредством него оно приводится в связь с «общим мышлением» (20).

На эти три частичных акта суждения распространяется сознание истины, субъективный критерий которого следует искать в необходимости мышления. Осознание истины содержит убеждение, что, во-первых, связь воспринимаемого с воспроизводимым представлением оказывается правильной, а во-вторых, что представленный объект реален (21). Если сознание применимо и к последнему частичному акту, то проявляется не как сознание необходимости мышления, а только как сознание «языковой правильности» (22). И с сознанием номинальной правильности акта суждения соединяется сознание всеобщности. Вероятно, мысль о том, что каждое мыслящее существо, если желает правильно мыслить, должно мыслить так же, как и я, сопровождает строку суждения, не сформулированную языком. Вероятно, я не могу предполагать, что он также совершает акт восприятия во всех отдельных деталях в соответствии с тем, что я имею в виду. Потому что набор предрасположенностей к представлению и их разветвленные модификации в конечном завершении формируются по-разному у каждого человека. Лингвистическая формулировка, напротив, обеспечивает привязку охватываемого содержания к «общей системе представлений» (23). Только благодаря этому сознание общности приобретает свой лаконичный смысл.

Очевидно, что структура элементарного суждения, полученная Майером в результате его анализа, коренным образом отличается от известного разделения на подлежащее, сказуемое и совокупность. Субъективное суждение, на котором основано оное триединство, оказалось не самым изначальным типом. Таким образом, Майер выдвигает требование «исключить термины субъект и предикат из теории логических суждений, полностью отнеся их к грамматике» (24). В любом случае, на элементарный акт суждения они «могут переноситься только насильственно» (25).

§ 3. Формы суждения

«Адекватной формой выражения элементарного, фундаментального акта мышления, простого представления объекта когнитивного и эмоционального характера является единое, так называемое бессубъектное предложение» (26). Последнее недвусмысленно указывает на то, что для Майе-

ра имперсоналии больше не представляются проблемой. В них только что было признано элементарное суждение: «вспышка» или «это вспыхивает» имеют один и тот же смысл.

Выше (27) отмечалось, что акт объективации представляет собой собственно конститутивный момент суждения. Из этого можно сделать вывод, что в экзистенциальном суждении данный акт объективации полностью воплощен. Что, однако, не так. Не действительное положение, имманентное суждению как частичной функции, делается предметом рассмотрения. Тем не менее оно служит отправной точкой, если кто-то хочет более подробно изучить «ход» экзистенциальных суждений. И результат этого анализа таков: экзистенциальное суждение есть суждение об отношении.

Теперь необходимо выяснить само отношение. Каждое отношение требует необходимых звеньев отношений. Таковым в экзистенциальном суждении является представление об объективности. В этом случае, согласно предыдущему, уже произошло реальное действие, то есть воспринимаемое содержание представления, например, мгновенный световой отпечаток, воспринимается как объект. Этот «экзистенциализированный» объект теперь в экзистенциальном суждении выводится из субъективной сферы представлений и соотносится с вне-субъективным объектным контекстом, «с реальностью» (28). Второе звено отношений в большинстве случаев не приходит к определенному представлению.

Об экзистенциальном суждении может напоминать отрицательное суждение. Как объект представления «бытие», так и его противоположностью «небытие», все может предсказываться. Отрицающие суждения, следовательно, должны рассматриваться как негативные экзистенциальные суждения. Само по себе, в вопросе о логическом характере «акта отвержения» от этого ничего бы не выиграло.

Мы знали бы только одно: отрицательное экзистенциальное суждение, будучи логически более поздним, является отклонением предшествующего положительного экзистенциального суждения. Ведь «языковое сознание» уже показывает, что положительное и отрицательное суждения логически не равны (29). То, что Зигварт настойчиво подчеркивал в отношении иерархии двух типов суждений, «больше не должно оспариваться» (30).

Но при попытке провести параллель негативного суждения с экзистенциальным суждением следует прежде всего отметить, что «отрицание простого элементарного суждения логически раньше экзистенциального суждения» (31). Например, экзистенциальное суждение «это действительно вспыхнуло»

мы выносим лишь тогда, когда ему предшествует попытка отрицательного суждения «это не вспыхнуло». Точно так же усилия по истолкованию отрицания суждения как признания его недействительным не могут иметь успеха. Суждения с предикатом «истинность» выносятся только в том случае, если им предшествует попытка отрицания. Экзистенциальное суждение и суждение об истине логически более поздние, нежели отрицание.

Исходя из логического характера вопроса, только тогда действительно проливается свет на сущность «отрицающего суждения» (32). Целесообразно различать два типа вопросов: дополнительные и решающие. Элементарный образчик первого типа представляет собой предложение «что это такое?» В «этом» уже есть суждение. «Нечто» понято, правда, пока еще неопределенно, и теперь подталкивает к вопросу о точной содержательной определенности. Тем самым возникает тенденция к сложному суждению, в котором первое составляет субстрат. Искомая определенность, очевидно, занимает в законченном суждении место «предиката», отсюда Майер предлагает для дополнительных вопросов, «полностью лежащих в русле субстратных суждений», обозначение «вопросы предиката» (33).

Вопросы принятия решений суть более изначальные с психологической и лингвистической точек зрения: они предполагают уже вынесенные или испытанные суждения. Перед лицом уже вынесенных суждений могут возникнуть сомнения, и тогда последнее становится вопросом: «это горит» подвергается сомнению и превращается в «горит ли это?». Вопросы здесь являются «незавершенными когнитивными представлениями» именно потому, что актуальное сознание еще не сформировано. «Процесс отрицания», обретающий свое завершение в отрицающем суждении, протекает в полном соответствии с последовательностью представлений: «Горит ли это? – Нет». Таким образом, отрицательное суждение представляет собой сложное суждение, в котором «представление о субстрате есть представление о вопросе» (34). Значит, в тот момент, когда я устанавливаю акт отрицания, предшествующее совершенное или предпринятое суждение превращается в вопрос.

Если вспомнить, что в каждом суждении имеют место частичные акты интерпретирующего уравнивания и объективации, то акт отрицания поддается еще более тщательному анализу. В принципе, при отрицании сравнение эффективно. Представление объекта, данное в вопросе, сравнивается с данными восприятия, т. е. не только с содержаниями сознания, послужившими поводом для попытки акта суждения, «но и со всем тем, что вообще дает предмет рассмотрения» (35).

Из этого сравнения напрашивается вывод о том, что представление об объекте не соответствует данным восприятия. В чем и заключается суть отрицания. С другой стороны, мысль о том, что между представлением об объекте и реальностью нет соответствия, вытекает из суждения, логически более позднего, чем элементарное отрицательное суждение. «Не требуемое от представления об объекте» (36) данными восприятия, это отношение является предметом «своеобразного» мыслительного акта отрицания – логически более позднее, чем элементарное отрицательное суждение.

Приведенный выше анализ отрицания может быть проверен на свою правильность путем сопоставления с мыслительным актом, ведущим к «утверждению». Майер прямо предостерегает от смешения акта утверждения с первоначальным положительным суждением, поскольку это делается «наивно, без размышлений и сомнений, а потому и без “да” или “нет”» (37).

Наряду с негативным и экзистенциальным суждением гипотетическое также следует отнести к группе относительных суждений. Даже сегодня логики все еще не пришли к единому мнению по поводу сей формы суждения. Прежде всего, в языке Майер видит серьезное препятствие для анализа, поскольку за «однородной схемой условных структур предложений скрываются фундаментальные различия в значении» (38). Ряд суждений, облеченных в условные формы предложения, не может быть отнесен к числу гипотетических. Майер в основном опирается на теории последствий, но все же не хотел бы упускать из виду одну идею теории постскриптумов. В этой теории гипотетическое суждение имеет значение «условного утверждения постскриптума». Очень многие из рассматриваемых суждений выдают что-то «условное», и это тогда, когда звенья отношения основного следствия предстают гипотетическими предположениями. Отсюда Майер желал бы, чтобы термин гипотетические суждения был ограничен оными случаями. В суждении «когда идет дождь, земля становится влажной», являющемся синонимом фразы «дождь делает землю влажной», предметом суждения представляется «концептуально мыслимое отношением между объектами двух реальных понятий суждения». С другой стороны, если на место опытных понятий приходят представления о возможных случаях, к которым они относятся, т. е. мыслятся «возможные дожди», то возникает действительно гипотетическое суждение. Такое отношение имеет лишь условную значимость, объективация отношения может быть осуществлена только гипотетически. Гипотетическое суждение справедливо только в том случае, если звенья пребывающего в нем отношения реальны.

(1) Tübingen 1908.
(2) см. выше Предисловие.
(3) Op. cit. p. 141.
(4) Op. cit. p. 47.
(5) Op. cit. p. 249.
(6) Op. cit. p. 146,
(7) Ср. в Разделе III.
(8) Op. cit. p. 148.
(9) Op. cit. p. 147.
(10) Op, cit. p. 147.
(11) Op. cit. p. 148.
(12) Op. cit.
(13) Op. cit. p. 149.
(14) Op. cit. p. 149.
(15) Op. cit. p. 150.
(16) Op. cit. p. 150.
(17) Op. cit. p. 151.
(18) Op. cit. p. 151/2.
(19) Op. cit. p. 153.
(20) Op. cit. p. 154.
(21) Op. cit. p. 159.
(22) Op. cit. p. 363.
(23) Op. cit. p. 159.
(24) Op. cit. p. 163.
(25) Op. cit.
(26) Op. cit. p. 373, ср. p. 163.
(27) См. выше.
(28) Op. cit. p. 248.
(29) Op. cit. p. 272.
(30) Op. cit.
(31) Op. cit. p. 273.
(32) Op. cit. p. 274.
(33) Op. cit. p. 275.
(34) Op. cit. p. 277.
(35) Op. cit. p. 278.
(36) Op. cit. p. 278.
(37) Op. cit. p. 279.
(38) Op. cit. p. 263.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Критическая оценка

Даже при небольшом внимательном рассмотрении, вероятно, стало бы ясно, что Майер в своем исследовании стремится освободиться от оков грамматики. Эти совершенно обоснованные усилия становятся решающим фактором даже для всей его теории суждений. В грамматически нормальном предложении ни в коем случае не воплощено исходное суждение; независимо от структуры этого «предложения», необходимо перейти к элементарному суждению. В чем смысл элементарного? Его противоположность заключается в сложном, составном. Элементарное означает простое, по крайней мере, менее сложное. В какой степени суждение «солнце светит» не является элементарным? Что понимается в самом суждении? Речь идет не о свечении, а о свечении «на» солнце. Это становится возможным лишь когда Солнце само по себе уже понято, поскольку только тогда я могу увидеть в нем деятельность или состояние. Вышеприведенное суждение следует только после обособленного представления о солнце, результат которого можно было бы сформулировать так: «это Солнце»; само по себе данное суждение еще не стоит рассматривать как искомое элементарное. Анализ не может успокоиться на этом. Чтобы иметь возможность заявить о бытии Солнца, я должен сначала понять «это», я должен создать для себя основу, на которую нацелено присвоение имен. Самое элементарное суждение заключается как бы в получении субстрата. Лингвистическое оформление элементарных суждений можно найти в выражениях «дерево», «– молния», «это вспыхивает».

Действительно ли эти суждения элементарны, просты и несвязны? Мы знаем, что в любом суждении, даже в элементарном, действуют «частичные логические акты». Акты интерпретирующего уравнивания и объективации никогда не могут отсутствовать, пока еще можно говорить о суждении со смыслом. Напротив, в очень многих случаях элементарное суждение не связывается с лингвистическим выражением. Ибо «самые примитивные акты суждения следует искать на глубине, до которой язык вообще не доходит» (1) На этих «глубинах» остаются эффективными только приведение чувственных данных в соответствие с воспроизводимыми представлениями и объективирующая деятельность. Таким образом, мы попали в «глубину» психологии.

И если мы теперь вернемся к вопросу о смысле «элементарного», то увидим, что он не исчерпывается значением простого, в меньшей степени сложного. Элементарное стало для Майера наиболее психологически изначальным. Тот факт, что, возвращаясь к примитивному типу суждений, психологически-генетическая точка зрения вмешивается, чтобы указать направление, нетрудно привести к полному доказательству.

А именно – элементарные акты суждения являются «в подавляющем большинстве случаев непроизвольными процессами» (2). Даже в самых примитивных, действительно заметных «процессах ощущения» действуют акты суждения. Следовательно, способность к логическому суждению также «безвредна» для животных. Равным образом, в «детском развитии» деятельность суждения начинается очень рано. Разумеется, эти логические функции нельзя ставить в один ряд с умственной деятельностью развитого человека. Но разница между обеими формами только постепенная, а не качественная. В годы развития ребенка как раз и формируется «основа представлений об объектах» для взрослого – поистине, с помощью суждений, которые невозможно представить себе достаточно примитивными и которые чаще всего не поддаются лингвистической фиксации.

Несомненно, для логического анализа будет немаловажным, если он попытается извлечь свою сущность из элементарных суждений. Однако на этом этапе возникает важный вопрос: совпадают ли элементарное логическое суждение и примитивное суждение, как это обнаружил Майер в своем анализе? Если нет, то почему Майер своим само по себе оправданным стремлением к элементарному суждению направляется в «глубины» психологии, в сферу диспозиций представлений, слияний представлений и т. п.? Поскольку с самого начала исследования он движется в области психических процессов, деятельности, течений воображения. Майер исследует «деятельность суждения», «процесс суждения»; он говорит о «логическом действии» (!): акт суждения состоит из «частичных логических актов»; сущность суждения – объективирующая деятельность на ее самой примитивной стадии предстает даже «непроизвольным процессом». Короче, предметом исследования является то, что суждение, как и психическую деятельность, необходимо относить к проблемной области психологии.

Но Майер, возможно, не хочет давать ничего, кроме психологии суждения. Ведь его мысли развивались в теснейшей связи с «психологией эмоционального мышления»! Но, несомненно, теория суждений Майера должна быть логичной. Он прямо отмечает, что в традиционной логике, как

и в современной, не встречается «элементарного» типа суждения, «который нас здесь интересует в первую очередь» (3). «Даже психология» не смогла точно установить «эти примитивные проявления выдумки суждений» (4).

Мы получим совершенно надежную почву для окончательного суждения о настоящей теории суждений только тогда, когда станет ясно, как Майер фиксирует задачу логики и разграничивает ее предметную область с областью психологии.

«Логика – это нормативная наука» (5). На нее возложена задача выработки идеальных норм мышления. Она должна «указать предпосылки, при которых логически совершенные суждения могут быть достигнуты» (6). Основным объектом логики является то мышление, которое выражается в актах суждения. В дальнейшем он определяется «как комплекс действий [в отличие от настоящего], посредством которых данные, поступающие в сознание, обрабатываются для получения упорядоченного знания» (7). Нормативная фиксация рассуждающего мышления, т. е. определение того, каким должен быть «максимально совершенный носитель сознания истины», может происходить только таким образом, чтобы «везде… в психологически-фактическом содержалось логически важное и существенное» (8). Психологический анализ должен предшествовать работе логики; только он «может дать нам представление о сущности как рассуждающего, так и эмоционального мыслительного акта» (9). Психология – фундаментальная наука о праве для гуманитарных знаний. А объектами последних суть «человеческие действия» (10).

Итак, логика в отношении суждения не имеет иного предмета, кроме психологии мышления; она рассматривает только суждение, обнаруженное психологией, с нормативной точки зрения. Это также наталкивается на очевидное возражение, будто логика действует чисто конструктивно. Нормативная обработка мыслительного акта носит критико-телеологический характер; она ищет условия для реализации мыслительного идеала. Какое мышление заслуживает ценностного предиката идеала, каков критерий, по которому измеряются мыслительные акты? Что ж, истинное мышление в полном смысле слова представляет собой идеальное; нет, говорит Майер, истина, вероятно, является конечной точкой познающего мышления, но не эмоционального. Общий критерий логического мышления мы должны видеть в сознании логической необходимости и, следовательно, в притязании на всеобщность (11). Это сознание должно «сопровождать» когнитивные и эмоциональные акты, если их можно назвать логическими.

Логическая необходимость утверждает, что мыслительный акт обусловлен данными представления. Сознание необходимости совершить акт также ясно проявляется в «эстетической иллюзии»; данные элементы содержат «подсказку» к мыслительным актам, которые должны быть иллюзорно совершены.

Даже в самых «мимолетных фантазийных представлениях» заключено сознание «логического принуждения», поскольку мыслятся именно воображаемые в них объекты.

В этом случае притязание на универсальность заключается в осознании того, что другие должны мыслить так же, используя данные представлений, если они хотят мыслить логически. Вместе с тем этим мы раскрыли общую сущность логической необходимости. Прежде всего, она не имеет ничего общего с психологическим принуждением. Это «во всех случаях гипотетический акт» (12). Если я желаю мыслить необходимым и общепринятым образом, то должен мыслить так, а не иначе. Эталоном логического мышления предстает его цель, необходимость и универсальность.

Поскольку каждый логический мыслительный акт несет в себе осознание необходимости и, следовательно, указание на норму, постольку логика должна это учитывать.

Как теперь получить нормативные результаты? Не путем психологического установления, ибо идеалы – не факты, т. е. психические переживания.

«Фундаментальные мыслительные акты» логики, те, в которых мыслятся нормы, «не являются суждениями» (13); они – «эмоционально волевые мыслительные функции, выраженные в предложениях желаний найти свое адекватное выражение» (14). Они оцениваются по критерию «этических доказательств». Нормативное осмысление представляет собой совершенно отдельную форму научной работы. Вероятно, результаты этих исследований можно облечь в когнитивные суждения; однако основной формой суть «представления о желаниях рефлектирующего, считающего себя представителем нормативной науки» (15). Для логики «[волевой] акт мышления – последний» (16).

Мышление мыслимого идеала не является абсолютно необходимым, но, возможно, стремление к нему: «Якорем оного стремления … и, следовательно, самой логики остается… нравственное желание, стремление к нравственному идеалу» (17).

На чем основано сие стремление к мыслимому идеалу? «В природе мыслящего разума» (18), выражаемой в эмпирических мыслительных актах,

«волевых действиях» [выделено автором], стремление есть «нравственная необходимость нашего существа». Тем самым логика основывается на желании, ее конечным результатом является эмоциональный акт, предвестие желания, вытекающее из природы нашего существа.

Стало быть, задача логики, закрепленная более конкретно, с необходимостью требует психологического анализа мышления в качестве основы.

Хотя Майер и не хотел бы вмешиваться в спор психологов и антипсихологистов. Для него логика, правда, не является «особой дисциплиной» (19) психологии; но она становится невозможной без психологии логического мышления (20).

В соответствии с двумя направлениями логика должна оставаться связанной с психологией; однажды она должна применить «психологический метод»; и тогда она может использовать сами «результаты психологии». Ибо познание «логических переживаний», несомненно, должно поощряться, если выяснена их связь с «психической жизнью вообще».

Это рассуждение о необходимости предварительного психологического анализа для создания основы любой логики оказывается очевидным; ведь для логики невозможно придумать более беспредметный подход. И все же за выражением «психологический анализ» скрывается роковая двусмысленность.

Упомянутый анализ призван раскрыть нам, «что кроется в логических переживаниях».

Если в данных переживаниях присутствуют только психические факторы и частичные акты, то «кроме» сих событий в «логических переживаниях» больше ничего нет? Нельзя ли выделить для анализа – а аналитически логика, несомненно, предстает предметом исследования – еще один совершенно особый и самостоятельный предмет, который только делает возможной логику и требует ее в качестве самостоятельной науки? Нет ли каких-либо других «фактов», кроме «психических переживаний», которые не поддаются выявлению? Разве в каждом «логическом переживании» нет смысла, элемента, интересующего логику совершенно исключительно, в отличие от того, что переживания как психические процессы составляют неоднородный мир?

Логика вполне обладает своим собственным и своеобразным предметом, совершенно выпадающим из сферы психических процессов, течений воображения и пр.

Значит, «логика суждения» предстает чем-то абсурдным, если суждение рассматривается как психический процесс.

Теория логического суждения, знающая суждение только как действие и комплекс частичных актов, настроенный на логические процессы, в коих «всегда задействована игра нашей души» (21), остается психологической.

Определение логики как нормативной науки не может ничего изменить в существующем положении вещей. Наоборот, закрепление логики как теоретической науки по преимуществу в представлении желания, в волевом акте, возникновение и наличие которого обусловлено природой нашего существа, завершает антропологизм. Природа нашего разума настолько не логична, что скорее прямо противоположна логическому, нежели чуждому ему.

Точно так же логическая необходимость как таковая не имеет ни малейшего отношения к субъекту, действующему в мышлении. Необходимость заключается не в необходимости мыслить так, а не иначе, поскольку необходимость зависит от природы психического субъекта; необходимость гораздо менее даже гипотетична, но ее область представляет собой чувственный мир, она представляет собой предметное отношение, «бытие» которого не зависит от какой-либо мыслительной деятельности, охваченной и утвержденной ей.

Как только становится очевидным, что предмет логики представляет собой нечто совершенно апсихологическое, сразу же проявляется следующее: вопрос об элементарном суждении логики радикально расходится с психологическим вопросом о примитивной деятельности суждения.

Теория суждения Майера с самого начала страдает ошибочным подходом к анализу, поскольку задается вопрос о психических функциях, взаимодействующих как конститутивные для суждения. Рассуждающий субъект остается в суждении логики второстепенным моментом; таким образом, действительным нервом суждения не может быть акт объективации, поскольку в нем заключено «имманентное отношение рассуждающего субъекта к объекту» (22).

Особенно отчетливо проявляется преобладание генетически-психологической точки зрения при вынесении отрицательного суждения. Уже изложенное Майером об «отрицательном суждении», показывает, что для него важна деятельность; он изучает «ход» обозначенного суждения; вопрос о том, предшествует ли отрицательному суждению предпринятое или уже совершенное положительное суждение (23), остается несущественным для логики. И следует со всей строгостью оспорить мнение Зигварта, кому мы многим обязаны в логике, прежде всего в методологии, относительно иерархизации положительного и отрицательного суждений. Майер доводит

психологизм до крайности, когда выясняет: что становится с предыдущими суждениями в момент, когда совершается акт отрицания? Затем указанные суждения должны быть преобразованы в вопрос. Последнее можно оспаривать, по-иному трактуя исполнение отрицающего суждения.

Само по себе течение и сопутствующие ему явления в рассуждающем субъекте не должны интересовать логику как логику вообще, равно как и обстоятельства отрицания. Майер говорит, что суждение «дождя нет», когда я произношу его при пасмурном, облачном небе, имеет иной смысл, нежели, когда я его высказываю перед лицом смеющегося безоблачного неба (24). Я имею в виду, что смысл в обоих суждениях остается одним и тем же, поскольку сказано, что дождя нет; в обоих случаях дождя просто нет, я признаю это как объективный смысл. То, что различным ситуациям в суждении субъектов предшествуют различные группы представлений, а в их сознании во время мыслительного акта складываются различные данные представлений, можно считать несомненным. Однако точно так же несомненно и то, что эти модификации сознания не затрагивают чувство суждения как таковое.

Как только будет признано полное различие логического и психологического, тогда решение о методологическом отношении психологии к логике и о значимости ее результатов для последней не составит особой сложности.

«Психологический анализ» не может браться для логики, пока аналитическая работа остается направленной на психологическое; напротив – как будет показано более подробно позже – анализ логики должен как бы проходить через психологическое. Результаты исследования связи между логическими переживаниями и остальными процессами сознания остаются совершенно бесполезными, ибо логика не знает переживаний как таковых, которые всегда являются психическими реальностями.

Если Майер решительно закрепляет свою логику в психологии, то он все же стремится отделить ее от другой пограничной науки – грамматики. Но и этого подводного камня не избежать. Когда Майер переходит от предложений «зеленое дерево» (25), «это дерево» к языковой форме «дерево» и видит в последней воплощение элементарного суждения, то напрашивается мысль, что грамматически примитивное явилось ему выражением логически элементарного. Как бы то ни было, суждение «дерево» логически столь мало или столь же элементарно, сколь и суждение «зеленое дерево». В первом суждении говорится о существовании дерева, во втором – о существовании зелени.

Что касается эмоциональных мыслительных актов, то логика также должна обратиться к ним; но чисто логические явления не могут быть «актами»; они ближе всего связаны с вопросами, все еще остающимися проблемой для логики. Вопрос о том, как эти явления следует классифицировать в системе логики, остается открытым. Во всяком случае, они логически не предшествуют проблеме суждения, так что здесь их можно оставить вне рассмотрения.

Примечание. Во время печати появляется еще одно исследование Г. Майера «Логика и психология», относящееся к вышеупомянутому контексту, в сборнике для Алоиза Риля (Halle a. S. 1914. Seite 311–378). Взгляды Майера остались в основном прежними. Логика имеет нормативную задачу: «По этому поводу сегодня среди логиков достигнуто широкое согласие [!], не в отношении действительного мышления, но идеального» (стр. 313). Однако в слове «идеал» таится роковая двусмысленность. «Идеальное» может составлять противоположность «несовершенному», «стремящемуся к идеалу», или оно образует противоположность «реальному» в значении различного способа действительности. С «идеальным» во втором значении действительно имеет дело логика, но идеал – это не мышление, которое всегда реально, а смысл. Майер проводит различие между актом суждения и суждением. Суждение есть «конечное состояние» акта, с которым связывается действительное сознание, но оно «все еще остается субъективным мыслительным поведением». Различие между актом и содержанием Майер признает лишь постольку, поскольку под содержанием суждения следует понимать не что иное, как «данное, мыслимое (понятое) в категории объектов» (стр. 321). Итак, смысл суждения (содержание) и предмет не совпадают: «зеленое дерево» как фактическое положение и «зеленое дерево» как фактическое обстоятельство имеют разный вид. Что же должно быть истинным в отсутствие действующего смысла в суждении? «Истина возникает в трансцендентальном смысле, когда трансцендентально данное вступает в отношения понимания с мыслительной функцией рассуждающего существа» (стр. 324). Как следует воспринимать эти отношения? Мыслительная функция психически реальна, так же, как и данное, следовательно, необходимы и отношения. Истина существует только тогда, когда реализуются мыслительные функции. Вот почему Майеру кажется странным полагать, что суждение «Земля вращается вокруг Солнца» было верным

еще до Коперника. Значит, благодаря Копернику это стало реальностью только в тот момент, когда он это осуществил; а после? Как только и до тех пор, пока суждение логики рассматривается как психическая реальность, релятивизм неизбежен. В своей критике «абсолютистской логики» Майер исходит из одного различия Гуссерля, которое я не хотел бы назвать вполне удачным. Акты суждения должны быть «особенностями», «подпадениями» действующего чувства суждения, которое тем самым представляет собой «общее», видовое. Но смысл и действие принадлежат к совершенно разным сферам действительности: их нельзя свести в отношение общего к частному, которое, вероятно, может быть установлено в пределах двух различных миров. При выяснении различия логического и психического необходимо выделить другие моменты, которые, однако, как раз Гуссерлю больше всего и известны. Когда Майер пишет: «Нет необходимости нам в принципе иметь дело с особой формой концептуального реализма [!], стоящей за этой абсолютизацией [фиксацией чувства суждения у автора]» (стр. 323); то он позволяет себе упустить правильную и единственную точку натиска, вообще предлагаемую «абсолютистской логикой». Трактат Майера примечателен тем, что критические споры с «логицизмом» в последнее время почти не встречаются.

(1) Op. cit. p. 149.
(2) Op. cit. p. 161.
(3) Op. cit. p. 141; ср. под примечанием заключения ко II Разделу.
(4) Op. cit.
(5) Op. cit. p. 40.
(6) Logik und Erkenntnistheorie. Philos. Abhandlungen Chr. Sigwart gew. Tübingen 1900. S. 220.
(7) Op. cit. p. 222.
(8) Op. cit. p. 241.
(9) Psychologie des em. Denkens. S. 27.
(10) Op. cit. p. 41.
(11) Ср. op. cit. p. 41, 43.
(12) Op. cit. p. 43.
(13) Op. cit. p. 47.
(14) Op. cit.
(15) Op. cit.

(16) Op. cit. p. 48.

(17) Op. cit. p. 49.

(18) Op. cit. p. 54.

(19) Ср. ниже Липпса, Раздел IV.

(20) Op. cit. p. 50.

(21) Op. cit. p. 161.

(22) Op. cit. p. 156.

(23) Ср. мою серию статей “Neuere Forschungen über Logik”. Literarische Rundschau (1912) Heft 10,11,12. Heft 11, Sp. 522ff. [oben S. 35f.].

(24) Op. cit. p. 279.

(25) Майеру не нужен этот пример, но необходим аналог, ср. выше.

III. РАЗДЕЛ
СУЖДЕНИЕ ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ КАК БАЗОВЫЙ КЛАСС ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ (ФРАНЦ БРЕНТАНО, АНТОН МАРТИ)

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Представление

В соответствии с точками зрения, лежащими в основе предыдущего исследования, изложение Брентано должно быть составлено таким образом, чтобы сразу стало очевидным, из какой постановки вопроса выросла его теория суждения. В своей «Психологии с эмпирической точки зрения» (1) Брентано рассматривает «психологию как науку» в первой книге. Она определяется как «наука о психических явлениях» (2). Теперь возникает задача четко разграничить психические явления с физическими. Брентано видит сущность и особенность психических явлений в том, что они «намеренно содержат в себе объект» (3). Каждое психическое явление связано с «содержанием», имеет направление на объект, «под которым здесь не следует понимать реальность» (4). Любая научная обработка определенной области требует упорядочения и классификации ее, которые не только имеют ценность для более глубокого познания объектов, подлежащих обработке, но и в то же время ставят эту обработку в безопасное русло и облегчают ее. Классификация психических явлений, как и любая классификация, должна основываться на природе классифицируемых объектов, т. е. здесь психических явлений. Точка зрения на классификацию должна быть получена из изучения объектов; другими словами, ни один априорный принцип не может быть определяющим для классификации. Психические явления характеризуются, как уже упоминалось, их направленностью на объект, «интенциональным несуществованием объекта» (5). Следовательно, различие в области психических явлений может заключаться только именно в этом «интенциональном несуществовании». Брентано находит теперь три

различных «способа отношения» сознания к содержанию и, соответственно, выделяет «три основных класса душевной деятельности» (6). Он называет их представлением, суждением и душевным движением, но прямо замечает, что эти роды не совпадают с теми, «которые принято называть общими» (7).

Для целей настоящего исследования может оказаться достаточным выделение второго базового класса, суждения, и его отдельное изложение. Брентано же придает первому классу психических явлений такое фундаментальное значение, что только в сопоставлении с представлением суждение становится ясным в его своеобразии.

В ходе следующего изложения и критической оценки, помимо исследований Брентано, следует использовать работы А. Марти, который безоговорочно придерживается теории суждения своего учителя и основывает на ней свои исследования (8).

§ 1. Представление и суждение

По Брентано, мы всегда ведем речь о представлениях там, где «нам что-то кажется» (9). Когда мы что-то слышим, то представляем звук, когда видим, представляем цвет. Представление, однако, означает у Брентано не то, что представляется, «содержание», а акт представления, психическое поведение. Поскольку нельзя судить или стремиться к чему-либо, что не представлено, то, по-видимому, представление составляет основу любого другого психического акта. Каждый раз что-то должно быть дано, если я хочу судить или стремиться к этому. Способ интенционального несуществования предмета в воображении (цвет, звук) идет от простого обладания в настоящем. Если представленный предмет становится объектом признающего или отвергающего суждения, то сознание вступает в совершенно новое отношение к предмету; иная природа интенционального несуществования: «Под суждениями мы понимаем, в соответствии с обычным философским подходом, принятие (как истинного) или отклонение (как ложного)» (10). Суждение есть новый способ отношения души к объекту, представляющее собой ἴδιον πάθος, а потому Марти называет данную теорию «идиопатической» (11). Итак, если перед нами присутствуют объекты, которые мы не признаем и не отвергаем, по отношению к которым у нас не возникает колеблющегося поведения между признанием и отвержением, то эти объекты просто воображаемы. «Всякое сознание, поскольку оно не является

суждением (утверждающим или отрицающим) или интересом (любящим или ненавидящим)» (12), следует понимать как представление в самом широком смысле этого слова.

Однако Брентано, излагая свое учение о суждении, не ограничивается простым обращением к непосредственно очевидному внутреннему восприятию, призванному выявить это фундаментальное различие между представлением и суждением, а обращается к другим теориям, прежде всего к «очень распространенному мнению о том, что суждение состоит из соединения и разделения» (13). Согласно этому воззрению, простое представление было бы простым, суждение, как соединяющее или разделяющее, было бы составным мышлением. Различие между представлением и суждением являлось бы точнее различием содержания, поскольку представление направлялось бы на простое, а суждение – на составное содержание (связи признаков). Брентано признает, что данное различие иногда существует; но оно не создавалось таким образом, чтобы его можно было назвать непрерывным и более имманентным психическим явлениям. А именно, представление может быть направлено и на составное содержание, например, в вопросе, где суждение еще отсутствует. И наоборот, суждение также может относиться к простым представлениям. По мнению Брентано, неверно, что в каждом суждении имеет место соединение или разъединение. Брентано напоминает о желании и отвращении; но это отнюдь не всегда направлено на отношения и связи воображения. Последнее им не признается и не отвергается. Давайте внимательно проанализируем предложение: «А есть». Здесь существование А не указывается в качестве предиката, «как многие верили и верят до сих пор», т. е. не признается отношение представления между «А» и «существованием», а предметом признания является только «А». В этом же смысле следует соответствующим образом интерпретировать и отрицательное суждение. Не существование, а точнее связь «существования» с «А» отбрасывается в предложении «А нет», тогда как предметом отрицания снова предстает лишь «А» (14). Чтобы прояснить это, Брентано указывает на правильность интерпретации: тот, кто признает целое, например, воображаемое соединение, должен утверждать, в том числе и отдельные части. Следовательно, тот, кто признает, что «ученый человек» не только подтверждает связь представлений о человеке и учености, но и признает, что «человек есть». Применение этой мысли к вышеуказанному предложению «А есть» приводит к тому, что, если бы здесь действительно признавалась воображаемая связь «А» и «существования», то

неявное «А» признавалось бы само по себе. «Но чем это простое признание «А» отличалось бы от признания связи «А» со свойством «существования», которое должно быть выражено в предложении «А есть»? По-видимому, ничем. Тем самым мы видим, что, скорее, признание «А» является истинным и полным смыслом предложения, следовательно, предметом суждения представляется не что иное, как «А» (15).

Из вышеприведенного Брентано делает важный вывод, что если суждение не обязательно направлено на связь представлений, то и «предикация» не может быть неотъемлемой частью суждения.

Особенность теории суждений Брентано становится еще более очевидной при обсуждении понятия существования. Более глубокое рассмотрение этого понятия тем более необходимо, что Брентано стремится «перевести» все категориальные предложения в экзистенциальные, смысл которых при этом не претерпевает никаких изменений.

§ 2. Суждение и экзистенциальное предложение

Итак, что же означают «есть» и «нет» в экзистенциальном предложении? Брентано получает ответ на этот вопрос, преобразуя категориальные предложения в экзистенциальные. «Некий человек болен» имеет тот же смысл, что и экзистенциальная фраза «есть больной человек» или «имеется больной человек». Фраза «ни один камень не является живым» может быть соответствующим образом преобразована в «живого камня нет» или «не имеется живого камня» (16). Из этих превращений, устроенных Брентано для всех четырех классов категориальных утверждений, видно, что «есть» экзистенциального предложения соответствует «есть» связки в категориальном предложении. Но «бытие» связки само по себе значения не имеет; «есть» связки «дополняет» исключительно «выражение» представлений к «выражению» суждений. «Бытие» экзистенциального предложения, кроме того, является, как показывает преобразование, лишь «эквивалентом» экзистенциального предложения. Следовательно, связка как таковая лишена самостоятельного значения; тем самым и «существование» никогда не может быть предикатом в суждении. Соединение нескольких звеньев, рассматриваемое как сущностный момент суждения, оказывается «предметом языкового выражения» (17). Понятие «существования» вообще обретается в результате размышления о суждении; уже по этой причине Брентано считает невозможным, чтобы в суждении оно играло роль еще и предиката:

«Если бы мы никогда не выносили признательного суждения, у нас не было бы понятия [существования]», – говорит Марти (18). Рассматриваемое понятие обозначает не что иное, как отношение предмета к возможному суждению, которое его признает. «Говорю ли я, что утвердительное суждение истинно, или что его объект существует; говорю ли я, что отрицательное суждение истинно, или что его объект не существует, – в обоих случаях я говорю одно и то же» (19). Таким образом, «существование» и «несуществование» суть корреляты понятий истинности утвердительных и отрицательных суждений.

Экзистенциальное суждение в формуле «А есть», «А нет» наиболее близко подходит к сущности суждения. Значит, необходимыми составляющими «утверждения» остаются только: имя, т. е. знак, вызывающий определенное представление, и знак, который представляет собой нечто, что должно быть соответственно объявлено отвергнутым (20). Не различая в содержании простого и сложного, отделяют представление от суждения, а признание и отрицание этого как нового «способа отношения» сознания к предмету характеризует суждение относительно представления.

(1) Лейпциг, 1874 г.; в 1911 г. опубликована частичная перепечатка упомянутой работы, начинающаяся с книги II, главы V и озаглавленная: «О классификации психических явлений». Новое издание соответствующих глав «Психологии с эмпирической точки зрения», значительно расширенное дополнениями. В дальнейшем цитируется по оригинальному произведению. Теория происхождения включена в «частичную перепечатку» без изменений.

(2) Op. cit. p. 24 [Psychologie v. emp. Standp., 2 Bde, hg. v. O. Kraus (Meiner) 1924/25. Bd. I, S. 27].

(3) Op. cit. p. 116 [I, S. 125].

(4) Op. cit. p. 115 [I, S. 124 f.].

(5) Op. cit. p. 115 [I, S. 124].

(6) Op. cit. p. 261 [II, S. 33].

(7) Op. cit.

(8) Ср. A. Marty, Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie, Band I, Halle a. S. 1908 (цитируется из этого издания). Далее ср. серию статей: Über subjektlose Sätze. Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie. Band VIII (18&4), XVIII (1894), XIX (1895).

(9) Brentano, Psydiologie v. emp. Standp. S. 261 [II, S. 34].
(10) Op. cit. p. 262 [II, S. 34].
(11) Untersuchungen. S. 229, Anm. 1.
(12) Op. cit. p. 277.
(13) Brentano, Psychologie v. emp. Standp. S. 271 [II, S. 44].
(14) Op. cit. p. 276 [II, S.49]. (15) Op. cit. p. 276 [II, S. 50].
(16) Op. cit. p. 283 [II, S. 56].
(17) Op. cit. p. 289 [II, S. 63].
(18) Vierteljahresschrift f. wiss. Philos. VIII (1884), S. 171 f.
(19) Brentano, Vom Ursprung sittlicher Erkenntnis. Leipzig 1889, S. 76.
(20) Marty, VIII, S. 184 f.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Критическая оценка

Суждение, по мнению Брентано, составляет основной класс психических явлений: «Каждое суждение, воспоминание, ожидание, умозаключение, убеждение или мнение, сомнение – это психический феномен» (1). Едва ли можно сказать более определенно, что здесь суждение понимается и рассматривается психологически. Но Брентано, в конце концов, хочет заниматься только психологией, «психологией с эмпирической точки зрения», для чего он и разрабатывает свою теорию. Что, по-видимому, не имеет никакого значения для того, как он характеризует суждение логики.

Брентано даже в последнее время решительно выступает против обвинений в психологизме: «Мою теорию познания обвинили в психологизме; недавно появившееся слово, при упоминании которого отдельные набожные философы, как и некоторые ортодоксальные католики, окрестили модернизмом, как будто в нем содержится сам Богоборческий дух» (2). Не стоит здесь выяснять, нарушает ли психологизм душевное равновесие некоторых «философов». Тот факт, что обозначение теории как психологической означает «обвинение», что можно по возможности отрицать, пока еще – даже в философии – мы считаем ее вероятной, устремляясь к исследованию, свободному от настроений и оценочных суждений.

Несмотря на сдержанность Брентано, его доктрина суждения – психологизм. Если Брентано сказали, дескать, это «учение, отрицающее всеобщность познания» (3), то он может с полным правом заявить, что никогда и нигде не учил подобному воззрению. Вопрос в том, охватывается ли это «определение» в глубине души сущностью психологизма. Приведенное выше учение способно быть одним из последних следствий психологического учения о познании; но подлинную сущность психологизма следует определять тем, что он не признает своеобразия логического по отношению к психическому, собственной реальности логического предмета по отношению к психической реальности (4).

В этом смысле теория суждений Брентано носит психологический характер. В самом деле, возможности того, что Брентано хотел написать только психологию суждения, когда данная аргументация изначально оказывалась беспредметной, на самом деле не существовало. Скорее Брентано

убежден, что его доктрина суждения «ведет к полному перевороту, но также и к перестройке элементарной логики. И тогда все станет проще, понятнее и точнее» (5). Еще до своей «Психологии» Брентано писал: «Всякая глубокая логика должна проникнуть в свою область [психологии], и нет другой причины, по которой логика в известные времена стала бесплодной и чахлой, кроме как потому, что она не пустила своих корней в почву психологии и не нашла там пищи для разума» (6). В конце раздела «О психологизме» этот ход мыслей возвращается (7).

По характеру своей постановки вопроса Брентано уже прокладывает себе путь к логическому. Его интересует только психическое поведение, душевная деятельность по отношению к объекту. Это «я», содержание мышления, тогда как содержание суждения остается несущественным для его теории. Брентано обращает внимание на то, что происходит «по эту сторону», образно говоря, логического объекта в субъекте, выносящем суждение, и переносит туда сущность суждения. Сей абсолютный акцент на признании или, соответственно, отрицании как характеристика, направляющая к его теории своеобразные интерпретации. Что на самом деле означает признание или, соответственно, отрицание? Отказаться? В конце концов, это не слепой психический процесс, душевное изменение; если я отрицаю «А», то последнее не может означать «изгонять»; я должен иметь его прямо сейчас, чтобы иметь возможность отвергнуть его, т. е. представить как не существующее. Признать неопределенность этого слова и, соответственно, отбрасывание также связано с понятием «существование».

Сравните два следующих суждения: 1) «А (это дерево) есть» и 2. «А> В (математическое отношение) есть». Оба суждения отнесены к основному типу, «экзистенциальному предложению». Но в первом суждении я совершенно очевидно хочу отметить, что «есть» – нечто иное, нежели во втором. «А» (дерево) находится в определенной пространственно-временной среде, и во втором суждении было бы бессмысленно «подразумевать» что-либо подобное. И все же, согласно Брентано, и «А», и «А> В» признаются одинаково. Но признание этого в обоих случаях должно иметь различный смысл; если признать = сказать «да», то различие возможно только в том случае, если на что-то другое говорят «да». И тем самым мы подходим к решающему моменту, поскольку необходимо задаться вопросом, что вообще может быть признано и действительно признается в суждении. Признание должно быть обоснованным, иначе, согласно Брентано, не будет вынесено никакого суждения. Правильное обоснование признания, по-видимому, может

заключаться только в том, что признается, или в чем-то, с чем признанное связано, или, в конце концов, именно в этом отношении. Почему признается A> B (A = 5, B = 3)? Поскольку A> B требует этого, и этого требуют, ибо это так. Признается бытие как таковое, более того, бытие как нечто большее. Но если присмотреться еще ближе, то на самом деле признается не «большее», а его переход от отношения A к B. И это справедливо независимо от того, признается ли оно, когда и кем. И признать можно только то, что на самом деле верно. Что значит признать «миллион немецких солдат»? Задача логики суждения состоит не в том, чтобы показать «способ» «преднамеренного несуществования» объекта, а в том, чтобы научиться видеть «объект» признания свободным от всякого отношения к признающей «душевной» деятельности, изучать и оценивать его в его своеобразном способе реальности.

(1) Brentano, Psychologie v. emp. Standp. S. 103 [I, S. 112].

(2) Von der Klassifikation der psychischen Phänomene. Leipzig 1911. S. 165.

(3) Op. cit. p. 165.

(4) Ср. выше во Введении и ниже в Разделе V.

(5) Psychologie v. emp. Standp. S. 302 [II, S. 77].

(6) Die Psychologie des Aristoteles, insbes. seine Lehre νοῦς ποιητικός. Mainz 1867, S. 1.

(7) Von der Klassifikation der psychischen Phänomene. S. 167.

IV. РАЗДЕЛ

СУЩНОСТЬ СУЖДЕНИЯ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ПОВЕДЕНИИ, ТРЕБУЕМОМ ПРЕДМЕТОМ ПСИХИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА (ТЕОДОР ЛИППС)

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Представление теории в ее историческом развитии

Аналитическая функция, в которой Вундт видит действительное суждение (1), оказалась предварительным этапом в извлечении суждения. И если предварительно сопоставить теорию суждений Липпса с теорией Вундта, то можно сказать, что Липпс видит суждение в «действии», которое следует за собственно суждением в логическом смысле. Если бы здесь вообще можно было разумно использовать пространственно-временные определения, то суждение логики оказывалось бы между тем, что обе вышеупомянутые теории рассматривают как суждение. Однако последнее не только не находится между аналитической функцией и актом признания, но и вообще не остается в плоскости психических процессов. Суждение логики трансцендентно по отношению к ним и само по себе существует в сфере «смысла». Исследование теории суждений Липпса в настоящее время представляет интерес в том смысле, что мы рассматриваем. Изучение теории суждений Липпса представляет интерес теперь в том смысле, что мы встречаем развитие его взглядов, поступательное совершенствование и углубление, стремление, которое, в конце концов, не уклоняется от принципиального отказа от прежней позиции.

Это может означать, что сегодня Липпса больше нельзя считать «психологом». В одном отношении это верно: ведь натуралистически-реалистическое понимание законов мышления, которому, например, Гуссерль (2) дал правильное обоснование для борьбы с логикой Липпса, сегодня оставлено.

И все же логика Липпса не преодолела психологизма. Если это утверждение справедливо, то в области логики, отличной от области «законов

мышления», должно быть выявлено подыгрывание психологического способа мышления.

Теперь, если и указанное изменение взглядов Липпса, несомненно, направленное на вытеснение психологических заблуждений, не достигает желаемого конца, нам все же придется обратить на это наше внимание, поскольку оно, бесспорно, влечет за собой углубление в определении суждения. Актуальность этого вопроса тем более очевидна, что лингвистическая формулировка прежних и последующих взглядов на суждение в точности одинакова, но смысл различен.

В то же время, с одной стороны, наше критическое мнение становится излишним, поскольку мы позволяем Липпсу писать свою собственную критику в соответствии со своим курсом развития.

В рассматриваемом развитии мы выделяем три этапа. Первый включает критические рассуждения о логике Вундта (3) и «основных фактах душевной жизни» (4), которые, по замечанию в приведенных критических эссе, содержат его «эпистемологические убеждения в более подробном изложении» (5).

Второй этап охватывает «основные положения логики» (6) и работу «Субъективные категории в объективных суждениях».

Третий этап начинается в «Руководстве по психологии» (8) и включает в себя, помимо последующих изданий, еще отдельные ценные исследования (9).

Первый этап развития

§ 1. Философия и логика

В связи с центральным положением, которое Липпс (10) отводит суждению в логике, необходимо вкратце кое-что прояснить относительно отношения логики ко всему философскому. Липпс с самого начала считает, что логика (формальная) и теория познания рассматриваются вместе, если первая не обречена на бесплодие. В итоге, логику следует понимать в оном расширительном смысле. Таким образом, характер логики становится зависимым от понимания философии вообще.

По-видимому, особенностью философа, в отличие от исследователей в других областях знаний, является то, что он всегда ставит своей пробле-

мой прежде всего саму свою науку как таковую. Что такое философия? В чем состоит ваша задача по отношению к отдельным наукам, возникшим в ходе исторического развития? Становится необходимым переосмысление первоначального представления о философии как о науке вообще. Здесь следует иметь в виду две точки зрения. Область, обозначаемая этим термином, должна быть особого рода и требовать соответствующего метода обработки; кроме того, новое понятие должно охватывать те дисциплины, которые всегда рассматривались как собственно философские дисциплины. Этим двум требованиям соответствует определение философии «как духовной науки или науки о внутреннем опыте» (11). Психология, логика, этика и эстетика основаны на внутреннем опыте: «Их объектами являются представления, ощущения, волевые акты…» (12).

Стало быть, существуют только две всеобъемлющие науки: философия и естествознание, наука о внутреннем опыте и наука о внешнем опыте. В философские дисциплины входит, «несомненно, психология как наука о механизмах душевной жизни вообще, ее элементах и общих законах, являясь основной дисциплиной, на которой основаны все остальные» (13). Значит, логика есть психологическая наука, что прямо отмечает Липпс (14). В соответствии с этим воззрением Липпс решительно выступает против утверждения, что логика исходит из нормативных законов мышления, т. е. тех, в соответствии с которыми следует мыслить (15).

Закономерность мышления – не «уставная», как предполагается гражданскими законами, а «физическая», т. е. именно физические факты, поскольку они руководствуются не нормами, лежащими вне их самих, а законами, заложенными в их природе, как бы они ни были самими собой. Итак, логика имеет дело с «естественными законами» мышления. Логика предстает «физикой мышления или вообще ничем» (16). Ее задача в выявлении последних элементов и наиболее полных законов. Но в логике не должно быть никаких гипотетических предположений, никакой «игры в прятки». Духовные содержания должны стать предметом нашего непосредственного осознания со всей ясностью и полнотой. «Процессы познания» – это «непосредственно доступное» (17). Следовательно, логика представляется нам наукой о внутреннем опыте, и притом особой, касающейся фактов познания. Согласно Липпсу, Локк, Юм и Джеймс Милль, наряду с Кантом, «внесли новаторский вклад» в выполнение задачи, понимаемой подобным образом (18).

§ 2. Суждение и структура суждения

Логика, определенная таким образом, в сущности, «не имеет другого предмета», кроме сознания «определенных взаимосвязей того, что должно быть представлено так, а не иначе» (19). И это осознание является суждением для Липпса.

Путь, ведущий к этому определению, берет свою отправную точку в понятии апперцепции. Посредством апперцепции представлениям в душевной жизни присваивается их «место». То, что раньше было только в нас, мы усваиваем через них полностью самостоятельно. Теперь кажется, что и в суждении невозможна никакая другая функция, кроме как именно включение одного представления в совокупность других.

Значит, апперцепция и суждение оказывались бы просто разными словами для обозначения одной и той же вещи.

Теперь указанная классификация может двигаться в двух направлениях. Состояниям и событиям определяется место, которое они должны занимать в системе остальных объектов, состояний и событий; но тогда представления также можно отнести к «понятиям», т. е. мы устанавливаем их связь с «системой языковых знаков», «служащей» для фиксации, обзора и передачи содержания наших мыслей (20). Суждение теперь может обозначать оба типа классификации. Липпс не согласен с подобным мнением. Ибо одинаково существует сопоставление представлений без непрерывного знания названий объектов. Там, где эти понятия (имена) присутствуют, к сопоставлению представлений, первичному суждению, добавляются и другие акты знания. Так возникают сложные суждения (21).

Следовательно, Липпс понимает под суждениями «простые душевные акты… составляющие все наше знание, познание, выстраивающие мнение» (22). По сравнению с простым воображением знание является чем-то особенным и тем самым оправдывает новое название «суждение». Теперь необходимо резко выделить эту особенность.

Апперцепция, как «указание на должность», есть своего рода признание, а значит, и суждение. Но в суждении признается то, что мы делаем не по произволу; я переживаю представление не только в определенном месте в целом сознании, но к нему присоединяется нечто особенное: сознание того, что мы должны быть существами. Я сам, я осознаю, что «мое душевное действие или переживание имеет объективное значение – и проистекает не просто» (23).

Стало быть, действительное сознание оказывается новым по сравнению с простой апперцепцией, и везде, где оно возникает, в том числе и в отношении отдельных представлений – первоначально конкретно ощущений – мы имеем перед собой суждения.

«Значимость», «объективное значение», «реальность» Липпс считает синонимическими выражениями. Суждение также можно описывать как «осознание реальности».

Мы спрашиваем о природе этого сознания. Реальное есть желаемое. Например, когда я слышу один звук и хочу, чтобы он перешел в другой, «во мне возникает чувство, появляющееся всегда, когда душевные процессы вступают в противоречие» (24). С другой стороны, при одном только воображаемом звуке я могу случайно переключиться на другой. Липпс интерпретирует чувство подавленности при первой попытке услышать звук как противоположность следующим образом: «между моим свободным субъективным воображением и подавляющим чужим, объективным» (25). В качестве критерия различия между действительностью и воображаемым бытием выделяется чувство принуждения. Таким образом, природа осознания собственной значимости, суждения проясняется в чувстве принуждения, усилия. Липпс еще более конкретно характеризует чувство сопротивления как такое, «в котором до нашего сознания доходит взаимодействие между нашей свободной душевной жизнью и тем, что проникает в нее с периферии» (26).

В своих критических размышлениях о логике Липпс прямо отмечает соответствие Вундта его характеристике двух составляющих суждения. Только он хотел бы дать более четкую логическую формулировку определению субъекта как «более постоянно мыслимого понятия» и определению сказуемого как «изменяемого понятия». Предикат – то, к чему относится решение суждения; субъект – то, кем оно совершается; оно предстает как «установленное» (27). Здесь объясняется связь между ними: логический субъект есть условие, «при котором я должен представить известное мне содержание предиката» (28).

§ 3. Формы суждения

Суждение есть осознание реальности. Значит, формы суждения должны основываться на определенной модификации оного сознания, более того, на различных способах его возникновения.

Чувство принуждения в первую очередь вызывается ощущениями. Итак, во-первых, ощущаемое действительно. Но это также связано с репродуктивными представлениями. По прошествии некоторого времени я могу сказать по услышанному звуку, что это было на самом деле. Как я могу утверждать это сейчас, т. е. как воспоминание о рассматриваемом тоне приводит к чувству принуждения? Воспроизводится ли сие чувство вместе с представлением? Но тогда все представления при любых обстоятельствах, поскольку в конечном счете они сводятся к ощущениям, оказывались бы чреваты чувством принуждения. Но это неверно; следовательно, возникновение данного явления связано с определенными условиями. Звук, извлекаемый мной из памяти, не обладает чувством принуждения как звук – последнее происходит лишь при условии, когда я «мысленно» помещаю его в определенные временные и пространственные взаимоотношения с другими содержаниями представлений. Реальность не следует присваивать ему абсолютно, но только постольку, поскольку он находится в определенном месте моего мира представлений.

Сила убеждения проистекает от оных взаимоотношений.

При суждении о восприятии сознание реальности возникает непосредственно на основе ощущений, его «положение» предстает абсолютным. Рефлексивное суждение, напротив, есть репродуктивный процесс, «приводящий к возникновению сознания реальности» (29). Его положение – только в мыслях – относительно.

От условного (рефлексивного) суждения должно отличать гипотетическое. Оно происходит иначе, а не от того, что условия выполнены. В суждении «если есть обитатели Солнца, они должны быть организованы подругому, нежели мы», – также можно найти осознание реальности. Ведь до тех пор, пока и так часто я думаю о начальном предложении, постскриптум имеет для меня значение реальности. Однако направляющее сознание в гипотетическом суждении не обладает прочностью и продолжительностью. Если я воздержусь от формулирования предпосылки, то «сознание реальности погрузится в пустоту» (30). Возможно, что представление о первом предложении обладает сознанием реальности на основе других представлений, и это опять-таки относится к более отдаленным. Последняя точка опоры в данной системе связей представлений может быть достигнута лишь в абсолютном положении в суждении восприятия. Что в то же время подчеркивает важность и необходимость ассоциативной связи моих ощущений. Если бы она отсутствовала, то весь прошлый опыт оказался бы

фикцией. «Мое сейчас и здесь – конечная точка опоры для всей реальности, т. е. всего познания» (31).

Каждая ассоциация, поскольку она несет в себе потребность в представлении, имеет «материал» для суждения. Когда принуждение утверждает себя в отношении враждебных ему ассоциаций, тогда в нем преобладает действующее положительное суждение. Любое суждение рождается из такой борьбы, из «взаимодействия» враждебных ассоциаций. Таким образом, каждое суждение имеет положительный и отрицательный фактор, положительный и отрицательный, побеждающий и подавленный в борьбе. «Добавление» роста листьев к представлению о дубе является положительным фактором. Ношение иглы, а точнее «подавление» этого принуждения позитивным фактором, Липпс называет негативным фактором. То, что позитивный фактор «не терпит рядом с собой негативного», предстает «изначальным фактом представления» (32). Это совпадает с совершенно общим психологическим фактом наличия противоположностей представлений. Все мыслительные потребности суть «следствия психологических фактов» (33). Отрицательное суждение, исходя из вышесказанного, просто хочет сказать, что положительный фактор не терпит отрицательного рядом с собой. Отрицательное суждение не является самостоятельным рядом с положительным, это всего лишь отрицательная сторона самого по себе положительного суждения (34). Его познавательная ценность основана на факте дизъюнкции. Когда я говорю, что любовь к родине не голубая, это бесполезное суждение – не настолько, если я утверждаю, что роза не голубая, поскольку роза вообще имеет цвет, и из приведенного выше суждения уже следует, что из возможных цветов синий не допускается.

Второй этап развития

Эмпирически-сенсуалистическая установка в решении логических проблем, как это только что произошло с нами, не исчезает и во второй период, отмеченный нами. Здесь также бросается в глаза влияние Юма. Поэтому вполне справедливо может показаться неправильным говорить о втором этапе развития. Следует признать, что переход от второй стадии к третьей будет несравненно более значительным, чем переход от первой ко второй. Есть ли здесь вообще какой-либо прогресс? Несомненно, в том смысле, что логические проблемы решаются более глубоко и широко. Мы знакомимся

с уже известными воззрениями в новом свете, некоторые проблемы на первом этапе вообще не затрагиваются; и, что нельзя не отметить, чрезвычайно психологическая формулировка воззрений заметно отступила.

Таким образом, предположение о втором этапе развития оправдано, если не принимать термин «развитие» в смысле радикального преобразования.

§ 1. Суждение и структура суждения

Как и раньше, логика и сейчас считается «психологической дисциплиной, поскольку познание происходит только в психике, а мышление, которое в ней завершается, является психическим событием» (35). Однако Липпс прямо устанавливает критерий различия между чисто психическим и логическим, а именно объективность, «обусловленность объектами» (36). Суждение тем самым есть то сознание, которое «в воображении побуждается воображаемыми объектами» (37). Суждение можно кратко назвать «сознанием истины». Следовательно, «истина» также никогда не является возможным предикатом суждения (38).

Однако в то же время Липпс отмечает, что его определение согласуется с выдвинутым ранее предположением, что суждение – это то, в чем предсказывается истинное или ложное (!).

В «Логике» Липпс проводит фундаментальное различие (39) между формальными и материальными суждениями, которое, помимо прочего, способствует познанию собственной ценности предиката.

Формальное и материальное познание отличаются друг от друга тем, что в первом случае сознание необходимости относится исключительно к объекту сознания, независимо от того, действительно ли он идентифицируется как объективный или нет. Таким образом, объективная необходимость формального суждения совпадает с «безусловной необходимостью представления». Когда я воображаю себе треугольник, я всегда должен вообразить его так, чтобы две стороны вместе были больше третьей. Подобную объективную необходимость формального суждения можно определить еще точнее. Объективная необходимость сопоставления P с S не означает невозможности представить S, не имея возможности обойтись без совместного представления P, т. е. я вполне могу представить S отдельно. Скорее, необходимость заключается в том, что, сопоставляя P с S, я не могу заменить его не-P. Точно так же в объективной необходимости материального суждения заключается не невозможность обособленного представле-

ния о S, а, напротив, невозможность заменить P не-P без того, не превратив тем самым S в нереальное. Мне нетрудно представить себе, что люди бессмертны, только тогда этот предикат больше не относится к объективно реальным людям, которые в опыте идентифицируют себя как смертные. Значит, необходимость мышления, или логическая необходимость, является двойной: невозможность замены P-представления вообще (в формальном суждении) и невозможность замены P-представления, поскольку в результате исчезает характер действительности S-представления.

Предикат теперь определяется точнее, чем то, что при условии определенного субъекта не может быть заменено противоположным понятием. Subject qua subject не затрагивается сим «мыслительным отношением», заключающемся в способности мыслить без замены (40).

Подлежащее (субъект) и сказуемое (предикат) суть единственные элементы содержания суждения. Итак, по-видимому, связка не является третьей составляющей суждения, по крайней мере, она неоднородна. Хотя отношения, например, пространственные или временные, обычно представлены в «ткани представлений» между подлежащим и сказуемым, в чем нет необходимости. Тот, кто думает, что целесообразность мира требует существования Бога, не представляет отношения между целесообразностью и Богом. Вероятно, в «требовательности» существования Бога, основанной на целесообразности, есть логическая связь. Но это общее отношение «принадлежности предикатного содержания предметному содержанию». Это необходимо для любого решения. «Именно в их сознании заключается акт суждения» (41). Само по себе это общее отношение можно назвать связкой. Значит, это не элемент содержания, а, возможно, третья необходимая часть суждения.

§ 2. Формы суждения

Действительное («логическое») суждение, «полное» суждение есть то положительное, которое исключает всякую противоположную связь представлений. Тем самым отрицательное суждение становится синонимом сознания невозможности отнесения не-P к S. Это «обратная сторона» положительного. Утверждение и отрицание, в сущности, не что иное, как осознание «различных сторон одного и того же психического акта» (42). Как таковой, он может быть только положительным, т. е. чистой данностью объектных отношений, которая необходимым образом направляет ход

представлений в определенном направлении. Теперь это течение, поскольку оно всегда направлено в противоположную сторону, можно рассматривать как поворот в противоположную сторону. Утверждение есть осознание истины, «исполнение» суждения, отрицание – осознание неправды, «исполнение противоположного суждения» (43).

Проблема экзистенциального суждения (44) не представляет для Липпса никакой трудности. Его сущность заключается в сознании того, что оно подвергается принуждению со стороны данного объекта, и притом исключительно, а не в соответствии с предпосылкой субъекта. Итак, экзистенциальное суждение – это суждение без субъекта, непосредственное и обусловленное признание предиката. В нем конституируется «примитивное материальное познание». Вот почему с характером суждения нельзя не согласиться, хотя оно и лишено субъекта. Как и любое суждение, это суждение о бытии и небытии. Причем Липпс решительно отвергает мнение (45), будто в экзистенциальном суждении действительность, существование предстает предикатом суждения. Ибо объективная действительность невозможна для воображения как предмет или составная часть такового; действительность обозначает только «способ», которым в каждом суждении нам противостоит предикат. Вероятно, в лингвистической формулировке суждения, в предложении, «говорится» о существовании; но в предложении мы имеем дело только со словесными связями, а не с логическими различиями (т. е. для Липпса с психическими реальностями, поскольку на них одних нацелено признание).

Примитивный характер экзистенциальных суждений, содержащихся в актах восприятия и воспоминания, теряется для них, как только их объекты включаются в контекст. Если рассматривать это как всеобъемлющее, единственное, как тотальность, то в конце концов приходишь к «абсолютному экзистенциальному суждению» (46). Между примитивным и упомянутым абсолютным экзистенциальным суждением существует теперь сколько угодно ступеней. В конце концов, каждый объект включен в какой-либо контекст и получает из него свою точку отсчета, субъект. К чисто экзистенциальному суждению наиболее близки те, которые помещают свой объект в общий контекст, хотя и в качестве неопределенного. Сюда относятся имперсональные суждения. Суждение «идет дождь» помещает дождь в более или менее точно определенную пространственную, временную или причинно-следственную связь. Таким образом, личностные суждения суть суждения с «неопределенным субъектом» (47).

Липпс проникает в сущность гипотетического суждения через модификацию суждения, основанного на умозаключении. Подобным суждениям свойственно то, что к ним привязывается сознание, когда они проистекают из определенных других. Суждение, которое следует, называется последующим суждением. Суждения, из которых это следует, являются обосновывающими суждениями или предпосылками; переход от них к предпосылкам и есть заключение. Стало быть, каждое последующее суждение неявно содержит в себе и заключение. Выводимое суждение – это не только осознание связи между субъектом и предикатом, но и расширенное осознание того, что связь является закономерной, основанной на причине и следствии.

В гипотетическом суждении теперь «тут» обосновывающего суждения превращается в проблемный «случай» (48); теперь и последующее суждение больше не может «иметь место на самом деле». Следовательно, в гипотетическом суждении остается только сознание необходимости что-то мыслить, если мыслится что-то другое. Психологически существует такая закономерность, что в случае исполнения одного определенного суждения может быть исполнено другое «то же самое».

Однако эта закономерность приходит в осознание только так, т. е. гипотетическое суждение возникает лишь таким образом, что стремится к «пробной реализации»; размышляя о предпосылке, я испытываю потребность обдумать последующее суждение. Обычно рассматриваемый тип развития мышления дает повод для «экспериментальной» реализации предпосылки. В самом гипотетическом суждении такой повод не обнаруживается; отсюда оно как таковое, по своему смысловому содержанию, как «смысловое суждение», остается недостижимым. Реализация достигается только при суждении предложения как неадекватного «представителя сознания»; возможно только осознание необходимости облекать слова в определенную форму предложения.

Заместительная функция суждения о смысле суждения, по мнению Липпса, основана на том факте, что взаимодействие психических элементов не отличается по своему характеру, если элементы даны не полностью сознательно, а лишь частично, даже совершенно бессознательно (!). Применительно к суждению это означает, что психическое воздействие представления субъекта на представление предиката, т. е. психологический акт, к которому оно призывает, остается возможным без полного явного осознания представлений о значении. К словам, связанным со смысловыми представлениями, могут быть установлены необходимые отношения, и тогда прину-

ждение к сознанию берет свое начало из отношений слов. Гипотетическое суждение представляется Липпсу только таким образом, что вообще становится психологически осуществимым только как суждение о предложении.

§ 3. Основание суждения и закон мышления (49)

О причинах суждения можно говорить в трех смыслах. Раз субъект всегда является причиной предиката, поскольку от него зависит, какой предикат может и должен быть связан с ним; тогда предпосылка предстает причиной последующего суждения в последующем суждении; и, наконец, рассмотрение может быть направлено на причины возникновения суждения как такового. Такие причины бывают двух видов: опыт и закономерность ума. Эти основания суждения – то, «что приводит к тому, что представления могут быть содержательными для других субъектов или предикатов» (50). Опыт понимается здесь в самом общем смысле как данность в сознании. Это присутствие в сознании делает необходимым определенное представление или условие представления. Непосредственным основанием суждения остается восприятие, более косвенным – прежнее существование объектов (воспоминание) или объектных связей (ассоциации). Обоснованные таким образом суждения могут быть обобщены как апостериорные. Тогда априорными должны быть те, которые опираются на то, что «обнаруживается в человеческом духе независимо от опыта» (51). Априорное в духе есть теперь именно он сам, закономерность его природы. Поскольку же и в восприятии, ассоциации, воспоминании об элементах опыта присутствует не все, а «деятельность духа» (52) одновременно с суждением, постольку о чисто апостериорном суждении не может быть и речи.

Законность духа означает не что иное, как «постоянство или последовательность» (53) процесса мышления, тот факт, что при одинаковых условиях должно мыслиться одно и то же, что одинаковые основания для сознания влекут за собой одинаковые последствия. Таков основной закон разума, и притом единственный, по отношению к которому традиционные законы мышления являются всего лишь тавтологиями.

Чтобы привести пример, давайте рассмотрим применение закона мышления к суждениям, основанным на опыте. Тогда закон гласит: объект может быть создан на основе опыта не принуждать к осуществлению идеи и в то же время «воздерживаться» от этого принуждения (54). Закон мышления в эмпирическом использовании есть «причинный закон». «Логиче-

ское принуждение» к необходимости мыслить один объект, поскольку мыслится другой, «вызывается» ассоциациями опыта (!) (55).

Третий этап развития

Недавно изложенная проблема «закона мышления» «недвусмысленно свидетельствует о доминирующем влиянии Юма, мастера в искусстве психологического анализа» (56). В приведенном предисловии Липпс указывает, следует ли считать Юма или Канта «величайшими исследователями» в области теории познания, у кого из них еще есть чему поучиться; но он полагает, что может предсказать, «что в будущем люди будут судить об этом иначе, нежели сейчас, возможно, даже привыкши судить об этом с притязанием на самоочевидность» (57).

О том, что пророчество не является делом философа, показывает Липпс в дальнейшем ходе развития. Поскольку спустя полвека после процитированного изречения Юм в принципе будет оставлен.

Но в то же время в этом проявляется поразительная непредвзятость по отношению к предыдущим заблуждениям.

§ 1. Суждение, предмет, требование

В «Основных фактах душевной жизни», как и в «Логике», суждение определялось как сознание, побуждаемое объектами в воображении, как сознание действительности, имеющее значение. В «Руководстве по психологии» Липпс пишет: «Суждение есть… всякое действительное сознание», всякое «предметное сознание» (58).

За этим буквальным соответствием скрывается радикальное различие значений. Это различие значений сразу же обнаруживается, когда мы проясняем себе новое понятие предмета. Еще в «Логике» содержание и предмет употребляются в том же значении (59), что и объект сознания. Теперь мы сталкиваемся с изменившейся ситуацией. В «Руководстве» подчеркивается «противоположность» (60) между содержанием и предметом, причем настолько фундаментальная, что вся дальнейшая психология зависит от ее признания и фиксации. Содержание ощущается, воспринимается, воображается; предметы, напротив, мыслятся. Объектом является означаемое, противоположность которому я «сознательно переживаю» (61); то, что воспринималось, было воспринято в противоположность просто

воспринимаемому содержанию. Предмет, как противостоящий мне, существует не только во мне, но и для меня.

Когда я сейчас говорю о своем друге, выношу суждения, смотрю на него, то, несомненно, его образ стоит у меня перед душой. Но я не сужу по образу, не стремлюсь к образу (ибо тут это есть), но все эти акты как бы «проходят» через образ, содержание представления, к совершенно отличному от него в своем бытии другу как предмету, он и есть означаемое. Содержание, изображение представляют для меня в качестве «заместителя» или символа то, к чему я на самом деле стремлюсь. Когда я смотрю на куб, то действительно воспринимаемое, реальное содержание сознания есть нечто плоское; напротив, предмет, который я мыслю, трехмерен. Еще более наглядно Липпс иллюстрирует противоположность символа $\sqrt{-1}$. Это качественно не имеет и меньшего общего с числом в области комплексных чисел, квадрат которого равен – 1. Предметы противостоят «всему психологическому как его абсолютная противоположность» (62). Человек становится «психологом», когда сопоставляет психологические «события» с тем, что противостоит всему этому (63).

Предметное сознание, «своеобразно новое переживание сознания», может иметь двойственное направление в отношении материала содержания ощущений. Он может проходить через него к означаемому объекту или само содержание способно становиться объектом в виде изображения. Предметный мир – отдельный. «Мыслимые объекты независимы от того, находятся ли они в состоянии ощущения и соответственно содержания восприятия, или мыслятся они в содержании простого представления» (64). Именно благодаря этому бытию в себе объект предъявляет нам «требование».

С понятием требования (65) к нам приходит вторая новая величина в теории суждений.

Идея требования становится столь же важной в качестве основного понятия теории суждения, как и психологии вообще. Предмет требует, означает, что он притязает на признание; характер требования – это то же самое, что несет в себе факт как факт; осознание реальности последнего есть осознание его требования. Действительность ограничивает это только тем, что предметы требуют. Липпс теперь прямо отмечает, совершенно вопреки своему прежнему мнению: сознание необходимости признать необходимость требования – это «не принуждение» (66). Принуждение – психологическое требование, логическое понятие. Если я неохотно признаю логическое требование, вполне возможно, что имеет место психологическое

принуждение; однако в других случаях мое психологическое состояние сознания может складываться таким образом, что я с радостью принимаю логическое требование. Все это второстепенные, несущественные психологические моменты. Предмет, который является только одним из таковых в качестве мыслимого, «не действует психически и не испытывает психических воздействий, но он требует» (67).

То, что предметы требуют, и эти требования утверждают себя, можно короче обозначить как «действительность» (68). В сознании предмета мышление выходит за пределы самого себя, стремится к чему-то, что существует не в сознании, а для сознания. Сознание способно к своеобразному: «перепрыгивать через собственную тень». Мое осознание требования – это не само требование, а мое переживание его.

Тем самым все должно быть подготовлено к пониманию того, что определение суждения как действительного сознания имеет теперь совершенно иной смысл. Осознание значимости есть осознание того, что требуется. Липпс больше не говорит о «чувстве принуждения», которое вызывает представления, о «непреодолимой силе», заключающейся в связи представлений и вызывающей сознание «значимости». Действительность и психологический факт принуждения признаются в их полной несхожести. Применять – это то же самое, что требовать, связывать воедино предмет и предметные определения, поскольку toto coelo отличается от психического объединения.

«Объекты суждения мыслятся в суждении, но их требования не мыслятся, а переживаются» (69), т. е. как переживается удовольствие, которое я испытываю в данный момент. Требование объекта «роза», чтобы его считали красным, не мыслится, а переживается. Сознание требования есть опыт требования. «И моя реакция на это переживание – признание требования, или акт осуждения» (70). Я в некотором смысле «слышу» «зов» требования, а «слышать» – это «что-то во мне». За сим слушанием следует мое одобрение, мое согласие. Требования суть нечто, относящееся к предметам, и все же это не предметы, даже не частичные предметы, скорее нечто «предметное».

С другой стороны, можно получить еще более точное представление о сущности акта суждения. Мы идем по тому же пути, по которому уже шли в «Основных фактах», и берем за отправную точку апперцепцию. Там под апперцепцией понималось указание места в сфере содержания сознания. С введением понятия очищенного объекта ситуация и здесь стала иной.

В качестве завершения внутренней деятельности по обращению внимания на существующие воспринимаемые содержания сознания возникает «простой мыслительный акт». Когда я достигаю предмета, отображаемого в содержании, он становится для меня предметом, я намереваюсь его иметь в виду. От этого простого представления о чем-то точечном продолжается линейность собственно мыслительной деятельности, когда я исследую предмет, размышляю о нем. Эта деятельность отличается от деятельности по обращению, которая завершается простым актом мышления, как бы более высокой ступенью внимания. Липпс называет это «апперцептивной деятельностью». В свою очередь, опрашивая объект, она снова находит завершение в ответе на вопрос, т. е. в самом акте суждения. Ответ подсказывает мне, какие требования предъявляет предмет. Суждение тогда есть осознание этого требования, т. е. «что нечто является не моей вещью, а предмета» (71). Суждение совпадает с признанием или отрицанием признания. Что признается, так это предметные требования.

Это признание снова предстает точечным, «схватыванием», акт Липпса замечает отсюда, что «суждением» называется и то, что признается, соответственно отрицается, и само признанное было бы тогда синонимом «объективного» у Мейнонга (72). Исходя из вышеизложенного, можно сказать, применимо это или нет. То же самое относится и к суждению в смысле акта суждения, т. е. «оценки» данного «суждения». Только в собственном смысле этого суждения можно сказать, что оно истинно или ложно. Ложные суждения также называют ошибочными. Суждения не могут ошибаться в своих утверждениях: это могу сделать только я. Суждение, воспринимаемое как акт признания, также согласуется с «обычным употреблением». «Суждение есть то, в чем я участвую для всех» (73).

§ 2. Структура суждения и формы суждения

В соответствии с новыми понятиями, ныне вошедшими в доктрину суждения, теперь в качестве субъекта суждения определяется требующее. Следовательно, сказуемым должно быть то, «о чем требуется подумать» (74). Липпс называет заблуждением полагать, что составные части – подлежащее и сказуемое – и даже связка присутствуют в каждом суждении. Так что в этом вопросе он все еще придерживается старой позиции. Таким образом, в простом качественном суждении отсутствует «противопоставление» подлежащего и сказуемого. Это признание представленного мной

является именно данным определенным. Качественная определенность требует самой себя (75). Лингвистическая форма суждения – именование.

Ранее (76) экзистенциальное суждение характеризовалось как лишенное субъекта и в то же время подчеркивалось, что существование не может быть при этом предикатом. Сейчас это учение полностью заброшено. В экзистенциальном суждении «качественно определенный объект – это требующее, т. е. субъект; бытие или представление – предикат» (77).

Однако в сих суждениях, как и в чисто относительных суждениях, отсутствует предмет-предикат. Вместе с тем, когда требуется способ отношения предметов друг к другу, например, тождество, отсутствует не предикат – а именно способ отношения – предмет и, следовательно, связка. Стало быть, Липпс не рассматривает чистое отношение как объект.

И связка возникает лишь тогда, когда субъект-предмет противопоставляется предикату-предмету в суждении, например, в суждениях о принадлежности. В таких случаях требуется определенный способ присвоения соответствующих предметов. В суждении: «дерево стоит рядом с чем-то», связкой оказывалась «рядом с чем-то» (78).

Но связка может браться и в другом смысле, а именно в «достоверности отношения». Эта «действительность» «логически связывает» субъект и предмет-предикат друг с другом (79). В суждении: «дерево стоит рядом с домом», дом «прибавляется к нему» (80).

Выше вскользь отмечалось, что Липпс не рассматривает отношения как предмет. Учитывая исключительную важность отношений в логике, нам интересно узнать, как Липпс объясняет суждения о соотношении (81). Упомянутые суждения – суждения о тождестве, различии и сходстве – представляют собой «единство в духе». Требуется определенный «способ совместного мышления», полное или частичное, или постепенное «освещение мыслительных актов» (81). Например, в суждении о тождестве я осознаю, что предметы требуют (!). Дабы мыслительные акты, в которых они мыслятся, были заменены одним, или чтобы предмет, мыслившийся дважды, «мыслился только один раз». Суждение о различии есть сознание, предметы должны мыслиться в отдельных актах мышления.

Аналогично Липпс интерпретирует суждения о числах.

(1) Ср. выше Раздел I.

(2) Ср. Logische Untersuchungen. I. Aufl. Bd. I. 1901. Kap. III.

(3) Die Aufgabe der Erkenntnistheorie und die Wundtsche Logik. Phil. Monatshefte XVI (1880) S. 529–539, XVII (1881) S. 28–58, S. 198–226, S. 427–445.

(4) Bonn 1883.

(5) Phil. Monatshefte XVI, S. 537.

(6) Leipzig 1893.

(7) Phil. Monatshefte XXX (1894) S. 97–128.

(8) Leipzig 1903, 1906, 1909.

(9) Psychologische Untersuchungen. Bd. I. Heft I (1905). Bewußtsein und Gegenstände. S. 1–203. – Inhalt und Gegenstand; Psychologie und Logik. Sitzungsberichte d. philos.-hist. Klasse der K. B. Akademie d. Wiss. zu München 1905, S. 511–669. – Naturphilosophie. Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. Festschrift f. K. Fischer. Heidelberg 1907. S. 58 bis 182.

(10) Phil. Monatehefte XVII, S. 54, 55.

(11) Grundtats. S. 3.

(12) Op. cit.

(13) Grundtats. S. 4.

(14) Phil. Monatshefte XVI, S. 538: «Я назвал изучение фактов познания психологическим анализом. Чем я уже дал понять, что не возражаю против того, чтобы называть логику психологической наукой».

(15) Op. cit. p. 529.

(16) Op. cit. p. 531.

(17) Op. cit. p. 535.

(18) Op. cit. p. 539.

(19) Phil. Monatshefte XVII, S. 55.

(20) Grundtats. S. 394.

(21) Стоит вскользь указать на сильно выраженный номинализм.

(22) Grundtats. S. 395.

(23) Op. cit. p. 395.

(24) Op. cit. p. 397.

(25) Op. cit.

(26) Op. cit. p. 409.

(27) Phil. Monatshefte XVII, S. 206/7.

(28) Op. cit. p. 214.

(29) Grundtats. S. 398.
(30) Op. cit. p. 399.
(31) Op. cit. p. 400.
(32) Op. cit. p. 411.
(33) Op. cit. p. 411.
(34) Ср. Grundtats. S. 412.
(35) Logik, S. 1/2.
(36) Op. cit. p. 4.
(37) Op. cit. p. 16/17.
(38) Op. cit. p. 58.
(39) Op. cit. p. 17.
(40) Op. cit. p. 21.
(41) Op. cit. p. 22.
(42) Logik S. 33. Tatbestand d. i. Erkenntnisinhalt a. a. O. S. 55.
(43) Op. cit. p. 33.
(44) Op. cit. p. 51 et seq.
(45) Op. cit. p. 57.
(46) Op. cit. p. 54.
(47) Op. cit. p. 57.
(48) Op. cit. p. 64.
(49) Op. cit. p. 139 et seq.
(50) Op. cit. p. 140.
(51) Op. cit. p. 141.
(52) Op. cit. p. 142.
(53) Op. cit. p. 149.
(54) Op. cit. p. 150.
(55) Op. cit. p. 154.
(56) Ср. Предисловие к переводу Липпса Юма – Humes Treatise on human nature. Leipzig 1896.
(57) Vorwort S. III. (58) Leitfaden der Psychologie. Leipzig 1903 (Le.) S. 141.
(59) Ср. Logik, S. 140,141.
(60) Le. S. 56.
(61) Inhalt und Gegenstand, Psychologie und Logik. Sitzungsberichte der philos.-hist Kl. d. K. B. Akad. d. Wiss. zu München 1905. S. 517. (I. u. G.).
(62) I. u. G. S. 522.
(63) Op. cit.

(64) Bewußtsein und Gegenstände. Psychol. Unters. Bd. I. 1905, S. 31.

(65) Более подробно, чем в своем Leitfaden, Липпс в своих Psych. Untersuchungen. Bew. u. Geg. Kap. VII, S. 76–91.

(66) Le. S. 59.

(67) Op. cit. p. 60.

(68) Bew. u. G. S 91.

(69) Op. cit. p. 85.

(70) Op. cit. p. 86.

(71) Op. cit. p. 57.

(72) Ср. О восприятии – Über Aim abm en. II. Ergänzungsband zur Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane 1902. Kap. VII. 2. Aufl. 1910. Далее: Über die Stellung der Gegenstandstheorie im System der Wissenschaften. 1907.

(73) Bew. u. G. S. 60.

(74) Le. S. 142.

(75) Ср. op. cit. p. 143.

(76) Ср. выше, op. cit. p. 137/138.

(77) Le. S. 143.

(78) Op. cit. p. 143. (79) Op. cit. p. 144.

(80) Bew. u. G. S. 70.

(81) Op. cit. p. 76 et seq.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Критическая оценка

Перед критическим замечанием необходимо прояснить, в какой степени Липпс считал, что его прежние взгляды нуждаются в исправлении. Следует спросить: в каком, собственно, месте начинается перестройка; является ли перестройка продвижением и почему?

На каждом этапе своего развития Липпс интерпретирует суждение как сознание реальности, основанное на восприятии. Суждение – это тот факт, что я осознает реальность. Акт осознания сохраняется во всех формулировках как образующий суждения. Итак, если различие все же должно существовать, то оно может заключаться только в том, к чему относится сознание, акт признания. В зависимости от четырех определений того, что признается утверждаемым, возникает различный смысл слова «действительный».

В первый и второй периоды в качестве материала значимости встречались факты познания, т. е. представления и связи представлений. Сознание ведает, что противостоит психическому механизму представления. Возникновение и объединение вместе – это как бы цепочка представлений. Попытка осознания: разделить их и соединить с другими компонентами не удается. Познающее психическое «я» испытывает это бессилие в чувстве сопротивления, которое, с другой стороны, в то же время проявляется как чувство принуждения признать навязчивую связь представлений. Принуждение может даже исходить из обособленного представления, как в экзистенциальном суждении. При отрицательном суждении резко проявляется борьба представлений и утверждение комплексов представлений, в отличие от других. Каждый факт воображения именно как психически реальный, конечный – «позитивен». Отрицательное суждение может быть только другим выражением этого факта, а именно, что эта положительная связь представлений имеет другую попытку установления связи и именно благодаря этому утверждает себя. Отрицательное суждение лишено всякого самостоятельного характера. Там, где существует такая борьба представлений и где она проходит, там может быть вызвано действительное сознание. Если в гипотетическом суждении отсутствует психическая реализация переднего предложения, то постскриптум, как того требует психика, также не может быть реализован. Только «в том случае, если»

произойдет первое, постскриптум обязательно возникнет, а вместе с ним и осознание реальности.

Этим сенсуалистически-психологическим мышлением объясняется и воззрение Липпса о том, что связка отсутствует во многих суждениях. Ибо не всегда возможны пространственно-временные отношения между субъектом и предикатом-предметом, как, например, в суждении: дерево стоит рядом (1) с домом.

Однако Липпсу известно еще одно понятие связки, разумеемое как «логическое отношение» принадлежности предиката субъекту, которое мы обсудим ниже (2).

Во всяком случае, должно быть ясно, что противостоит сознанию как утверждению. В то же время нетрудно понять, что должно означать это «применять». Применять на этой ступени означает вызывать психическое принуждение, вызывать в познающем «я» чувство принуждения. Действительность есть психологическая действенная необходимость, «логическое (т. е. психическое) принуждение».

Итак, как же теперь происходит перестановка? Сознание направляет свой акт распознавания уже не на психические явления, процессы воображения, а на то, что подразумевается, мыслится посредством содержания представления, на предмет. Этот мир предметов находится за пределами психического и поэтому также не может стать психически действенным. С введением понятия объекта отпадает понятие значимости в смысле психического принуждения.

Предметы не действуют, а предъявляют требования, требуют, чтобы их признали, т. е. они действительно существуют. Применительно к настоящему времени говорится: требование существует на законных основаниях. Сами требования теперь не мыслятся, значит, предметы опять же «переживаются». «Моя реакция» на это переживание – признание требования, фактический акт суждения.

С появлением понятия предмета и вызванного этим необходимым изменением понятия действия определение предмета, несомненно, вышло из области психологии и приблизилось к форме, которую требует логика. Но разве, несмотря на этот неоспоримый прогресс, она не остается принципиально застрявшей в психологии в решающих моментах как акт признания? Этот акт является «моей» реакцией на переживание требования. Переживание как таковое есть определенность моего «я», акт называется «включением» психической деятельности, актуальности.

Но здесь Липпс приказывает нам остановиться. Предметы предъявляют свои требования не к тому или иному индивидуальному «я», а к сознанию вообще. Различают двойное понятие психологии. В более общем смысле Липпс понимает психологию как «науку об опыте уверенности вообще» (3). Сей опыт уверенности предстает либо опосредованным, либо непосредственным.

Наука об опосредованном опыте «я» совпадает с известной эмпирической психологией; она рассматривает переживания сознания постольку, поскольку они происходят у индивида. Таким образом, эмпирическая психология выходит за рамки непосредственного опыта. Ее объектом является «реальное Я», душа, поскольку она обладает переживаниями сознания. Это «иметь» должно пониматься здесь в смысле «обладать»: его не следует объединять с «иметь что-то» в качестве содержания сознания. Наука о непосредственном опыте осознания, напротив, рассматривает переживания сознания исключительно как таковые.

Если я обращен к предметному миру, то в то же время я отвращен от своего индивидуального я; тогда «… во мне действует чистое Я» (4). Суждение притязает на безусловную значимость, поскольку, исходя из предмета, оно выносится чистым «Я».

Точно так же законы мышления не получены средствами эмпирической психологии, их всеобщность не основана на индукции. Логические нормы не сообщают о психологических фактах, а выражают переживания сознания: «Логика… лирична» (5). Подобно тому, как мои чувства и желания не найдены, а переживаются, так и законы мышления переживаются. И в переживании сих законов присутствует переживание сверхиндивидуального, сверхвременного «Я» (6). Индивидуальное «Я» есть сверхиндивидуальное в определенном месте (7). Предметы требуют, чтобы их мыслили, и это их требование относится к сознанию вообще. В мышлении заключается реальность предметов. Уступая требованию объекта, я должен в то же время мыслить в соответствии с законами абсолютного «Я». В этом мышлении я испытываю предметный запрос, я обретаю познание реальности. Требования различных от меня предметов суть «способы, которыми я становлюсь обладателем мыслительного акта трансцендентного Я» (8).

Отсюда, вероятно, и ответ на вопрос о том, «где» это абсолютное «я», станет примерно понятным.

Сверхиндивидуальное «Я» имманентно в нас или нам; и, однако, это не мы, а мы трансцендентны… Это в нас, но мы этим не являемся. Именно в той мере, в какой мы не являемся им, «мы должны быть такими» (9).

Кроме него, «абсолютно реального», «чистой деятельности», нет ничего; оно помещает предметы и в бесконечном количестве актов объективирует себя в индивидуальное «я». «Я непосредственно познаю одну из этих объективаций, а именно себя. Я могу узнавать других по этому неизведанному устройству моего ума. Это «Я» других людей. Впрочем, я не знаю, что еще может быть индивидуальным «я»; возможно, Солнечная система, возможно, каждая клетка, т. е. то, что мы называем Солнечной системой, или «Я», соответственно, возникает как клетка» (10).

Липпс называет свою данную точку зрения «объективным идеализмом». Вводя понятие предмета, он, чтобы спасти всеобщность суждения и, следовательно, логику вообще, переходит к понятию «сознание вообще». В связи с чем уместно вспомнить о Канте. И действительно, мы можем отметить эволюционный путь Липпса через философско-историческую линию, ведущую от Юма к Канту (11). Будь то Кант в трансцендентально-психологическом или трансцендентально-логическом образе, все остается здесь на месте. Во всяком случае, Липпс – и нередко встречающееся слово «дух», а наряду с ним: «чистая деятельность», «актуальность», говорит в пользу этого – сильно склоняется в психологическую сторону. Вероятно, в понятии «сознание вообще», как его толкует, например, философия Риккерта (12), нельзя искать чего-то мистического или психического, что очень близко к понятию Липпса.

Теперь возникает вопрос: является ли понятие абсолютного «я» чем-то принципиально измененным в теории суждений Липпса?

Если бы суждение было разработано исключительно в рамках трансцендентальной философии, как это недавно пытался сделать Ласк (13), то теория суждения Липпа перестала бы рассматриваться как психологическая теория. Если и до тех пор под психологизмом следует понимать любое допущение каких-либо нелогичных, реальных психологических моментов, то Липпс остается психологом. Он видит сущность логического суждения в акте признания и на этой основе конструирует решение специальных проблем суждения. Признание есть всегда дело человека, действие, определенное во времени, событие

Если бы не было индивидуумов, то не было бы и суждений; ибо кто должен выполнять функцию признания? Как бы ни действовало абсолютное «Я» в индивидууме, суждение логики остается для Липпса привязанным к какому-либо поступку индивида.

Еще яснее становится, насколько, несмотря на сильную трансформацию, все еще движется Липпс в психологическом плане, если мы проана-

лизируем позицию объекта и его требования по отношению к познающему. Требование предмета быть мыслимым (14) относится ко мне; я чувствую, что он определяет меня (15), отсюда необходимо сформулировать особые «чувства требования». Под чувством Липпс понимает «определенность непосредственно переживаемого «я»» (16). Чувства, вызываемые при различных типах осознания объективности, являются «логическими чувствами». Сознание объективной возможности, сознание необходимости, отношение причины и следствия – все эти типы сознания обозначают различные способы «того, как предмет противостоит мне, следовательно, определяет меня» (17).

Напротив, от этих «логических чувств» Липпс строго желает, чтобы они оказывались так называемыми «психологическими интеллектуальными ощущениями». Они выражают различно измененное собственное поведение по отношению к требованиям и тем самым образуют «психологическую обратную сторону логических чувств» (18). «Чистая логика» не имеет к ним никакого отношения. С другой стороны, логические чувства основаны на противоречии, напряжении между объектом и мной. Они являются «симптомами сознания» того, что в психическую жизненную связь проникает нечто постороннее. Насколько чистая логика имеет мало общего с определенностью «я», настолько же она не имеет ничего общего с чувствами.

Было бы разумно сказать, что «логическое чувство» – сего столь же мало, сколь и деревянного утюга. Ничего подобного нигде не встречается. Этому следует противопоставить факт, что логические содержания вполне могут создать в познающем «Я» определенную детерминацию его состояния. Другой, правда, заключается в том, не относятся ли данные чувства в такой же степени к области психологии, как и «психологические интеллектуальные чувства». Но Липпс должен был провести именно это различие, поскольку для него логическое суждение, связанное с «Я», становится возможным прежде всего благодаря поступку оного «Я».

С этим мнением тесно связано то, что Липпс не отдает должного отрицательному преимуществу в своей самостоятельности и способности координировать свои действия по сравнению с положительным. Каждое требование само по себе является чем-то безусловным, а акт признания как таковой – позицией. Поскольку суждение всегда является таким «положительным» актом, естественно, не может быть суждения, в котором отсутствовал бы сей позиционный характер. Следовательно,

отрицательное суждение – всего лишь «отрицание одного положительного суждения другим» (19).

Последнее означает, что требования могут быть несовместимы друг с другом как заповеди, они могут сводить на «нет» друг друга. Таким образом, возникает негативное логическое требование, «логический запрет». И признание позиции этого запрета – отрицательное суждение.

Но акт признания, как нечто возникающее во времени и столь же вновь исчезающее, как поступок и факт вообще, восхищен альтернативой, положительной или отрицательной. Акт есть не столько одно, сколько другое. В лучшем случае его не любят, не ставят на место; но тогда он не отрицательный, а вообще ничто. Суждение как этот акт, суждение логики, как мы должны заключить, не может быть принято этими качествами.

Значит, должно быть доказано, насколько определение суждения Липпса выходит за рамки логики.

Различие между положительным и отрицательным суждением, которое само по себе несовершенно, поскольку отрицательное суждение в своей логической самостоятельности кажется сведенным к минимуму, Липпс выигрывает только в обход того, к чему относится суждение – требований, которые должны отрицаться как несовместимые. Здесь, несомненно, присутствуют реминисценции из более раннего чрезвычайно психологического периода (20). В «суждениях о различии и количестве» также совершенно ясно видно, что Липпс рассматривает суждение с психологической точки зрения. Если бы в суждении о различии, как того требует Липпс, предметы должны были мыслиться «в отдельных актах мышления», то вообще никогда не было бы познания различия. Если я мыслю «a» отдельно, а «b» также отдельно, то я еще не знаю, что оба они различны. Именно в сочетании того и другого я только тогда осознаю их как разные. Только то, как я добиваюсь познания различий, как я должен при этом действовать, рассуждая, не подлежит сомнению в суждении логики. Точно так же и в суждении о числах «это четыре дерева» я не должен совершать четыре мыслительных акта. Хотя это верно, когда я занимаюсь подсчетом. Но там, где высказывается результат, логик зависит исключительно от смысла данного суждения, психологический ход получения суждения остается бессмысленным для логических целей.

Таким образом, понятие требования совершенно недвусмысленно оказывается зависимым от психологических моментов; от меня всегда требуется определенное действие, выполнение, событие, происходящее во вре-

мени – выражение «требование» вообще следует избегать в рамках чистой логики, поскольку оно всегда влечет за собой мысль о том, что требование переходит к тому, кто его выполняет. Тогда выполнение немедленно приобретает характер действия, последующего (в соответствии с требованием предмета) действия, как это происходит у Липпса. И если сущность логического суждения лежит даже в акте признания, то такая теория суждения в принципе остается в области психологии.

С другой стороны, можно получить представление о неадекватности концепции требования. Мы обращаем внимание на составляющие суждения. Не требует большого обсуждения вопрос о том, может ли Липпс последовательно вообще различать в суждении подлежащее и сказуемое, и даже связку. Акт, а ведь это суть суждения, всегда остается чем-то абсолютно единичным, фактом – вопрос о субъекте акта сразу становится бессмысленным. Следовательно, Липпс, чтобы вообще иметь возможность установить различие или «противоположность» подлежащего и сказуемого, должен вернуться к тому, на что ссылается суждение. В качестве субъекта определяется требующее, объект; то, «о чем требуется подумать» (21), считается сказуемым. На самом деле требуется думать, но в мышлении обязательно остается включенным то, что мыслится. Очевидно, что в добавочном мышлении что-то добавляется, и это «что-то» является предикатом. И все же, по мнению Липпса, ошибочно пытаться найти подлежащее и сказуемое в каждом суждении. В простом качественном суждении – лингвистической формой которого является именование – сказуемое невозможно обнаружить. Но в то же время совокупность как принадлежность (22) предиката субъекту не должна отсутствовать ни в одном суждении. Итак, если в приведенном суждении предикат не может быть обнаружен, то, где должно быть место связке как отношению? Между субъектом и –? Существующая дисгармония усугубляется еще и тем, что Липпс устанавливает различие между сказуемым и субъектом сказуемого. В экзистенциальном суждении требуется «быть представленным» (Dasein). В суждении об отношении «“а” равно “а”» в качестве предиката выступает «определенный способ отношения», т. е. определенный способ совершения мыслительного акта. Таким образом, предикат присутствует в упомянутых суждениях: нужно представлять, нужно думать так-то и так-то. Предмет сказуемого и, следовательно, связка во втором смысле как наглядное отношение отсутствуют. Суждение: «дерево стоит рядом с домом» – указывает на то и другое. Дерево требует не только того, чтобы его представляли,

но и того, что должно быть дополнительно представлено, дом должен мыслиться как предмет предиката.

Согласно вышеприведенному определению, если предикат есть то, о чем требуется думать, то экзистенциальные суждения не имеют предиката так же, как и суждения об отношениях. Из вышеизложенного одинаково ясно, что Липпс в суждении об отношении «“а” равно “а”» указывает на «тождество», рассматривая отношение не как предмет в логическом (широком) смысле, а как «способ» отношения, вернее относимости.

Вся эта несбалансированность теории суждения в основном проистекает из психологически окрашенного понятия требования.

Понятием «требование» обозначается отношение между предъявляемым требованием и требуемым. Теперь звенья отношений не являются однородными. Предмет, требующее есть нечто апсихологическое, то, что требуется, психологический процесс, мышление. Липпс тем самым принципиально проложил себе путь к строго логическому определению предиката и отношения субъект-предикат, связки.

Выше подчеркивалось (23), насколько введение понятия «требования» стало решающим прогрессом по сравнению с чрезвычайно психологическим понятием «принуждение».

Тем не менее, переход от психологии к сфере чистой логики еще не сделан. И даже если бы он совершился, представление о том, что сущность логического суждения заключается в акте признания, остается психологизмом.

(1) Ср. выше.

(2) В априорных суждениях, в которых связи представлений и их необходимость не проявляются изнутри. Поскольку объекты обусловлены, принуждение возникает из психической природы самого духа, из его закономерности, которая находится на одном уровне с закономерностью природы; закономерность мышления – это постоянный и последовательный ход мыслительного процесса.

(3) In. u. Geg. S. 562.

(4) Op. cit. p. 545.

(5) Op. cit. p. 540.

(6) Op. cit. p. 543.

(7) Ср. эссе о натурфилософии – “Naturphilosophie” in “Die Philosophie im Beginn des 20. Jahrhunderts”. 2. Aull. 1907. S. 172.

(8) Натурфилософия, op. cit. p. 172.

(9) In. u. Geg. S. 663.

(10) Op. cit. 664/5.

(11) Ср. op. cit. p. 554 et seq.

(12) Ср. Der Gegenstand der Erkenntnis. 2. Aufl. 1904. Третье издание ожидается в ближайшее время. Далее: Zwei Wege der Erkenntnistheorie. Kantstudien XIV (1909) S. 169 ff.

(13) Die Lehre vom Urteil. Tübingen 1912.

(14) In. u. G. S. 653.

(15) Le. S. 250.

(16) Op. cit. p. 249.

(17) Op. cit. p. 252.

(18) Op. cit. p. 252.

(19) Op. cit. p. 147.

(20) Ср. выше.

(21) Le S. 142. Ср. выше.

(22) Выше уже указывалось на различное употребление этого понятия.

(23) Выше.

РАЗДЕЛ V.

ИТОГ КРИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЗОР ЧИСТО ЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О СУЖДЕНИИ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Результат критической оценки

Любую науку можно рассматривать как постановку вопроса по отношению к определенной предметной области. Поскольку каждая содержательная постановка вопроса как таковая включает в себя первый, а именно решающий подход для получения достоверной информации, необходимо четко определить, что должно считаться основным требованием к «подходу». В каждом вопросе что-то задается. Спрашиваемое, содержательный смысл вопроса, сводится к предмету. Смысл вопроса, ответ на который должен сделать возможным истинное познание, должен быть обязательно ориентирован на предмет, на который направлен вопрос. Вопрос «сколько граммов весит эта кривая второго порядка?», строго говоря, не лишен смысла, поскольку, выстраивая семь слов в ряд, можно кое о чем подумать; только в этом смысле существует противоречие. Вопрос невозможен, поскольку образуемые свойства кривой как кривой второго порядка, а также как геометрического объекта вообще, априори исключают определение, которое по существу присуще природным объектам, «материальным телам». В данном вопросе недооценивается сущность геометрического объекта, и любое, если вообще возможное «знание», мнимо способное дать ответ на этот вопрос, должно отвергаться как принципиальное заблуждение.

Психологизм – это одинаково постановка вопроса, и притом в области логики, при недопонимании собственной реальности логического предмета. Но оное положение еще недостаточно остро затрагивает сущность психологизма. В приведенном примере физический вопрос противопоставляется математическому предмету.

Таким образом, психологизм, как следует из названия, оставался бы психологическим подходом к логическому предмету. Но психологизм –

не просто неправильный подход к вопросу о предмете логики, он «вообще не знает логической действительности». Она сама по себе для него не является чем-то «помимо» психического, но совпадает с психической реальностью! Психологизм не только не признает логический предмет, поскольку рассматривает его только с одной стороны, по второстепенному признаку, и его непонимание предстает не простым заблуждением, а фактическим неведением.

Только придерживаясь этого ясного, основанного на принципе понятия психологизма, можно проверить, верно или неверно учение о суждении выдает себя за логическое. Здесь невозможно продвинуться вперед с понятием психологизма как учения, «отрицающего всеобщность познания» (1).

Критическое рассмотрение различных теорий суждения, как это было предпринято в предыдущем случае, не только доказывает их непригодность для логики, но и то, что психологизм в теории суждений проявляется поразному. Причина возможности подобных разновидностей в рамках психологизма заключается в том, что для характеристики процесса суждения раскрываются несколько «сторон» рассмотрения, и тем самым вопросы о сущности суждения становятся разнонаправленными. Как психологические, различные доктрины суждения, по существу, едины в своей общей концепции. Суждение есть психическая реальность, психический процесс, акт, деятельность: оно входит в контекст психической реальности, быстро или медленно образуясь, в своем течении проходя определенный отрезок времени и вызывая другие психические действия.

Психология знает простые и сложные процессы, психические элементы (ощущения), из которых строятся сложные психические реальности. В суждениях теперь чаще всего встречаются представления, причем в определенном порядке.

Теперь можно спросить: как происходит разделение представлений в суждении от исходных психических элементов? Более глубокое рассмотрение представлений и их связи позволяют увидеть разницу между ассоциацией и апперцепцией. С этим процесс суждения обнаруживает родство; более того, деятельность суждения прямо вытекает из двухчастного, основного свойства апперцепции. Этот путь прошел В. Вундт.

Но вывод суждения из основного свойства апперцептивной деятельности ума – это психологизм. А именно, при таком выводе суждение необходимо рассматривать как психическую реальность; возникновение и развитие имеют смысл и возможны только в пространственно-временной или, по крайней мере, во временной реальности.

При изучении сущности деятельности суждения нет необходимости возвращаться к психическим процессам, из которых возникает «суждение», исследующий взгляд может оставаться также направленным на деятельность суждения как таковую. Спрашивается, из каких частичных актов состоит суждение. Затем обнаруживается, что при суждении происходит уравнивание представлений; далее, судящий субъект устанавливает представление как реальное; наконец, в большинстве случаев, когда происходит суждение, представление объекта связывается с представлениями предложения. Но один из методов, который стремится найти сущность суждения в актах, составляющих деятельность суждения – это психологизм. Если такая постановка вопроса вообще может быть осуществима, то суждение необходимо понимать как психическую деятельность.

Но к проблеме суждения все же можно подойти с помощью гораздо более широкой постановки вопроса, чем те, которые исходят из «психологической истории развития мышления», или ожидать решения от разложения деятельности суждения на ее «логические части». Как можно упорядочить многообразие психических явлений, каковы неотчуждаемые, независимые друг от друга основные классы психической деятельности? Брентано говорит: воображение, суждение и движение ума. Однако характеристика суждения как основного класса психических явлений предстает очевидным психологизмом. Классификация психических явлений, как ее определил Брентано, в конечном счете может оказаться верной как таковая и содержать в себе много правильного! Но в том, что определение суждения, полученное психологическим путем, «предполагается» для определения суждения вообще и ожидается, что оно изменит логику, можно видеть ярко выраженный психологизм.

Психологический факт, что при суждении дается совокупность представлений, побудил Вундта поставить генетическое исследование представлений и связей представлений впереди учения о суждении вообще, представления «логических форм». Но факт связей представлений в суждении также служит отправной точкой для исследования того, как в суждении «я» относится к этим связям представлений. Последние связи вызывают у субъекта чувство принуждения, он не может не признавать их. И это психологически вынужденное согласие рассматривается как сущность суждения. В таком способе рассмотрения суждения изначально заложена правильная мысль, поскольку взгляд фиксируется на том, что происходит в процессе суждения; тем самым оной теории одинаково легче

приблизиться к логическому пониманию суждения. Реальное психическое вытеснение, связывание и, следовательно, принудительное высвобождение представлений нужно только как бы пропустить. Тогда познается мыслимое в суждении, чисто предметное как таковое, которое больше не является чем-то психическим и не вызывает психических реакций. Отношение предмета, занявшего место представления, к субъекту суждения не вызывает принуждения, а приобретает характер требования. Но если, несмотря на это существенное преобразование и развитие теории суждений, сущность суждения усматривается в поведении психического субъекта, требуемом предметом, то психологизм не преодолен.

Таким образом, логическое исследование суждения, стремящееся избежать всех препятствий психологизма, должно быть свободным от вопросов, касающихся происхождения или состава деятельности суждения. Теория логического суждения также не может продвинуться ни на шаг вперед в классификации психических явлений; точно так же она не может извлечь существенных выводов из рассмотрения субъекта, занимающего позицию по отношению к объекту. Такое рассмотрение, смысл которого, конечно, не следует отрицать, становится возможным только тогда, когда логическое суждение осознается в его сущности.

Все, что имеет характер протекания времени, деятельности, по необходимости остается чуждым области чисто логической теории.

Проблема суждения заключается не в психическом.

(1) Ср. выше Раздел III.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Обзор чисто логического учения о суждении

Иногда говорят, что психологизм в конечном счете может быть опровергнут на основании его релятивистских последствий, но положительное доказательство против него, т. е. доказательство того, что помимо психического существует еще область логического, не может быть приведено. Прежде всего, необходимо будет договориться о том, в какой степени и в каком смысле можно говорить о «доказательстве» в рассматриваемой проблеме. Доказательство в смысле дедукции невозможно, так как теорема должна была бы уже содержать то, что могло оказываться доказанным. В лучшем случае стоило бы показать, что требование доказательства бессмысленно, если логическое как таковое не предполагается и не подразумевается в требовании implicite. Принципиально, однако, следует отметить, что реальное (под которым здесь следует понимать все, что становится предметом и может быть предметом, следовательно, и «нереальное»)* как таковое не может быть доказано, но в лучшем случае могло бы только указываться.

Эмпиризм – к нему относится и психологизм – во многом опирается на принцип принятия того и только того, что воспринимаемо. «Чистый логик» предъявляет в основном то же требование: то, что представляется очевидным, не должно быть ни истолковано, ни отклонено: ему следует легко восприниматься. Если эмпирик ограничивает то, что вообще может быть представлено, чувственно воспринимаемым, то это априорное догматическое утверждение, которое ему, как эмпирику, не подходит и для которого он должен всегда иметь доказательства.

Но как же тогда, помимо процесса психического суждения, можно выделить еще самостоятельную область репрезентативного? Если я не хочу что-то безуспешно искать с самого начала, то должен четко понимать, что ищу и где можно найти то, что нужно искать. Логическое суждение, су-

---

* 1-е издание 1914: понятие реальности здесь намеренно расширено до такой степени, чтобы противостоять широко распространенному и глубоко укоренившемуся предрассудку, будто существует только действительное в природе, только естественные вещи.

Ср. Husserl, Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Halle 1913. Erstes Buch, S. 35 [Husserliana Bd. III, 1950, S. 43].

ждение логики невозможно найти в психологии, если логика и психология имеют перед собой различные предметы, расходящиеся проблемные области. С другой стороны, можно утверждать, что сущность суждения должна определять логика, если не продвигаться вперед, поскольку нет ничего определенного в отношении того, что следует понимать под логическим. Таким образом, первым требованием является указание на логический объект и его характеристику.

§ 1. Логический предмет и действие[*]

Мы наиболее легко и непосредственно сталкиваемся со своеобразным предметом логики в суждении. Однако мы еще ничего не знаем о суждении; ведь предмет логики должен обретаться только для последующей логической теории суждения. Из суждения логики мы не можем сделать вывод, поскольку как раз желаем найти к нему доступ, самим его обнаружив. А с другой стороны, в психической сфере деятельности суждения мы не сможем обрести точку опоры, но, прежде всего, нам и не следует ее достигать, ведь психологическое должно оставаться вне рассмотрения. Как бы ни была очевидна трудность, связанная с резким разделением двух областей, как бы настойчиво она ни подчеркивалась для четкой постановки проблемы, ее так же легко устранить.

Например, я смотрю на книгу, лежащую передо мной, и выношу суждение, не осознавая, почему: «обложка желтая». Это «суждение» внезапно возникло во мне, и у меня не было живого намерения обсуждать обложку

---

* 1-е издание 1914: Эпистемологический аспект хождения: действие – это сфера, в которой я должен жить как актуальный субъект, чтобы знать нечто и как быть тем, что есть. Простое представление, обладающее смешением чего-то репрезентативного, дает мне не только содержание представления, но и смысл, и только его содержательное нечто. О его существовании я знаю только в том смысле, как оно работает.

Frischeisen-Köhler (Wissenschaft und Wirklichkeit, 1912, II. Teil, S. 188). Фришайзен-Кёлер, несомненно, прав: «Действительность не является определением мышления или признанным действительным. Но я знаю и могу знать только о реальности в том, что происходит, и через это. И только то, что я знаю и могу знать, для меня в той или иной форме реально. Форма рассматриваемой реальности выражается в рассматриваемом суждении; суждение различно (в какой мере?). Вне зависимости от того, относится ли оно к природе или психической, логической, математической или метафизической действительности – либо к суждениям о существующем».

означенной книги, чтобы вынести суждение. В другой раз мне в случайной рассеянности приходит в голову сравнить переплеты книг, стоящих передо мной, по цвету. Я, в свою очередь, сравниваю книгу с той, что стоит рядом с ней. Я возвращаюсь к тому же переплету, что и выше, и, отличая его от серого рядом, делаю вывод: «обложка желтая». Или я иду по своей обычной дорожке и вижу на ней желтый карандаш. Мне напоминают о цвете этого переплета, и я снова принимаю решение: «переплет желтый». Или кто-то, с кем я говорю о книге Наторпа «Логические основы точных наук», задает совершенно несущественный вопрос: как переплетена книга? Я отвечаю и принимаю решение: «обложка желтая». Несомненно, во всех различных случаях, когда я судил об обложке, мое сознание оказывалось разным. Обстоятельства, которые могут побудить меня вынести суждение, различаются. Отвечая на вопрос, я могу тщательно обдумать то, что даю в качестве ответа, в то время как в других случаях, вызванных цветом карандаша, суждение едва ли приходит мне в голову. Независимо от того, достигаю ли я указанного суждения путем сознательного различения или посредством непроизвольной ассоциации, позволяю ли я себе явно представить книгу в ее формате и объеме, при всех этих «изменениях сознания» в момент вынесения суждения, при всем различии их времени, я сталкиваюсь с постоянным фактором в любой деятельности по вынесению суждения, когда всякий раз желаю сказать: «обложка желтая».

Сейчас это не кажется особенно значительным открытием. Однако простота понимания не противоречит тому, что из него можно извлечь важные выводы. Наоборот.

Мы столкнулись с чем-то настойчивым, тождественным, несмотря на психологические различия в вынесенных суждениях. Указанные отклонения и формы деятельности суждения, психического течения, оставили это тождественное нетронутым. Как это возможно? Не пытается ли Бергсон убедительно показать, что мы постоянно меняемся, что одно и то же психическое состояние сознания никогда не может повториться, поскольку каждое последующее должно быть гораздо более богатым, основанным на более обширном прошлом? (1) И все же следует признать, что в упомянутых суждениях «желтизна переплета» проявилась в своей неизменной самобытности и чуждости переменам. Таким образом, остается только один способ вывести ее за пределы постоянно текущего психического течения. Но если я не совершаю «суждения», то и данный тождественный фактор не существует; только в процессе суждения он обретает бытие. Следовательно, обложка

будет желтой только до тех пор, пока я буду судить о ней; а время, например, в течение которого я открывал книгу и изучал ее – не говорит об этом?

Я закрываю книгу и смотрю на обложку, но она снова желтая. Стало быть, тождественное, не входящее в психическое течение и его постоянное чередование, и предстает реальной физической книгой со своей обложкой. Я могу в любое время увидеть «желтый» или вообразить его себе в качестве напоминания.

Но тождественны ли теперь реальная физическая книга и то тождественное суждения, проявленное в различных его актах? Могу ли я действительно понять «желтизну обложки», видеть или ощупывать рукой как желтую обложку? Переплетчик, вероятно, мог бы заключить связку упорядоченных страниц в желтую обложку, но никак не в «желтизну обложки». Существует ли вообще сие загадочное тождественное, если его нельзя отнести ни к психическому, ни к физическому мирам? Насколько очевидно, что последнее не соответствует действительности, настолько несомненно, что перед нами нечто определенное, т. е. нечто предметное, «противостоящее», хотя и не в буквальном пространственном смысле. Однако способ существования и структура этого нечто до сих пор остаются неопределенными.

В некотором смысле, теперь вышеупомянутая трудность, касающаяся отправной точки расследования, устранена. Было обнаружено непсихическое; и все же мы исходили из деятельности суждения, точнее, из различных психических процессов суждения. Только в области психологического исследования мы не определились, скорее, сознательно прошли мимо психического, как бы пройдя через него, с помощью воли к логическому. Вопрос только в том, действительно ли с этим тождественным фактором найдено нечто сродни логического объекта.

Теперь это предстоит решить. Нечто тождественное тому, что находится перед нами, тут существует. Но мы еще не смогли осветить данное бытие в его сущности – отрицательно, откуда мы много знаем: рассматриваемый предмет не является физической, пространственно- и временно детерминированной вещью и не совпадает с психическим событием. Остается возможность указать ему место в метафизике. В одиночку последнее стоит исключить. Не потому, что метафизического не существует или мы не могли бы обнаружить его присутствие путем умозаключения, но, вероятно, поскольку метафизическое никогда не познается с той непосредственностью, которая присуща нам, когда мы что-то рассматриваем. Что исключало бы последний возможный способ существования. Следовательно,

тождественный момент в существующих процессах психического суждения не существует, и все же он существует и даже заявляет о себе с силой и непреложностью, в отличие от того, что психическая реальность может быть названа только текучей, непостоянной. Следовательно, должна существовать еще одна форма бытия, помимо возможных форм существования физического, психического и метафизического. Лотце нашел для вас в нашей сокровищнице немецкого языка важнейшее обозначение: рядом с «это есть», дающее «это верно» (2). Формой действительности тождественного фактора, выявленного в процессе суждения, может быть только действительное (3). Желтизна обложки в лучшем случае верна, но ее никогда не существует. В качестве сухого остатка мы пришли к пониманию бытия (Dasein) и способа существования статического момента в динамической передаче процесса суждения. Однако то, что это такое, какова его природа и его отношение к психическому деланию, все еще остается неясным. Моя психическая деятельность при вынесении суждения «обложка желтая» обычно проявляется в устном или письменном предложении. Когда я говорю или пишу, то *нечто* говорю, желаю нечто сообщить; в данном случае желтизну обложки, т. е. статичный момент, сообщаемое, содержание или смысл предложения. Итак, мы нашли, по крайней мере, одно обозначение для тождественного фактора, но и не более того; потому что сразу же возникает вопрос: что это, смысл?

§ 2. Смысл

В чем же смысл смысла? Есть ли вообще смысл спрашивать об этом? Когда мы ищем смысл смысла, то должны знать, что взыскуем именно смысла. Вопрос о смысле смысла не является бессмысленным. Сомнительно только, возможно ли еще какое-либо определение, соответствующее школьному смыслу. Но, бесспорно, следует разъяснить, что подразумевается под сим словом. Возможно, мы стоим здесь перед последним, неразрешимым вопросом, в котором дальнейшее прояснение исключено, и каждый последующий вопрос неизбежно застопорится. Таким образом, если более всеобъемлющее, общее больше не может быть раскрыто, то остается открытым еще один путь: по крайней мере, еще более подробно описать, что означает слово «смысл». Но без переписывания здесь не обойтись.

Например, бизнесмен планирует крупное предприятие. После долгих размышлений и обсуждений с друзьями он приходит к выводу, что план

бессмыслен, т. е. невыполним, если он не хочет себе навредить. Значит, план был лишен смысла, поскольку противоположные моменты и препятствующие обстоятельства не принимались во внимание. Если бы все благоприятные и неблагоприятные факторы учитывались и должным образом взвешивались, то план имел бы смысл.

Иногда, хотя и не вполне точно, говорят о значимом произведении искусства, например о «Бальзаке» Родена; и именно в том смысле, что это пластическое творение как произведение искусства способно вызвать у «зрителя» богатое содержание душевного переживания. И произведение искусства имеет сей эффект, поскольку родилось из гения художника (4).

Газета сообщает, что юбиляру был вручен ценный подарок; это означает: подарок, соответствующий случаю; на самом деле ценным предстает не сам подарок, а выбор и вручение оного конкретного подарка юбиляру, строго говоря, даже не вручение, а обдумывание, мысль о том, что подарок должен быть подарком, соответствующим случаю, а обдумывание – «зачатию» (“Konzeption”) целого, возникшего в одной голове.

Математик говорит о смысле направления прямой; т. е. с помощью прямой определяется, какое направление следует считать положительным, а какое, соответственно, отрицательным.

Говорят о бессмыслице, когда в порядке слов больше ничего нельзя придумать, о бессмыслице, когда, возможно, можно что-то придумать, но внутренне противоречащее друг другу (5). Мы проанализировали только возникающие формы и связи слова «смысл» на предмет их общего значения, ни в коем случае не претендуя на полноту. Из такого рассмотрения, вероятно, следует, что о смысле всегда можно говорить только там, где имеется возможность обдумывать, взвешивать, конструировать, определять. Смысл пребывает в теснейшей связи с тем, что мы обычно называем мышлением, причем под мышлением мы понимаем не широкое понятие «представление», а мышление, которое может быть правильным или неправильным, истинным или ложным. Таким образом, каждому суждению присущ смысл и присущ ему имманентно. Форма действительности смысла есть действительность; форма действительности процесса суждения, в котором, как принято выражаться, можно обнаружить смысл, есть существование, определяемое временем. Мы признали действительность формой реальности логического; действительность – это смысл. Стало быть, он «воплощает» логическое; и как имманентное процессу суждения оно,

содержание, может быть названо логической стороной суждения. Суждение логики и есть смысл. Как только суждение превращается в проблему как предмет логики, то должно быть чем-то, что применимо. Выше смысл был сведен к окончательному, неразрешимому; не делается ли вместе с тем иллюзорным указание на сущность суждения, которое все же имеет смысл, и не толкает ли все следствие на мертвенный путь? Хотя на вопрос о смысле смысла также невозможно дать дальнейшего ответа, смысл все же может стать предметом исследования в другом направлении. Мы спрашиваем: является ли смысл чем-то простым, однородным, или он имеет определенную структуру, и какую?

§ 3. Суждение

Только что выявленное как смысл известно предметной теории (6) под названием «объективного». И логика строится на этом теоретико-предметном понятии. Объективное, например, «что 7 есть простое число», «оценивается», устанавливается; предметные теоретики всегда понимают под суждением психический процесс: установление, рассудительная деятельность. Правда, Малли отмечает в своем упомянутом исследовании (7), что феномен, называемый объективным, можно также назвать суждением или утверждением в логическом смысле и отличать его от психологического утверждения. Таким образом, новое обозначение объективного стало бы излишним. Однако он считает вышеприведенное различие недостаточным. Поскольку есть наука, эпистемология, в обязанности которой входит выяснение отношений между объективным и утверждающим в психологическом смысле. Если бы здесь приходилось постоянно говорить о двух типах суждений, то последнее оказалось бы «более чем громоздко и вводило бы в заблуждение». Можно было бы отрицать, что теория познания справляется с этой задачей; но прежде всего следует подчеркнуть, что объективное предметной теории уже представляет собой сложное явление. Объективное объективно только благодаря суждению. Это не означает, что оно возникает, осознается или устанавливается психическим актом, но в основе лежит нечто структурное – контур, который на самом деле представляет собой только логическое суждение. Само собой разумеется, что при резкой позиции против психологизма и при сознательном игнорировании всех психических процессов следует остановиться на репрезентативном как таковом. Логический анализ не должен останавливаться на достигнутом

смысле; настоящий вопрос о сущности суждения возникает только перед лицом смысла. Необходимо указать на конститутивные моменты смысла и их необходимую взаимосвязь. Чтобы приступить к этому расследованию, мы должны представить и обсудить точку зрения, которая до сих пор оставалась незамеченной.

Всякое суждение – если оно истинно – означает познание; а всякое познание всегда есть суждение. Но что такое познание? Сим вопросом мы затрагиваем одну из самых глубоких проблем философии вообще. В то же время становится очевидным, как мало логика является простой технической дисциплиной, например, даже для обострения ума, как и «искусствоведческое учение о мышлении». Вопрос о сущности познания не может быть здесь раскрыт во всей его глубине и широте, не говоря уже о том, чтобы дать соответствующий ответ. Решение этой задачи должно оставляться на усмотрение дальнейших исследований. В данном случае может быть достаточно выделить основную идею и прояснить общую сущность любого познания.

Мы вправе сказать, что всякое познание есть предметное утверждение, предметное определение, причем понятие «предмет» следует понимать в самом широком смысле. Когда здесь говорится о способности, то не следует думать о познавательной деятельности, о психическом процессе мышления, который призван передать ведение индивиду, стремящемуся к познаванию. Скорее, поскольку истинное познание есть суждение, а суждение пребывает в сфере смысла, то должно существовать нечто вроде овладения именно «внутри» оного смысла. Понятие овладения или определения содержит отношение. Нечто чем-то утверждается, определяется. Значит, смысл связан с отношениями. Из вышесказанного известно, что действенный способ смысла заключается в его применении.

Присущее ему своеобразное отношение должно с необходимостью участвовать в данной форме действительности. То, что относится к предмету, в то же время определяет его. Ранее использовавшееся суждение: «обложка желтая» имеет смысл, – считается, что обложка желтая. Этот смысл можно точнее выразить: желтизна обложки имеет значение. С одной стороны, на вопрос о смысле смысла все же дан ответ, поскольку структура смысла и, следовательно, сущность суждения были определены как относящиеся к одному содержательному содержанию другого. Смысл, собственно составляющее его суждение, также находится в дизъюнкции истинности

или ложности, момент, который со времен Аристотеля считался характеристикой суждения. И действительно, это основное свойство может относиться только к смыслу, логическому суждению. Деятельность психического суждения никогда не может быть истинной или ложной; она существует или не существует, как «течение» электрического тока, находящееся за пределами дилеммы «истинного и ложного». Однако часто психическое действие называют истинным или ложным в производном смысле по отношению к логическому суждению, лежащему «в нем».

Как охарактеризовать взаимосвязь между психической реальностью и действующим составом суждений, можно ли когда-либо достичь более глубокого решения в этом вопросе, остается открытым. Во всяком случае, отношение есть факт, и оно приобретает важное значение в теории логических оснований, которые необходимо понимать как принципы смысла. А именно, как только принимается во внимание нормативная функция принципов, возникает проблема: как применимый смысл нормализует психические мыслительные действия?

В той мере, в какой смысловое содержание предмета суждения считается определяющим его, суждение является истинным или ложным. Старое понятие истины adaequatio rei et intellectus можно свести к чисто логическому, если res понимать как предмет, intellectus – как определяющее содержание смысла. Именно поэтому в различных областях познания и способах познания соответствующие суждения оказываются действительными, возникает вопрос о правовых основаниях объективности, которые, например, в математике и исторической науке не совпадают, будучи собственно частью эпистемологии и теории науки.

Для настоящего наброска руководящим моментом остается получение πoῦ στῶ для систематического расширения доктрины суждения. Отсюда одинаково следует воздерживаться от обсуждения более поздних и новейших теорий суждения, поскольку они не подпадают под психологические. Особенно это относится к интересным и глубоким исследованиям, возникшим на почве трансцендентальной философии (9), поскольку перед ней, как и перед любой другой исторически возникшей теорией познания, стоят последние вопросы философии, требующие решения со всей их серьезностью. Итак, мы ограничимся положительными изложениями и попытаемся теперь дать общее разъяснение структурных составляющих суждения.

*§ 4. Элементы суждения**

Из сущности суждения, как оно только что было определено, необходимо вытекает его раздвоенность. И поскольку между этими звеньями существует столь же необходимая связь, возникают три элемента суждения. Здесь следовало бы утверждать, что эти выводы ориентированы на грамматику и, следовательно, изначально не логичны. Однако обычное категорическое высказывание «обложка желтая» состоит из двух частей; только можно отрицать, что именно в нем должно быть выражено собственно первоначальное суждение.

Оставим пока без ответа вопрос о том, дано или нет в настоящем предложении исходное суждение, и рассмотрим другое суждение: «a равно b». В этом предложении «a» – подлежащее, «равно b» – сказуемое, включая связку. В чем смысл суждения, которое лингвистически формулирует рассматриваемое предложение? Согласно сказанному: a и b (в отношении друг друга) тождественны. Если теперь для объекта суждения выбрать традиционное обозначение субъект и для определяющего значения – предикат, то получается следующее: входящее в качестве предиката в грамматическое предложение, а именно b, переходит в «подлежащее» в логическом суждении. Грамматическое предложение и логическое суждение, вероятно, могут идти «параллельно», но это не обязательно. Таким образом, однозначного соответствия логического суждения и грамматического предложения не существует (10). А посему мнение о том, что двусмысленность суждения заимствована из грамматической формы, должно быть по меньшей мере подвергнуто сомнению. Однако можно с положительной ясностью заявить, что двусмысленность в суждении вытекает из других моментов, а именно из понятия познания. Познание обычно интерпретировалось как предметная способность. До тех пор, пока суждение остается познанием, до тех пор в нем должны пребывать составляющие элементы познания. Предмет познается, когда к нему применяется определяющее его содержание значения. Аналитически из существующей раздвоенности следует, что связка должна быть необходимым третьим компонентом суждения, поскольку представ-

---

* 1-е издание 1914: к § 4. Ср. Steinthal, Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern. I. Teil, 2. Auflage, Berlin 1890, S. 125 ff.

«Связь сказуемого с подлежащим представляет собой настоящую, подлинную проблему. Мегарийцы имеют заслугу в том, что сделали то же самое доведенным до сознания, предметом исследования». Op. cit. p. 127.

ляет отношение между предметом и определяющим значением. Применительно к этому и составлено логическое понятие связки. В то же время подобным образом решается и вопрос о «смысле бытия» (11) в суждении. Это бытие означает не реальное существование или какое-либо другое отношение, а действительность; и отсюда можно вернуться назад и сказать: поскольку отношение, а это, несомненно, любое суждение, приобретает свой характер именно благодаря способу связи членов, и здесь связка означает «действительное от», постольку суждение есть форма действительности, смысл, обладающий значением. Следовательно, связка не только не является «поздним продуктом нашего мышления», как полагает Вундт (12), она не имеет необходимого отношения к абстрактной словесной форме «есть», но представляет собой нечто в высшей степени логичное, поскольку его формой действительности предстает именно это действительное. В отличие от теорий, отводящих связке лишь второстепенное место в суждении, можно прямо сказать, что она является наиболее существенным и своеобразным элементом суждения по той очевидной причине, что в отношении именно отношение перед членами, хотя и определяемое ими же, представляет собой сущностный момент. Теперь можно будет ответить и на вопрос об элементарности суждения.

Как сей вопрос может задаваться одной логикой? Мы знаем, что суждение логики есть смысл, «статичное» явление, находящееся за пределами любого развития и изменения, тем самым оно не становящееся, не предстающее, а действующее; то, что в лучшем случае может быть «схвачено» субъектом, выносящим суждение, но никогда не будет изменено его восприятием. Вопрос об элементарном логическом суждении может быть поставлен только так: каковы необходимые и достаточные элементы, делающие суждение вообще «в первую очередь возможным»? Но в этом «делать возможным», по-видимому, все еще обретается неясность. Трудности устраняются с помощью примера, рассмотренного Майером выше (13): «Солнце светит». Вопрос не в том, что я уже должен знать, рассуждая, чтобы иметь возможность вынести данное суждение; следовательно, не должно ли мне сначала воспринять солнце, чтобы иметь возможность рассказать о его сиянии. По-видимому, в генетическом смысле это «примитивное» суждение также является суждением. С лингвистической точки зрения соблазнительно рассматривать суждение «Солнце» по отношению к другому «Солнце светит» как примитивное. Но в чем объективный смысл примитивного суждения? Прежде всего, он может быть неоднозначным. Я могу подразумевать под

выражением «Солнце»: «тут есть Солнце»; на что говорится: «воспринимаемое называется, именуется Солнцем». В любом случае, что-то в предмете действительно, так же точно, как в лингвистически полном суждении о солнце действует свечение. Вот почему мы говорим: два суждения, одно из которых психологически и генетически предшествует другому, не имеют ни малейшего различия в своей логической структуре. Оба они логически одинаково элементарны. Следовательно, «делать возможным» не имеет значения реальной возможности вынесения суждения, исправления к нему субъекта, выносящего суждение, но оно желает сказать: определенные элементы конституируют суждение как суждение. Эти элементы и только они исчерпывают элементарность. Чтобы не повторять сказанного, стоит отметить, что в суждении существует отношение, и посему необходимо, чтобы в каждом суждении имелись «несущие опоры» данного отношения – члены. Нельзя отделять себя от истинного смысла логического суждения такими словоформами и знаками, как «Rigi», «Огонь!», которые сами по себе не выдают никакого отношения.

Чтобы несколько расширить характеристику суждения, следует еще указать на своеобразие отношения суждения. Отношение a = b я могу преобразовать в b = a; при неравенстве a> b это невозможно; я могу сказать b <a, но никогда b> a. К числу этих необратимых отношений относится и суждение. Суждение «на обложке присутствует желтизна» нельзя обратить вспять, когда: «желтизна составляет обложку» (14). Очевидно, что в суждении причина необратимости иная, чем в упомянутом неравенстве. Здесь количество членов отношения препятствует обращению вспять. В суждении отношение как бы имеет чувство направления, в силу которого оно становится однозначным. И это чувство направления обосновано в понятии познания как предметной способности. Но положение об однозначности и необратимости отношения суждения опровергается именно вышеприведенным примером. Вместо «a равно b» я могу с тем же «правом» судить: «b равно a», тем самым превращая в предикат то, что было субъектом, и наоборот. Однако если вспомнить о логическом смысле суждения, то возражение теряет свою кажущуюся правомерность. Смысл суждения сформулирован точно: «a и b (в отношении друг друга) тождественны» Здесь попытка обращения не удалась; если я рассужу «о тождестве a и b (в отношении друг друга)», смысл остается в стороне.

§ 5. Отрицательное суждение[*]

Проблема отрицательного суждения еще не нашла единодушного разрешения в современной логике. Она была и остается сдерживаемой подыгрыванием психологическо-генетическим точкам зрения. В противоположность этому принципиальному заблуждению задача здесь должна ставиться во всей своей логической чистоте и самостоятельности для приближения к решению. И действительно, мы продолжаем опираться на только что полученные итоги и показываем, где находится логическое место отрицания, т. е. какой элемент в целом отрицательного суждения конкретно детерминирован. Другой, тесно связанный с вопросом о логическом построении, узко сближается с позицией отрицательного суждения в отношении положительного.

Самый безопасный способ сделать это – придерживаться вышеприведенного примера. И именно в языковой форме мы рассматриваем его в качестве наиболее четко выражающего сущность суждения в том виде, в каком оно обозначено. Положительному суждению «желтизна обложки действительна» противопоставляется отрицательное «желтизна обложки не действительна».

Суждение есть отношение, одновременно действующее между предметом и определяющим значением. И, с другой стороны, последовательно сказать, что значимость не применяется. Отношение усечено, действие только что категорически отменено, а значит, суждение все же уничтожено. На данном этапе важность проблемы отрицания для общей теории суждений становится особенно очевидной. Должно ли быть изменено оное определение суждения, и как это должно быть сделано? Пока суждение рассматривается логически, ему должна придаваться форма действительности того логического, которое применимо. Точно так же нельзя поколебать понятие истины, из которого вытекает характер отношения. И, несомненно, в вышеприведенном примере мы имеем дело с суждением, поскольку оно находится в дизъюнкции, будучи истинным или ложным. Теперь предпола-

---

* 1-е издание 1914: «Там, где отрицается, всегда есть другая сторона». Driesch, Die Logik als Aufgabe. Tübingen 1913, S. 44. «Отрицание имеет “в отрицании” свое положительное действие…, небытие, которое само снова становится бытием». Husserl, Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Halle 1913. Abschn. III, Kap. 4, § 109, S. 222 [Husserliana Bd. III, 1950, S. 265].

гается, что суждение «желтизна обложки недопустима» относится к книге в красном переплете; тогда это суждение верно.

Лингвистическая форма суждения уже сейчас указывает на выход, который мог бы заставить нас воздержаться от, казалось бы, необходимого изменения определения суждения. В вышеуказанном предложении все же встречается «верно», и притом совершенно обособленно, если в качестве сказуемого используется только «не». Тогда фраза звучит так: «у обложки не должно быть желтизны». Разве это суждение не построено точно так же, как положительное? Сказуемое относится к подлежащему. Или само суждение является положительным? Отрицание находится в предикате, в одном из звеньев отношения суждения. Но в отношении как таковом нет и следа отрицания. Таким образом, можно сказать, что содержание предиката само по себе несущественно для суждения; встречаю ли я желтое, красное, не голубое или какое-либо другое содержание как относящееся к предмету, – все сие не имеет значения для отношения к предмету, сущности суждения. Не может быть и отрицательных суждений, в лучшем случае суждений с отрицательным предикатом.

Но действительно ли что-то выиграно сейчас? Отрицание было сдвинуто только в своем положении, и в основе своей оставалось неизменным то, что отличает отрицательное суждение (лучше: предикат) от положительного. Возможно ли дальнейшее проникновение в сущность отрицания? В чем отличие отсутствия желтизны от желтизны? Означает ли это «не» – еще одно последнее, как часто предлагала предположить чистая логика? Искомое есть логический характер отрицания. При своем широком значении в познании, а следовательно, и в суждении, оно должно быть более тесно связано с его сущностью, т. е. оно не может представлять собой только одну форму сказуемого среди других, сходных с суждением. Однако если отрицание должно найти место, где действительно можно говорить об отрицательном суждении, то тогда «нет» не способно отменять отношения суждения как такового. Действительно, в подавляющем большинстве случаев сознание отрицания покоится на действительном; «желтое бытие неприемлемо». Таким образом, мы видим, что, неудовлетворенные включением «не» в предикат, мы снова возвращаемся к исходной точке. Тем самым отрицание предназначено для того, чтобы «воздействовать на связку». Согласно Зигварту, в этом воззрении заключается правильная мысль, поскольку отрицание «состоит не в элементах суждения, а только в том, как они соотносятся друг с другом» (15). Но если учесть, что связка явля-

ется выражением мыслительного акта введения подлежащего и сказуемого, то отрицательная связка, которая разделяет, становится «бессмыслицей». Только в логике мы не имеем дело с актами и не определяем отношение подлежащего и сказуемого как отношение конгруэнтности. С другой стороны, связка принадлежит суждению как собственно отношение, и если «отрицание» «воздействует» на него, то отрицание пребывает «в элементах».

И все же отрицательная связка – не бессмыслица. Причина этого кроется в самой природе способа реальности логического. Сама особенность лучше всего может пролить свет на сопоставление с типом реальности пространственно-временного существования. Если реальный предмет не существует, то всякое существование прекращается. С другой стороны, это действует, скорее всего, по-другому. Если я скажу в отношении книги в красном переплете: «желтизна обложки недопустима», то это «не» не может нарушить отношения суждения. Если чего-то не существует, я не могу сказать: оно существует; только это существование – небытие. То, что, с другой стороны, неверно, все равно верно, только это утверждение не применимо. Подобно тому, как математик различает положительное и отрицательное направление прямой линии, и прямая в отрицательном направлении так же математически реальна, как и в положительном, аналогично можно присвоить положительному или отрицательному знаку действительное.

Теперь также можно найти ответ на обсуждаемый вопрос о том, является ли отрицательное суждение последующим и вторичным по отношению к положительному суждению. Для логического подчинения* не может быть приведено никаких веских логических оснований. Это психологическая точка зрения на образование суждения. Для логики смысл остается исключительно определяющим. Негативное суждение, безусловно, имеет обособленный момент, отличающий его от положительного, – в противном случае, разделение оказалось бы необоснованным и бесполезным. Однако различие заключается не в том, что оно существенно обогащает смысл суждения, а в том, что определяет отношение суждения: действительное, отрицательное – в отличие от действительного с положительным знаком. Возможность превращения, как было сделано выше, путем включения «не»

---

* 1-е издание 1914: Ср. Messer, Archiv f. d. ges. Psychol., Bd. VIII, 1906, S. 35 ff., где ясно, что только в генетическом отношении можно говорить о подчинении, лучшем «последовании», «наступлении». (На самом деле порядок не является понятием, привязанным ко времени).

в предикат, является лишь непосредственным следствием своеобразия действительности. Подводя итог, можно сказать: отрицание покоится в первую очередь на связке. Характер различия между положительным и отрицательным суждением неизбежно требует логического равенства и сопоставления двух оных суждений.

§ 6. Имперсональное суждение

Как и отрицательное суждение, имперсональное, точнее его органическое включение в общую теорию суждений, представляет собой испытание для любого определения суждения. Проблема сразу становится очевидной, когда мы вводим для рассматриваемой формы суждения ставшее нарицательным обозначение: «предложения без предмета».

Можно ли в предложении «вспыхивает» найти отношение, которое было определено как сущность отношения? Вы могли бы сказать: «“от этого” исходит свечение». Итак, что же значит «это»? Хочу ли я отметить у какого-то таинственного «это» некое свойство, некое мгновенное состояние, или суждение имеет совсем другой смысл? Если электрический разряд вызывает известное явление света в небе, то, если я приведу в исполнение упомянутое суждение, могу ли я сказать о «реальной вспышке»? Должно ли нечто реальное обладать именем? Когда нужно ответить на вопрос о названии рассматриваемого природного явления, то последнее выражается не фразой «это вспыхивает», а, например, утверждением типа: «это называется молнией»; либо, что менее точно, «это молния». Однако суждение «это вспыхивает» выражает другую «мысль», т. е. оно не имеет смысла суждения о наименовании. Скорее, суждение говорит о том, что что-то происходит; мысль покоится на происходящем, на внезапном появлении. Соответственно, смысл суждения находит свое точное определение, когда суждению придается форма: «вспышка реальна», «вспышка – это действительность», точнее «существование».

Но легко увидеть, что изменение формы не соответствует тому, что мы на самом деле имеем в виду. Ни в коем случае нельзя утверждать, что вспышка действительно существует и названное так явление не является чем-то вроде подмены, что вообще что-то вроде молнии вообще существует в естественных явлениях. Менее всего можно подразумевать действительность понятия «вспышка», но, напротив, полагать существование реального процесса, подразумеваемого сим понятием. Наконец, мы обре-

таем полный смысл, когда говорим: то, что подразумевается под словом «молния» реализуется; «вспышка есть то, что происходит сейчас, что существует в данное мгновение».

Имперсональное суждение не совпадает с простым экзистенциальным суждением, поскольку существование в самом общем смысле утверждается как действительное бытие; точнее: существование это временное явление, часто ограниченное одним мгновением («вспыхивает молния») или продолжающееся в течение длительного времени («идет дождь»). Характеризовать имперсональные суждения как неопределенные не имеет смысла. Например, если я спешу со своим другом в боевом порядке быстро продвигающейся вперед и занимающей огневую позицию батареи и в мгновение, услышав орудийный грохот, говорю: «Поспеши, уже грохочет», – то совершенно определенно, что грохочет; смысл суждения заключается в грохоте, который (уже) имеет место.

Из этих отдельных проблем должно быть ясно, что логик должен стремиться выявить однозначный смысл предложений, определив и сведя его в систему формы суждений в соответствии с объективными различиями в смысле с их простой или составной структурой. Настоящая подготовительная работа к логике и та, что может быть использована только с пользой, проводится не психологическими исследованиями происхождения и состава представлений, а с помощью четких положений и разъяснений значения слова. И лишь когда на подобной основе станет выстраиваться и расширяться чистая логика, можно будет с большей уверенностью подойти к проблемам теории познания, разделив всю область «бытия» на различные способы реальности, четко выделив их своеобразие и с уверенностью определив природу их познания и масштабы их применения. Сказанное может означать, что настоящая работа стремится быть философской, поскольку она была предпринята в служении последнему целому.

(1) Ср. Essai sur les données immédiates de la conscience. 6e éd. Paris 1908.

(2) Ср. Logik, herausgegeben von G. Misch. Leipzig 1912. S. 505 ff. Лотце привел к обсуждению проблемы действительности учения платоновских идей. Остается открытым вопрос, является ли его остроумная интерпретация теории идей Платона исторически верной.

(3) «<…> должно… рассматривать это понятие как базовое понятие, основанное исключительно на себе, о котором каждый может знать, что он

имеет в виду под ним, но которое мы не можем создать путем построения из компонентов, которые сами еще не содержали его…». Lotze. Op. cit. p. 513.

(4) Следует отметить, что при таком общем объяснении слова «осмысленный» ничего нельзя сказать о сущности *эстетического смысла*.

(5) Известный образ «круглого четырехугольника» и «деревянного железа».

(6) Ср. в дополнении к работам, упомянутым в Разделе IV, новую публикацию: Emst Mally, Gegenstandstbeoretische Grundlagen der Logik und Logistik. Ergänzungsheft zu Band 148 der Zeitschrift f. Philos, u. philos. Kritik, 1912.

(7) Op. cit. p. 55.

(8) Здесь было бы систематическое место, где теория суждений математической логики подвергалась бы критике. Когда бы показывалось, как их формальный характер отдаляет их от живых проблем чувства суждения, его структуры и значения для познания. Основными современными работами в области логистики являются работы Б. Рассела «Принципы математики» (B. Russell, The principles of mathematics. Vol. I. 1903). Работа выходит в свет с 1910 г. под новым названием: Principia mathematica. – Книга Л. Кутюра «Принципы математики» (L. Couturat, Les Principes des Mathématiques, 1905) почти полностью опирается на Рассела. Всесторонне принципиальная оценка логистики возможна только с учетом *теории множеств*, одной из наиболее плодотворных математических дисциплин в настоящее время.

(9) Ср. H. Rickert, Das Eine, die Einheit und die Eins, Logos II (1911); Urteil und Urteilen, Logos III (1912). Риккерт различает здесь, наряду с актом суждения и объективным содержанием суждения («смысл»), еще «имманентное» чувство суждения, т. е., например, в акте утверждения – «ясный смысл». Несомненно, это различие может и должно быть проведено, хотя его нелегко четко зафиксировать и прояснить. Прежде всего, проблема отрицания, на мой взгляд, должна получить гораздо большее обоснование, если принять во внимание «имманентный смысл», который, однако, следует «интерпретировать только исходя из трансцендентального логического содержания».

Затем на основе фундаментальных исследований Рикерта возникла важная большая работа Э. Ласка: E. Lask, Die Lehre vom Urteil. Tübingen 1912. Тщательного изучения этой теории суждений, которую невозможно обойти, до сих пор не существует.

(10) Ср. решительная эмансипация от грамматики у Ласка, Die Lehre vom Urteil. S. 44 ff.

(11) Ср. выше Раздел II.

(12) Ср. выше Раздел I.

(13) Ср. выше Раздел II.

(14) В память об Аристотеле: φαμὲν γάρ ποτε τὸ λευκὸν ἐκεῖνο Σωκράτην εἶναι καὶ τὸ προσιὸν Καλλίαν (analyt. pr. I, 27 43a 35–36) – можно было бы сказать, что суждение вполне обратимо: «желтое говорит об обложке». Но поскольку «желтое» и «желтизна» имеют разные значения, постольку второе суждение не является «обратным» в отношении первого.

(15) Ср. Logik, 4. Aull. Bd. 1,1911, S. 161.

Литература

I-й Раздел (В. Вундт)

Logik, 3. Aufl., Bd. I, Stuttgart 1906.
System der Philosophie, 3. Aufl., 2 Bde., Leipzig 1907.
Grundriß der Psychologie, 10. Aufl., Leipzig 1911.
Kleine Schriften, 2 Bde., Leipzig 1910.
Philosophische Studien, herausgegeben von W. Wundt, Bd. VII, 1892.
Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie, Bd. VI, 1882.

II-й Раздел (Г. Майер)

Psychologie des emotionalen Denkens, Tübingen 1908.
Logik und Erkenntnistheorie. Philosophische Abhandlungen Chr. Sigwart gew., Tübingen 1900.

III-й Раздел (Фр. Брентано, А. Марти)

Psychologie vom empirischen Standpunkt, Bd. I, Leipzig 1874.
Vom Ursprung sittlicher Erkenntnis, Leipzig 1889.
Von der Klassifikation der psychischen Phänomene. Neue durch Nachträge stark vermehrte Ausgabe der betreffenden Kapitel der Psychologie vom empirischen Standpunkt, Leipzig 1911.
Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie, Bd. I, Halle a. S. 1908.
„Über subjektlose Sätze." Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie, Bd. VIII (1884), Bd. XVIII (1894), Bd. XIX (1895).

IV-й Раздел (Т. Липпс)

Grundtatsachen des Seelenlebens, Bonn 1883.
Grundzüge der Logik, Leipzig 1893 (anastat. Abdruck 1912).
Leitfaden der Psychologie 1. bis 3. Aufl., Leipzig 1903–1909.

Bewußtsein und Gegenstände. Psychologische Uniersuchungen, Bd. I, 1905, S. 1–203.

Inhalt und Gegenstand; Psychologie und Logik. Sitzungsberichte der philos.-hist. Klasse der K. B. Akad. d. Wissensch, z. München, 1905, S. 511–669.

Naturphilosophie. Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. Festschr. f. K. Fischer. Heidelberg 1907, 2. Aufl., S. 58–182.

Die Aufgabe der Erkenntnistheorie. Philos. Monatshefte, Bd. XVI (1880), Bd. XVII (1881).

Subjektive Kategorien in objektiven Urteilen. Philos. Monatshefte, Bd. XXX (1894).

УЧЕНИЕ О КАТЕГОРИЯХ
И ЗНАЧЕНИЯХ
ДУНСА СКОТА

Генриху Риккерту
с глубочайшим почтением

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование, за исключением некоторых несущественных изменений и заключительной главы, написанной впоследствии, было завершено весной 1915 года и представлено в качестве абилитационной работы в летнем семестре того же года философскому факультету Университета Фрайбурга-в-Брайсгау.

Посвящение является свидетельством искренней благодарности; одновременно оно желает выразить, при полном свободном отстаивании своей «точки зрения», убежденность в том, что *осознающий проблему* мировоззренческий характер философии ценностей призван к решительному продвижению вперед и углублению философской работы над поставленной задачей.

Ориентация дает благодатную почву для плодотворного решения проблем на основе сильного личного опыта. Философское творчество Эмиля Ласка, для кого, пребывающего в далекой солдатской могиле, прозвучали слова истиной благодарности, останется доказательством этого.

Публикация работы, которая в настоящее время во многом затруднена, стала возможной в значительной степени благодаря редко встречающейся поддержке Научного общества Фрайбурга-в-Брайсгау.

Выражаю искреннюю признательность вашему попечительскому совету, а также господину тайному советнику Финке и господину профессору Гуссерлю.

Фрайбург-в-Брайсгау, сентябрь 1916 г.

Мартин Хайдеггер

ВВЕДЕНИЕ

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОБЛЕМНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ СХОЛАСТИКИ

Девиз:
«… что касается внутренней сущности философии, то здесь нет ни предшественников, ни последователей»
Гегель В. В. – Hegel, W. W. I, S. 169.

Историческое исследование культуры средних веков в целом находится сегодня на таком уровне понимания и объективной оценки, что неудивительно, если прежние суждения, основанные только на незнании, быстро исчезают, и в то же время научно-исторический интерес к этому периоду постоянно возрастает.

Если задуматься над тем, какую движущую и непреходящую силу представляет философско-богословская духовная жизнь для всей жизненной позиции средневекового человека, основная структура которой заключается именно в трансцендентном изначальном отношении души к Богу, то нетрудно будет прийти к выводу о незаменимости и фундаментальной значимости исторического исследования этой стороны средневековой культуры. Клеменс Баумкер и его школа работают в этом направлении образцово и неустанно. И как видно из поучительной венской инаугурационной речи Мартина Грабмана, в истории средневековой философии, которая не так-то просто протекает, еще остаются не обработанными обширные области. «Великие и философски содержательные сентенционные произведения и сочинения ранней и высокой схоластики еще не отредактированы. Даже работы ведущих схоластов, таких как Альберт Великий, еще не полностью опубликованы. Для установления аристотелевского влияния на схоластику, являвшуюся, по выражению Мандоне, ‘Action d’Aristote’, завершающее изучение и публикация латинских переводов Аристотеля, исследование и издание не печатавшихся схоластических комментариев Аристотеля и аристотелевской энциклопедии, – все это еще будущие научные задачи. Многое

неясное еще должно прояснить, много неопубликованного и неизвестного материала еще предстоит использовать для изучения переходного периода от ранней к высокой схоластике для описания францисканской школы на стадии развития от Бонавентуры до Скота. Обширное философское влияние Аквината, выраженное в работах его непосредственных и косвенных учеников, которые частично остались неопубликованными, равно предоставляет еще больше возможностей для исследования» (1).

Редакции текстов, полнота материала и его достоверность являются необходимыми основами для любого дальнейшего проникновения в содержание схоластики. И создание этой основы требует надежной работы всеми средствами современных исторических исследований. Но при простом накоплении, регистрации и содержательном воспроизведении еще не выполнены все предварительные условия для оценки средневековой философской мысли.

Несомненно, уже богатые результаты данного исследования заставляют пересмотреть устоявшиеся суждения о шаблонности схоластики, о ее «рабском» отношении к Аристотелю, о ее «служебном месте» в теологии, обеспечивая тем самым более надежное историческое суждение об этой области средневековой философии.

Поскольку чистая философская одаренность и поистине плодотворная способность исторического мышления объединяются в личности только в самых редких случаях, становится понятным, что по-настоящему философская оценка схоластики возможна только в том случае, если принять во внимание сложность и длительность сей новаторской работы, выполненной с тончайшей критической точностью и способной проявиться в исключительных обстоятельствах. Здесь необходимо разделение труда. Разумеется, историк средневековой философии вряд ли сможет работать без философской подготовки, как, с другой стороны, теоретико-систематическая оценка схоластики невозможна без определенной степени исторического интереса. Значит, больше историко-литературных и преимущественно теоретико-философских исследований будут взаимно обогащать друг друга.

Итак, история философии не является и не может быть историей, если иначе она должна входить в научную область философии. История философии имеет к философии иное отношение, чем, например, история математики к математике. И это связано не с историей философии, а с философией истории. Посторонние, а иногда и якобы причастные к этому люди полагают, что им приходится видеть в истории философии последователь-

ность более или менее часто повторяющихся чередований «заблуждений». Если допустить, что философы даже не пришли к единому мнению о том, что такое философия вообще, то полная сомнительность философии как науки, по-видимому, является фактом.

Но действительно понимающему взору открывается другое положение.

Философия, как и любая другая наука, считается культурной ценностью. Но в то же время это их личное дело – предъявлять притязания на значимость и функционирование как на ценность для жизни. Философская мысль – нечто большее, нежели научная материя, которой человек занимается из личных предпочтений и желания способствовать развитию и участию в формировании культуры. Философия одновременно живет в напряжении с живой личностью, черпая из ее глубины и полноты жизни содержание и притязание на ценность. Отсюда чаще всего в основе любой философской концепции лежит личное мнение соответствующего философа. Это определенное бытие всякой философии со стороны субъекта Ницше в своей неумолимо суровой манере мышления и пластической способности изображения свел к известной формуле «*философствующего влечения*» (2).

Постоянство человеческой природы становится понятным теперь, когда философские проблемы повторяются в истории. В ней отмечается не столько развитие в том смысле, что неуклонно продвигаются новые вопросы, основанные на предыдущих решениях, сколько, в основном, все более плодотворное развитие и расширение ограниченного круга проблем. Это постоянно возобновляющееся стремление к более или менее одинаковой группе проблем, это сохраняющееся тождество философского духа не только делает возможным, но и требует соответствующего понимания «истории» философии.

Хотя религиозные, политические и, в более узком смысле, культурные моменты эпохи также необходимы для понимания происхождения и исторической обусловленности философии, но в чисто философских интересах, которые, как таковые, касаются лишь самих проблем, эти моменты могут быть оставлены в стороне. Время, понимаемое здесь как историческая категория, как бы выключается. Различные связанные решения проблем объединяются, центростремительно направленные на проблему как таковую.

Таким образом, история философии имеет существенное отношение к философии до тех пор и только до тех пор, пока не является «чистой историей», наукой о фактах, но спроецировала себя на чисто философскую систематику: «Там, где история перестает быть простым прошлым, она вонзает

в умы самое действенное жало», – пишет выдающийся историк философии А. Тренделенбург (3).

На основании этого не поддающегося здесь дальнейшему истолкованию понимания сущности и задачи истории философии схоластика должна быть рассмотрена ниже.

В соответствии с характером развития всякой философии как решения определенных проблем, прогресс в основном заключается в углублении и новом подходе к постановке вопросов. Возможно, нигде они не определяют решения с такой силой, как в философии. Стало быть, «философско-историческое» рассмотрение в указанном смысле сосредоточит ваше внимание на постановке проблем; а это, в свою очередь, возможно только в том случае, если сами проблемы, возникающие в области ее исследования, каким-то образом распознаются как таковые в их теоретическом своеобразии и рассматривается связь их с другими. Отсюда нельзя упускать из виду последний момент, поскольку проблема не стоит сама по себе, а всегда переплетается с другими, перерастает их и сама порождает новые проблемы (4).

С результатами исследований современной философии, как всегда, можно согласиться, что она сильна и впечатляет глубиной и остротой своих вопросов, и с этим не следует спорить. Эта сила коренится в сильной методологической осведомленности, в осознании характера решения проблемы и ее необходимости. Эта основная черта современной науки является лишь отражением современной культуры вообще, которая утвердилась в качестве новой благодаря самосознанию (не в этическом смысле) своего самовыражения.

В средние века, по-видимому, отсутствует данное методологическое сознание, этот сильно развитый инстинкт ставить и задавать вопросы, постоянный контроль над каждым шагом мышления.

Уже само господство авторитетной мысли и высокая оценка всех традиций хотели бы явственно свидетельствовать об этом. Вероятно, это моменты, свойственные средневековому мышлению и жизни вообще, которые оказываются чем-то большим, чем просто внешним своеобразием.

Однако тип мышления средневекового человека становится ближе, если вспомнить об особом факте, который я хотел бы охарактеризовать как абсолютную преданность и энергичное погружение в материал знания, передаваемый по наследству. Сей смелый подход к материалу как бы сковывает субъекта в одном направлении, лишает его внутренней возможности

и вообще стремления к свободной подвижности. Материальная (объектная) ценность доминирует над ценностью «я» (субъектной).

Индивидуальность отдельного мыслителя как бы скрывается под обилием материала, который он должен освоить, – явление, неизбежно вписывающееся в картину средневековья с его акцентом на общем и принципиальном. Но это ярко выраженное господство общего должно было именно выдвинуть метод в круг интересов науки того времени, поскольку метод – нечто, что, избегая индивидуальные свойства, стремится к всеобщей закономерности. Обычно с уверенностью указывают на систему философских сумм с их однородностью структуры и их постоянно повторяющимися формулами и формами вопросов. И в довершение всего можно указать на более пристальное внимание к диалектике, особенно с XV-го столетия, которое полностью разрушает утверждение о недостатке методологической осведомленности.

Но если бы такое указание оказалось несущественным, то это означало бы, что в приведенной выше характеристике, которая, хотя и кажется отрицательной, не может быть обвинением, понятие метода представало перед нами в ином значении.

Действительно, метод предполагает не столько определенную установленную форму в изложении и передаче мыслей, сколько дух исследования и постановки проблем; точнее, недостаток понимания метода должен означать: средневековому человеку не удается определенным духовным рывком поставить себя выше собственной работы, им созидаемой, проблем как проблем, сознательно размышляя о возможности и способе их разрешения, об их связи с другими и их значении; по крайней мере, так обстоит дело в философской мысли Средневековья. Средневековью не хватает как раз того, что составляет сущность современного духа: освобождения субъекта от привязанностей к окружающей среде, которые закрепляются в его собственной жизни. Средневековый человек не является самим собой в современном смысле этого слова – он всегда видит себя погруженным в метафизическое напряжение; трансцендентность удерживает его от чисто человеческого отношения к общей реальности. Действительность как действительность, как реальная среда является для него связанным явлением, связанным постольку, поскольку она сразу и постоянно предстает зависимой, измеряемой трансцендентными принципами. Теория познания, например, поэтому также не обладает такой свободной широтой, как

современная, несмотря на ее бесспорно глубокие прозрения. Она также остается связанной с трансценденцией, с проблемами познания сверхчувственного. Ограниченность здесь означает не несвободу, положение служанки, а одностороннее направление духовной жизни.

Поток собственной жизни в его многообразных переплетениях, поворотах и излучинах, в его множественной и разветвленной обусловленности для средневекового человека по большей части разлит, он не осознается как таковой. Однако все это не решает вопроса о том, должна ли в конечном счете в философии возобладать идея трансцендентности. Но это может произойти только в том случае, если сфера господства трансценденции установлена в своих границах и всесторонне включена в собственную жизнь.

Теперь можно спросить, действительно ли отсутствие сформированного методологического сознания можно считать недостатком. Разве это постоянное обдумывание и обсуждение пути, по которому нужно идти, вместо свежего движения вперед, не означает слабости? Разве это не признак непродуктивности? – «Но постоянно точить ножи скучно, если ты не собираешься ничего резать» (5).

Действительно, оказалось бы столь же бесполезно, сколь и неинтересно, когда бы методологическое сознание занималось только созерцанием чистых возможностей решения разнообразных так называемых предварительных вопросов для запланированного решения проблемы, даже не затрагивая тему, поскольку методологическое мышление вообще может и должно начинаться только после того, как будет проведена исследовательская работа. Но зачем тогда знать метод, если он больше нигде не может найти применения, ведь проблема решена? Можно ли вообще понимать слово «метод» в каком-либо другом смысле, который носит исключительно принципиальный характер?

Разумеется, методологическое сознание можно понимать как действие знания, покоящееся на основах, которые делают возможным прежде всего определенный круг проблем; как демонстрацию существования совершенно своеобразных принципов, устанавливающих определенную связь познания, из чего оно только начинает обретать смысл.

Подразумевается не просто знание этих принципов, а, скорее, знание связи между ними и тем, для чего они предназначены. Важно не только «что» и «от чего», но и то, как это связано в принципе.

Тем самым возникает метод как форма содержательного единства сферы познания.

«Не следует называть «методом» то, что на самом деле является не сознательно выбранным путем открытия, а просто выражением таинственно познанной совокупности значений» (6). Это, по-видимому, непосредственно применимо к нашему словоупотреблению. И все же не будет ничего плохого, если скажем, что наше понятие метода предстает лишь расширенным принципиально углубленным и последним, которое делает возможным познавательно-практическое действие и придает ему смысл, отличный от генетически реального.

Но концепция подобного рода метода кажется теперь знакомым делом и в схоластике, по крайней мере, в той мере, в какой она соответствует подлинному духу Аристотеля. Ссылка на трактовку первых принципов, всей метафизики как науки о принципах говорит в пользу этого. Данный вопрос будет решен в ходе следующего расследования.

Для плодотворного понимания и тщательной оценки схоластической мысли необходимо отметить то, что она не говорит; говоря более конкретно: нельзя упускать из виду, что в своем анализе значений она не впадает в эмпирико-генетические объяснения, а стремится установить предметное содержание смысла и то, что имеется в виду под «смыслом», находит, а не указывает. Она старается оставаться настроенной на описательное содержание.

Другой вопрос заключается в том, насколько схоластика работает с метафизическими реальностями в своем метафизическом направлении мышления. Но, несмотря на эти метафизические «включения», которые становятся понятными из общей установки схоластического мышления и которые как таковые сводят на нет, точнее, делают невозможным «феноменологическую редукцию», все же в схоластическом типе мышления скрыты моменты феноменологического рассмотрения, возможно, наиболее сильные именно в нем.

В соответствии с принципами, изложенными выше, в дальнейшем следует выделить конкретную проблему и рассмотреть ее в перспективе современных исследований. И действительно, выбрана одна из них, особенно интенсивно используемая современной логикой: учение о категориях.

Виндельбанд, которому следует отдать должное за ценную помощь в решении данной проблемы, пишет: «Тот факт, что эта задача [проектирование системы категорий] составляет точку опоры для движения логической науки со времен Канта, не подлежит сомнению для каждого, кто знает ее историю. Вероятно, почти все согласны с тем, что сам Кант допустил ошибку

в своей попытке ее разрешить» (7). Эдуард фон Гартманн, автор первого современного расширенного учения о категориях, говорит о «решающей роли, [которую] концепция учения о категориях всегда играла в философском мировоззрении», и допускает, что история философии определяется именно историей учения о категориях (8).

До сих пор схоластическую логику обычно рассматривали только как хитроумную силлогистику и подобие аристотелевской логики. Если попытаться понять их с точки зрения современных логических задач, то сразу же возникает другой аспект. Она приобретает совершенно новую характеристику, заключающуюся в систематическом перечислении совокупности основных понятий, связывающих и формирующих переживаемое и мыслимое.

Правда, проблема категорий не должна прослеживаться на протяжении всей истории схоластики. Скорее, она подвергнется анализу при обработке францисканцем Дунсом Скотом, «самым проницательным из всех схоластов», как назвал его Дильтей.

Не только тот тип критического мышления, которым по праву славится Дунс Скот и который столь необходим для решения логических задач, привлек наше внимание именно к нему.

Определяющим оказывается вся его индивидуальность мыслителя вообще с ее безошибочно современными чертами. Он обнаружил большую и более тесную близость (haecceitas) к реальной жизни, ее многообразию и возможностям напряжения, нежели предшествовавшие ему схоластики. Но в то же время он умеет с той же легкостью уходить от полноты жизни в абстрактный мир математики. Ему одинаково хорошо знакомы «формы жизни» (насколько подобное вообще возможно в Средневековье), как и «серое в сером» философии.

Таким образом, в Дунсе Скоте сосредоточены все предварительные условия для решения задачи о категориях.

К этому следует добавить, что среди его работ есть «теория форм значений», если говорить о Гуссерле, существенно связанная с учением о категориях, поскольку раскрывает различные категориальные формы «значения вообще», закладывая основу для всей дальнейшей работы над проблемами логического смысла и применимости. Сознательное обращение к современным постановкам и решениям проблем, предполагающее их определенное родство со схоластикой, далеко не является попыткой нарушить самобытность и даже самостоятельность современной логики.

Ведь, несмотря на сомнительность и научную бесполезность такой попытки, она априори исключена, поскольку среда мышления, из которой

выросли современные логические исследования, полностью отличается от среды схоластики. Это, конечно, не мешает схоластическому и современному мышлению заниматься одними и теми же проблемами в одних и тех же областях мысли. Но сопоставление начальных и в некоторой степени действительно несопоставимых величин – схоластики и современной мысли – возможно только в том случае, если все кажущееся чисто историческим исследование будет поднято до уровня систематико-философского рассмотрения.

В этой первой попытке принципиально нового способа обработки средневековой схоластики, т. е. в ее интерпретации и оценке с помощью философской проблематики как таковой, дело вовсе не в том, чтобы разграничить систему учения отдельного философа, в нашем случае Дунса Скота, с современными и более ранними, вплоть до каждой отдельной фразы, и противопоставить их друг другу, выделив общую мысль и в конечном итоге сопоставив содержание учения с платонической, аристотелевской и стоической философией. Такое общее изложение и сравнение, которые, на мой взгляд, не должны слишком ограничивать самостоятельность исследователя, могут быть приняты с перспективой философского успеха только когда до этого удалось систематизировать содержание средневековой схоластики, по крайней мере, в наиболее важных проблемных областях.

Энергичное стремление современной теоретической философии решать проблемы с соответствующей ей силой раскрытия их одновременно обогащают и углубляют понимание истории философии, но также усиливают актуальность решения задач, как это только что было отмечено.

Невозможно будет думать о том, чтобы коснуться конкретной задачи написания философски ценной истории схоластической логики в средние века, пока не будут четко сформулированы последние и наиболее сложные проблемы аристотелевской логики и метафизики, на что Эмиль Ласк указал в своей проблемной книге о суждении (9).

Другим требованием для хоть сколько-нибудь удовлетворительного с философской точки зрения решения указанной задачи будет принципиальное привлечение психологии к схоластике. Сегодня, когда нефилософия психологизма полностью преодолена (10), это требование вряд ли можно считать хоть сколько-нибудь обоснованным. Но здесь важен только вопрос о том, совпадает ли психология схоластики с современной естественнонаучной психологией. Это следует отрицать. Напротив, необходимо осознать, что схоластическая психология остается предметно-ноэматической в своих принципиальных проблемах, поскольку не настроена на динамически

изменчивое реальное психическое, – обстоятельство, которое в значительной степени благоприятствует направлению взгляда на феномены интенциональности.

Для окончательного понимания этого основного характера схоластической психологии я считаю особенно актуальным философское, точнее феноменологическое изучение мистического, нравственно-богословского и аскетического писания средневековой схоластики. Только такими путями можно будет перейти к живой жизни средневековой схоластики, которая в решающую эпоху сформировала, оживила и укрепила ее (11).

(1) Der Gegenwartswert der geschichtlichen Erforschung der mittelalterlichen Philosophie. Akad. Antrittsvorlesung. Wien 1913. S. 7 f.

(2) В последнее время фон дер Пфордтен (v. der Pfordten) предпринимает интересную попытку представить историю философии в этом аспекте и выявить основные ценностные суждения философов. Ср. Grundurteile der Philosophen. Eine Ergänzung zur Geschichte der Philosophie. I. Hälfte Griechenland. Heidelberg 1913.

(3) Geschichte der Kategorienlehre. Berlin 1846. S. 197.

(4) Игнорирование постановок проблем и простое внешнее противопоставление готовых, вырванных из контекста мыслей приводит к тому, что третья часть уже упомянутой вступительной речи не может удовлетворить Грабмана. Чтобы не повторять уже сказанного, обратимся к моему обзору Шарля Сентруля: Kant und Aristoteles (Literarische Rundschau, herausgegeben von J. Sauer XL, 1914, Heft 7, Sp. 330 ff. [oben S. 49 ff.]), где разъясняются отношения аристотелевско-схоластической и современной философии и необходимые точки зрения для их изучения.

(5) Lotze, Metaphysik. Einleitung S. 15.

(6) H. Driesch, Ordnungslehre. Jena 1912. S. 34.

(7) Vom System der Kategorien. Philos. AbhandL Chr. Sigwart gewidm. Tübingen 1900. S. 45.

(8) Kategorienlehre. Leipzig 1896. Vorw. S. VII.

(9) E. Lask, Die Lehre vom Urteil. Tübingen 1912. S. 39 ff. – Наряду с использованием систематически доведенного до конца понимания Аристотеля, история схоластической логики также настоятельно требует рассмотрения исторического процесса проникновения аристотелевской философии в философскую работу схоластики. Ср. в последнее время A. Schneider: Die

abendländische Spekulation des zwölften Jahrhunderts in ihrem Verhältnis zur aristotelischen und jüdisch-arabischen Philosophie (e (Beitr. z. Gesch. d. Philos d. Mittelalters. Bd. XVII, 4). Münster 1915.

(10) Ср. мою диссертацию: Die Lehre vom Urteil im Psychologismus. 1914. Einleitung u. oben S. 160 ff., где указывается на решающее значение Гуссерля для развития идей «чистой логики», предметная область которой, с точки зрения ее формы реальности, должна, однако, стать еще более проблематичной. Однако это возможно только с помощью систематических средств философии, принципиально ориентированной на мировоззрение.

(11) Цитируется по парижскому изданию: Joannis Duns Scoti Opera omnia (1891–95). В тех случаях, когда это переиздание казалось ненадежным, сравнивалось с Лионским изданием от 1659 года, трактат De modis significandi легко доступен по отдельной публикации: B. Joannis Duns Scoti Doct. Subtilis O. F. M. Grammaticae speculativae nova editio cura et studio P. Fr. Mariani Femàndez Garcia. Quaracchi 1902.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

УЧЕНИЕ О КАТЕГОРИЯХ

Систематическое обоснование понимания учения значений

Философское толкование и представление «спекулятивной грамматики» Дунса Скота как учения о значении требует необходимого предварительного исследования элементов и условий, которые первостепенно делают возможным понимание указанной проблемной области.

Изучение исторических условий и генетической структуры рассматриваемой области знаний в рамках развития научного сознания – это необходимая задача истории науки. Их завершение, которое должно быть оставлено для последующих исследований в рамках общего представления средневековой логики, придаст чисто философскому истолкованию ту яркую особую форму и полноту, которые всегда вытекают из более глубокой истории.

Однако в результате невозможно обогатить или вообще сделать возможным систематико-философское понимание учения о значении.

Учение о значении должно быть прежде всего возведено в понятие, и это возвышение возможно только в соответствии с сущностью понятийного. Определенное понятие учения о значениях по своему содержанию может быть понято лишь в том случае, если познаны общие элементы значения, которые его основывают и на которых оно строится. Совершенно предварительно, но все же несомненно, учение о значении, «грамматика», будет пониматься как определенный фрагмент совокупности познаваемого, т. е. теоретически определяемого.

Особенность этой особой науки, кратко называемой теоретической обработкой предметного, должна быть понята теперь путем сопоставления ее с остальными, а еще лучше, если существует какое-либо общее средоточие, система наук, путем отнесения ее к определенному месту.

«Система наук» – понятие не вполне однозначное. Это можно понимать как: совокупность наук, реально существующих в определенное время, ориентированных на определенные точки зрения. Подобное средоточие только что исторически данного, имевшего место до определенной эпохи

в духовной истории, может иметь лишь ограниченное значение и, как и всё, что подвергается историческому становлению, должно меняться. Данная система наук может стать в свое время чрезвычайно важной на практике, будучи плодотворным средством характеристики культурной эпохи с точки зрения духовной истории; чисто теоретически, с точки зрения ее содержания, она должна расцениваться в качестве малоценной. Следовательно, теоретически ценной может быть только система наук, не ограничивающаяся совокупностью существующих в данный момент наук, а охватывающая все науки вообще. Как возможна такая «система»?

Как узнать в определенное время, какие новые науки появятся в будущем, когда их число будет исчерпано, смогут ли они вообще когда-нибудь появиться?

Систематика и теория наук – дело философии. Можно подумать, что из нее, как «всеобщей» науки, должны выводиться отдельные науки. Но если учесть, что сама философия и именно она подвергается очень сильным изменениям, то возникает та же проблема несоответствия, что и в случае с первым упомянутым понятием «система наук». Становится очевидным, что даже предпочтительнее, поскольку гораздо плодотворнее, довольствоваться упорядочением существующих наук, нежели создавать новые и довольствоваться утопическими возможностями. И все же требование системы, стоящей выше чисто практического устройства существующих наук, не является невыполнимым. Только не следует вкладывать в это требование слишком много.

Последнее не может быть воссозданием науки. Помимо того, что для этого требуется длительное историческое развитие, определенные условия возникновения и совершенствования, такое воссоздание не является чисто теоретическим вопросом, каким должна быть рассматриваемая система. Значит, остается обрабатывать исторически данное. Или все же существует еще некий способ удовлетворить требования чисто теоретической системы наук?

Действительно, такая система возможна, если от нее не требуется больше, чем она может себе позволить. Должен существовать как бы только очерк основных возможных групп наук и характера их взаимосвязей, предметный ряд, в который затем могут быть введены новые образования. Понятие «система наук», разумеемое подобным образом, не всегда четко определялось, и о путях создания такой системы существовали и до сих пор существуют самые разные взгляды. В большинстве случаев дело обстоит

так, что чисто теоретические соображения и практическая ориентация переплетаются с существующими науками. Тем самым объясняется многообразие систем наук, встречающихся в интеллектуальной истории.

Рассмотрение проблемы теории науки и систематики во всей ее глубине и широте выходит за рамки данного исследования; здесь также нет полного перечисления множественных попыток ее решения с их более или менее значительными отклонениями. Следует отметить только основные точки зрения, которые до сих пор стали руководящими в многоплановых усилиях по созданию системы наук.

Существуют разделы наук, в значительной степени ориентированные на познавательную психологию, как, например, разделы, основанные на умственных способностях, у Бэкона Веруламского. Кроме того, классификация может быть предпринята в соответствии с назначением отдельных наук (теоретических и практических знаний). Тогда разграничение может быть проведено в соответствии с методами, которые в основном используются в отдельных науках. Это возможно двумя способами: сначала в отношении методов получения знаний (методология исследования: объяснительные и описательные науки), затем в отношении различий в структуре представления знаний, полученных в науках (методология представления: обобщающие и индивидуализирующие науки). Наконец, систематика наук может быть сосредоточена на предметной области, свойственной отдельным наукам, и на форме их действительности (идеальные и реальные науки). Последний способ разграничения, как и вообще любая попытка такого рода, не даст достоверных результатов без тщательного изучения и учета логики структуры представления, в меньшей степени – методологии исследования. Какой из различных вариантов разделения подходит для нашей задачи?

Принцип отбора среди различных классификаций вытекает из того, что это разделение призвано сделать для нашей задачи обоснования понимания. Мы хотим знать, над чем работает грамматика (как учение о значении) в смысле слова Скота; ее предметная область должна быть признана своеобразной. Итак, мы возвращаемся к тому, что было еще раньше, к предметным областям, и тем самым указываем путь, по которому наша задача только и способна выполняться.

Отдельные науки обрабатывают различные предметные области или одно и то же с разных точек зрения, «с другой стороны». При нашем рассмотрении отдельные предметные области признаются относящимися к определенным областям действительности. В зависимости от их вида

они имеют определенную структуру и конституцию. Таким образом, мы сталкиваемся с задачей, которую принято обобщать под названием «теория категорий». Дело здесь не в том, чтобы во всей полноте изложить, как Дунс Скот относится к числу и расположению аристотелевских категорий, дошедших до нас в Средневековье. Наша задача – дать категориальную характеристику сфер реальности, и предшествующее первое разделение этих категорий простирается гораздо дальше, так что аристотелевские категории предстают лишь как определенный класс определенной области, а не как категории вообще. Да, на этом и основывается все наше исследование, чтобы показать, что, если существуют различные области реальности, то они должны быть четко различимы в их своеобразии и, соответственно, устанавливаться и разграничиваться друг с другом.

Сей исключительно категориальный подход может показаться совершенно односторонним, и это действительно так; но ни в коем случае нельзя считать его необоснованным; что могло произойти только в том случае, если бы такая установка взгляда изменила исследуемые явления, исказила их суть и тем самым подсунула бы Дунсу Скоту воззрение, которое, по его мнению, оказалось бы неправильным и фактически неподтвержденным. Несомненно, именно благодаря данному исследованию совершенно определенного слоя категориального эта сторона шотландской философии должна быть выявлена более четко и остро, чем это, возможно, было осознано самим Дунсом Скотом. Однако это не меняет того факта, что все излагаемое относится к кругу мыслей философа, и последнее само по себе имеет решающее значение. Учитывая то обстоятельство, что Дунс Скот не рассматривает категориальную структуру различных областей со всем осознанием их важности и новизны, в то же время следует понимать, что он не смог систематически и полно разрешить эти проблемы. Отсюда в нашу задачу входит не систематическое дополнение и заполнение пробелов, а, скорее, объединение того, что разбросано там и сям, в единое достижимое, которое можно узреть в целом.

Итак, работа над учением о категориях Дунса Скота ведется с совершенно определенной точки зрения, и ее можно будет вести по крайней мере до тех пор, когда мы сможем выделить различные области и четко изложить все мыслимое, чтобы иметь возможность указать место той области значений, которая будет рассмотрена впоследствии.

В конце концов, следует говорить о логическом месте явления нечто большее, нежели просто приводить излюбленный способ логиков. В его

основе лежит определенное убеждение, не подлежащее здесь дальнейшему изложению, в отношении имманентной, основанной на логике структуры, благодаря которой каждое явление, вообще относящееся к области мыслимого, требует по своему содержанию определенного места. Каждое место основано на пространственном определении, проявление которого, как порядка, само по себе возможно только на основе системы отсчета. «Место» в логическом смысле также основывается на порядке. То, что имеет свое логическое место, определенным образом вписывается в определенное целое отношений.

Таким образом, схоластическое мышление не только раскрывается с новой стороны, но, что самое главное, мы получаем реальную основу для понимания учения о значениях. Конечно, тот факт, что теория категорий предшествует теории значений в качестве основы для понимания, еще не означает логического сопоставления сих двух областей. Ответить на данный вопрос можно будет лишь тогда, когда оба явления сами по себе будут достаточно известны, так что тогда легко обнаружится решение по их упорядочиванию.

До сих пор мы ничего не знаем о том, что существует несколько различных сфер реальности. Если о них и говорилось, то, строго разумея, это могло нести лишь предположительный характер. Как нам обрести уверенность в данном вопросе, и какого рода он может быть? То, что существует одна область реальности, более того, что существуют различные области реальности, нельзя доказать априори, дедуктивным путем. Факты могут быть только очевидными. В чем смысл сей демонстрации? Выказываемое и предстающее перед нами в своем «я», образно говоря, может постигаться непосредственно, не нужно обходить одно другим; одно обнаруживаемое удерживает взгляд. На практике, с точки зрения познания, наша обязанность состоит в том, чтобы просто наблюдать, по-настоящему охватывать все, что можно постичь, использовать чистое «я» того, что предлагается. В отношении непосредственного не может быть никаких сомнений, вероятностей и заблуждений. Ибо в качестве непосредственного оно как бы не имеет ничего общего между собой и понятием (simplex apprehensio).

Поскольку знание о сферах действительности может быть получено только путем демонстрации, то и количество их и полнота того, что показано, не могут быть определены заранее. Отсюда также принципиально безразлично, какая область будет охарактеризована первой при выявлении. Однако на практике мы будем стремиться охватить то, что дано изначально,

то, что нам знакомо больше всего. Первым, вероятно, будет эмпирическая реальность, в которой мы ежедневно перемещаемся, реальность, данная в пространстве и времени, физическая реальность природы. Хотя есть точка зрения, полагающая, что психическое дано на самом деле непосредственно. Помимо того, что это множество вообще не осознается как отдельный мир на данный момент или только после длительного размышления, это воззрение слишком обременено предпосылками, которые поначалу нелегко прояснить, поскольку, например, говорится, что психическое ближе всего к познающему (логическому) субъекту, более того, именно этот субъект является им самим. В известном смысле последнее может быть правдой, методологически первым и непосредственно данным является чувственный мир, «окружающая среда».

И все же не следует искать в ней выхода в дальнейшем. Если, как только что сказано выше, области действительности, их тип и количество не могут быть определены априори дедуктивным путем, то все же следует исходить из общих соображений; в этом есть даже определенная необходимость, если кто-то хочет по-другому отчитаться о своем собственном способе действия.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

UNUM, МАТЕМАТИЧЕСКАЯ, ПРИРОДНАЯ И МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Каждая предметная область – это предметная область. Даже если мы еще ничего не знаем о тех областях деятельности, о чем идет речь, даже если мы говорим о них как о проблемных во всех отношениях, перед нами нечто, объект. Все и каждое есть предмет. *Primum objection est ens ut commune omnibus*. В каждом объекте познания этот объект дан, поскольку он и есть объект. Как любой объект для внешнего чувства, будь он белым, черным или разноцветным, остается цветным, так и любой объект вообще, независимо от того, что он представляет по содержанию, является единым (Ens).

У Дунса Скота есть замечание, которое кажется почти современным: мы часто сами переживаем, что перед нами нечто предметное, не зная, является ли это субстанцией или акциденцией; другими словами, предметное еще не имеет более точного категориального определения. Имея предмет в духовном поле зрения, мы можем сомневаться, к какой категории он относится, существует ли он сам по себе или в другом; его характер действительности еще не определен, и тем не менее нечто дано. *Aliquid indifferens concipimus*: мы суммируем то, что еще предстоит каждому определенному категориальному образованию. Единое тем самым означает общий смысл предметной сферы вообще, постоянный момент в предметном, это категория категорий (1). Единое сохраняется в каждом предмете, как бы он ни был дифференцирован по своей содержательной полноте, сохранен (salvatur).

Это Ens относится к *maxime scibilia*, под которым можно понимать двойное. Первое maxime scibile – это то, что изначально осознается; это следует понимать не столько в понятийно-генетическом, сколько в логическом смысле. «Maxime» содержит здесь логико-теоретическую мысль и характеризует изначальный элемент предметного, а именно предметность. Единое, как maxime scibile в указанном значении, означает не что иное, как *условие возможности предметного познания вообще*.

Кроме того, maxime scibile означает то, что можно распознать с наибольшей уверенностью. Это познавательно-психологическое значение,

т. е. относящееся к субъективности, нас здесь не интересует. Первое репрезентативно-категориальное значение maxime scibile показывает, что *Ens* представляет собой *последнее, высшее*, за пределом которого уже не о чем спрашивать (2).

В этом и заключается собственно философский смысл предметных определений, известных схоластике под названием «transcendentia». Трансцендентное – то, что больше не имеет над собой никакого рода, в который оно могло бы быть включено; о нем больше ничего нельзя сказать. Это последний характер Единого как предметности вообще составляет сущность трансцендентного. То, что происходит со многими отдельными предметами, о чем говорится, для него случайно. Отсюда сами отдельные предметы не являются трансценденцией, поскольку вместе с ними дается понятие Ens. Только то, что предстает конвертируемым с Ens, может считаться в строгом смысле трансцендентным. Значит, обратимость может рассматриваться как критерий для принятия решения о том, что еще, кроме Ens, следует рассматривать как принадлежащее трансценденции (3). В пределах элементов, составляющих предмет, она очерчивает последнюю и наиболее высоко стоящую область в логическом порядке иерархии.

Остальные трансценденции, в том числе unum, verum, bonum и т. д., рассматриваемые как квази-свойства Ens, все же не являются изначальными в том же смысле, что и Ens как предметность вообще. Однако между собой они не допускают иерархичности, ведь тогда одно из них оказывалось бы более изначальным другого в отношении своего предметно-образующего характера. Ни одна из трансценденций не способна проявиться (manifestare, а не demonstrare) без движения по кругу. Так часто и до тех пор, пока мы имеем дело только с этими последними как с последними, т. е. сами они мыслятся как предметы, вместе с ними даны все элементы, составляющие предмет вообще.

Трансценденции как таковые не могут быть предметом отдельной науки; это препятствует их существованию. Поскольку они встречаются как в одной, так и в другой науке, где повсюду имеются предметы для изучения. Следовательно, если бы мы хотели проследить многообразные отдельные объекты в каждом из них вплоть до их последних теоретических структурных элементов, то пришлось бы их рассматривать многократно, часто бесполезно (4).

Теперь, по-видимому, больше не следует начинать с Ens как «нечто вообще». Как и в случае с последним, ему ничего не принадлежит. Или,

в конце концов, мы еще не исчерпали его значения? Но над предметом в целом больше не может быть ничего предметного, что говорилось бы о нем в целом. «Вообще» здесь теряет всякий смысл. И все же многое еще способно быть предсказано от Ens; только нельзя неоправданно односторонне ограничивать предсказание предположением. Однако с дальнейшими предикациями мы приходим к уже отмеченному круговому движению мысли. Последнее ничего не значит, поскольку это неизбежное «несчастье» (Гегель) связано не с нами, а с предметом вообще, как таковым, который мы, соответственно, должны принимать в качестве абсолютного. И затем следует еще отметить, что, хотя мы и движемся по кругу с помощью следующих предикаций, но все же каждый раз как бы стоим в разных точках окружности.

Мы говорим: нечто есть нечто, и, по-видимому, не выходим за рамки предмета со своей предполагаемой тривиальностью. И все же в этом предложении есть один плодотворный момент – момент отношений. Предмет связан с самим собой. В какой степени это нечто является нечто? Поскольку оно не что иное, как другое. Это нечто и в нечто-бытии есть не-бытие-другого. «Нечто есть то, что есть, только в своем пределе», – говорит Гегель (5). Дунс Скот признает это соотношение в предмете вообще до последнего: idem et diversum sunt contraria immediata circa ens et convertibilia (6). Одно и другое даны одинаково непосредственно с предметом вообще; не одно и даже не одно в противоположность двум, а одно и другое, «гетеротезис», является истинным источником мышления как предметной силы.

Эти примитивные и кажущиеся такими пустыми факты только недавно были вновь выявлены современным мыслителем во всей их остроте в исследовании, которое приобретает все большую глубину и тонкость, поскольку возникло на трансцендентально-философской почве (7). Оно показывает фундаментальное различие между «единым» и «единицей»; в ином случае – доказывает, что число не является чисто логическим образованием и вообще не дается вместе с предметом. Ниже покажем, насколько Дунс Скот, кстати, «увлеченно» занимавшийся математическими исследованиями (8), стремился выявить различия в понятии unum, что вовсе не чуждо схоластике, иначе Риккерт не смог бы предварить свое важное исследование фразой из Майстера Экхарта.

Idem et diversum sunt contraria quia idem est quoddam unum et diversum quoddam multum (9). «Quoddam» примечательно. Слишком легко поддаться искушению сразу же подумать о чем-то числовом. Дунс Скот хочет

предотвратить сие с помощью «quoddam». Он сознает трудности данных проблем, столь существенно связанных с понятием предмета, иначе не указывал бы на них прямо, что с ним редко случается (10).

Прежде чем можно будет более подробно рассмотреть «гетеротезис», идею и разнообразие, следует отбросить еще одно возражение. Можно предположить, что в философии, ориентированной на субстанциальное и вещественное, которую схоластика, на первый взгляд, исключает, Idem et Diversum применимы только к реальным вещам, следовательно, имеют совершенно ограниченную область использования и вообще не связаны с сообществом как изначальной категорией предметного. Дунс Скот, правда, признает, что Idem et Diversum, вероятно, в основном выражаются субстанциями (реальными вещами); это означает, что они представляют собой наиболее близкую область применения. Таким образом, эта уступка больше касается частоты использования в определенной предметной области, но не обширности «области господства», к которой относится это различие. Она применима также к качествам, количествам, отношениям, даже отрицаниям и лишениям, другими словами: ко всему и всякому, что осознается как нечто единое (11). Дунс Скот, однако, также особо отмечает в одном месте, что термин «res» не должен ограничиваться природной реальностью, скорее он может означать все, что не является чем-то вообще, что включает в себя противоречие, например, круглый четырехугольник. Значит, все, что не заключает в себе противоречия, есть разрешение, будь то реальное или рациональное (12).

Итак, все, что будет сказано в дальнейшем об Idem et Diversum, носит изначальный предметный характер.

В гетеротезисе есть три момента: отношение и члены отношения (Relate). Отношение – это только отношение как существующее между отношениями, последние суть отношения, определяющие (Relate). Отношение и члены отношения (Relate) в некотором смысле коррелятивны. Одно и другое тоже отношения: «между» ними существует отношение. К какому типу оно относится?

Мы получаем наиболее точную информацию об этом, когда исходим из отношений, на которых основаны их члены, т. е., прежде всего, из единого. Unum произносится двусмысленно: это может означать unum, который можно преобразовать в Ens, или unum как принцип числа. Другое означает unum, посредством которого каждый предмет является предметом, третье – unum как число (13). То же самое относится и к multitudo. Не всякая «множественность», точнее многообразие или множество, по преимущест-

ву обосновывает число. Многообразие само по себе имеет более широкую область применения, нежели число, точно так же, как и unum в качестве трансцендентного. Множественность требует вообще только различных предметов и еще не имеет в своем понятии ничего количественного (14). Сказанное здесь лишь предварительно об unum и multum как трансценденциях благодаря их противопоставлению количественному, сфере чисел, обретает полную ясность.

Unum как обратимое с предметным вообще присуще каждому предмету. Все, что есть, есть (предмет), пока оно есть (15). И как следует мыслить предметное бытие и единое бытие, как соотносятся между собой Ens и Unum? Разумеется, Unum как обратимое ничто не является количественным. Бесспорно, это также означает нечто отличное от Ens. Стало быть, не имеем ли мы с каждым предметом, предстающим обязательно одним предметом, два предмета?

Дунс Скот говорит, что Unum (Ens) больше не добавляет к Ens никакого нового предмета, как, например, белизна добавляется к веществу. Каждый предмет есть предмет в себе и сам по себе. Скорее, Unum непосредственно связан с тем, что является его формой (детерминацией, определенностью). Обратимость означает не абсолютное различие двух предметов, а лишь различную созерцаемость, определенность одного содержания. В свою очередь, если бы предмет стал предметом только в результате добавления нового предмета, то следовало бы продолжать спрашивать, чем он является, и тем самым уже в изначальном предмете мышления имеет место процесс в бесконечности. То, что называется предметом, в то же время означает предмет, то, что есть нечто; однако Unum – не то, что подразумевается в первую очередь, но само по себе означает лишение, поскольку именно один предмет не является другим. Следовательно, сие не добавляет ничего положительно содержательного к понятию предмета. Таким образом, взаимозаменяемость Unum с Ens не может относиться к содержательной сущности предмета. Если бы это было так, то, например, «множественность» не могла бы быть предметом, поскольку именно множественность как множественность как раз и не является «единством». Если, однако, всякая множественность есть множество, то очевидное указывает на то, что Unum не касается предмета, а необходимо присоединяется к нему как к фундаментальной существенной определенности. Каждая вещь, обладая формой Unum, остается со всеми предметами, как бы различны они ни были по содержанию и располагает тождественной определенностью (16).

Характер определенности Unum трансцендентен и проявляется в том, что Дунс Скот противопоставляет Unum как число. Unum transcendens – это нечто в предмете, благодаря чему предмет становится предметом, момент, обусловливающий предметность вообще; напротив, Unum как число само является предметом, совершенно конкретным случаем предметности (17).

Отсюда, как же следует понимать Unum transcendens в качестве определенности?

Понятие языка играет решающую роль как в аристотелевской, так и в трансцендентальной философии. Оно незаменимо для научного мышления, предшествующего философии. Однако это не означает, что оно понятно каждому и, прежде всего, недвусмысленно. Поскольку в дальнейшем, особенно в учении о значении, понятие формы будет играть решающую роль в исследовании, то пусть в своем месте, где оно впервые явственно выступает для нас, будет сказано о нем в общих чертах подготовительное слово.

Форма приобретает в аристотелевской философии прежде всего метафизическое значение как формирующий принцип физической, психической и метафизической реальностей. Но и в области логики он играет отнюдь не второстепенную роль. Только Кант возвысил понятие формы до решающего положения в области логики, и с тех пор оно стало незаменимым *Instrumentarium logicum*. В этом смысле он также должен здесь быть подвергнут предварительному рассмотрению.

Все, что «противостоит» «я» в переживании, каким-то образом постигается. Уже само «противоположное» есть определенное отношение (respectus), обстоятельство, отображаемое им в отношении предмета. Разумеется, здесь не следует думать о пространственном – расстоянии и близости. «Противоположное» есть выражение, заимствованное из реальности природы, используемое для обозначения бессмысленного отношения сознания. Сознание – это единственное в своем роде отношение. Как все противоположное в природной реальности для меня становится иным, когда я меняю свое местонахождение, так именно в «противоположности» сохраняется тождественный момент – чистое противоположное себе и в переживании, и в сознании. Это сберегаемое отношение «я» к «не-я», как только я меняю «место», т. е. оказываюсь лицом к лицу с другими предметами.

Уже с тем, что мне вообще дано нечто (Ens) сознательно, что я делаю нечто объектом своего сознания, понятие определенности вступает в действие. То, что является предметом, находится в ясности, хотя бы и в как бы сумеречном состоянии, которое позволяет увидеть не что иное, как нечто во-

обще предметное. Если бы не этот первый момент ясности, у меня не было бы абсолютной тьмы, поскольку, обладая ею, она сама уже снова становится ясной. Скорее, следует сказать: у меня вообще нет предмета, я слепо живу в абсолютной тьме, не могу двигаться духовно, мыслительно, мышление остановлено. С помощью Ens я обретаю первую определенность, ведь всякое Ens предстает Unum – первым порядком в многообразной полноте репрезентативного. Стало быть, определенность – нечто упорядоченное в данном, она делает его ощутимым, познаваемым, понятным.

Хотя Unum не добавляет ничего нового к предмету, оно вносит большую ясность в предмет, придает ему нечто упорядоченное. Определенность Unum изначально не совпадает с определенностью Ens. Скорее, она строится на этом. Значение «предмет» – нечто положительное, абсолютное. Unum уже не является изначальным: последнее предполагает Ens. Unum дает предмету определенный способ существования (quendam modum se habendi). Благодаря Unum модус имеет определенное отношение к предмету. Оно не положительное, а отрицательное, точнее привативное. Unum как частная определенность не исключает, скажем, положительного, иначе Unum нельзя было бы сказать о Боге, предстающем Абсолютом.

Мы знаем: Unum противостоит Multitudo – множественность. В какой степени множественность это лишение (изъятие, Privatio), когда, следовательно, абсолютное есть лишение одного? (18)

Дунс Скот исходит из выяснения данного своеобразного соотношения общих соображений, которые мы подробно рассмотрим позже в «Учении о значениях». Часто случается, что предметы выражают нечто в качестве положительного значения, что по своему содержанию является частным. Отсюда «телесное» в отношении состояния вещей означает нечто частное, «бестелесное» (духовное) – нечто положительное (19). Поскольку материальная реальность, несомненно, больше близка и знакома нам, нежели бестелесная, и в то же время положительные значения даны раньше частных, мы обычно придаем положительное значение наиболее близкому из известных, малоизвестному частному. Так мы постигаем реальность Сотворенного, которая конечна и ограничена и, следовательно, ее отношение к божественному бытию не является положительным, поскольку оно непосредственно ближе в положительном значении; позитивное с точки зрения фактов, но в частных значениях – «бесконечное», «неограниченное». Привативная форма значения выражает позитивное отношение к положению вещей.

Понятие Unum теперь извлекается из формы, объединяющей части предмета (принцип конструирования). В некотором смысле Unum – неделимое, простое; тогда как, с другой стороны, Multum – разделенное, кратное. Итак, многообразие возникает из различия от «единого» и, следовательно, означает лишение единства. Хотя теперь множественное число понимается в положительном значении (как деление), по своему содержанию это лишение. С другой стороны, Unum выражается в частном значении и в содержательном смысле означает положение, нечто положительное, исключающее ту лишенность, которая заключается в множественности. Отсюда в отношении фактического положения вещей Unum означает нечто положительное, в отношении модуса значения (Modus significandi) – лишение. Unum есть лишение того, что находится во множестве, последнее, в свою очередь, является лишением Unum; значит, Unum определяется множеством, и наоборот. Теперь, вероятно, стало ясно, каким образом Unum добавляется к предмету; это придает ему определенность посредством частного способа значения. Один предмет и есть один предмет, а не другой (20).

Теперь дана достаточно надежная основа для решения вышеупомянутого вопроса о характере взаимосвязи между Idem и Diversum. Может показаться, что в этом подробном изучении Unum и Multum не было необходимости. Idem и Diversum именно различны, между ними существует совершенно невосполнимое отношение несходства, находящее свое простейшее выражение в «не». Только тем, что отрицается Unum, одно нечто, невозможно вызвать в воображении другое: «Отрицание образует из нечто только не нечто или ничто, оно как бы делает предмет вообще исчезающим, и точно так же инаковость или различие никогда не могут возникнуть только на почве нетождественности» (21). То, что простого отрицания недостаточно для характеристики рассматриваемого отношения, уже указывалось. То, что противопоставляется объекту через «не» как член отношения, действительно образует противоположность, но оно ничего не устанавливает (nihil ponit), т. е. не создает никакого другого объекта и не требует такого субъекта, как лишение. А именно, можно сказать, что «ничто» не видит – так же, как и камень не видит (22). Дунс Скот кратко выражает своеобразие этой противоположности, противоречия, следующим образом: contradictio salvatur in ente et non ente; эта противоположность сохраняется в сфере сущего и несуществующего (23).

Сущее и несуществующее, возможно, противоположны друг другу, но они не различны. Различие существует только в сфере сущего; ибо разли-

чие – это не просто отрицание (разделение), но в то же время соединение. Только там, где есть точка зрения, высшее единство, с помощью которого можно измерить различаемое, возможно такое понятие, как различие. Отрицание в том виде, в каком оно проявляется в противоречащем противопоставлении, принадлежит «субъективной логике». «Нечеловек», правда, может быть сказано об осле, т. е. существующем предмете, но отрицание, поскольку оно понимается исключительно как отрицание, предстает существующим только в разуме, т. е. посредством субъективной установки мышления; объективное отрицание, в противоположность противоречащему, не имеет существования. Небелое, поскольку оно противопоставляется белому, не является черным, но его значение охватывает все сущее и несущее, за исключением белого (24).

Но и то, и другое суть трансценденции, изначальные определения предмета и, как таковые, обратимые с предметом. Оба идут к предметному. Следовательно, противоречащее противопоставление к ним неприменимо (25).

Как обстоят дела с лишением? Оно существует только в сфере сущего, следовательно, имеет более ограниченную сферу действия, чем противопоставление. Однако лишение, по-видимому, является верным выражением отношения, существующего между Unum и Multum, поскольку, как и это, оно существует только в области Единого. Это кажется тем более уместным здесь, если вспомнить приведенную выше характеристику Unum и Multum, которая определяла единое как лишение одного (т. е. многообразного). И все же лишение также должно исчезнуть как неприменимое отношение. Хотя оно и есть в сфере сущего, но не устанавливает какой-либо предмет. К нему относится и то, что следовало сказать о противопоставлении; ибо оно представляет собой определенный тип противопоставления, поскольку в нем действует чистое отрицание, хотя и с определенным указанием на точно очерченный объект отрицания – «habitus». Но от противопоставления оно отличается тем, что не превращает предмет в ничто, а требует предмета, который как раз и должен нести определенность, которая, в свою очередь, может исключаться лишением (subjectum habitus). Следовательно, ни ничто, поскольку оно не является предметом, ни камень, ведь он не обладает способностью видеть, не могут быть названы слепыми, в отличие от живого существа, которому самому по себе свойственно видеть (26).

Поскольку противопоставление превращает единое отношение в ничто, а лишение, оставаясь в сфере сущего, все же не устанавливает в качестве отношения никакого предмета, оба отношения непригодны для того, чтобы

дать истинное отношение между единичным и множественным. Абсолютное, как и множественное, само по себе абсолютно (27).

Единственное отношение, характеризующее соотношение обоих звеньев отношений – это противоположность. А именно, членам их отношений свойственно, чтобы каждый из них устанавливал другой по содержанию предмет (28).

Здесь нет необходимости углубляться в теорию противоположности, особенно в отношения трех видов противоположностей, их логическую иерархичность. Это не означает, что теория противоположности не имеет основополагающего значения для любой философии. Только одна школа мысли, получившая сегодня заслуженное признание и преобладание, философия ценностей, в решающих моментах оперирует понятием противоположности.

Для настоящего исследования важно само по себе понимание того, что Unum как трансцендентное, как исходное определение предмета, изначально требует множественности, что тем самым «гетеротезис» предстает истинным «источником» мышления о предмете. «Одно должно быть логическим началом другого, поскольку нет предмета, если не существует того и другого, и субъект не может начать мыслить логически, если он не сделает этого с первых шагов, с первого вздоха, – мыслит одно и другое» (29).

Ранее говорилось, что Unum двусмысленное выражением, некогда означавшее Unum transcendens как определение предмета, способное для преобразования при помощи и, кроме того, обозначающее Unum как принцип числа. До сих пор нигде не отмечалось о числе при всем том, что сообщалось об Unum transcendens. Отсюда следует заключить, что с Unum как принципом числа должно произойти нечто новое, иными словами, что число не дается еще вместе с предметом вообще и не существует в первоначале. Другое означает только множественность, т. е. никак не «то и другое: второе по количеству, различное по качеству» (30).

Число является логически более поздним образованием, чем предмет вообще. Чтобы подчеркнуть различие между Unum transcendens и Unum как числом или, говоря современным языком, между «Единым» и «единицей» и в то же время еще более четко охарактеризовать «Единое» в его своеобразии, следует рассмотреть равно Unum как принцип числа. Простота отношений, преобладающих в «началах» логической области, позволяет характеризовать не столько путем положительного различения контуров, сколько путем противопоставления рассматриваемых феноменов.

Понятие Unum как principium numeri не ограничивается, в смысле Дунса Скота, только чистым математическим числом. Слово Unum также следует понимать здесь в более широком смысле, поскольку оно включает в себя охваченные им предметы; что опять же имеет место несколькими способами. Следовательно, Unum как принцип numeri, в соответствии с неоднозначностью выражения numerus, станет названием различных исследований.

Бесспорно, чистое число логически предшествует счисляемым предметам. Отсюда и прежде всего поскольку мы желаем показать, что с помощью Unum transcendens еще не дано ничего числового, мы направляем рассмотрение чистого числа вперед к размышлениям о счисляемых предметах и связанных с ними проблемах. Рассмотрение чистого числа, как и счисления, применяемого к предметам, в то же время ведет нас в общем направлении исследования, стремящегося к разделению сфер действительности. Однако на первый взгляд может показаться более последовательным и целесообразным, чтобы в точке, где рассмотрение первого трансцендентного исчерпано, перейти к рассмотрению других, Bonum и Verum, и только затем приступить к обособленной задаче характеристики отдельных областей реальности. Однако выбранное здесь расположение позволяет более четко и надежно сохранить концептуальную связь между отдельными трансценденциями в различных сферах реальности, что должно быть верно в отношении Unum, как и в отношении Verum, что будет рассмотрено дальше. Возможный недостаток логически упорядоченного общего обзора, не подлежащего обсуждению, будет устранен с помощью соответствующего краткого вывода в заключении раздела.

Unum и Multum еще не являются чем-то численным. Можно было бы признать это и все же указать, что в них все-таки есть число. Одно есть одно, а другое – одно, одно и одно дают два. Теперь, если я добавлю два как одно и еще одно, то доберусь до трех. Тем самым можно продвинуться сколь угодно далеко в числовом ряду.

Само по себе, это понимание вкладывает в понятие одного и другого нечто такое, чего на самом деле в нем нет. Когда я говорю «то и другое», то еще не счисляю, не определяю сколько. Только в таком количестве это число сохранилось. Дунс Скот выражает последнее следующим образом: к Unum transcendens и Multum transcendens добавляется Ratio mensurae, понятие меры (31). Multum в области чисел – это не просто другое, множественное. Это нечто большее его. Это даже больше, чем множество. А именно, можно было бы признать, что при вышеуказанном выводе чисел

из одного и другого слишком много вкладывается в исходные определения предмета, и все же подчеркнуть, что с одним и другим и еще одним, и еще одним устанавливается многообразие, множественность, Quantum, из которого состоит и простейшее квантовое, позволяющее получить единицу.

Однако данная попытка вывода здесь одинаково должна потерпеть неудачу. Поистине, существует множество и в единстве, и в множестве. Но Дунс Скот решительно подчеркивает: non omnis multitudo causat numerum simpliciter. Единое как изначальная определенность предмета все еще находится за пределами ограниченности и безграничности, и мысль об измерении и количественном определении здесь еще не может возникнуть (32).

Чистое число еще не достигнуто с помощью понятия многообразия. Именно отсутствие позитивности важно для множества и, что еще более отличает его от других – неведение порядка составляющих его предметов. Это как бы просто скопление, беспорядочное нагромождение. Чистое число, по словам Дунса Скота, не имеет единства, определенности из-за простого скопления, подобно груде камней (33). Значит, количество все еще находится за пределами области математики. Тот факт, что сегодня все же существуют фундаментальные математические дисциплины, которые явно занимаются многообразиями и множествами, точнее «мощностями», остается, вероятно, лишь примером против только что сказанного. Поскольку, когда мы имеем дело с количествами, а именно с «бесконечными» и, к примеру, показано, что сила совокупности рациональных чисел не равна силе совокупности действительных; постольку в понятие количества и класса для обеспечения возможности подобных исчислений закрадываются определенности количественного характера. На этом факте основаны, например, обоснованные возражения против вывода количественного числа из, казалось бы, еще более простого понятия класса. Здесь не следует далее касаться не только интересной в философском отношении, но и весьма важной теории многообразий. Остается только удостовериться в теореме о еще не математическом характере многообразия, данного с помощью «Idem et Diversum», во всех отношениях. Как единое еще не есть единое, так и многообразие еще не есть множество, число. Многообразие требует только совсем разные предметы. Числа, тем не менее, отличаются в очень определенном отношении, и сие различие присуще не только числу (34). Для того чтобы числа различались в очень определенном отношении, они должны как бы находиться в определенной «среде», требуя жизненного элемента, поддерживающего их и сохраняющего в своем составе.

Уже было сказано, что каждое число означает столько, что для того, чтобы единое стало единым, к Unum transcendens должна добавляться точка зрения меры. В общих чертах это теперь можно выразить так: средой для числового является количество (35). Количество Дунс Скот называет «госпожой», повелительницей измерений (36). Математик может двигаться только в среде количества – это необходимое отношение, которое он должен иметь ко всем своим предметам, это условие возможности математики. Само по себе оно не является предметом математики.

Но количество все же принадлежит к числу десяти категорий, относящихся к природной действительности; оно ближе к accidens, свойству. Но математика все же не естествознание; точно так же, как показывает независимая область чисел, она не занимается случайным.

Количество не предстает предметом математики в той мере, в какой о нем можно сказать, что оно принадлежит субстанции, sed quasi medium supponitur. О субстанциях, как и вообще природной действительности, в математике не говорится. Количество имеет в математике совершенно иное значение и функцию, нежели в реальности природы (37).

Математик, говорит Дунс Скот, вообще не имеет понятия accidens; то, что говорится о математических предметах, происходит в том смысле, «как если бы» они существовали сами по себе (38).

Наука является математической не только потому, что ее предметы оказываются абстрактными и бессмысленными – то же самое относится и к предметам логики – но и потому, что рассматривает свои предметы с точки зрения меры, количества. И это понятие количественного оказывается еще свободным от понятия движения. Стало быть, бессмысленная область математического не смешивается с областью реальности природы. Математические суждения имеют силу независимо от того, существует движение или нет, они независимы от реальности природной действительности.

Бессмысленный характер математики проявляется и в том, что математик, занимаясь чистыми числами, не заботится о том, существуют ли в естественной действительности соответствующие числа счисляемых предметов. Для него также не имеет значения, действительно ли в теории круга нарисованы радиусы; решающее значение играет идеальное равенство расстояний всех точек окружности от центра круга (39). Вряд ли можно более четко выразить неэмпирическое бытие бессмысленных объектов математики.

Таким образом, оказывается, что чистое число – это образование, встречающееся только на определенной почве. Количество есть конститутивная категория области чисел. Оно охватывает определенную предметную область, которая по своей форме реальности, как было показано, носит чувственный характер. Unum как чистое число больше не имеет такой широкой, всеохватывающей сферы господства, в отличие от Unum transcendens как определенности предмета вообще.

Отмеченной особенности области чисел может быть достаточно, чтобы предотвратить отождествление единого с единицей. Однако наша характеристика предела чисел еще не завершена; даже то, что придает числу его подлинную определенность, все еще остается смутным.

Unum как число должно быть principium numerorum. Итак, есть много чисел, а также начало, «принцип». Многообразие «одного и другого» как бы не имеет правил, к одному из них без разбора присоединяется множество других. В одном из них не прописано, что именно должно быть его другим. Каждое другое может сделать одним другого.

Следует объяснить данное положение вещей с помощью изображения и только изображения: единственное не что иное, как точка в пространстве. Теперь я могу перейти от него к другому, после того как исправлю множество направлений. Не так обстоит дело в области чисел. Здесь мы сталкиваемся с совершенно определенным, однозначным и единственным направлением дальнейшего развития. Если точка снова означает на сей раз единицу, то для двух, трех и т. д. существует лишь один совершенно определенный «путь», выделяющийся определенностью самих чисел. Теперь необходимо выявить эту своеобразную форму, благодаря которой каждое число становится совершенно определенным и каждое в совершенно определенном отношении отличается от любого другого. В чем разоблачатся, как только что выявленные, сущностные моменты математической области, количество как «среда» и «бессмыслица» – личностное «я», вступающее в свои права и определяющее себя как условия возможности определенности, присущей числам.

Дунс Скот использует для выделения формы, придающей определенность, точку, в которой проблема непосредственно наиболее очевидна и, соответственно, может быть легко поставлена. Этого не может быть в абстрактной области чистого числа; но в отношении «действительных чисел», т. е. исчисленных предметов, легко возникает вопрос: как получается, например, что десять предметов, которые являются не одним, а многими,

все же дают вполне определенное число? Что это за момент, придающий неоспоримо присутствующему множеству сущность, единство, определенность? Дунс Скот сам признает, что расследование по этому поводу было нелегким, и мнения о природе оного момента разделились (40). Здесь мы полностью следуем ходу мысли философа, который сначала критически обсуждает три различные теории, а затем выдвигает свою точку зрения, показывающую, что проблема может быть решена только в области чистого числа; ибо число становится возможным не только благодаря счислению, но и наоборот: скорее, счет вообще возможен только на основе чистого числа.

Фома Аквинский утверждает, что число имеет свою определенность, и что сущность его последнего единства такова, что оно придает определенность не абсолютно как единство, а на основании его определенного расстояния от первой из единиц, составляющих число. Тем самым, исходя из данной дистанции, определенность числа выявляется каждой последним единством рассматриваемого числа от его первого единства; эти различные расстояния характеризуют числа как совершенно отличные друг от друга.

Функцию, придающую форму и определенность, может выполнять каждое указанное последнее единство, поскольку оно предстает самим единством или находится на определенном расстоянии от первого. Дунс Скот резко отвергает обе возможности.

То, что может функционировать как форма предмета, должно проникать в материал всего предмета, определять, оживлять все части материального тела как форма человека. Только последнее единство числа, поскольку является сим единством, не распространяет своей определенности на предшествующие единства числа: оно как бы оставляет их нетронутыми, не обладая по отношению к ним никакой определяющей функцией.

И дальше следует отметить, что последнее единство числа само принадлежит к числу единств, составляющих материал для определения; в противном случае, четверка, например, если бы ее последнее единство оказывалось не материалом, а формой числа, превращалась бы в тройку. Значит, последнее единство как таковое и принадлежащее к материальному, не имеет преимущества перед другими, так что, определяя предыдущие во всей их полноте, оно имело бы право выступать в качестве формы.

Но и в другой взаимосвязи – в своей удаленности от первого единства последнее единство числа не соответствует образующей функции. Расстояние от одного единства до другого, которое невозможно определить ни в пространстве, ни во времени, в любом случае есть отношение. Если бы на

нем основывалась определенность числа, то оно было бы вовсе не определенной суммой (Quantum), а отношением, взаимосвязью.

Далее, раз это расстояние принято, как форма числа, то, как оно должно соответствовать своему характеру формы и распространяться как бы на все единства, поскольку в качестве отношения оно касается только последнего и первого звена, а промежуточных звеньев – нет? Но в то же время невозможно понять, в какой степени при таком расстоянии последнее звено имеет приоритет над первым, как вообще каждое из единств, составляющих рассматриваемое число, могло бы находиться как в первом, так и в последнем или каком-либо другом месте. Однако, если бы последнее единство было формой целого числа, то указанная равноценность отдельных единств стала бы невозможной (41).

Вторая из теорий, перечисленных Дунсом Скотом, автор которой не назван, предполагает, что число рассматривается как дискретное явление в отличие от континуума: и поскольку в этом случае определенная непрерывность составляет форму единства, постольку, например, в каждом конкретном случае линии, поверхности, тела, определенная непрерывность представляют собой форму единицы. Если встречается форма непрерывности, то число приобретает свою определенность и единство посредством каждого из определенных дискреций. Поскольку части континуума представляют материал для формы непрерывности, постольку и единства являются материалом для различных дискреций, в результате которых отдельные числа возникают прежде всего как определенные виды. При таком понимании определенности, присущей числу, становится понятным и то, почему число состоит не из чисел, а из единиц. А именно: определенный вид не может быть частью другого определенного вида; числа как определенные имеют свою собственную дискрецию, отличную от других, и тем самым представляют разные виды.

Критика этого воззрения начинается с общего соображения. Части, объединенные в единое целое, не обладают большим единством и определенностью, как если бы они не были единым целым, не являясь частями целого, которое само по себе представляет собой единое целое. Но так обстоит дело с единствами чисел, если дискреция должна быть формой, придающей им определенность. В самом деле, если бы единства не были объединены в одно число, то каждое из них оказалось бы отличным и отдельным от другого. Но точно так же, согласно указанной теории, они пребывают в числе; поскольку, будучи дискретными, они счисляемы, они составляют

число. Таким образом, число не является самим по себе единством, а есть единство только путем накопления (агрегации) единств. Иными словами, дискреция вовсе не нуждается в форме, придающей определенность.

Если число должно получить свое единство благодаря своей дискреции, то оно принадлежит к счисляемым предметам как реальная составная часть. Шесть камней образуют различное число из семи камней; одна реальность отличается от другой не только мысленно. Но теперь невозможно, чтобы абсолютная форма, которую представляет собой совокупность чисел, могла придаваться материалу без того, чтобы она не была изменена. Если к шести камням прибавить еще один, то шесть камней перестанут иметь форму шести и приобретут форму семи, определенно отличную от прежней. Итак, если эта новая абсолютная форма не изменяет шесть реальных камней как таковых, то форма семи, как и вообще форма определенности числа, не может быть реальной составной частью числа. Значит, дискреция выделяется как форма, предоставляющая единство (42).

Из менее интересной третьей теории, принадлежащей Генриху Гентскому, следует обозначить лишь отдельные точки зрения и их разъяснение Дунсом Скотом. Говорят, что числа возникают из континуума и также обладают его единством. Но чем же число должно отличаться от континуума? Разница заключается в порядке частей, которые в континууме объединены единой точкой зрения, т. е. континуум не имеет промежутков. Это отсутствие пробелов отсутствует в числе как дискретном количестве. И потому данный вид количества существует сам по себе. Он отличается от континуума отсутствием непрерывности. Помимо того, что число тем самым положительно не отличается от континуума, а частное не образует нового вида, Дунс Скот, как он отмечает, не может понять, что число приобретает единство и определенность благодаря континууму, в то время как число характеризуется именно отсутствием непрерывности, т. е. отличается отрицательным становлением. Но поскольку определенность числа есть нечто положительное, постольку ее следует искать и в другом месте.

Согласно рассматриваемой теории, число имеет ту же сущностную форму, что и первое единство, т. е. как континуум, от которого оно как бы отрезано. Только в случайном отношении числа различны, поскольку отличаются друг от друга своим различным расстоянием от первого единства. Но данное различие не имеет отношения к природе единств, составляющих число, поскольку число остается неизменным, когда первое единство заменяет второе, и наоборот.

То, что этим не объясняется специфическое различие чисел, можно показать следующим образом: как «большое» и «малое» в континууме, так «много» и «мало» ведут себя в дискретном пространстве. Но «большое» и «малое» не различаются конкретно, как «много» и «мало». И поскольку небольшая величина постоянно увеличивается путем сложения, не изменяясь конкретно, постольку и числа, изменяющие свое расстояние от первого единства, т. е. увеличивающиеся или уменьшающиеся, не отличаются конкретно.

Это рассуждение о «большом» и «малом», «многом» и «ничтожном» следует понимать двояко: ведь, во-первых, величина и множество суть виды количества и, стало быть, означают свойства. При первом рассмотрении верно, что величина и множественность в континууме и в области чисел конкретно не изменяются. Но противопоставляется ли «большое» «малому», «многое» «малому», т. е. если эти определения рассматривать как свойства, то верно, что так как одно из них является определенностью континуума, другое представляет собой определенность дискретной области чисел. Но из последнего нельзя сделать вывод, что «много» и «мало» это определения чисел одного и того же вида, как «большое» и «малое» – определения размеров одного и того же вида. Континуумы различаются только в отношении разных аспектов делимости; с другой стороны, «большое» и «малое» не затрагиваются здесь. Однако определения «много» и «мало» меняются в зависимости от характера усмотрения. Как бы ни увеличивалась величина в континууме, континуум остается неизменным в зависимости от вида. Однако, если к определенному числу добавить единство, число существенно изменится, т. е. станет другим. Таким образом, «много» и «мало» в области чисел означают видовое различие; следовательно, континуум и область чисел существенно различаются, что доказывает невозможность рассматриваемой теории (43).

До сих пор отрицательным было принято только то, что могло рассматриваться как сомнительная форма, придающая числам определенность и единство. Теперь необходимо найти положительный ответ на поставленный вопрос.

Прежде всего необходимо понять, что единство десяти счисленных предметов отнюдь не реальность, присоединяющаяся к предметам, а *Ens rationis*, мыслеформа, с помощью которой сознание обобщает сами предметы (44).

Сами по себе данные предметы неспособны составить единство числа; они суть то и это, т. е. один и другой предметы. Их число обладает единст-

вом только благодаря сознанию. Число располагает своей чистой и истинной «экзистенцией» только как бессмысленный предмет, будучи таковым, оно затем применяется к предметам, подлежащим счислению. Поскольку существуют реальные и бессмысленные отношения, постольку существуют реальные и бессмысленные количества (45).

В чистом числе требуется вовсе не то, что значится одним, двумя, тремя и пр., а то, что придает счислению смысл, делает его возможным – форма самого числа. Чисто математическое число есть то, которое используется для счисления реальных предметов и предметов в первую очередь. Предметы, подлежащие счислению, подсчитываются, приводятся в порядок. Наоборот, чистые числа счисляют сами себя; они сами по себе обладают определенностью, которая не привносится к ним извне; они сами определяют переход от одного к другому. Число как чистое Quantum измеряет само себя (*per aliquid sui*), число как чистое количество измеряет само себя, занимая определенное место по отношению к другим, т. е. числа образуют ряд; они подчиняются закону ряда, который сами определяют для своей совокупности. Числа не складываются без разбора, как множество (46).

Теперь на вопрос о форме, придающей числу единство и определенность, можно дать окончательный ответ. Поскольку чистое число не является реальным образованием, связанным с физической и психической реальностью, но существует в чувственном, форма, придающая ему единство, также должна быть взята оттуда. Какова область реальности математики? Ранее было сказано, что количество является конститутивной категорией области математических объектов. Если это так, то форма, придающая определенность, также должна быть понятна из нее. Для этого необходимо еще более подробно остановиться на их сущности.

Дать ей подходящее для школы определение будет невозможно, так как она последняя. Их сущность может быть только описана, показана (notificari). Quantum – это *сколько*, отсюда его можно определить как *сколько-то*, что делается путем измерения. Стало быть, измеримость предстает основным моментом количества.

Дунс Скот отвергает это воззрение. Измеримость есть лишь одно из свойств количества и никак не означает его реальной сущности. Это, точнее, свойство того, что находится в количестве. Само количество не является чем-то количественным. Сущность количества состоит, скорее, *divisibilitas in partes eiusdem rationis*. «*Делимость*», определимость посредством «срезов», деление на части в одном и том же тождественном отно-

шении составляет его сущность. Эта определимость в том же отношении, говоря современным языком, в виде-отношении преобладающего в чистом Quantum свойства последовательности присутствует не само количество, а как бы вытекающее из него. Количество таково, что делает возможным такую определимость. Измеримость пребывает только следствием этой первой определимости, т. е. перехода количества от одного к другому в соответствии с определенной точкой зрения (quantitas domina mensurarum). Чистый континуум, который допускает дискретность, состоит не только из дискрет; он предшествует всему дискретному как тождественное, которое вообще допускает определимость с тождественной точки зрения; это прямо сама закономерность рядов, ибо ничто иное не хочет говорить о делимости в partes eiusdem rationis (47).

Таким образом, определенность числа определяется законом последовательности. Поскольку число занимает в ряду достаточно определенное место (situs), (situ distinguitur), оно также в достаточной степени определяется как одно и то же число. Тем самым «единица» того же рода, что и числа, измеряемые с ее помощью; отдельные числа различаются только положением в ряду (situ recte distinguitur propter maiorem vel minorem replicationem talium unitatum). Два числа не находятся непосредственно друг от друга на одинаковом расстоянии от единицы. Значит, дважды на три – это не шесть, а 6, т. е. результат умножения, можно приравнять к шестерке, которая как таковая существует только один раз и имеет свою определенность благодаря своему месту в ряду (48).

Но Дунс Скот, по-видимому, сам принимает понятие расстояния, которое он отверг как недостаточное для определения числа при критическом рассмотрении теории Фомы Аквинского. Это действительно так, как показывает последующее замечание. Только, по его словам, понятие расстояния не является основной точкой зрения, с помощью которой числа обретают свою определенность. О расстоянии можно говорить только тогда, когда рассматриваемый предмет уже имеет определенное место, и это число определяется его законом ряда (49). Единица и числа, следующие за ней в ряду, по типу тождественны. В области чисел царит *единообразие.* Числа не состоят из каких-либо единиц, предметов неоднородного типа, они находятся в однородной «среде», которая, как теперь, вероятно, стало ясно, представлена чистым количеством (unum et numerus sunt unigenea). Неоднородные предметы всегда исключают единство и определенность, как это свойственно чистым числам (50).

Если мы теперь сравним друг с другом unum transcendens, одно, и unum как principium numeri, единицу, то, вероятно, станет очевидным их различие. В то же время ясно, что одно не может быть легко выведено из единицы, для чего, скорее, требуются новые предпосылки, новые моменты, которые еще не даны с одним. Количество и однородная среда только делают возможным число и делают его вполне определенным явлением. Одно и другое различны только вообще; одно и два различны в совершенно определенном отношении (ratio). Сие отношение предстает конститутивным для области чисел и также ограничивает ее в определенных пределах, т. е. делает определенно отличной от остальных предметных областей. Unum transcendens относится к любому предмету, к какой бы сфере реальности он ни принадлежал; оно равно относится к числам. Единица имеет смысл только в области количественного.

В предыдущих обсуждениях уже неоднократно подчеркивалось, что мы должны различать чистые числа и счисляемые предметы. Единая форма определенного количества предметов не является реальной частью самих предметов, чем-то, что, как и они сами, принадлежало к той же сфере реальности. Единая форма присоединяется к предметам через сознание. В то же время было показано, что только в бессмысленной, математической области, в силу ее особого состояния, характеризующегося количеством и однородной средой, может существовать нечто вроде рассматриваемой формы единства и определенности. С другой стороны, факт заключается в том, что, будучи чувственным, оно используется для определения и подсчета предметов, которые имеют чувственную природу, т. е. находятся за пределами математической области. Как это возможно?

Таким образом, руководствуясь числом и его единичной формой, мы попадаем в сферу естественной реальности, чтобы изучить встречающиеся там формы и их отличие от чисто математической формы.

Форма есть коррелятивное понятие; форма – это форма материала, каждый материал представляет собой форму (51). Кроме того, материал всегда находится в соответствующей ему форме; в другом смысле: форма получает свое значение от материала. Отсюда, если мы желаем постичь единую форму в сфере реального мира, то обращаемся к самому материалу, объединяющемуся в единство, на основании которого как бы решается, какую определенную форму он способен воспринять. Следовательно, основное внимание уделяется изучению категориальной структуры реальности, чувственной и сверхчувственной, и тем самым, в понимании формы единства,

господствующей в мире реального, выполнение нашей настоящей задачи – разделение сфер реальности – делает значительный шаг вперед.

Реальные предметы природной действительности получают предварительное отграничение от других предметных областей тем, что они обозначаются как entia extra animam. Будет ли таким образом получен достаточный критерий реальности, пока остается нерешенным. А именно, можно сразу спросить, не является ли психическая реальность столь же реальной, как и физическая. Во всяком случае, критерий «extra animam» не предполагает пока ничего решающего, если психическая действенность сама по себе не определена достаточно положительно. Это непростая задача, и даже сегодня, когда психология находится на пути к превращению в самостоятельную науку, на нее еще нет удовлетворительного ответа. Учитывая, что более четкой характеристике собственной реальности психического немало способствовало его разграничение с областью логического и во многом облегчило постановку вопроса о его сущности более точно и без фатального сужения области, то и в данном случае, по-видимому, решать вопрос о природе психического мира следует только после рассмотрения логики и пока что расценивать физическую реальность как область, относящуюся к реальному миру. Если, конечно, слово «anima» употребляется в значении «сознание», то «extra animam» указывает на реальность, трансцендентную сознанию, и постигает психическое и физическое в себе; и не только это, но и сверхчувственную реальность абсолютного бытия Бога. Как бы ни были близки к решению данные проблемы, мы знаем достаточно точно, хотя и без четкой концептуальной определенности, что следует считать реальностью.

Intelligendum est … quod esse existere non consequitur essentiamprimo, sed primo consequitur individuum. Individuum enim per se et primo existit, essentia non nisi per accidens (52). Этими предложениями Дунс Скот со всей остротой формулирует мысль, имеющую огромное значение в отношении проблемы, которая в то время была предметом многочисленных споров. То, что реально существует, есть индивидуальное. Понятие индивидуума не означает неопределенный объект определенного вида. «Индивидуальное бытие» не совпадает с бытием-предметом-вообще. Следовательно, не следует думать, что понятие индивидуального уже исчерпано из-за Unum transcendens, различающего один предмет с другим. Индивидуум утверждает определенность как неповторимое, никогда и нигде не встречающееся явление, по сути своей не поддающееся дальнейшему разложению

на самостоятельные качественные моменты. Индивидуальное – последнее неосуществимое. Оно означает реальный предмет κατ' ἐξοχήν prout includit existentiam et tempus. Два яблока на одном дереве не имеют одинакового «взгляда» на небо, каждое из них отличается от другого, в противном случае они являлись бы совершенно одинаковыми, уже различающимися своей *пространственной* определенностью (53). Все, что реально существует – «подобное-сейчас-здесь» (54). Форма индивидуальности (haecceitas) призвана придавать первозданность фактической действительности. Эта реальность образует «непостижимое многообразие», «неоднородный континуум». Сей своеобразный аспект непосредственной данности в настоящее время особенно остро подчеркнут Риккертом и положен в основу его фундаментальной методологии (55).

Теперь возникает проблема: как можно счислять в этом непостижимом многообразии? Число определяется его положением в ряду (situs). Ряд является рядом только по закону ряда. Последнее гласит нечто о последовательности, расстоянии, соотношении взаимного определения соседних звеньев ряда. Числа имеют свое определенное место, не возникают и не исчезают, оставаясь лишенными всякого изменения. Есть ли что-нибудь подобное в фактической действительности? Когда я говорю «4 дерева», означает ли это, что указано определенное место в определенном ряду, либо наоборот: «4 дерева» определяются одним местом в ряду? Я могу собрать «4 дерева» разными способами; как и к какому из существующих деревьев мне нужно продвинуться, чтобы добраться до «5 деревьев»? Как я вообще могу исчислить деревья, если каждое отличается от другого уже своей местной определенностью, не считая остальных различий в росте, в отношении листьев, цветов, плодов, условий произрастания и т. п.? В конце концов, все они разные. Для каждого из деревьев нет никаких оснований быть, например, 5-м по счету. И все равно они счисляются.

Ранее уже отмечалось, что жизненным элементом числа предстает «однородная среда». Но эмпирическая реальность, к которой принадлежат индивидуально различные деревья, есть все остальное – она неоднородна, скорее, именно абсолютное многообразие остается ее главным отличительным признаком.

Следовательно, если в действительности счисление и имеет место, когда число должно определенным образом сохраняться и быть применимым, то последнее невозможно без однородности. Если бы я смотрел на это дерево только с точки зрения его невиданной и никогда не повторяющейся

индивидуальности, и на другое такое же, то, вероятно, счисление никогда бы не состоялось. Я мог бы просто сказать: то и другое. Напротив, их можно назвать «двумя», если одно и другое как бы проецируются в однородную среду посредством проекции, в которой сохраняется только общая определенность древовидного бытия. Значит, данная проекция в однородную среду гласит: предметы рассматриваются в определенном отношении и только в нем.

Затем эти точки зрения каждый раз описывают определенную область однородного характера, они в некотором смысле являются ее предзнаменованием. В этом отношении гетерогенная дискретность устраняется. То, что сейчас существуют подобные взгляды, a priori не понятно. Их можно отличить только от эмпирической реальности, поскольку последняя разнится своей допускающей категориальной структурой. Теперь следует охарактеризовать их более подробно. Когда говорят, что эмпирическая реальность демонстрирует определенную категориальную структуру, это означает, что она сформирована, определена, упорядочена. Там, где есть порядок, и даже самый простой, там уже не может быть и речи об абсолютном многообразии. Таким образом, эмпирическая реальность, рассматриваемая как абсолютное многообразие, является предельным понятием, хотя и должна быть установлена с необходимостью любым учением о категориях.

Природная среда, а одновременно и сверхчувственный мир для средневекового человека, столь же постоянно и настойчиво осознаваемый им, уже определены категориально. Чувственный и сверхчувственный миры вместе с их взаимными отношениями находятся в одном порядке. Прежде всего следует указать на главную черту этого порядка: в нем преобладает аналогия (56). Мы до сих пор не сталкивались с этим термином. Мы знаем только однородный континуум и абсолютное многообразие гетерогенного континуума. Используя аналогию, мы сегодня сталкиваемся с новым характером порядка. Выявление составляющих элементов этого понятия открывает понимание своеобразия категориальной структуры реальной чувственной и сверхчувственной действительности.

Во-первых, можно выделить две формы аналогии. Слово имеет свое значение. Однако при применении к различным областям действительности оно претерпевает своеобразную смысловую дифференциацию, происходящую от них. Итак, в словах «principium» и «causa» есть одно общее, их изначальное значение, заключающееся в том, что они говорят о чем-то, из чего возникает другое и благодаря чему оно сохраняется. Это общее значение дифференцируется в области логики в значение «основа», а в области

фактической действительности – в значение «причина». Оба они взаимозаменяемы. Стало быть, «принцип» используется по аналогии с «основой» и «причиной».

Кроме того, значение слова может применяться к предмету, который имеет определенное сходство с тем, что на самом деле подразумевается под значением (57).

Само по себе, ни одна из этих форм аналогии не поддается категориальной структуре действительности (58). Аналогия, которой руководствуется мир реального, основана на атрибуции. Аналоги находятся здесь в определенных отношениях единения. То, что пребывает в аналогии, не является ни полностью различным, ни полностью одинаковым.

Составляющими элементами аналогии служат: определенное тождество значения и опять же различие, зависимое от области применения. Поскольку тождество смысла, единообразие точки зрения можно назвать однородным, встречающимся во всех аналогиях, это элемент, устанавливающий порядок аналогии. Поскольку «commune» встречается по-разному и в разных областях, в аналогии сохраняется и многообразие. Отсюда, если в базовой структуре действительности преобладает аналогия, то здесь речь о том, что в данной области однородность и неоднородность своеобразно переплетаются. Несмотря на известное единство точки зрения, многообразие сохраняется; оно, в свою очередь, таково, что не исключает тождества отношения. Стало быть, получается своеобразное единство в многообразии и многообразие в единстве (59).

Такова основная характеристика «genus metaphysicum», охватывающего чувственный и сверхчувственный мир; в зависимости от разнообразия «attributio» соотношение единства и многообразия будет меняться. Если рассматривать единство и многообразие как нечто аналогичное области чисел, то различие атрибутов можно выразить различием, с которым многообразие возникает из единства; соответственно, тогда многообразие также измеряется в единстве различными способами. Это измерение, вероятно, не может быть чисто количественным, поскольку такое измерение возможно только в бессмысленной математической области. Будет показано, что измерение носит характер оценочного суждения или подытоживающей оценки. Единица измерения есть мера возникающего из нее многообразия: как различна единица измерения, так различен и способ измерения.

«Monas» (монада) потенциально содержит множество, она каким-то образом возникает из него, она каким-то образом является отправной

точкой. Однажды она может быть «источником» множественности в отношении формы и сущности предметов, составляющих множество, но затем также в отношении субстанции и материала, т. е. она сама составляет материал, входящий в число.

«Monas» («Монада»), в свою очередь, может быть источником множества предметов в соответствии с их сущностью двояким способом. На данный момент как действующий творческий принцип. Таким видом предстает «unitas Dei». Из нее не вытекает множественность сотворенного посредством разделения. Поскольку это разрушило бы ее саму как абсолютную сущность. «Число» сотворенных реальностей образуется «per sui communicabilitatem».

Во-вторых, единство может содержать в себе множество как бы «пассивно». Таково единство «genus metaphysicum». Множественности возникают из него не путем деления на однородные части, но путем деления «in partes subjectivas». При делении единства реальной величины, протяженного тела, само единство образуется с материалом (субстанцией) отдельных частей. При этом «divisio in partes integrales» части распадаются таким образом, что благодаря «интеграции» можно восстановить первоначальное единство. Это единство, поскольку покоится на реальном количестве (протяженности), случайно для природных объектов; они пребывают подобными единствами не сами по себе, а в силу присущей им протяженности (60).

Для настоящего исследования важны только два первых типа единства – «unitas Dei» и «unitas generis metaphysici». Из них можно выделить упорядочивающий характер аналогии, свойственный области реальной чувственной и сверхчувственной действительности.

Уже говорилось, что в аналогии заключается момент однородности, тождества отношения. В данном случае, когда речь идет о реальном мире, это означает, что все и каждое обладает фактической действительностью. В самом строгом, абсолютном смысле действительно существует только Бог. Он есть Абсолют, Существование, существующее в Сущем и «сущностно» в Экзистенции. Естественная действительность, чувственно реальная, существует только как сотворенная; она не есть существование, как Абсолют, но имеет существование благодаря «communicabilitas». Творец и Творение, хотя и реальны, все же различны. Таким образом, мы сталкиваемся с моментом неоднородности в аналогии. Различие заключается в степени реальности. «Unum infinitum» как сосредоточенная в себе абсолютная реальность есть высшая ценность, самый бесчестный масштаб для всякой действительности.

Созданное действительное, в свою очередь, не всегда является действительным в той же степени. В чувственно-реальном мире, в котором действуют известные десять аристотелевских категорий, субстанция имеет реальную экзистенцию. Акциденции обладают реальностью лишь постольку, поскольку прилепляются к субстанции, участвуют в ее действительности. Случайности суть «entia per attributionem ad subjectum». Субстанция, по аналогии с абсолютом, есть «genus metaphysicum». То же соотношение аналогий продолжается и в области акциденций, среди которых есть одна, способная становиться акциденцией «самой по себе» – количество, тогда как остальные могут принадлежать субстанции только благодаря ей (61).

Таким образом, порядок в реальной сфере не является порядком чисто родового обобщения, при котором каждому из «подвидов» придается одинаковое значение рода, как это имеет место, например, в систематике зоологии и ботаники.

С точки зрения ценности степени действительности характер аналога переходит в область реального. Каждый отдельный предмет природной действительности обладает определенной ценностью, степенью его реальности. Она возрастает тем более, чем интенсивнее субъект участвует в абсолютной действительности (62). Это «esse divinum» отличается от «esse creaturae» прежде всего тем, что его нельзя снова разделить на роды и виды, как имеет место в чувственном мире. Если вообще можно говорить о категориях в Абсолюте, то они должны иметь совершенно иной порядок и структуру, значение, соответствующее абсолютной действительности (63).

Таким образом, в реальном мире не существует понятия меры, которое в математике определяет количества. Если это применимо и к реальности, то ее упорядочивающий характер аналогии, заключающей в себе неоднородность, должен быть разрушен, и ее следует рассматривать только как имеющую место однородность. В остальном реальности свойственна «mensura perfectionis», оценочное суждение о предметах в соответствии с их степенью реальности (64).

Тем самым представляется, что число и измерение должны занимать выдающееся место в целом познании. «Ибо в мысли о числе – говорит один современный логик, – кажется, решена вся сила знания, вся возможность логического определения чувственного <…> в числе выполняется высший постулат, делающий всякое познание познаваемым. Ведь число есть общая точка зрения, с помощью которой мы устанавливаем чувственно многообразное в понятии как единое и однородное». Здесь не место критически

оценивать теоретические воззрения, лежащие в основе сих положений. Из приведенных выше замечаний, которые, конечно, не могут быть критически оценены современной логикой, следовало, что между «unum» и «unum» существуют заметные различия, когда, прежде всего, чистое число неспособно охватить эмпирическую действительность и в дальнейшем историческую в ее индивидуальности; для чего равно недостаточно систем рядов, общим «пересечением» которых должна быть индивидуальность. Поскольку ряд и a fortiori системы рядов существуют только в однородной области, постольку подобные попытки представления индивидуального с самого начала бесперспективны. Математико-естественнонаучное познание – это не познание.

При таком типе категориальной характеристики реального чувственного и сверхчувственного предметного мира возникает совершенно своеобразный взгляд на сферу действительности, в которой ценностные точки зрения приобрели определяющую силу. Чисто логическое (в смысле средневековья также метафизическое) расчленение всего сущего посредством «unum et diversum» представляется теперь живо окрашенным в единство, хотя и такого особого рода, доведенное до единства. Если принять трансцендентально-философскую точку зрения, то окажется, что средневековый реализм – наивный или критический – придерживающийся очевидного характера реальности природы есть нисколько не натурализм, а спиритуализм. Именно поэтапный характер фактической действительности, основанный на аналогии, призван преодолеть проблемы, с которыми сталкивается любой дуализм, не опускаясь до невозможного монизма.

Все это следует объяснять преобладанием трансцендентальной мысли в средневековой духовной жизни вообще, когда переданный Аристотелем материал категорий не может охватывать всю совокупность категорий. Они представляют собой формы упорядочения только для определенной отграниченной области, своеобразно встроенной в целое метафизической картины мира.

Сравнение с современной научной обработкой реальности природы показывает, что она должна последовательно преобразовывать невидимое многообразие эмпирической действительности в однородную область, если иначе теоретическая физика должна применяться в качестве средства исследования. В некотором смысле данное преобразование происходит и в средневековой «физике» благодаря преобладающему значению, придаваемому понятию движения. Но нетрудно уразуметь, что категориальные

формы современной науки гораздо более разнообразны и сложны, ибо служат, прежде всего, для совершенно новой постановки вопроса.

Скорее стоило бы предположить, что приведенный выше порядок фактической действительности был бы адаптирован к культурологическим исследованиям. Однако последнее тоже вряд ли применимо. Понятия «личность», духовный индивидуум, не совсем чужды схоластике (вспомним учение о Троице и ангелах, антропологию). Только сложность исторической личности, ее индивидуальность, ее обусловленность и многообразное воздействие, ее взаимосвязь с окружающей средой, идея исторического развития и связанные с ними проблемы присущи средневековой духовной жизни лишь в совершенно недостаточной понятийной определенности.

И все же оказалось бы неправильно желать заклеймить сие недостаточное значение категориальной характеристики абсолютной бесполезностью отдельной научной работы.

Помимо ценных перспектив для решения метафизических проблем о Боге и мире, указанная категориальная характеристика должна дать прежде всего представление о структуре эмпирической области действительности, еще не подвергшейся научной обработке. Учитывая, что эмпирическая действительность формируется прежде всего словами языка, точнее их значениями, поскольку в значение входят только определенные «стороны» его, когда значения и их формы все же каким-то образом определяются фактической действительностью как материалом, то легко видеть, что теория форм значений, как ее следует представлять в ходе исследования, должна иметь отношение к эмпирической действительности для понимания отдельных форм.

Итак, в связи с учением о значениях нам придется вернуться к этой области учения категорий, а возможно, и к другим: ни одна из них не будет полностью достаточной для понимания форм значений.

Но прежде следует завершить характеристику остальных трансценденций и областей действительности, которые могут достигаться из них с помощью смысловой конкретизации.

(1) … primum objectum intellectus est ens, ut commune omnibus. Quaest. sup. Met. lib. IV, qu. I, 148 a, Goncedendum est, quod primum objectum intellectus non potest esse aliquid, nisi quod essentialiter includitur in quolibet per se intelligibili, sicut primum. objectum visus non est aliquid, nisi quod essentialiter

includitur in quolibet per se visibili, ut color in albo et in nigro. Cum autem quodcumque ens sit per se intelligibile, et nihil possit in quocumque essentialiter includi nisi ens, sequitur quod primnm objectum intellectus erit ens. Quaest. sup. Met. lib. VI, qu. III, 336 a.

… experimur in nobis ipsis, quodpossumus concipeie ens, non concipiendo hoc ens in se vel in alio, quia dubitatio est, quando concipimus ens, utrum sit ens in se vel in alio, sicut patet de lumine, utrum sit forma substantialis per se subsistens vel accidentalis existens in alio sicut forma; *ergo primo aliquod indifferens concipimus ad utrumque illorum et utrumque illorum postea invenimus ita primo, quod in isto salvatur primus conceptus, quod sit ens*. Quaest. sup. Met. lib. IV, qu. I,148 b.

(2) Maxime autem dicuntur scibilia dupliciter: vel quia primo omnium sciuntur, *sine quibus non possunt alia sciri*; vel quia sunt certissima cognoscibilia. Utroque autem modo ista scientia [scil. Metapbysica] considerat maxime Scibilia… Maxime scibilia primo modo sunt communissima, ut est ens inquantum ens et quaecumque sequuntur eus inquantum ens. Quaest. sup. Met. Prologus, 4 b.

(3) *Transcendens*, quodcumque nullum, habet genus sub quo contineatur; sed quod ipsum sit commune ad multa inferiora, hoc accidit… Non oportet ergo transcendens ut transcendens dici de quocumque ente, nisi sit *convertibile* cum prius transcendente, scil. cum *ente*. Op. Oxon. I, dist. VIII, qu. Ill, 598 a sq., n. 19.

(4) … quaecumque autem rationes transcendentes, quae sunt quasi passiones entis, ut verum, bonum etc. sunt posteriores primo objecto; et quaelibet earum aeque per se est intelligibilis, nec una magis habet rationem subjecti intellectus quam alia. Quaest. sup. Met. lib. VI, qu. III, 556 a.

(5) Hegel, G. W. F., Wissenschaft der Logik. Nürnberg 1812. Bd. I. S. 62.

(6) Quaest. sup. Met. lib. V, qu. XII, 293 a.

(7) Cp. Rickert, H., Das Eine, die Einheit und die Eins. Bemerkungen zur Logik des Zahlbegriffes. Logos II (1911/12). S. 26 ff.

(8) Cp. De Wulf, M., Geschichte der mittelalterlichen Philosophie. Obers, v. R. Eisler. Tübingen 1913. S. 329, Anm. 1.

(9) Quaest. sup. Met lib. X, qu. VII, 634 a.

(10) Notandum, quod haec quaestio de ente et uno habet tot difficultates. Quaest. sup. Met. lib. IV, qu. II, 165 a.

(11) Dicendum, quod idem et diversum sunt contraria, quia idem est quoddam unum et diversum quod dam multum… Sed intelligendum, quod quia substantia est radix omnium gener um, et quia omnia, quae habent rationem entis ad substantiam attribuantur, sicut *quod quid est* principaliter in substantias, per posteri-

us in accidentibus, sie *identitas* et *diversitas*, sive idem et diversum principaliter insunt substantiis et per attributionem aliis generibus. Et non solum extenduntur ad aliqua alia genera, sed etiam ad negationes et privationes, inquantum rationem entis participant et *ideo omne ens comparatum enti est idem vel diversum* sibi. Quaest. sup. Met. lib. X, qu. VII, 634 a. Omne ens omni enti comparatum est idem aut diversum; ergo identitas *non est tantum in genere substantias sed in omni* genere. l. c. lib. V, qu. XII, 294 b. [Idem et diversum] in omni genere reperiuntur. l. c. n. 6.

(12) Non… nomem *rei* secundum usum loquendi determinat se ad rem extra animam. Et isto intellectu communissimo *ens vel res* dicitur *quodlibet conceptibile*, quod non includit contra dictionem. Quodlibet qu. III, n. 23.

(13) Unum est aequivocum ad unum, quod est convertibile cum ente et ad unum, quod est principium numerorum. Quaest. sup. Met. lib. IV, qu. П, 158 a.

Sciendum est, quod alia est natura unius, qua substantia cuiuslibet rei est una, alia autem unius, *quod* est principium numeri proprie dicti.

et est [unum] in genere quantitatis, et est unum, quod convertitur cum ente. De rer. princip. qu. XVI, 566.

(14) Multitudo absoluta est in plus quam numerus. Sicut enim unum absolute acceptum (unum transcendens) est in plus quam unum, quod est principium numeri, sic multitudo absolute accepta est in plus quam multitudo, quae est numerus. Quaest sup. Met. lib. X, qu. XIV, 644 a.

(15) Omne quod est, tamdiu est, quamdiu unum est. De rer. princ. qu. XVII, 593b; cf. Oxon. II, dist III, qu. IV, 112a sq., n. 20.

(16) … tale unum, quo res dicitur una et convertitur cum ente, non dicitur rem aliquam super substantiam rei ut albedo supra subjectum. Et ita substantia cuiuslibet rei est una per se, non per aliquam rem additam super ipsam: ut sic sit verum dicere, quod omnino eadem est ratio *realis rei et unius rei* sicut *hominis et unius hominis*, sicut dicitur in elenchis, quod eadem est ratio propositionis et unius propositionis. Huius rei est aperta ratio, quia, si res esset una per aliquod additum super eam, iterum de illa quaererem, utrum sit una per se vel per aliud etc. et erit processus in infinitum. De rer. princ. qu. XVI, 567 b.

Intelligendum, quod illud, quod per se significatur per ens, illud dat unum intelligere, non tamquam principale significatum, sed significat privationem per se, et ptivatio non est nisi in natura, ideo dat intelligere naturam ex consequenti. Quaest. sup. Met. lib. IV, qu. П, 159 a.

… Dicendum, quod concedit [Avicenna] convertibilitatem non essentialem vel essentialiter, sed quod idem sunt subjecto non secundum essentiam; quia si

sic, multitudo secundum quod multitudo non esset ens, quia multitude secundum quod multitudo non est una, ita quod sit essentialis praedicatio, sed unum accidit multitudini; convertuntur ergo non tarnen essentialiter vel secundum essentiam; 1. c. 162 a.

Nec eius [scil. unius] ratio variatur per se propter diversitatem subjectorum, quitus inest. 1. c. 164 a.

(17) Ср. выше – примечание 14.

(18) Est tamen sciendum, quod licet *unum* non dicet rem absolutam super ens sive per substantiam rei, tamen unum istud dicit aliam rationem et *alium modum significandi* ab ente… Modus enim significationis [entis] imponitur enti a ratione simpliciori quam modus significationis unius; ita quod, quamvis ens et unum idem significent, tamen significatio unius praesupponit signicationem entis. Ens enim imponitur ab actu essendi absoluto et positivo. Unum autem in suo significato includit rationem entis cum *determinatione*, non dico cum determinatione addente rem supra rationem entis, sed addit *quendam modum se habendi*. Ille autem modus quem addit, non est positivus sed privativus solum, non privando aliquod positivum, alioquin unumnon diceretur de Deo, sed privat aliquid negative tantum. De rer. princ. qu. XVI, 568 a sq.

(19) Для понимания необходимо отметить, что в основе этого хода мыслей лежит убеждение в высшей и подлинной реальности духовного по сравнению с материальным.

(20) Ut igitur videamus, quid est privatio importata per hoc nomen multitudo, quam quidem privationem de suo significato privat hoc nomen unum ut convertitur cum ente, est sciendum, quod (ut patuit ex. 8. Metaphysic.) nullus potest imponere nomen rei, nisi qui novit rem … Nunc autem aliquando contingit, quod nominaliter aliquid multis positivum est, quod secundum veritatem est privatio, quamvis significetur nomine positivo, quia habitus sibi contrarius dicit naturam positivem. Corporeum dicit secundum rem privationem, incorporewn positivum; et cum notiora sint corporea naturaliter quam, incorporea, in compositis ex materia et forma, unum secundum veritatem habitus quidam est a forma rei partes continente causatus; et ille habitus significatur nomine unius. Divisio autem secundum eorum veritatem est privatio illius habitus et significatur nomine multitudinis …

Ex quo patet, quod cum multitudo surgat ex diversitate unitatis et compositionis, *multitudo* dicit privationem habitus importatam per unitatem et compositionem. Et quia (ut dixi) secundum quod res novimus eis nomine imponimus, ideo cum compositiones, causae et partes sint nomine magis nota, ideo etiam

illud, quod importatur nomine multitudinis, etiamsi dicat privationem respectu illius, quod importatur nomine unitatis, quia nomine positiva magis sunt nobis nota, ideo illud significamus nomine positivo, quod est divisio; et illud quod significatur nomine compositi seu unius, quia est nobis minus notum, significamus nomine privativo per in divisionem; quia multitudo est quaedam divisio, uni tas autem est quaedam in divisio, sicut iam dixi: quia substantia incorporea dicit habitum positivum respectu substantias corporeae, et haec respectu eius dicit privationem. Etenim, quia substantia corporea est nobis magis nota quam incorporea, illam nomin amus per modum positivum, aliam per modum privativum…

Patet igitur ex dictis, quod *multum* etsi significetur nomine positivo, quod est *divisio*, dicit tamen privationem realiter illius habitus, qui causatur a forma totius, quod partes continet Unum autem etsi significetur nomine privativo, quantum ad modum significandi, quod quidem nomen est *indivisum*, realiter dicit positionem, quae positio de ratione sua privat illam privationem, quae importatur nomine *mulitudinis;* quia indivisio est negation divisionis, divisio autem est privatio positionis. Sic forte caveatis totum, et ideo indivisionis ratio, quam includit unum, est ratio privative, non privative affirmationis, quia tunc unum non diceretur de Deo, sed privativa privationis: sic secundum rem unum significat positivum, secundum vero modum significandi, qui sequitur modum intelligendi, significat privationem. Et quia unum dicit privationem privationis importatae per multum, multum dicit privationem habitus importati per unum, habitum est quod unum definitor per multa et e contrario. *Unum* enim est, quod est prineipium multitudinis, multitudo item quae numeratur per unum. Quia enim privatio cognocitur per habitum, cum unum sit privatio multitudinis secundum rem, et multum sit privatio unius secundum modum, ideo unum habet per alterum definiri et e contrario. De rer. princ. qu. XVI, 568 b sqq.

(21) Rickert, Logos, a. a. O. S. 36.

(22) Quod enim contradicit alii, opponitur sibi, sed nihil ponit, nec subjectum requirit; potest enim dici, quod non ens non videt et quod lapis non videt. Quaest. sup. Met. lib. X, qu. XI, 639 b.

(23) l. c. qu. V. 630 b sq.

(24) … ens et non ens contradicunt et tamen non differunt nec sunt diversa, quia diversitas est differentia entis et differentia similiter … concedendum, quod contrarietas et relativa oppositio essent, intellectu non existente, non autem privative oppositio nec contradictio; quia alteram extremum in illis oppositionibus, puta negatio et privatio secundum quod est extremum relationis, est tantum ens secundum rationem; quod de negatione patet, quia, licet illa dicatur de aliquo

ente, ut non-homo dicitur de asino, tamen secundum rationem, qua contradicit homini non est ens nisi rationis. Per hoc patet, quod licet contraria maneant, non existente intellectu, non oportet contradictoria manere, secundum quod sunt contradictoria; quia negatio albi prout contradicit albo non est in nigro, quia ut contradicit, est dicibilis de ente et de non ente. Si dicatur, quod ad nigrum saltern sequatur negatio albi ut contradicit albo et ita contradictoria sunt, si contraria sunt; dico, quod non existente intellectu non est consequential. Similiter privatio, licet sit negation habitus in subjecto, tamen tantummodo opponitur habitui ratione negationis, et illa non est ens nisi tantum secundum rationem. Quaest in lib. Praed. qu. XXXVIII, 523 a sq.

(25) … neutrum [nec unum nec multum] dicitur de non ente, cuius probation satis plana est de *uno*, cum convertatur cum ente. Sed quod multum dicatur de ente videtur, quia quaelibet pars multitudinis oppositae uni, quod convertatur cum ente, dicitur solum de ente … non potest dici multum nisi de qualibet parte eius possit dici, quod sit unum, sed unum non de ente; igitur multum non reperitur nisi in entibus. Quaest. sup. Met. lib. X, qu. V. 631 a.

(26) … privatio non salvatur nisi in ente, nullum tamen naturam ponit. 1. c.

Privatio autem alii contraponitur, tamen naturam null am ponit et igitur non est in genere; subjectum tamen habile requirit et ideo nec non ens, quia non est subjectum, nec lapis, quia non est aptus, possunt dici caecai sed solum animal. 1. c. lib. X, qu. XI, 639 b, см. выше – примечание 24.

(27) … unum et multum in se accepta sunt absoluta … non igitur opponuntur privative nec etiam relative. 1. c. qu. V, 631 b.

(28) … utrumque extremum aliam naturam ponit. 1. c. qu. XI, 639 b.

(29) Rickert, Logos a. a. O. S. 37.

(30) Natorp, P., Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig 1910. S. 61.

(31) Unum principium numeri nihil addit super unum transcendens *nisi racionem mensurae* … Sic multum quod est numerus, nihil addit super multum transcendens nisi rationem mensurati. Quaest. sup. Met. lib. X, qu. V. 631 a.

(32) De rer. princ. qu. XVI, 588 a.

Conceptus unitatis transcendentis generalior eat, quia ex *se indifferent est* ad limitatum et non limitatum. Quaest. sup. Met. lib. VI, qiL II, 167 a.

(33) Numerus non solum est unus aggregatione sicut acervus lapidum. De rer. princ. qu. XVI, 589 a.

(34) Multitudo vel replicatio unitatum differentium specie vel genere numerum non constituit. 1. c. 589; cf. Quaest. sup. Met. lib. X, qu. XIV, 644 b.

(35) Смотрите текст следующего примечания.

(36) … quantitas est domina mensurarum. Quaest. sup. Met. lib. X, qu. I, 623 a.

Mathematicus omnia per *rationem quantitatis ostendit*. 1. c. lib. VI, qu. I, 315 a.

(37) … dicendum, quod falsum assumit, quod quantitas sit subjectum mathematicae, sicut dictum est in solutione quaestionis, quia tamen quantitas non ostenditur inesse substantiae corporeae, sed quasi medium supponitur; et de substantia corporea non ostenditur aliquid in Mathematica nisi per naturam quantitatis, tamquam primae passionis, ideo videtur esse quasi ratio propria subjecti illius scientiae et quasi ponitur subjectum, licet sit ibi passio, quia includitur in subjecto priori, ut ibi dictum est. 1. c. lib. VI, qu. I, 314 b.

(38) Mathematicus non habet verum conceptum de accidente, quia imaginatur de eis, *ac si essent res per se existentes*. 1. c. lib. I, qu. VII, 390 a.

(39) Scientia [aliqua] dicitur Mathematica, quia est de rebus abstractis aut insensibilibus, sed quia est de rebus secundum rationem mensurae et mensurabilis, et quia ratio mensurae et mensurabilis est impertinens ratione motus, ideo dicitur, quod Mathematica est de separatis a motu ad istum sensum. 1. c. üb. II, qu. VI, 539 a.

De definitione numeri Mathematicus non curat, an sit aggregatio vel non, sed suffirit sibi, quod numerus sit multitudo unitatum vel ex unitatibus. Consimiliter de definitione circuli Mathematicus non curat, utrum illae lineae [Radien] ducantur vel non, sed sufficit sibi, quod omnes illae lineae sunt aequales, quarum unus terminus esset sicut centrum et alius sicut circumferentia circuli. 1. c. 541 a

(40) …difficultas, in qua discordant diversi, est de unitate et forma specifica numeri… Hoc autem difficile est invenire in numero, quia secundum Avicennam 3. Met. cap. 5, *multitudo inquantum multitudo* non est una, numerus essentialiter autem est multitudo; ideo difficile est videre, a quo numerus habet unitatem specificam, et ideo circa hoc sunt opiniones diversae. Reportata lib. I, dist. XXIV, qu. unic. 272 a.

(41) Quidam dicunt, quod numerus suam habet unitatem specificam ab ultima unitate, non autem absolute ab imitate inquantum unites, sed secundum quod habet determinatam distantiam ad primam unitatem et secundum talem distantiam ad primam unitatem distinguuntur numeri specifice secundum divexsas distantias, unde talis distantia distinguit specifice numeros.

Sed contra, ultima unitas alicuius numeri, si det formam et speciem illi, aut igitux inquantum haec unitas est, aut inquantum distans a prima? Non inquantum haec unitas, quia illud, quod est forma et species alicuius totius, oportet perficere totam materiam totius, sicut anima quae est forma hominis perficit totam

materiam et omnes partes corporis hominis. Sed ultima unitas non informat omnes unitates praecedentes in numero; igitur non potest esse forma totius numeri inquantum imitas talis est.

Praeterea, haec unitas, quae est ultima, est materialis, sicut et aliae unitates, aliter temarius esset quaternarius, si ultima unitas quaternarii non esset pars totius materialis sed tantum forma praecedentium; non igitur inquantum haec unitas est magis forma totius numeri quam alia unitas. Nec potest dici, quod sit forma totius numeri secundo modo, quia distantia unius unitatis ab alia formaliter est relatio; igitur si numerus sortiatur suam unitatem specificam ab unitate propter illam distantiam a prima unitate, sequitur, quod numerus non sit quantitas, sed relatio sive respectivum.

Praeterea contra hoc, cum illa distantia ultimae a prima tantum sit in ultima unitate vel in illis duabus unitatibus ultimate distantibus, et non in mediis, sicut distantia, qua disto a pariete, tantum est in me vel in me et in pariete et non in aere medio, sequitur, quod illa distantia non potest esse forma totius numeri, cum non sit forma cuiuslibet partis numeri, et per consequens ab illa distantia non poterit numerus habere suam unitatem specificam, cum illa distantia sit in uno distante vel solum in duobus, et non potest esse in omnibus unitatibus ut forma. Reportata lib. I, dist. XXIV, qu. unic. 272 b sq.

… si prima unitas fiat ultima et ultima prima, nulla fiat differentia in substantia numeri, quod non staret, si ultima unitas esset forma completive et specifica numeri. 1. c. 273 a sq.

(42) Alia opinio est, quae videtur esse secundum intentionem Aristotelis magis quam prior, quod sicut continuitas est forma et per se unitas continui et partium eius, a qua habent suam unitatem in toto … et partes in continuo, est *discretio*, ut sicut continuitas est unitas continui, ita discretio est unitas discreti sive numeri; et sie per aliam et aliam continuitatem est alia et alia species continui, ut patet in linea, superficie et corpore, ita secundum aliam et aliam discretionem est alia et alia species; et sicut partes continui sunt materiales respectu continuitatis, quarum omnium continuitas est forma, … et per talem discretionem habet numerus esse in determinate specie et secundum aliem et eliem discretionem unitetum est alia et alia species numeri.

Secundum hoc etiam patet, quod numerus non componitur ex numeris, quia una species complete non est pars potentielis alterius speciei. Cum igitur numerus ex hoc quod habet certem discretionem unitetum sit complete species in unitate sua specifica, stante sua discretion, quae est opposite discretioni alterius speciei numeri, non poterit esse pars eius, cum habeat oppositem discretionem et

in eadem specie numeri non possunt complete et actu esse oppositae discretiones, sed tantum imitates sunt partes numeri et sic numerus componitur ex unitatibus et non ex numeris… Sed contra: partes, quae non hebent maiorem unitatem in toto quem haberent, si non essent in toto, non sunt partes alicuius totius, quod est per se unum … igitur unitates prout habent discretionem, non sujat partes alicuius unius per se; igitur sequitur, quod numerus non sit aliquid per se unum sed tantum *aggregatione*.

Item secundo sic: impossibile est formem absolutam advenire alicui sine sui mutatione, quamvis hoc dicetur esse possibile de forme respective; sed si lapidibus facientibus senerium numerum addatur unus lapis per generationem sive creationem, lapides priores desinunt esse sub forme senarii et incipiunt esse sub forme septenerii et eb ilia forma habent unitatem aliam specificam. Si igitur forme numeri septenarii sit ab alique forme absoluta et illi sex lapides in nullo mutantur per hoc, quod de novo generatur elius lapis, sequitur quod forme numeri septenarii non sit alia forma absoluta extra animem in illis septem lapidibus. 1. c. 273 b sqq.

(43) Alia est opinio Gandavensis … ponentis quod solus numerus accidentalis non est nisi multitudo ex unitate profusa per divisionem continui… Secundum hoc igitur, omnes numeri de genere quantitatis vel profluunt ab uno continuo, …, quantum est ex parte materiae et formae continuitatis et hoc quantum ad naturam numeri in se. Sed quomodo se habet illa unitas continuitatis ad numeros? Dicit quod partium numeri sive unitatum eius non est alia forma essentialis quam sit forma continuitatis in prima unitate, a qua discinduntur sive natae sunt discindi…

Hoc autem quantum ad unitatem specificam numeri; sed si non sit alia forma absoluta in numero a forma continuitatis, quomodo ergo differt numerus a continuo? Respondet quod non est differentia inter continuum et discretum, nisi secundum respectum quendam et ordinem partium aliter se habentium inter se in continuo et aliter in discreto, quia in continuo partes copulantur ad terminum communem, in discreto autem non; et hoc non convenit discreto ex natura alicuius positivi, quod super continuum addat, sed potius ex natura privativi, in quo deficit a continuo. Numerus enim non habet *esse* nec *inlelligi*, nisi ex privatione continui … sic numerus sive discrete quantitas nihil addit super continuum nisi rationem negationis aut respectum partium ad invicem, ex quibus habet aliam rationem mensurandi quam habet quantitas continua et est altera species quantitatis quam continua.

… quod non est alia forma numeri essentialis a forma continuitatis primae unitatis sed tantum alia forma accidentalis [respondet Gandav.]. Quod probat

primo per hoc, quod species unius numeri non differt nisi propter aliam distantiam ad primam unitatem, quia enim temarius aliter distat a prima unitate quam binarius, ideo temarius differt a binario. Sed talis distantia ad primam unitatem est accidentalis numero, quia non est ex natura unitatum, quia si prima fieret secunda, non variaretur et hoc idem probat secundo sic: sicut *magnum* et *parvum* se habent in continuo, ita multum et *paucum* in quantitate discrete; sed magnum et parvum non distinguunt specie quantitatem continuam, igitur nec multum et paucum quantitatem discretam; igitur sicut aliqua magnitudo parva cresceret secundum additionem et fieret continue maior et non esset alia magnitudo specie, ita cum numeri crescunt secundum unam distantiam, numerus parvus, secundum se non differt specie a magno nisi accidentaliter propter distantiam ad primam unitatem et sic numerus non habet aliam formam essentialem a continuiteteprimaeunitetis. Reportatal, dist. XXIV, quaest. unic. 275 a sqq.

… illa praedicta [de magno et parvo, multo et pauco] possunt accipi dupliciter: uno modo secundum quod magnitudo et multitudo sunt species quantitatis et alio modo secundum quod sint passiones. Primo modo verum est, quod sicut magnum et parvum se habent in continuis ita multum et paucum in discretis; et ideo sicut magnitudo est alterius rationis in continuis, ut in linea et superficie et in corpore, ita multitudo in numeris varietur secundum species diverses. Si vero accipiantur secundo modo, prout sunt passiones, sic accipiuntur ut magnum opponitur parvo, et multum pauco, et sic verum est, quod sicut isto modo magnum et parvum sunt passiones continui, ita multum et paucum sunt passiones discreti. Si tamen ex hoc concludatur, quod sicut magnum et parvum sunt passiones magnitudinis eiusdem speciei, quod ita multum et paucum erunt passiones eiusdem numeri secundum speciem, *dicendum, quod non est simile*, quia continua non variantur, nisi penes aliam et aliam rationem divisibilitatis; magnum vero et parvum non variantur penes aliam et aliam rationem discretionis; multum vero et paucum variantur per discretionem prout opponuntur. Unde quia forma numeri est magis praecise, quia omnino indivisibilis … non autem sic forma continuitatis, ideo quantumcumque augmentetur magnitudo, non variatur eius species propter magnitudinem, sed addite unitate variatur species numeri essentialiter; ideo non stant multum et paucum in eadem specie numeri. 1. c. 279 a sq.

(44) Numerus nullam unitatem realem habet aliam a rebus numeratis sed solum unitatem *rationis*, quam mens concipit. De rer. princ. qu. XVI, 585 a.

(45) De quantitate nihil est extra animam, nisi quantitas continua, cuius partes divisae extra animam non possunt habere unitatem numeri, nec unum numerum constituere, sed tantum sunt haec, haec, haec, non habentia aliquam unam

formam numeralem… solum numerus habet suam unitatem ab anima. Reportata, 1. c. 279 b.

Intellectus primo mensurat *intellectualiter* aliquam multitudinem intellectam, quam postea applicando ad alia discreta, quae sunt extra, mensurat illa multitudine intellecta, a qua ut sic quantitas numeri habet suam unitatem sicut ens formaliter in anima. l. c. 280 a.

(46) Numerus mathematicus dicitur multitudo aggregata ex rationibus unitatis ut participant quantitatem; ut ternarius numerat tria quanta, sive sint ferra sive lapides sive ligna vel albedines vel quaecumque quantitatem participant: et hic est numerus *quo* numeramus. Numerus naturalis dicitur multitudo aggregata ex ipsis rebus, quibus convenit ratio unitatis; quae sunt ipsae res numeratae ut tres lapides, vel tres albedines: et iste est numerus qui numerat per numerum mathematicum. De rer. princ. qu. XVI, 580 a.

Diversa enim ad se invicem *numerantur*, numeri autem *numerant se ad invicem*, aut per numerum aut per unitatem. 1. c. 590 a.

(47) Ratio mensurae … magis inest discretis et continuis non nisi inquantum *participant* quantitatem discretam. Quaest sup. Met. lib. V, qu. IX, 251 a.

Ratio mensurae est *passio* quantitatis et sic non propria ratio quantitatis … dicendum … quod propria ratio [quantitatis] est divisibilitas in partes eiusdem rationis…

Divisibilitas fundatur in quantitate et dicit habitudinem ad divisionem, et cuicumque inest divisibilitas in partes eiusdem rationis, hoc est per quantitatem … Quantitas notificatur per proximam passionem eius et non definitur… l. c. 252 a sqq.

(48) Dico igitur, quod ratio *indivisibilitatis* in numero uno sicut quaternario vel ternario, sub qua uniuntur unitates, utpote quae inter se sunt divisae, sub qua etiam uniuntur numeri materiales constituentes unum numerum ut sex, quatuor, decem; illa dico ratio indivisibilis et una quae est ratio formalis unius numeri, *est identitas in specie unitatum replicatarum*, illum numerum constituentium, ut sie dicamus, quod quaelibet species numeri ex eo est una, quia constat ex uno et uno eiusdem rei usque ad certum numerum replicationis talis numeri; ita quod una species numeri ab alia situ recte distinguatur propter majorem vel minorem replicationem talium unitatum. De rer. princ. qu. XVI, 587 b.

Bis tria non sunt senarius sed quae habent bis tres unitates, habent senarium et est denominativa praedicatio. Quaest. sup. Met. lib. V, qu. IX, 257 b sq.

Duae species numerorum … non possunt se habere per aequalem immediationem ad unitatem. De rer. princ. 1. c. 572 a.

(49) …. quando arguitur, quod numeri distinguuntur per aliam et aliam distantiam ad primam unitatem, dicendum, quod, licet illa distantia diversa necessario concomitetur numeros distinctos, non tamen est *prima ratio distinguendi eos*, ut probatum est, unde non potest esse forma primi numeri, *sed concornitatur certam discretionem numeri*. Reportata I dist. XXIV, qu. unic. 278 b sq.

(50) Haec et illa non faciunt unitatem binarii, *sed una praecise distincta a se invicem*. Quaest. sup. Met. lib. V, qu. IX, 257 b.

Unum quod est eiusdem speciei est mensura unitatum integrantium numerum et est uniformitas unitatis sperificae in eis. De rer. princ. qu. XVI, 587 b.

Unum et numerus sunt unigenea, quia numerus nihil aliud est quam plura una. Quaest sup. Met. lib. X, qu. I, 624 a, b.

(51) Materia non potest intelligi nisi sub habitudine ad formam. Sup. lib. II, anal. post. qu. VI, 333 b.

(52) l. c. qu. IV, 329 b.

(53) Решающая функция определения времени для характеристики личности особенно очевидна в понятии времени в исторической науке, категориальная структура которой выделена в моем эссе: *Der Zeitbegriff in der Geschichtswissenschaft*. Zeitschr. f. Philos, u. philos. Kritik. Bd. 161 (1916). S. 173 ff. См. ниже.

(54) Expono quid intelligo per individuationem … non quidem unitatem *indeterminatam*, secundum quam quodlibet in specie dicitur unum numero, sed unitatem *signatam ut hanc*, ut est *haec* determinate. Oxon. II, dist. III, qu. IV, 33 a, n. 3; cf. l. c. dist. II, qu. I-VII.

Accipitur Individuum substantia et simul totum stricte, prout includit existentiam et tempus ut *hic* homo *existens* et hic lapis existens. Quaest. In Met. lib, VII, qu. X, 215 b, n, 76.

Singulare dicit gradum distinctum naturalem unius individui a gradu naturae alterius individui eiusdem speciei, eo quod … numquam natura generat duo individua eiusdem speciei secundum eundem modum et gradum participantia illam speciem, sicut nec duae species umquam aequeliter participant naturam generis. De rer. princ. qu. XПI, 501 b.

Duo poma in una arbore numquam habent eundem aspectum ad coelum. 1. c. 502 a.

Hic et *nunc* quae sunt conditiones concernentes rationem singularis. l. c. 511. Ср. Zweiter Teil, Kap. П.

(55) Ср. наряду с основным произведением: Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. 2. Aufl. Tübingen 1913, особенно поучительное

эсce «Geschichtsphilosophie» в «Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts». 2. Aufl. Heidelberg 1907 (Festschrift für Kuno Fischer).

(56) Illa ratio a qua imponitur ens non est una sed aequivoca in diversis sicut et ens. Quaest. in lib. Praed. qu. IV, 449 b.

… apud Metaphysicum vel Naturalem, qui non considerant vocem in significando sed *ea quae significantur secundum id quod sunt*, [vox entis] est analoga. l. c. 447 b.

(57) Ponitur analogie in voce … quia significat unam rationem primo, quae *existendo* diversimode convenit duobus vel pluribus, quae dicuntur analogata: sicut hoc nomen «*causa*» et hoc nomen «*principium*» … significant unam rationem primo, tamen illa est in diversis secundum ordinem.

… [alio modo] quia vox uni imponitur proprie et propter aliquam similitudinem ad illud, cui primo imponitur, transfertur vox ad significandum aliud… et hoc secundum significat solum propter aliquam similitudinem eius ad illud, cui primo imponitur. l. c. 446 a sq.

(58) Sed qualitercunque sit de modo ponendi analogiam, *nullus istorum modorum videtur convenire enti respectu decem praedicamenlorum*. cf. Quaest in lib. Physic. lib. I, qu. VII, 388 b. Sec. Op. sup. lib. Periherm. qu. I, 584 a.

Concedo quod ens non dicatur univoce de omnibus entibus, non tamen aequivoce, quia aequivoce dicitur aliquid de multis, quando illa de quibus dicitur non habent attributionem ad invicem, sed quando attribuuntur, tunc analogice. Quia ergo [ens] non habet conceptum unum ideo significat omnia essentialiter secundum propriam rationem et simpliciter aequivoce secundum Logicum; quia autem illa quae significantur inter se essentialiter attribuuntur, ideo analogice secundum Metaphysicum realem. Quaest. sup. Met. lib. IV, qu. I, 153 a.

(59) … quaedam sunt nomina perd tus univoca: et ilia sunt, quorum ratio substantiae eadem est et nomen idem. Quaedam sunt nomina, quae proprie dicuntur aequivoca: ut illa, quae actu plura significant sub propriis rationibus; et illa sunt, quorum nomen est idem et ratio substantiae diverse; et aliqua sunt nomina *analoga*, quae significant primo aliquod commune, sed lamen illud commune diversimode reperitur in diversis. Sicut «infinitum» significat illud cuius non est terminus; sed hoc diversimode reperitur in magnitudine, in numeris et in continuis et discretis; quia ergo huiusmodi nomina significant aliquid commune, ideo proprie non dicuntur aequivoca, et quia illud commune diversimode reperitur in diversis, ideo talia nomina non dicuntur proprie univoca sed dicuntur proprie analoga; quia ergo huiusmodi nomina significant aliquid commune primo, ideo per immediate adjunctum contrahi possunt Huiusmodi autem nomina sunt «mul-

tum» et «album»: nam multum primo significat excessum in quantitate: et ideo contrahi potest. Similiter «album» primo significat aliquid faciliter movens sensum; sed hoc diversimode reperitur in diversis, scilicet in colore et in voce quia in colore est albedo, et id etiam in voce reperitur, sumendo albedinem pro alta et elata voce et huiusmodi, et ideo potest contrahi. Quia ergo multum et album significant aliquid commune ideo per immediate adiunctum contrahi possunt. Aequivocum autem inquantum aequivocum nihil commune significat et ideo contrahi non potest. Quaest. sup. lib. elench. qu. XIII, 17 b sq.

(60) … constat in omni genere semper imperfectum et diminutum oriri ab illo, quod est perfectum simpliciter in illo genere … Cum ergo quaelibet res et quidquid est in rebus, quocumque modo esse vel rationem entis participet, aliquo modo sit imperfectum et admixtum, oportet, quod omnis res secundum illud totum, quod in ea est, a primo et perfecto ente oriatur: boc autem ens non est neque intelligi potest, nisi unum solum infinitum. Ab hac igitur unitate oritur totus numerus et omnes unitates creaturarum, non per huius imitatis divisionem, ut de ipso uno fiant duo, et pereat eius unitas ex hoc, quod unitas et numerus exoriantur, sicut in divisione quanti, ut jam dicetur; hic enim numerus qui procedit ab uno in quantis, multiplicatur, quia unum fit duo; sed ab ista unitate oritur numerus et unitates, ut ab ipso principio calidi omnium primo procedit primum etitem secundum et iterum terlium et sic deinceps usque ad infimam creaturam… Sed praedicta mediatio … debet intelligi, quoad mediationem in genere dignitatis, quia primum causatum immediate participât divinitatem, secundum non ita immediate … Et sic patet quod universalitas rerum est numerus quidam constans ex unitatibus particularitatis in essentiis, eaeque omnes ortum habent ab unitate prima Dei, quae non est participate, sed quam omnis creata unitas participat, per quam dat imitationem, quae totum rerum numerum et eius unitates virtute continet et potentia activa; quae unitates oriuntur ab ipsa … per *sui communicabilitatem* …

Alia est unitas, a qua oritur numerus et omnes [eius] unitates, quas ipsa continet potentia et virtute, quasi modo specificato. et ex ista oritur tota multitudo non per sui communicabilitatem, ut dijri de unitate divina, sed per sui *divisionem*, non quidem in partes quantitatives, sed in partes subjectives. Et ista unitas est unitas *generis metaphysici, cuius communitas* consistit *in analogiam* ita quod res importata nomine talis generis, per se principaliter et veraciter dicitur solum de uno; de aliis per quandam attiibutionem ad illud…

Alia est unitas continens numerum, qui ab ea oritur et eius unitates secundum substantiam et naturam, ita quod per divisionem illius unitatis, non in partes sub-

jectivas sed integrales, oritur numerus ab ilia unitate. Et isto modo unum magnitudine habet in se omnem numerum, qui per divisionem magnitudinis potest inde procedere. Et quia talis unitas, quae est quantitas, accidit rebus, quae sunt de genere substantiae per ipsam quantitatem, quae est accidens substantiae, ideo etiam talis divisio accidit rebus aliorum praedicamentorum, quibus accidit quantitas… De rer. princ. qu. XVI, 570 b, 571 a sq., 572 a, 574b.

(61) Et isto modo ens commiinissime sumptum, est genus metaphysicum ad creatorem et creaturam; et eius unitas dividitur in ens, quod est in se esse, et in ens habens esse, sive cui convenit esse ens, … quod est genus commune metaphysicum et dividitur in decern preedicemente. Et prima divisione dividitur in ens, quod est per se secundum quod «per se» opponitur ei, quod est «aliter se habere», et in ens quod est alicuius, quod continet novem praedicamenta accidentis. Et similiter ens, quod est alicuius, est genus metaphysicum et dividitur in ens quod est alicuius per se, ut est quantitas; et in ens, quod est alicuius per aliud, qualia entia sunt omnia accidentia alia a quantitate, quia mediante quantitate insunt suhstantiae naturaliter. Et quodlibet genus praedicamentorum, quae sunt decem, dividitur per subalterna genera et sic usque ad Individuum; et sic causatur numerus ex divisione unitatis, non in partes quantitatives sed subjectives. De rer. princ. qu. XVI, 572 a sq.

(62) Omne aliud ens ab ente infînito dicitur ens per participationem, quia capit partem illius entitatis, quae est ibi totaliter et perfecte. Quodlibet qu. V, 229 b, n. 26.

(63) …esse divinum non potest esse contractum nec ad genus nec ad speciem; esse cuiuscumque creaturae potest ad utrumque esse contractum. De rer. princ. qu. VI, 335 b.

(64) Quaedam est mensura *mensurans per replicationem*, quae aliquoties sumpta reddit totum et talis est propria quantitatis. Alia est *mensura perfectionis* sive secundum perfectionem. Quaest. sup. Met. lib. V, qu. IX, 251 a sq.

ВТОРАЯ ГЛАВА

VERUM, ЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Конвертируемость с предметом была установлена ранее как отличительный признак трансценденций. Следовательно, в начале этой главы мы должны сначала изучить, подходит ли понятие «verum» для конвертируемости.

Каждый предмет – это предмет. Каждый предмет есть настоящий предмет. Что в нем такого, что его можно назвать истинным?

Среди множества проблем, связанных с понятием «unum», Дунс Скот затрагивает также вопрос о том, представляет ли «unum» предмет, отличный от «ens», «res», или же это означает только определенный способ «вести себя» (quendam modum se habendi). В то же время он отмечает, что эта проблема распространяется и на остальные трансценденции, а значит, и на «verum» (1). Итак, является ли «verum» смежным предметом, либо же таковым и определяющим себя определенным способом? Поскольку «unum» оказывается изначальной формой предмета вообще, постольку и «verum» следует разуметь как отношение формы. Предмет истинен с точки зрения познания. Так как предмет предстает вещью познания, то его можно назвать истинным предметом. В нем можно усмотреть «fundamentum veritatis» (2). Трансцендентальная философия нашла для этого отношения наиболее четкое выражение: предмет есть только предмет как предмет познания; познание есть только познание как познание предмета. Нет объекта без субъекта, и наоборот. Конечно, было бы слишком далеко заходить в толковании, если бы желали понять «verum» схоластики в данном смысле. Но в принципе это означает не что иное, как отношение каждого предмета к познанию. Благодаря тому, что предмет каким-то образом входит в познание, подвергается его воздействию, он становится более истинным, т. е. предметом, находящимся в познании.

Дунс Скот не оставил это отношение к познанию в полной неопределенности. Он характеризует предмет в трех отношениях к познанию, представляющих последовательно возросшие степени единства предмета и познания. Во-первых, каждый предмет противостоит познанию как опре-

деляемый им. Определимость может быть ограничена до того минимума, что о предмете вообще говорят только, что он является объектом познания. Большая или меньшая широта и сложность определимости как вопроса о действительном познании не входит в число затрагиваемых здесь чисто теоретических проблем. Итак, то, что каким-то образом поддается определению, для того чтобы быть определенным, должно «соответствовать» познающему субъекту. Определяемый предмет претерпевает формирование посредством познания. Форма действительно является определяющим фактором. Определимость есть «предметность» (Ласка) через форму. Определенность – это «влияние» через форму. Значит, с точки зрения познания, к объекту нечто относится. Рассматриваемое со стороны предмета, последнее ассимилируется с познанием. Например, то, что противоречиво, например «четырехугольный круг», сопротивляется такому уподоблению. Познание как бы ничего не может сделать с данным предметом. Определимость его сводится к утверждению, что, хотя он и является предметом, но остается «невозможным предметом».

Стало быть, предмет, перешедший из определимости в определенность, сам находится в познании. Предмет теперь пребывает в познающем субъекте, как познанное в том, кто познает. X уравнения познания решено, предмет вошел в познание.

Таким образом, «истина» фактически не добавляет ничего нового к предмету; она лишь придает ему особый индекс и утверждает, что каждый предмет имеет возможность отношения к познанию, в котором только, собственно, и может быть сказано об истине. Каждый предмет предстает предметом и как таковой связан с познанием.

Как «unum» относится к области математики и к реальной области счисляемых предметов, так «verum» принадлежит к области познания вообще (3). Теперь необходимо охватить эту область в ее своеобразии и отличии от всех других.

В отношении двух основных форм познания можно говорить о «verum in intellectu» в двойном смысле. Истинность «verum apprehensio», простого обладания предметом*, имеет своей противоположностью не ложность, а неосознанность, неведение. В известном смысле простое представление, приведение чего-либо к данности также можно назвать ложным, поскольку

---

* 1. Auflage 1916: Vgl. Husserl, Ideen, 1. Buch (1915), S. 11 [Husserliana Bd. III, 1950, S. 15].

оно постигает предмет в не свойственной ему определенности. Но это ложное само по себе значение все же может прийти к осознанию; если оно и не допускает предметного исполнения, то, во всяком случае, является чем-то предметным, «quid nominis», значением, свободным от характера суждения.

Поскольку данное всегда становится данным предметом, простое представление также всегда истинно. Мера и измеряемое здесь сливаются в одно целое. Истина совершается в данности и не выходит за ее пределы. Какой тип положения ей присущ, должно быть определено позже (4).

Познание, истинность которого противоположна ложности, есть суждение. Суждение есть то, что можно назвать истинным в собственном смысле этого слова. Всякое познание есть суждение, всякое суждение есть познание. Если было сказано, что «verum transcendens» указывает на неизвестную до сих пор область познания, то теперь мы знаем, в каком строении оной области должны быть изучены особенности его самого: в суждении. В последнее время его не без оснований стали называть «ячейкой» логики, ее первообразом.

Тот факт, что суждение имеет структуру (compositio), не означает отступления от его характера как первообраза, который можно было бы предполагать совершенно простым, нераздельным. Сложность суждения (complexum) отделяет его от понятия (incomplexum). Конечно, понятия также составны, но иным образом, чем суждение. Его составность обнаруживается только в нем, хотя она тесно связана с характером действительности суждения.

Структура суждения должна проявляться в том, как связаны составные части составного целого (5). То, что встречается в суждении как момент, обеспечивающий связь и единство, то, что делает его собственно суждением, должно в то же время дать понять, насколько сформирована область, в которой существуют суждения. Если суждение должно представлять собой разделенное единство, то составные части (extrema), которые объединяются в единство, не могут быть полностью разрозненными и не имеющими отношения друг к другу. Напротив, в их содержании заложено обоснование их требовательности к себе. Как единое целое, они требуют единства суждения. «Nota compositionis», отношение, устанавливающее единство, образует «est» в суждении. И действительно, «est» не означает, скажем, «существовать», быть действительным по типу чувственных и сверхчувственных предметов. Имеется в виду, скорее, способ реальности («esse verum»), для обозначения которого нам сегодня доступно счастливое выражение «применять».

Насколько мало «est» связки совпадает с «существовать», настолько же ее значение не может быть ограничено отношением подотчета, которое обычно изображается как отношение суждения, изучаемое схоластикой. Дунс Скот, правильно признавая своеобразное значение и функцию связки, обобщает их как можно более широко. Отношение «применимо» и, следовательно, своеобразный способ реальности остается неизменным в любом суждении (6). Бесспорно, можно обнаружить различия в отношении между подлежащим и сказуемым; но они дают о себе знать посредством детерминации, заключающейся в соответствующем содержании суждения.

Действительное отношение связки, «esse» как отношение между подлежащим и сказуемым, возникает как фактический носитель истины. Суждение справедливо, оно истинно и «делается» истинным в соответствии с воспринимаемым актом положения субъекта в отношении этого суждения (7). Суждение как истинное познание предполагает в то же время познание предмета. Он входит в суждение и тем самым постигается в том, что и как. Для суждения это означает привязанность к предмету. Соответствие предмету, согласно Дансу Скоту, нельзя мыслить просто как «отображение», как повторение того, что «заложено в вещах», как если бы отношение суждения существовало и как онтологическое. Смысловое содержание данного предметного материала и присущая ему форма действительности включаются в суждение; лучше сказать: рассматриваемое содержание приобретает форму благодаря суждению и благодаря этому становится действительным познанием. В познании конституируется истинное (8).

Предметы содержат в себе только «виртуальности», которые в суждении объединяются в единое целое смысла. Отношение суждения не есть «сходный признак» обстоятельств, обнаруживаемых в предметном мире различных областей, притом будучи двусмысленным. Дунс Скот иллюстрирует это отношением к тому, что преподносится в подарок, например, бокалу для вина. Бокал в качестве вывески трактира указывает на вино. Сам по себе он никак не похож на вино. Но для знатока это верный признак винной корчмы. С другой стороны, для подачи молока и т. п. это было бы неправильным признаком. Значит, суждение, как действительный образ смысла, по своей реальности, как и по своей структуре, отличается от объектов, от которых оно рассматривается как познание (9).

Несомненно, Дунс Скот использует это выражение, чтобы со всей остротой подчеркнуть осознаваемую им неоднородность между суждением и предметами, познаваемыми в нем и через него. Насколько он продвинулся

в познании собственной ценности содержания суждения как действительного смысла, видно именно из того, что оно отделяется от акта суждения. И сам он тоже рассматривает это не «объективирующим образом», т. е. как существующую психическую реальность, но в отношении своего «чувства постижения», которое акт получает прежде всего из чувства суждения (mediante veritate habitudinis verus est actus). Без суждения как достижения познающий субъект никогда не смог бы овладеть познанием; он выступает посредником между действующим смыслом и субъектом, воспринимающим и признающим его как познание. Благодаря присущему акту суждения соответствию (его исполнительности) отношениям, имманентным членам суждения, рассуждающий осознает истинность суждения (10).

Теперь, похоже, на этом пути возникла непреодолимая трудность. Если я сравниваю отношение суждения, смысл которого A, с реальным положением дел B, то само это сравнение снова является установлением отношения C. Как же мне теперь распознать истинность C? Еще одним суждением? Этим недвусмысленно дается регресс в бесконечность, и тем самым человек никогда не смог бы прийти к осознанно истинному познанию. Далее, если мне необходимо признать истинность суждения A по отношению к реальному положению дел B, то последнее должно быть распознано. Каким решением оное возможно? Если это то же самое, что и A, то у меня – тавтология. Если оно другое, D, то выходят два суждения об одном и том же реальном положении дел (11).

Дунс Скот обнаружил здесь трудность, с которой в итоге сталкивается любая искренняя «теория образов», работающая с зародышевым представлением как единым целым. Теперь просто невозможно сравнить чувство суждения с реальными объектами, потому что я знаю о реальных объектах только через познание, суждение. Объект, который не распознается, для меня не является объектом. Мы не можем выйти за пределы содержания суждения как такового в отношении самих реальных объектов. Теория образов представляет здесь непреодолимую трудность. Следовательно, Дунс Скот отказывается от этой теории и выбирает идею имманентности. Таким образом, это не устраняет «реальности внешнего мира» и «субъективизма», «идеализма», и того, что все «эпистемологические призраки» называют «принятием чьих-либо сторон». Правильно понятая идея имманентности не отменяет реальности и не превращает внешний мир в мечту, но *именно абсолютный примат действующего смысла подрубает под корень осно-*

вание всех физиологических и психологических, и экономико-прагматических эпистемологий, неопровержимо утверждая абсолютную значимость истины, подлинную объективность.

Следовательно, смысл действия акта суждения ориентируется и непосредственно измеряется смысловым содержанием входящих в суждение звеньев (erxtrema), которые в действительности содержат отношение суждения. Значимость данных, объективно воспринимаемое положение вещей является мерилом изначального смысла; из него оно выводит свою объективную значимость. Можно также сказать, что смысл суждения предстает логической формой реальности и структуры взаимосвязей, обеспечивающих факты (12).

Перспективная научно-теоретическая установка возможна только тогда, когда отдельные науки достигли уровня сознательного применения свойственных им методов. Это предполагает определенную зрелость интеллектуально-исторического развития и, в большинстве случаев, решающее влияние гениальных личностей (например, Галилея в физике). Только со времен Канта можно было по-настоящему говорить о научной теории. До этого, вероятно, возникали отдельные вопросы в этом смысле, но без систематической связи с логическими проблемами, затронутыми выше. Но там, где отдельные науки только зарождаются и где метод, свойственный каждой из них, еще не проявился в необходимой пластичности и остроте и не идет своим уверенным ходом, там отсутствуют все условия теоретико-научной работы. Мало того, в нем вообще отсутствует то жало, которое побуждает думать об этих проблемах в первую очередь как о проблемах. Так обстоит дело со схоластикой.

Отсюда и Дунс Скот в своем учении о суждениях придерживался общей теории. Он не видел в этом предела и не мог его видеть, поскольку не мог знать о структурных сложностях смысла суждения в различных науках, в соответствии с особым положением вещей и объектами, лежащими в их основе.

Здесь можно возразить, что мы уже указывали ранее на разделение различных сфер действия. Но они, вероятно, в целом указывают на общий тип и его сферу, в которой движутся отдельные науки, их обрабатывающие; однако именно обработка в том смысле, в каком она развивалась сегодня, отсутствует. И только в ходе ее, т. е. в познании и решении проблем, обнаруживаемых в определенных предметных областях, проявляется изменение смысла суждения.

Отсутствие научно-теоретических исследований не связано со схоластикой как таковой. Причины этого носят научный и вообще духовно-исторический характер. Однако при этом опять же не следует упускать из виду, что трансцендентальная философия значительно облегчила и способствовала видению и пониманию проблем такого рода. Но и сегодня во многих областях научной теории мы еще не вышли за рамки общих программ и постановок проблем.

Однако по сравнению с недавно пришедшей в упадок версией и решением логических проблем в психологическом смысле схоластическое мышление, сколь бы часто оно ни ограничивалось общими предположениями, *демонстрирует зрелость взгляда на своеобразие и ценность логической области*, которую нельзя игнорировать и недооценивать. Именно потому, что понимание логической области применения обострилось и углубилось в ходе борьбы с психологизмом, не будет лишним проверить это, *в какой степени уже Дунс Скот пытается провести разграничение с психически реальным*.

Это рассмотрение должно в то же время способствовать познанию логической сферы смысла и еще более четко отличать ее от неоднородного континуума эмпирической реальности и однородного математического континуума. Кроме того, необходимо прояснить вопрос о значении выражения «extra anima», выше оставленном открытым. Реальному чувственному и сверхчувственному миру (ens naturae) противопоставляется «ens rationis». Фактическая действительность – такая реальность, которая не зависит от души (cuius esse non dependet ab anima). Таким образом, «ens rationis» есть «ens in anima». Логическая действительность принадлежит «душе». Как можно размышлять о ее более тесной принадлежности? (13) Следует ли понимать «ens rationis» в том смысле, что оно принадлежит душе, как воспоминание, внезапно возникающее в душевной жизни, как чувства печали и радости, которые сотрясают нас изнутри, часто лишь на мгновение, а затем исчезают? Является ли суждение «in anima» в том смысле, что оно выносится с помощью душевной силы разума, чтобы затем исчезнуть и уступить место другим душевным событиям? Но как же тогда обстоит дело с истинностью суждения? В таком случае суждение было бы истинным только до тех пор, пока продолжалось бы его исполнение. Если бы психическая деятельность суждения оставалось «истинной», то не могло бы быть никакой истины. Отсюда, когда «ens logicum» называют «ens rationis» или «ens in anima», нельзя подразумевать, что логическая действительность является отрывком, срезом психической реальности.

«Ens logicum» дальше характеризуется как «ens diminutum»; он означает уменьшенный способ бытия по сравнению с реальной природной действительностью и отсюда не относится к предметной области метафизики, которая, несомненно, является реальной наукой. Кстати, не лишено интереса сравнение этого понятия «ens diminutum» для логического с современным: Риккерт называет логический смысл «недействительным». Дунс Скот даже прямо говорит, что логическое бытие не имеет действительности реальной экзистенции, а поэтому категория причинности неприменима и к этой области. Данная категория не имеет смысла в области логики; иными словами, она не касается происхождения, возникновения и исчезновения, хода, событий и вкратце – не имеет отношения к природным действительностям (14).

Психическая реальность, конечно, не является «ens diminutum»; напротив, она есть форма сущности человека, прежде всего наделяющая его экзистенцией как человека. И не только это. Душа для Дунса Скота «как индивидуум нечто первичное, уже само по себе, т. е. помимо единения с телом, составляющее субстанцию, а значит, не индивидуализирующееся через одно наделение» (15). И все же выше именно индивидуальное определялось как реально существующее (16).

Дальше легко увидеть, что на почве теории взаимодействия психическое преобладает над категорией причинности.

Все это заставляет предположить, что под понятием «ens in anima» для логической действительности нельзя подразумевать психическую реальность. Это выражение может говорить только о том, что ныне выражается: «ноэматический смысл», интенциональность как коррелят сознания неотделима от сознания и все же не содержится в нем реально. «In» означает совершенно особое отношение сознания, связь всего имеющего смысл и ценность с духовной жизнью, а не принадлежность отрывка как части к целому.

Итак, «ens rationis» означает содержание, смысл психического акта; это бытие в созерцающем, мыслящем сознании, это «ens cognitum» – мыслимое, рассудочно-оценочное. Что следует отличать от являющегося «subjective in intellectu»; значит, рассудочная деятельность и акты познания в душе совпадают как реально-психические установки. В то же время оба понятия относятся к категории качества, категории фактической действительности. Напротив, под «ens in anima» следует понимать «вторичное рассмотрение», т. е. не предметное в объективном познании действительности и общности – non tamquam primo consideratum sed tarnquam ens in

primo considerato inquantum consideratum (17). Едва ли можно сказать яснее, что здесь имеется в виду содержание, смысл суждения, отделенный от познавательной деятельности суждения в его функции представления, познавательной конституции реальных объектов. Это содержание – то, что верно, о чем можно сказать, что оно истинно. Посредством отдельных психических актов суждения, которые, строго говоря, не являются ни истинными, ни ложными, но существуют или не существуют, чувство суждения в каждом случае осознается познающим субъектом и в некотором смысле «реально» дается ему, переносится в индивидуально-действительную духовную жизнь.

Больцано, впервые открывший Гуссерля и осознавший его значение для современной логики, полагает, что идея чисто логического содержания, отделенного от психической реальности, может быть найдена уже у греков: «Приведу ниже обоснованное предположение, что даже древним грекам понятие истины как таковой не было чуждо; можно предположить, что и со словом *предложение* (*πρότασις, ἀπόφανσις, λόγος ἀποφαντικός*) они иногда, по крайней мере, связывали указанное выше понятие; ибо истина сама по себе есть также и само по себе предложение. Но то обстоятельство, что они в общих чертах объясняли предложения как разновидность речи (λόγοι), еще не дает нам права делать вывод, что они считали истинными предложениями только предложения, выраженные словами. Ибо, возможно, только чувственная природа языка мешает им выражать свои мысли об этом предмете так абстрактно, как они действительно хотели бы, чтобы их понимали читатели» (18).

С данной же точки зрения, на мой взгляд, должна рассматриваться и логика схоластики, если вообще в ее логических теориях существует какой-то возможный смысл.

Однако своеобразие логической области действия можно рассмотреть и с другой стороны. Таким образом, его состав, независимый от какой-либо фактической действительности, вероятно, должен быть доведен до безупречной ясности.

В естественной жизни, мышлении и познании наше сознание настроено на реальные объекты непосредственной действительности; схоластика обозначает это естественное отношение выражением «prima intentio». Исходя из собственного взгляда на вещи, становится возможным настроить мышление на собственный лад, «secunda intentio». Все существующее в метафизическом, физическом и психическом объектном мире, математические

и даже логические объекты включаются в сферу «secunda intentio». В нем только для нас и имеет место знание о предметах. Наиболее кардинальное различие между способами действительности – это различие между сознанием и реальностью, точнее говоря: не имеющий отношения к действительности способ всегда дается только посредством ее и в подобном действительности смысловом контексте.

Дунс Скот определяет абсолютное господство логического смысла над всеми познаваемыми и распознанными объектными мирами как обратимость «ens logicum» с предметами. Какой бы предмет ни был, он может стать «ens diminutum». Что бы ни было познано, о чем бы ни выносились суждения, это должно войти в мир смысла, только в нем все познается и оценочно судится. Только живя в сущем, я знаю о существующем (19).

При отрыве реальных областей действительности от математических объектов особое внимание уделялось различию категориального состава. Как обстоят дела с этим в логическом плане? Есть ли здесь что-то вроде порядка, иерархии? Существуют ли здесь, как и в реальном чувственном и сверхчувственном мире, степени существования, соответствующие способам бытия Бога, сотворенного мира, субстанций и акциденций? Говорилось о конвергенции реальной области с логической, как бы о перекрытии этой области последней. Реальные объекты принимаются в сферу логического смысла, который оказался бы совершенно непонятен, если бы «ens logicum» хотели рассматривать как психическую реальность.

Это вхождение реальности в сознание возможно только следующим способом: посредством логики реальность каким-то образом постигается, из нее что-то вырывается, тем самым различается, разграничивается и упорядочивается. Упорядочивающее есть нечто формообразующее; формы определяются по своему значению материалом предметного мира и тем самым снова применимы к нему. Принцип упорядоченности логического вообще суждения зависит от субъекта, это также можно выразить: логическому содержанию необходимо «быть высказанным» (praedicari); что возможно, поскольку оно справедливо. В реальной сфере реально происходит и существует то, что в логической сфере особым образом обозначается, т. е. «подразумевается» суждением (praedicari est intentio).

Благодаря суждению у нас есть познание. Отдельными составляющими этой формы порядка являются категории. Они не берутся из реальной предметной области, например, в виде простых изображений. Реальное как бы только дает толчок (occasio), служит отправной точкой для создания

упорядочивающих отношений, которые не имеют адекватного соответствия в реальном (20).

Суждению как смыслу и основывающимся на нем категориям свойственен характер направленности на познаваемые предметные области (sunt applicabiles). Они «сжимают» встречающийся в данности материал, как бы отдают его в свое распоряжение. Момент, определяющий порядок и характеризующий логическую область – это интенциональность, действие, высказываемость. Логическая область не аналогична реальной, а единомысленна (21).

Ноэматическое, содержание психического акта, представляет собой своеобразную предметность. «Хотя предметы сами по себе (понимаемые в неизмененном смысле) относятся к принципиально различным высшим родам, все предметные чувства и все полностью взятые ноэмы, какими бы разными они ни были, в принципе принадлежат к одному высшему роду» (22). Ничто иное не указывает на однозначность логической области смысла, утверждаемую Дунсом Скотом, по сравнению с упорядоченностью по аналогии в мире реальных чувственных и сверхчувственных объектов.

Логическая область является однородной. То же самое было сказано и о математическом.

Область логики – *бессмысленна*. То же самое относится и к математическому. Итак, совпадают ли обе области? Является ли логика математикой или математика логикой, или ни то, ни другое не применимо?

Решение этих вопросов не только не выходило бы за рамки наших задач, оно вообще не могло бы быть достигнуто средствами схоластической мысли. Однако на основании сказанного до сих пор можно сделать один вывод: обе рассматриваемые области, как бы ни были они обе бессмысленны по своей природе, не могут совпадать. Однородность, которая приобретает свой особый характер благодаря единству отношения, различна в обоих мирах. Однородность математической области имеет свою причину в количестве. Однородность логической области действия основывается на интенциональности, присущей направленности. Насколько интенциональность и количество расходятся, настолько логика и математика различаются.

Интенциональность – это «территориальная категория» логической области. Что еще раз показывает, что психическое бытие не может подразумеваться под «ens in anima». Интенциональность может существовать только в осмысленном и значимом, а не в реальности. В лучшем случае они могут быть затронуты смыслом и значением, но не наоборот (23).

Г. Зибек обнаруживает «истоки новой психологии» именно у Дунса Скота: «Ибо эпохальным в <…> средневековой философии является не Фома Аквинский, а Дунс Скот. Однако сущность средневекового мировоззрения приобрела благодаря томистической кодификации устойчивую стабильность и силу, которая на протяжении веков служила клерикальному миру основой для противостояния новым системам и методам; но характерные черты нового «я» и первые уверенные шаги в его направлении можно найти в глубокой и проницательной критике, которую Дунс Скот не устает высказывать по поводу того, что представляет собой сохранившаяся систематика» (24). Он только заново открыл психический объектный мир внутреннего опыта для «самостоятельного исследования».

Этот острый взгляд Дунса Скота на индивидуальность и своеобразие эмпирических фактов, наряду с ясным пониманием мира логического обоснования, позволяет предположить, что он также явно разделял области работы логики и психологии. С другой стороны, неудивительно, что именно при рассмотрении «высшей» душевной жизни на первый план выходит логический интерес. На первый взгляд это может показаться недостатком, и хотелось бы прийти к мысли, уже неоднократно высказанной, что схоластическая психология бесполезна, поскольку действует лишь понятийно и без реального отношения к эмпирическим фактам.

Но это фактическое преобладание логической точки зрения должно быть только правильно оценено.

Акты познания рассматриваются не столько как объективирующие психические реальности, сколько с точки зрения их функции, их исполнения. Расцениваемые тем самым, они уже фактически не относятся к области психологии как реальной науки о психическом, но принадлежат логике, если их не отнести к самой области феноменологии (а именно к той, которая преимущественно относится к «ноэзису»).

Следовательно, мышление характеризуется именно как психическая деятельность, воспринимающая истину как истину. Благодаря простой данности сознание может быть настроено на «истинное», но только благодаря суждению оно становится сознательным как истинный, действующий смысл. Поскольку на основании этого его достижения мыслительный акт отличается от ощущения и восприятия и оценивается выше, то он рассматривается не только как психическая реальность, возникающая и проходящая, но и с точки зрения его содержания (25). И только так он может быть полностью осознан. «Лишь с позиций ценностей мы можем проникнуть

в предмет и его акт», – говорит Риккерт, который вместе с Гуссерлем наиболее решительно указывает на данный способ рассмотрения акта и подчеркивает, что исследование, направленное подобным образом на мышление, оперирует не фактическими, а смысловыми понятиями.

Субъект, по словам Дунса Скота, как психическая реальность может вызывать реальные психические акты, быть их причиной; что касается его предметного содержания (circa tamen objectum), то оно не порождает реальность, но посредством своего проявления позволяет сознавать смысл. Если текущее знание отменено, т. е. субъект не мыслит и не рассуждает, то он равно не знает о содержании; в настоящее время он не сознателен. Но это не значит, что с исчезновением акта суждения уничтожается и содержание, его способ действия, теряется действительность (scibile in potentia), как акт утрачивает бытие, существование (26).

Отсюда акт суждения может быть подвергнут двойному рассмотрению. С одной стороны, поскольку он предстает психической реальностью, с помощью которой совершается актуальное суждение. Данное рассмотрение принадлежит психологии. Можно прежде всего изучить смысл, а затем его своеобразную взаимосвязь с актом суждения. Логик, как говорит Дунс Скот, предполагает работу психолога, изучение мыслительной деятельности, посредством которой совершаются эти постижения. Действительно ли последнее требует, чтобы к рассмотрению логического содержания приступали только после тщательного изучения мыслительной деятельности, что следовало бы с полным основанием оспорить; тогда мы, вероятно, еще не могли бы сегодня со спокойной совестью заниматься логикой. Как повсюду разрешается сие соотношение логики и психологии – в данном случае несущественно. Стоит отметить, что Дунс Скот в своих исследованиях не только молчаливо разделяет логический и психологический подходы, но и прямо подчеркивает их различие (27).

Психическое, как его изучают схоласты, особенно там, где речь идет о мыслительной и волевой деятельности, гораздо более реально, чем психическое, понимаемое сегодня с точки зрения естественных наук. Схоласты в то же время рассматривают придающую смысл функцию, «актовый характер» психического; следовательно, схоластическая психология также должна оцениваться и рассматриваться с учетом оного отношения. Многое из того, чему она особенно учила в области физиологии и психологии чувственной деятельности, сегодня может оказаться неверным или, по меньшей мере, недостаточным. Но учение об акте, несомненно, предлагает

много интересного и ценного. Насколько мне известно, подробного и тщательного исследования понятия акта, интеллектуальных и эмоциональных актов в схоластике еще не существует. Здесь можно было бы только указать на эти проблемы; наша задача, напротив, состоит в том, чтобы найти общий подход и соответствующую характеристику отдельных областей действительности; вероятно, теперь это должно найти свое воплощение.

Каждому предмету присущи «трансцендентные» определения unum и verum. Все сферы действительности, поскольку в них ищут и получают знание, подвержены влиянию бессмысленных относительных логических образов смысла. В качестве областей познаваемого выделялись: чувственная (физическая и психическая), реальности природы, реальности сверхчувственного, т. е. метафизическая предметная, наряду с уже упомянутой логической, не имеющая смысла предметная математическая.

Отсюда следует необходимый вывод: теория категорий, ограничивающаяся десятью дошедшими до нас аристотелевскими категориями, должна быть неполной, а ее положения зыбкими и неточными, причем последнее объясняется тем, что в ней присутствует сознание различия областей и соответственно сознание различия значений, определяемых природой областей, когда исчезает категориальная дифференциация форм (28).

Дунс Скот также ясно осознает, что десять дошедших до нас категорий применимы только к фактической действительности. Область, несомненно, нуждается в интенциях других форм порядка, она ведь сама по себе представляет предметную область; интенции сами по себе познаваемы и поддаются определению. Таким образом, сама логика нуждается в собственных категориях. Должна быть логика логики.

Дунс Скот идет еще дальше: «non ens» равно является предметом познания, входит в суждения, воспринимается в значениях и обозначается словами. Поскольку суждения о «non ens» (не-сущем) возможны, должно существовать самое общее понятие «non ens» – категории, которая не может подпадать под десять реальных категорий. То же самое относится и к фантазийным образам (figmenta), не являющимся естественными на самом деле, и к лишениям (Privationen).

Здесь можно возразить, что figmenta и лишения приобретают свою общую определенность формы благодаря редукции и абстрагированию от природной действительности, в коей они пребывают figmenta и лишениями. Вот почему собственные категории излишни. Но если я вынесу суждение: «слепота есть лишение», то здесь вообще подразумевается общее понятие

лишения. Далее, различие между «ens» и «non ens» приводит не к тому или иному конкретному «non ens», а к понятию «non ens» вообще.

Следовательно, figmenta и лишения, как и интенции, суть объекты своего рода и требуют соответствующих «generalissima», т. е. категорий.

На самом деле десятью реальными категориями определяется далеко не всякий произвольный предмет познания (non quodlibet intelligibile), а только реальные объекты. Логика вообще рассматривает категории в соответствии с их интенциональным характером, связанным с материалом. Следовательно, логику необходимо рассматривать категории нереального, как это действительно имеет место в случае с Дунсом Скотом (29).

Таким образом, в последнем вышеизложенном снова показано, что Дунс Скот имеет ясное представление о задачах учения о категориях. В то же время упоминание «figmenta, privationes» и «non entia» предполагает, что число перечисленных до сих пор областей действительности, в конце концов, еще не исчерпано.

(1) Quarta [difficultas est], an [unum] aliquam rem dicat ab ente? Et hoc est *commune dubium de omnibus transcendentibus vero et bono* etc. Quaest sup. Met. lib. IV, qu. П, 165 a (bonum остается вне рассмотрения в этом исследовании, касающегося только теоретической предметности).

(2) Primo quia sui manifestativa quantum est de se, cuicumque intellectui potenti manifestationem cognoscere. Secundo quia assimilativa intellectus assimilabilis … Tertio quia facta manifestatione vel assimilatione res in intellectu est sicut cognitum in cognoscente… si nullus esset intellectus, adhuc quaelibet res secundum gradum suae entitatis, esset nata se manifestere; et haec notitia est, qua res dicitur nota naturae, non quia natura cognoscat ill am, sed quia propter manifestationem maiorem vel minorem nata esset quantum est de se, peifectius vel minus perfecte cognosci. Esse autem assimilativum dicit rationem activi respectu assimilabilis et sequitur naturaliter esse manifestativum vel disparatum est non habens ordinem ad ipsum sed semper assimilativum … 1. c. lib. VI, qu. ПI, 337 a sq.

(3) Veritas aut accipitur pro fundamento veritatis in re aut pro veritate in actii intellectus componente aut dividente. Oxon. I, dist. II, qu. П, 408 b, n. 8.

(4) Verum autem in intellectu duplex est secundum eius dupücem operationem [simplex apprehensio … propositio] … Est autem inter istas veritates differentia

una, quod primae faMtas non opponitur sed ignorantia tantum; et sic intelligitur illud de anima, quod inlellectus circa quod quid est semper est verus sicut sensus circa proprium sensibile; et hoc est intelligendum praecise circa conceptum simpliciter simplicem; nam intellectus simplex circa conceptum non simpliciter simplicem, licet non possit esse formaliter falsus… apprehendendo aliquid sub deîerminatione sibi non convenienle… ratio in se falsa, non solum de aliquo falsa … simplici apprehensione intelligibilis est, sed illa non includit vel exprimit aliquod quid, nisi forte quid nominis. Quaest. sup. Met. lib. VI, qu. III, 538.

(5) …alia est materia complexi et incomplexi. Propria materia autem complexi sunt dictiones per se significativae; sed materia incomplexi sunt syllabae et litterae non per se significativae. Differunt etiam ex parte formae, nam forma complexi eonsistit in *unione dictionum* quae per se significant. Quaeat. in lib. elench. qu. XIX, 28 b.

(6) Это объективно-логическое значение смысла связки в моей вышеназванной диссертации (см. выше, прим. 10); в большей степени интерпретация Гейзера, определяющая связку как «интенцию на объект»; ср. Geyser, Grundlagen der Logik und Erkenntnislehre. Münster 1909. S. 142 ff.

(7) …verbum «est» potest notare qualemcumque unionem extremorum et non oportet quod semper notet praedicatum esse superius subjecto; sed ad exercendum illud, quod Signatur, hic oportet addere ad compositionem huius verbi «est» aliquam determinationem … Quaest. in lib. praed. qu. VIII, 475 a.

Esse enim, quando praedicatur tertium, praedicat unionem extremorum, quae necessaria est substantiae ad substantiam sine existentia extremorum… Quaest in lib. I. periherm. qu. VIII, 554 a.

[compositio] est actus comparativus unius conceptus simplicis ad alterum … hunc autem, necessario sequitur vel concomitatur *relatio rationis* in utroque extremo ad alterum, quam habitudinem videtur signare hoc verbum, «est», ut est nota compositions, … esse uno modo significat verum, hoc est habitudinem rationis inter extreme, quae nata est esse vera [esse verum = «действовать, относиться»]. Quaest. sup. Met. lib. VI, qu. III, 344 a.

(8) Verum non est prius actu intelligendi … patet quia intellectus facit rationem veri. De anima qu. XX, 607 b.

Res non est causa praecise veritatis in intellectu *sed intellectus componens praedicatum cum subjecto*. Quaest. sup. Met. lib. VI, qu. III, 334 a.

(9) Ista habitudo rationis conformis est rei, non quod oporteat in re esse relationem aliquam inter extreme ut in re siinilem istius rationis, quae est inter extreme *ut intellecta, imo ut ab intellectu invicem comparata* …

Habitudo correspondet rei, quando est talis, qualem res virtualiter continet, sive qualem res de se nete esset *facere in intellectu* si faceret habitudinem illam, sive quee est *signum non simile sed aequivocum*, exprimens tarnen illud quod est in re, sicut, circuius non est similis vino, est tamen verum signum vini, falsum autem lactis vel huiusmodi. l. c. lib. VI, qu. III, 344 a sq.

(10) Haec igitur correspondentia praedicta hums habitudinis ad id quod est in re formaliter, est secunda Veritas [veritas compositionis] et ita illa habitudo, quae dicitur compositio expressa per «est» vera est immediate et *mediante illa verus est actus comparativus secundum illam habitudinem*… l. c. 344 b.

(11) Contra hoc quod superius dictum est, quod veritas complexi cognoscitur per hoc, quod intellectus apprehendit conformitatem actus componendi entitati extremorum istius complexi, arguitur: quoniam quando comparo actum compositionis A rei B, hoc facio actu compositionis C; quomodo sciam istam secundam compositionem C esse veram? Si per aliam compositionem, erit processus in infinitum, antequam cognoscatur veritas compositionis A et ita nunquam cognoscetur … Item si debeo cognoscere A esse veram per collationem ad rem, oportet igitur rem cognoscere; quo ergo actu? Si eodem qui est A, idem cognosco per C, si alio ut ipso D, ergo duo actus simul de eadem re … l. c. 339 a sq.

(12) …dico quod illam complexionem cognosco esse veram, cognoscendo conformitatem eius ad illam. habitudinem virtualiter inclusam in extremis. l. c. 341 b. … objecta conceptus complexi, quae sunt extrema, *aliud* esse habent quam ut sunt in conceptu non complexo et prius naturaliter in *se*, ut simplicia sunt, secundum quod esse prius, mensurant illum conceptum complexum, cui esse priori conceptum complexum conformai! est verum esse, difformari est falsum esse; hoc «esse» est habitudo virtualiter inclusam extremis naturaliter, antequam extrema comparentur a ratione … 1. c. 340 b sq.

(13) …ens est duplex, scil, naturae et rationis. Ens autem naturae inquantum tale est, cuius esse non dependet ab anima. Quaest sup. lib. elench. qu. I,1 b.

…quaecumque scientia quae non solum vocatur realis, sed etiam quae vocatur *rationis* est de re sive de *ente* Quodlibet, qu. III, 114 b, n. 2.

(14) [Ens verum] est ens diminutum et est ens *logicum* proprie. Quaest. sup. Met. lib. VI, qu. III, 346 a.

…ens secundum quod abstrahens a *sensibili* et insensibili est voce proprium objectum intellectus. 1. c. n. 22.

Ens reale est peifectius ens quam ens, quod est tantum rationis. Oxon. I, dist. VIII, qu. IV, n. 10.

Ens rationis est ita diminutum, quod non potest esse perfectio entis realis. Quodlibet qu. I, n. 4.

Ens autem diminutum ... non habet esse realis existentiae; ergo nec inquantum tale potest esse causa propria alicuius entis realis. OXOXL I,

dist. XIII, quaest unie. 893 b sqM n. 7; cf. 1. c. III, dist VIII, n. 19.

(15) Ср. H. Siebeck, Die Anfänge der neueren Psychologie in der Scholastik. Zeitschr. f. Philos, u. philos. Krit. Bd. 94 (1888), S. 167, vgl. 178 ff.

(16) Ср. выше.

(17) Ens Talionis hoc est praecise habens esse in intellectu considerante. Quodlibet qu. III, 114 a, n. 2.

…dicendum, quod universale est in re, ut in subjecto, quia illum denominat, non intellectum; sed in intellectu est veluti in *efficiente et ut Cognitio in cognoscente*. Sup. Qu. Porph. qu. XI, 136 a. (Здесь психическая реальность, лежащая в основе причинности, наиболее четко отличается от интенционального содержания, Ср. под Zweiter Teil, Kap. I, S. 307/308).

Ens diminutum, quod seil, est ens cognitum. Oχoη. I, dist XIII, 893b, n. 7.

Nec intelligo hie ens rationis … quod est tantum in intellectu subjective … Oxon. IV, dist. I, qu. II, 100 b, n. 3.

(18) Wiesenschaftslehre. Sulzbach 1837. Bd. I, S. 83. (Hauptwerke der Philosophie in Originaltreuen Neudrucken. Bd. IV. Werke Bernard BoLzanos, herausgegeb. v. A. Höfler. Leipzig 1914).

(19) Convertitur tamen [ens logicum] cum ente aliqualiter, quia Logicus considérât omnia ut Metaphysicus, *sed modus alius considerationis, scil. per quid reale et per intentionem secundum, sicut corvertibilitas entis simpliciter et diminuti, quia neutrum alteram excedit in communitate; quidquid enim est simpliciter ens, potest esse ens diminutum.* Quaest. sup. Met. lib. VI, qu. II, 546 a.

(20) Ens est duplex, scil. naturae et rationis. Ens autem naturae inquantum tale est, cuius esse non dependet ab anima. Sed ens rationis dicitur de quibusdam intentionibus, quas adinvenit ratio in ipsis rebus, cuiusmodi sunt genus, species, definitio et huiusmodi. Ens autem dictum isto secundo modo aequiparatur secundum communitatem enti priori modo dicto. *Non enim est aliquod ens naturae, quin possit cadere sub ente rationis et quin super ipsum fundari possit aliqua intentio, ut puta generis vel speciei vel differentiae vel proprii vel individui vel saltern causae vel causati.* Quaest. in lib. elench. qu. I, 1 b.

Quia ergo Logica est de huiusmodi intentionibus, quae *applicabiles sunt omnibus rebus*, ideo Logica dicitur ex communibus procedure. 1. c. 2 a.

Dico, quod res non est tota causa intentionis, sed tantum occasio, inquantum scil. movet intellectum, ut actu consideret, et *intellectus est principalis causa*; ideo minor unitas sufficit in re, quam sit unitas intentionis; quia sufficit intellectum ab aliquo extrinseco moveri ad *causandum multa per considerationem, quibus non correspondent aliqua in re simpliciter*. Quaest in lib. praed. qu. III, 443 a.

(21) Dici potest quod hie [in libro de praedicamentis] consideratur de decern praedicamentis, *inquantum aliquid a ratione causatum eis attribuitur, quia aliter non possunt a Logico considerari*; et illo modo non habent tantum unitatem analogiae sed etiam univocationis; et illud univocum istis … est aliquod intentionale, quod est hic primum subjectum et illud potest nominari praedicamentum vel generalissimum; quia omnes proprietates, quae per se de istis determinantur hic, determinantur de eis, inquantum hahent rationem generalissimi vel praedicamenti. Quaest in lib. praed. qu. II, 441 a.

…quae Metaphysicus per se considerat, hic per accidens consideratur, quia hie per se consideratur aliquid intentionale applicabile eis, quae Metaphysicus per se considerat. 1. c. 442 a.

Dico … quod scientia realis est de universali primo modo, quod est res, sed Logica est de universali secundo modo, quod est intentio. Quaest sup. Porph. qu. VIII, 121 b.

…oportet dicere, quod maior est unitas [praedicamentorum] in aliqua proprietate ab intellectu causata, quam inquantum sunt entia; et ita cum haec scientia [scil. Logica] non sit una imitate analogiae, oportet assignare aliquod intentionale, quod sit istis commune et primum subjectum, quia de solo tali per se considerat Logicus. Quaest in lib. praed. qu. II, 440 b.

… univocum apud Logicum dicitur omne illud, *quod per unam rationem devenit apud intellectum*, secundum quam dicitur de multis … l. c. qu. VII, 455 a sq.

Aliquid intentionale univocum applicari potest rebus omnium generum; quia *diversitas* in rebus primae intentionis inter se non impedit ipsas ab intellectu posse concipi *per eundum modum concipiendi*; intentiones autem omnes eis attribuuntur, inquantum ab intellectu concipiuntur et ideo intentiones eaedem specie possunt diversis rebus attribui. 1. c. qu. II, 442 b sq.

Sciendum est, quod, cum *praedicari sit intentio*, est intentionum per se, rei vero per accidens. Esse vero est rei per se. Aliud sciendum, quod esse in rebus primae intentionis illud exercet, quod praedicari signat in secundis intentionibus. Quaest. sup. Univ. Porph. qu. XIV, 178 a.

(22) E. Husserl, Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. (Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschimg. Bd. I, Teil I, 1913. S. 265.) [Husserliana Bd. III, 1950, S. 314.]

(23) Dico quod intellectus dicitur perficere sensum in sua cognitione [понимание актуально существующего предмета] eo quod cognitio sensitive praecise consistit in apprehendendo illud, quod est verum, non ipsam veritatem [в чем также нет никакого смысла] et quia talis cognitio potest perficere, ut id, quod cognitum est inquantum verum, solum cognoscatur inquantum habet rationem veritatis, quod fit per intellectum … De rer. princ. qu. XIII, 519 b sq.

(24) Zeitschr. f. Philos, u. philos. KriL Bd. 96 (1888). S. 161, 163.

(25) Rickert, H., Vom Begriff der Philosophie. Logos I (1910). S. 28. «Познание, поскольку оно постигает истину, является, безусловно, подобием понятия, производным истолкования с точки зрения логической ценности». Ebenda S. 30. Ср. далее: Der Gegenstand der Erkenntnis. 3. Aufl. Tübingen 1916. Kap. III, IV.

(26) Intellectus enim licet in se causet actum suum, circa tamen objectum con causat realitatem absolutem, sed tantum ens ratdonis. Reportata lib. I, dist. XXIV, qu. unie. 272 a.

Destructa scientia in actu destruitur *scitum in actu*. Sed destrueta scientia in actu non destruitur *scibile* in potentia. Quaest. sup. Met. lib. V, qu. XП, 298 a.

(27) Patet enim ex dictis, quod [verum] vel est mentis aliqua passio realis … et tunc illa sicut et prima veritas perlinet ad *considerationem libri de anima*. Ex natura enim actus intellectus cognoscitur, quomodo est fundamentum talis relationis; vel est relatio rationis fundata in actu intelligendi aut magis in habitudine rationis quae est inter objecta comparata per actum intelligendi … et tunc est mentis aliqua passio *originaliter*, sed *formaliter* pertinet ad considerationem Logici… *Praesupponit tamen Logicus considerationem de actibus intelligendi, quibus secundae intentiones formantur*. Quaest. sup. Met. lib. VI, qu. III, 346 b.

(28) … tantum sunt decern generalissima rerum, *quorum distinctio non sumitur penes aliquid logicum tantum sed penes ipsas essentias*. Ipsa enim intentio «*generalissimum*» est tantum variata numero in istis, unde quod id, quoad est difficultatis, quaestio est magis metaphysica quam logica; ideo sufficienter hie scitur «*quia ita est*», quamvis forte Metaphysicus debeat vel possit scire «*propter quid*». Quaest. sup. lib. praed. qu. XI, 468 a.

(29) …intentiones sunt per se intelligibiles, quia definibiles et in eis manifestum est esse aliquid superius et inferius, igitur aliquid supremum; illud non habet superveniens genus aliquod istorum, quia ens secundum se dividitur in haec decern [generalissima]; est igitur ens in anima, igitur est unum generalissimum intentionum praeter haec omnia. Item contingit intelligere non ens quia et significare … et in eis est ratio superioris et inferioris; ergo aliquid supremum, *illud non*

continetur in aliquo istorum decern; quia, nullum istorum de illo praedicatur; ergo est distinctum generalissimum non entium, et ita plura genera quam decem. Item figmenta concipiuntur ab intellectu et in eis est superius et inferius, ergo supremum; ergo aliquod generalissimum. Item de omnibus istis scil. intentionibus, non entibus, figmentis sic potest argui: intellectus componens facit compositiones de eis, quarum veritatem vel falsitatem judicat, ut patet, igitur et intellectus simplex ea concipit, igitur sub aliqua ratione concipiendi, non singularis; igitur universalis … igitur est in eis generalissimum …

Diceretur ad hoc, quod concreta, intentiones, non entia, privationes, figmenta et quaevis huiusmodi, sunt in genere per reductionem ad abstracta et primae intentionis entia, quorum sunt figmenta et privationes, quia cum communiora intelligantur prius minus communibus, oportet generalissima esse primo intelligibilia: haec autem non sunt intelligibilie nisi per attributionem ad illa, ad quae dicta sunt habere habitudinem, ideo non possunt poni generalissima, sed ponuntur in genere per reductionem … Contra hoc; in omnibus istis est per se praedicatio superioris de inferiori, ergo sub ratione alicuius universalis, quie praedicari proprie est proprium universelis non alterius quam generis. Arguatur de singulis sicut supre argutum est de concretis: igitur si non sit in infinitum procedere in eis, erit aliquod genus non habens supraveniens genus, igitur generelissimum … illud nulli istorum decem est idem, quia non habet easdem species, quie nec de eidem praedicatur per se primo modo, igitur est aliud generalissimum ab istis decem …

Ad omnia objecta de istis quinque: concretis, intentionibus secundis, privationibus, non entibus et potentiis posset responderi, quod licet haec possint intelligi sub alique ratione intelligendi et praedicari inter se sub ratione alicuius universalis et statum esse ad aliquod universalissimum, quod inquantum attribuitur ei iste intentio, est diversum ab illis decem; tamen stat tantum esse *decem generalissima rerum quia non quodlibet intelligibile, sed ens secundum se dividitur in haec [S. Metaph.]; et ita nullum istorum est ens secundum se, distinctum ab illis decem.* Quaest. sup. lib. praed. qu. XI, 466 e, b, 467 a, b.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

ФОРМА РЕЧИ И СОДЕРЖАНИЕ РЕЧИ. ОБЛАСТЬ ЗНАЧЕНИЯ

«Ens logicum», т. е. смысл, как и составляющие его элементы, значения, которые можно найти в нем, оказались отдельным миром по отношению к реальному бытию, и это с двух сторон: с точки зрения «экзистенции» – лучше; с точки зрения действительности (дерзости) и с точки зрения его содержательной сущности (мудрости). Одна особенность данных образований до сих пор намеренно оставалась без внимания, а именно тот факт, что значение и смысл присущи словам и словосочетаниям (предложениям). Смысл и значение могут быть выражены посредством языковых образований. Эти языковые формы называются образами, имеющими смысл и значение выражения в самом широком смысле слова.

Это сочетание логического содержания и языковой формы заставляет задуматься: в какой степени последние могут быть включены в логику? В конце концов, так ли уж существенна и неразрешима сама загадочная взаимосвязь, что логика должна включать в свою проблемную область и языковые образования, и их структуру? Разве каждое грамматическое «in» не содержит в себе логического и наоборот? Как Дунс Скот относится к оным вопросам? Проводит ли он грань между логикой и грамматикой? И тогда каким образом? Далее следует исследовать, вытекает ли его предельное правило из его мнения о логическом и логике.

Если языковые образования вообще требуют отдельной науки для своей обработки, то должны обеспечивать отличный от логического исследования способ рассмотрения, тогда как, наоборот, логические проблемы следует разрешать без использования лингвистических моментов в качестве доказательств.

Дунс Скот подчеркивает прежде всего самостоятельность логического, смысла в суждении и в переплетении суждений (умозаключениях). Эти логические построения имеют свою собственную реальность, хотя и не выраженную лингвистически. Они являются «чем-то более ранним», не нуждаются в языке для своего существования, т. е. в конечном счете для своей

значимости; в отношении слов как таковых они представляют собой предметное значение, содержание (significatum) (1).

В качестве звукового комплекса или сочетания букв слово не имеет интенционального характера; и когда оно используется как выражение, то само по себе не приобретает нового качества; на самом деле оно не несет в себе значения, в противном случае, греку пришлось бы, слушая или читая латинское слово, сразу же *понимать* его (2). Именно благодаря этому радикальному разделению языка и логического содержания Дунс Скот сумел увидеть со всей остротой дальнейшие различия.

В словах как таковых нет связи, нет порядка; они представляют собой просто конгломераты, стоящие рядом друг с другом без видимой взаимосвязи как нечто бессмысленное и лишенное значения. Только когда они рассматриваются как имеющие смысл и значение, открывается возможность различения и, следовательно, разделения.

Предложение, рассматриваемое просто как ограниченный набор слов, предстает сингулярностью. Однако содержание предложения, суждения, может быть сингулярным или универсальным. Различие между «incomplexum» и «complexum» также можно понять, исходя только из содержательного значения; первичным остается понятие, в более широком смысле – значение, простое, по сравнению с суждением. Производным образом слова и предложения одинаково можно рассматривать как простые и составные. Само по себе предложение не может называться истинным или ложным; в лучшем случае оно написано или произнесено, а в худшем – нет. Истина и ложь могут быть объяснены только смыслом предложения и, наоборот, только им, но не потому, что в нем заключено содержание предложения, а потому, что оно располагает *объективной ценностью.* Значит, написанное предложение «человек есть живое существо» не является ложным, хотя слово «человек» и слово «живое существо» различаются; однако оно не представляется также истинным, поскольку истинное и ложное предопределяются тем, что связано с этим предложением – *суждением* (3).

Оба образования, предложение и смысл, слово и значение, какими бы странными и тесными ни были их связи, принадлежат к разным сферам действительности. Элементы языка воспринимаются чувственно (зрительно, слухом, в движении); они принадлежат миру реально существующего, они длятся во времени, возникают и исчезают. Смысл и значение, с другой стороны, ускользают от любого чувственного восприятия и как таковые не

подлежат изменениям. Они тождественны одному и тому же вне времени. Они вне времени и тождественны одному и тому же.

При всем различии звуковых образований в отдельных языках тождественность области смысла остается неизменной в своем действии, хотя его содержание может быть «схвачено» и доведено до понимания в самых разных формах слов и предложений (4).

Дунсу Скоту небезызвестен генетический, физиологический и психологический подход. Он возражает: человек как социальное существо пребывает в общении с другими, он должен сделать себя понятным; с понятым смыслом необходимо связать и средства выражения. Следовательно, значение и смысл имеют сущностное отношение к определенным словам и предложениям, связанным с ними и только с ними. Дунс Скот, однако, обращает внимание на то, что слово, не имеющее значения (vox significativa) является инструментом осмысления, а не горлом и легкими, с помощью которых слово выстраивается в соответствии со своим физическим существованием. Эти средства природа дает в руки для словообразования. Но из последнего отнюдь не следует, что единство значения и слова также является естественным; скорее, естественно возникают языковые образования, будучи «signa ad placitum».

Со своей стороны, генетическое рассмотрение показывает, насколько совершенно иное значение приобретает слово перед взглядом Дунса Скота (5).

Последовательное разделение логического содержания и языковой формы с учетом принципиальных моментов было бы неосуществимо при таком способе мышления, в котором сущность логического все еще остается неясной. Во всей своей остроте это возможно осуществить только теоретически; вопрос о том, насколько возможно жить в логическом содержании, понимать без лингвистических опор, продолжает быть проблемой фактов, оставленной психологии мышления, чье, как всегда, неудачное решение не меняет действительности проведенного выше разделения.

Каким бы необходимым и ценным ни оставалось разделение логических смысловых образований и грамматических образований языка для выяснения их разнородного характера, это разделение должно быть отменено, как бы забыто, как только человек начинает жить в познании и его представлении. Причем алогический характер языковых образов исчезает; они раскрываются как реальности, наделенные совершенно особой функцией, как носители значений и смысловых образов и через них, т. е. через

их предметно связанный характер, как «знаки» для объектов. Таким образом, можно сказать, что для современного человека столь радикально разделенные выше сферы существующего грамматического и действующего логического снова слились в одно целое.

Структура языка – суть знаки значения, смысла, отмечающие, в свою очередь, «знаки» предмета. Стало быть, в некотором отношении применяется фраза: quidquid est signum signi, est signum signatie. Что касается взаимосвязи грамматической, логической и предметной сфер, то это означает, что слово и предложение как имеющие значение и смысл образования указывают на предметную область. Вещи находятся в мыслях, и они цепляются за слова и предложения.

Если теперь, после предыдущего теоретического разделения, следует признать взаимосвязь указанных областей, то необходимо сделать проблемой понятие знака и бытия знака.

Но эту теорию знака можно рассматривать только как предварительное аналитически уточняющее исследование. Решающими оказываются вопросы: к какому типу знаков относятся языковые образования с точки зрения непосредственно обозначаемого, с точки зрения логического содержания? Далее, что означает характер их знаков в отношении обозначаемых опосредованно предметов? Исходя из определения названных характеров знака, соответственно интерпретируется и отношение между знаком и обозначаемым предметом. Возможно, рассматриваемые отношения вовсе не оказываются одинаковыми, вследствие чего, по-видимому, столь неразрывно связанные в живом мышлении, познании и понимании взаимосвязи упомянутых трех областей строятся по-разному. Разнообразие структуры, своеобразие взаимосвязей также требует обработки, соответствующей их фактическому характеру. Проблемная область и постановка проблемы основательно различаются, соответствуя сущностно расходящимся контекстам. И тем самым даже желательно показать, что в области исследования, по-видимому, столь бедной ценным содержанием идей и полнотой жизни, последние и весьма глубокие проблемы имеют под собой почву.

Итак, во-первых, необходимо прояснить понятие «знак». Significare extensive sumitur pro dare intelligere (7). Через знак нечто становится понятным сознанию. Знак указывает в сторону от себя, на другой предмет. В понятии знака заключается нечто относительное, имея намекающий характер. Следовательно, знак сам по себе предстает как бы фундаментом, на котором строится функция указания, откуда исходит познание обозначаемого.

Характер отношений и фундаментальность суть конститутивные моменты знака, и в зависимости от того, как они сформированы, можно выявить типы самих знаков.

Отношение между знаком и обозначаемым предметом может быть, во-первых, реальным. В таком случае действительная природа знака заключается в том, чтобы указывать на то, что он обозначает: так дым является признаком огня. Здесь имеет значение только различие отношения; с какой определенностью, с какой степенью вероятности данный признак указывает на обозначаемое им, есть вопрос сам по себе.

Далее, отношение может быть чисто мысленным. В самом знаке как таковом уже нет указания на обозначаемое; то, что служит знаком, например «жестикуляция монахов» (предписанный язык жестов монахов во времена заповеданного молчания), может указывать на многое и на разные вещи. То, что он должен отображать, определяется произвольной фиксацией (8).

Дунс Скот говорит об «истине» в знаке и понимает под ней то, что сообщается через знак. Итак, если отношение в знаке является реальным, то соответствие между знаком и обозначаемым дается непосредственно, направление отношения предопределено недвусмысленно. При втором типе отношений остаются различные возможности направления отношений. Итак, теперь можно понять мысль о том, что знаки первого типа «более верны», нежели знаки второго типа.

Под данной истиной нельзя подразумевать ту, которая присуща суждению; хотя она имеет то общее с истиной суждения, что при рассмотрении πρὸς ἡμᾶς в отношении познающего субъекта она способна вызывать у него различную степень надежности и уверенности. Говоря словами Гуссерля, «мотивационная связь» между актами, воспринимающими знак и означаемое, более тесна и непосредственна у знаков первого рода (9).

С указанным различием близко соприкасается следующее. Есть знаки, которые всегда «несут с собой» обозначенное; таково затмение, солнечное или лунное, знак положения Земли между Солнцем и Луной. Каждый раз, когда дается знак, должно присутствовать и обозначенное. Иное отношение к произносимому нами суждению. В нем как таковом нет основания предполагать, что равно дано и положение вещей, выражаемых в нем. Если вообразить, что суждение ошибочно, то оно вообще не имеет аналога в предметной области; отсутствует то, что должно обозначать суждение, ведь оно понимается как знак.

Если принять во внимание моменты времени, в которые существуют знак и обозначаемое, то в этом отношении можно, в свою очередь, различать и знаковое отношение. Знак может указывать на прошлое или будущее, указывая на то, что недавно ожидалось, или на настоящее.

Далее, знак может быть причиной того, что показано, как молния для грома; или наоборот: знак является следствием того, что показано, как дым для огня (10).

Если рассматривать знак как основу его функции, то различия в этом отношении следует отметить в том смысле, что знаки могут проявляться чувственно различными способами, как визуальные или слуховые данности; часто при восприятии знаков могут взаимодействовать различные органы чувств.

Но каким знаком является слово?

Можно ли как-то отнести это к числу только что перечисленных? Способ исполнения – через чувства. Vox repraesentatur sensui (11). Это чувственный знак, как звуковой комплекс акустического типа, как иероглиф визуального типа. Стало быть, как определить отношение к означаемому? Раньше, при разделении формы речи и содержания речи, уже обращалось внимание на то, что слова и словосочетания как таковые ничего не обозначают. Как они теперь все-таки становятся знаками внимания?

Дунс Скот ясно указывает пальцем: Vox enim est signum et signum se offer sensui, aliud derelinquens intellectui (12). Необходим «акт придания значения» (Гуссерль).

Через него что-то сообщается слову (intellectus rationem voci tribuit); через него оно становится выражением (dictio).

Таким образом, выражения суть единицы знаков и обозначаемого весьма своеобразного рода.

Серое небо с тяжелыми облаками предвещает дождь; мы также часто говорим, что это «означает» дождь. Но небо как таковое не имеет подобного значения, как, например, выражение «небо». Выражения – это «значимые знаки» (Гуссерль), в отличие от «указывающих знаков».

В каждом выражении обнаруживается характер действия, акт самостоятельного характера, благодаря которому слово получает свое содержание. Этот актовый слой дошел до сознания Дунса Скота в своей особенности. Он рассматривает акты означивания не просто как психические реальности, события, но как акты, наполненные содержанием. Они нацелены на это, на смысл, и генетически берут свое начало в мыслящем субъекте. Их реальное бытие находится в субъекте, их содержание покоится на значении (13).

Можно ли как-то еще более точно определить феномен, который привязан к психически реальному, наделяющему смысл акту? Можно ли обнаружить какую-либо его особенность, которая позволила бы отныне рассматривать его как феномен sui generis и соответственно оценивать его?

Прежде всего, необходимо будет спросить, к какой области реальности следует отнести феномен «значение». Только что было сказано, что значение связано с психически реальным, придающим смысл актом, который всегда реализуется, когда я хочу осознать значение слова. Таким образом, очевидно, что значение, поскольку оно все же «прикреплено» к этому акту, дано и связано с ним, также следует рассматривать как принадлежащее сфере психических реальностей.

Значит, их реальное существование кажется несомненным, тем более что, по-видимому, этот их способ действительности может быть представлен реальности с другой стороны.

Для чего необходимо указать на новую, ранее недооцененную сторону смысла.

Значения, по крайней мере в большинстве случаев, помимо своего содержания, того, что есть, имеют предмет, на который они нацелены, который ими познается. Давайте представим, что такой объект является реально существующим объектом, например, деревом. Если же оно теряет свое существование, то вместе с ним исчезает и смысл, превращаясь в ничто. Ибо, если больше не существует того, к чему может стремиться значение, в чем оно должно обрести свою опору, тогда оно само становится иллюзорным. Их реальность совпадает и совпадает с реальностью предмета. Таким образом, предмет и значение принадлежат к одной и той же области реальности.

Соответствует ли это рассуждение фактическому содержанию? Дунс Скот обращает внимание на то, в какой степени значение относится к предмету. Оно ничего не говорит о нем, а только представляет его, содержит только то, что есть дерево, а не то, что оно есть (существует).

Отсюда значение предстает как оторванное от реальности; вопросы существования, касающиеся означаемых предметов, являются чем-то трансцендентным в учении о значениях – несостоятельность может быть выражена только в суждении. Нечто всегда высказывается другим, т. е. в каждом высказывании дается отношение, в отличие от которого этот характер лишен смысла; он не выражает, он только представляет нечто. В актовом характере придания значения отсутствует особый смысл о положении.

Существует ли означаемый предмет, изменяется ли он, исчезает ли, значение остается нетронутым оной переменчивостью. Если бы оно оказалось реально связанным с предметом, как было выведено выше с очевидными доказательствами, то стало бы другим с изменившимся предметом.

Дунс Скот прямо говорит, что существование совершенно чуждо смыслу (res ut intelligentur, cui extraneum est existere secundum quod significatur).

Эта мысль принципиальна и достаточно важна, чтобы додумать ее до конца. *Дунс Скот учит о свободе существования области смысла*.

Поскольку акт, придающий смысл, представляет собой существующую психическую реальность, речь о «прикреплении» значения к нему не может быть направлена на то, чтобы обозначить реальную связь. Акт придания значения позволяет мне жить в значении этого слова, представлять его значение для меня в данный момент. Но это «я» не способно обретать существование и бытие только через акт, поскольку оно вообще не существует реально (14).

Явления логического содержания и языкового облика, впервые представленные в их полной несхожести, в последнее время предстали перед нами в совершенно своеобразном переплетении. Это единство слова и значения, на которое до сих пор указывалось лишь в предварительном порядке, теперь необходимо изучить.

Следует посмотреть, какие проблемы возможны в отношении вас и почему они существуют.

(1) Iste liber [de Praedicamentis] non est de decem vocibus ut de primo subjecto, *nec aliqua pars logicae est de voce*, quia omnes passiones syllogism et omnes partes eius possunt sibi messe secundum esse quod habent in mente, etiamsi non proferantur, … sed est de *aliquo priore*, quod respect vocis significativae tantum habet rationem significati. Quaest. in lib. praed. qu. I, 438 a.

(2) …quod impositio ad significandum nullam qualitatem voci tribuit, concedo, nec aliquam intentionem nec aliquem conceptum. Unde nihil valet quod dicunt aliqui, quod vor significativa continet in se conceptum rei, quem causat in anima audientis. Si hoc esset verum, tunc vor significative audita movere posset intellectum audientis secundum illam intentionem, inquantum scil. est sie significativa; et tunc vor latina significativa moveret intellectum Graeci audientis eam ad conceptum, quem exprimit, quod falsum est. *Unde per hoc quod est signi-*

ficativa, nulla qualitas rei sibi imprimitur nec aliquem conceptum in se continet. Oxon. II, dist XLII, quaest. IV, 472 b, n. 17.

(3) Dici potest quod, licet in genere vocis non sit aliquis ordo, inter voces significatives tamen inquantum significant conceptus, inter illas est ordo; sicut omnis propositio in genere propositionum est singularis, tamen aliqua est singularis, aliqua universalis *ratione conceptus significati*. Quaest. in lib. praed. qu. I, 439 b.

Passiones conceptus insunt voci significativae sicut incomplexum et complexum, significare verum vel falsum ut signo per naturam significati. 1. c. 438 b. … significare verum et falsum convenit enuntiationi, sed non ut est vox significans conceptum, *sed ut conceptus significat rem*. l. c. 439 a.

Absoluta confirmatio vel negatio non est antequam denominatur ad rem, quia ante illud quodlibet de quolibet enuntiatur ut solum signum de signo. *Signum autem inquantum signum nec verum nec falsum dicitur nisi in comparatione ad significatum*. Quaest. in lib. periherm. (op. 2) qu. I, 584 b.

Veritas et falsitas sunt in sermone ut in signo; ergo enuntiatia prolata illud significat, in quo est veritas et falsitas, illud est compositio intellectus … haec propositio: «homo est animal» scripta non dicitur falsa, licet haec vox «homo» non sit haec vox «animal» et hoc, quia litterae non significant voces ut sunt alliquid in se, *sed ut sunt signa aliorum*; et ita in omnibus his semper oportet recurrere ad ultimum, significatum. Quaest in lib. periherm. qu. II, 542.

(4) Vox repraesentatur sensui, significatum intellectui; vox enim est signum et Signum se offert sensui, aliud derelinquens intellectui. Quaest. sup, lib. I, anal. post. qu. I, 201 a.

…passiones inquantum sunt signa et res inquantum sunt significata sunt eandem apud omnes; nam eadem passio in anima apud quoscumque concipientes repraesentat eaedem rem, quia eaedem similitudo in anima semper est eiusdem representative, sicut est similitudo sensibilis in sensu litterae et voces in se eaedem non sunt eaedem apud omnes inquantum sunt signa; quia nec eadem littera apud omnes repraesentat eandem vocem, sed vel flliam vel nullam, nec eadem vox apud omnes significat eandem passionem sed vel aliam vel nullam. Ex hoc patet, res et passiones signa esse naturaliter, quia apud omnes uniformiter significant et significantur; et quod est a natura, est idem apud omnes; littera autem et vox non sunt signa a natura, quia non sunt eaedem apud omnes, inquantum significant aut significantur. Quaest. in lib. periherm. qu. IV, 546 b sq.

…in nominibus significativis haec vox «homo» quotiescumque prolata dicitur una vox numyro et distingui ab hac voce «lapis» numero; cum tamen non possit eadem vox numero bis proferri, ita *quod quot sunt prolationes tot sunt voces*

distinctae numero, et haec vox «homo» et haec vox «lapis» non tantum numero sed etiam specie distinguuntur; tamen quia ad finem vocis, scil. ad exprimendum conceptum per aequivalentiam sunt idem numero «homo» et «homo», «lapis» et «lapis», quotiescumque prolata, ideo dicuntur esse una vox numéro respectu illius finis. Oxon. II, dist Π, quaest. VI, 333 a sq, n. 9. non tantum numero sed etiam specie distinguuntur; tamen quia ad finem vocis, scil. ad exprimendum conceptum per aequivalentiam sunt idem numero «homo» et «homo», «lapis» et «lapis», quotiescumque prolata, ideo dicuntur esse una vox numero respectu illius finis. Oxon. II, dist Π, quaest. VI, 333 a sq., n. 9.

(5) Vox significativa est signum naturale; ergo idem significat apud omnes. Probatio minoris: cuiuslibet virtutis naturalis est aliquod instrumentum naturale, sed virtus interpretativa est virtus naturalis homini, cum homo sit animal sociale, volens alii exprimere quod apud se est; ergo vox significativa quae est instrumentum illius virtutis, est signum naturale; ergo naturaliter significat. … dico quod vox significativa non est instrumentum virtutis interpretativae in homine, sed *guttur* et *pulmo*, quae concurrunt ad formationem vocis; sicut si naturaliter homo velit fugere nociva, non sequitur omne illud esse naturale instrumentum, quo fugit nociva, puta vestimenta vel arma vel huiusmodi, sed tantum natura illa dedit ut instrumenta naturalia, quibus homo haec posset sibi praeparare ut manus; nam per manus homo potest ilia per artem praeparare, et sic per rationem et instrumenta naturalia formandi vocem potest homo aliqua imponere, quae sunt signa ad placitum et non naturalia, sive conceptus. Quaest. in lib. periherm. qu. IV, 546 b, 547 b.

(6) …quidquid est signum signi, est signum signati, ita quod signum intermedium non varietur in comparatione ad primum signum et ultimum signature. Quaest. in lib. praed. qu. XXVIII, 504 a.

(7) Quaest in lib. praed. qu. VIII, 459 b.

…significare est alicuius intellectum constituere; illud ergo significatur, cuius intellectus per vocem constituitur. Quaest. in lib. periherm. qu. Π, 541a.

Significare est aliquid intellectui repraesentare; quod ergo significatur, ab intellectu concipitur. Quaest sup. elench. qu. XVI, 22 a.

(8) Et cum Signum hoc duo importet vel necessario requirat, scil. *fundamentum* et *relationem*, er hoc sequitur, quod er parte utriusque potest distingui. Er parte autem relationis, quam importât Signum, distinguitur Signum primo in Signum naturale, quod naturaliter significat et important relationem realem ad signata; tum etiam in siguum ad placitum tantum et non naturale, quod importât relationem rationis ut sunt *voces* et nutus monachorum, quia ista possunt signicare alia, sicut ista, si placeret institutionibus. Reportata IV, dist. I, qu. Π, 546 a, n. 3.

(9) Signum naturale verius significat quam signum ad placitum. Oxon. I, dist. XXII, qu. II, n. 5.

(10) Alia est divisio signi in signum quod semper habet suum signatum secum quantum est ex parte sui, et tale Signum est verum et efficax, sicut eclypsis est signum efficax interpositionis terrae inter solem et lunam et ita est similiter de aliis signis naturalibus. Aliud est signum quod non habet suum signatum secum: cuiusmodi signum, est propositio quam proferimus, quia non est in potestate nostra, quod tale signum, ut propositio secum habeat rem, quam significat; et hoc signum non est semper verum, sed aliquando falsum.

Tertia etiam est divisio signi in signum rememorativum respectu praeteriti et in prognosticum respectu futuri et in signum demonstrativum respectu praesentis. Reportata IV, dist. I, qu. Π, 546 a sq., n. 3.

cf. Oxon. IV, dist. I, qu. Π, n. 4.

(11) Quantum etiam ad suum fundamentum potest signum multipliciter dividi. Potest enim hoc signum institui in uno sensibili unius sensus ut in re visibili aut audibili vel aliquo huiusmodi sicut in suo fundamento; vel in plurihus sensibilibus multorum sensuum, … ut oratio longa, in qua sunt multa sensibilia et multae dictiones fundantes istam relationem importatam per huiusmodi signum, potest signum institui in uno sensibili vel pluribus ut dictum est. Reportata 1. c. 547 a, n. 5.

(12) Quaest. sup. anal. post. I, qu. I, 201 a.

(13) …*rationes significandi non inducuntur per motum, sed sunt intentiones inductae per animam … potest dici quod … sunt in signo ut in termino et in anima ut in subjecto.* Quaest. sup. elench. qu. XV, 11 a.

cf. Quaest. in periherm. I, qu. II, 542 a.

(14) …facta transmutatione in re, secundum quod existit non fit *transmutatio in significatione vocis*, cuius causa ponitur, quia res non signifieatur ut *existit* sed ut *intelligitur* per ipsam speciem intelligibilem; sed sive sit sive non sit, cum tam res ut intelligitur quam species sua maneant in transmutatae facta transmutatione in re ut existit quia per eandem speciem cognoseimus essentiam et eandem scientiam habemus de ea, quando existit et quando non existat … res ut significatur per vocem non transmutantur qualicumque transmutatione facta in re ut existit et per consequens *nec vox significans transmutabitur in significando* … concedendum quod destructo signato destruitur signum, sed licet res destruitur ut existit non tamen res ut intelligitur nec ut est signata destruitur…

…res ut intelligitur, *cui extraneum est existere … secundum quod significatur*. Quaest in lib. periherm. qu. III, 546 a sqq.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

УЧЕНИЕ О ЗНАЧЕНИЯХ

В предыдущей первой части были проведены разбор и характеристическое разделение различных предметных областей. В конце концов, мир смыслов возник как новая самостоятельная область. Но он оказался лишь временно представленным как таковым и ничего не говорилось о его отношениях с остальными; прежде всего, ни один вопрос, касающийся его собственного возможного построения, не упоминался.

Отсюда в дальнейшем необходимо сначала решить, какие вопросы, затрагивающие область значений, вообще возможно, составляют ли они отдельную самостоятельную группу проблем, которые оправдывают требования дисциплины, занимающейся ими – учения о значениях. Полная фиксация *понятия учения о значениях* и его задачи позволят затем также решить, в какой мере и в какой степени философия должна и вообще может иметь дело с «языком», как следует рассматривать отношения учения о значениях к логике. Эти вопросы должны быть рассмотрены в общей части «Grammatica speculativa» Дунса Скота.

Вторая глава затем старается представить и истолковать учение о формах значений, которое, как теория *Modi significandi*, составляет гораздо большую часть упомянутого трактата.

Этот трактат упоминается Штайнталем, отмечающим, что «знаменитый схоласт Иоганн Дунс Скот» написал его «в логическом интересе» (1). Де Вульф считает его «наиболее совершенным достижением в области умозрительной грамматики» (2). В кратком обзоре философия языка Дунса Скота упоминается у Паоло Ротты (3). Более подробно Карл Вернер рассказывает об этом в своем эссе «Лингвистическая логика Иоганна Дунса Скота» (4). Последняя работа остается примечательной тем, что в дополнение к не всегда удачному содержанию пытается показать *историческое положение* трактата во всем грамматическом учении средневековья, обычно в связи с Туро (5). Более подробная *историческая* характеристика трактата в связи с систематическими задачами учения о значениях остается предметом особого исследования. В дальнейшем все сводится только к теоретическому пониманию изложенного в нем учения.

(1) H. Steinthal, Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft 1871. S. 44.

(2) De Wulf, Geschichte der mittelalterlichen Philosophie (übers, von Rud. Eisler). 1913. S. 339.

(3) P. Rotta, La filosofia del linguaggio nella Patristica e nella Scolastica. 1909. S. 233–242.

(4) Sitzungsberichte der Kais. Akad. d. Wissensdbu philos.-hist. Klasse. Bd. 85 (1877). S. 545–597.

(5) Notices et extraits de divers manuscrits latins pour servir à l'histoire de doctrines grammaticales au moyen-âge. 1869.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ

Принципы теории значения

Органическое целое слов (выражений), наделенных значением, называемое нами «языком», распадающееся на самые разнообразные отдельные формы, может быть сначала подвергнуто сомнению, как оно вообще возникло, какие факторы, способствующие и препятствующие развитию языка, вмешивались и продолжают вмешиваться. Кроме того, становление языка может быть изучено у отдельных людей. Было бы неоправданной односторонностью отрицать ценность таких исследований языка.

Однако при обширной, иногда глубоко укоренившейся сфере влияния, которую идея развития вообще приобрела в современной научной мысли, существует опасная склонность представлять способ развития предмета, его объяснение и, следовательно, желая увидеть *первое и последнее* в отношении его познания. Тем не менее, данная абсолютизация историко-психологического мышления упускает из виду то, что в отношении некоторых предметов возможна совершенно иная, можно сказать, прямо противоположная постановка вопроса. Помимо вопроса: *«каким стал язык?»*; возможно ли другое: *«что он должен делать?»*. Таким образом, в генетическом объяснении познание предмета не завершается. Наряду с ним существует телеологическое понимание. Хотя и это, с точки зрения логики, не является основанием и краеугольным камнем познания предмета, но все же гораздо скорее, чем генетическое объяснение, предстает путем к истинному «происхождению».

Цель достижения теперь может быть определена по способу определения условий его совершенства. Язык – как и его употребление – называется совершенным, если он устроен так, что способен пробудить в сознании слушающего и понимающего полный смысл того, что говорящий имеет в виду под своей речью. Значит, речевая деятельность направлена на полное раскрытие смысла в речи.

Это утверждение сразу же подчеркивает первостепенную важность содержания языка, поскольку все направлено на его выражение и сообщение. Использовать имя в совершенстве – это не значит просто произносить его,

понимать как звук – это может сделать и птица, для оного предназначенная – это скорее означает: использовать его как слово, наполненное значением, но и не просто так, как латинянин произносит еврейское слово на иврите, не зная, что оно означает; для полноценного использования имени требуется, чтобы говорящий в данный момент осознавал его значение (1). Это относится не только к повседневной донаучной речи, но и, если не в большей степени, к изложению научных знаний, что невозможно без языка. Только в контекстах значений и благодаря им мы способны знать нечто о предметах и положении вещей. Сфера смысла, какой бы упорядоченной и несовершенной она ни была, пронизывает научную речь и сообщение, а также систематически упорядоченный ход научной мысли.

Отсюда неудивительно, что каждое более глубокое размышление наталкивается на вопрос, в какой степени язык способен выражать и отображать означаемые предметы и фактическое положение вещей.

Так Бергсон, доказывая полное отличие психической реальности от физической, пришел к пониманию того, что нашему языку совершенно недостаточно удается выразить тонкости психологического анализа: «Короче говоря, слово с четко очерченными контурами, грубое слово, которое хранит во впечатлениях человечества то, что является устойчивым, общим и, следовательно, безличным, вытесняет или, по крайней мере, восстанавливает тонкие и мимолетные впечатления нашего индивидуального сознания» (2). Выражение «ломая языковые рамки» позволило бы нам увидеть нашу душевную жизнь совершенно в ином аспекте. То, что значения слов не достигают непостижимого многообразия непосредственно данного, а представляют собой, напротив, уже определенные формы и преобразования, убедительно доказал прежде всего Риккерт в связи с проблемой границ естественнонаучного образования понятий (3).

Это приводит к выводу, что в значениях как таковых уже должно быть некое содержание формы, которое делает возможной эту функцию. Значения тем самым рассматриваются с точки зрения логической значимости: процедура, несомненно, оправданная, как только становится ясно, что все познание, т. е. суждения, строится из значений как их необходимых составных частей. Отсюда руководящей ценностью для исследования значений является истина как действующий смысл. Истинным есть одно познание, а познание – это всегда познание предмета. Значит, если истина остается руководящей точкой зрения, то оное равно неизбежно требует определения отношения области значения к бытию предметов. Сказанное лишь в каче-

стве предварительного указания на различные проблемы, связанные со значениями.

Теперь необходимо показать, в какой степени Дунс Скот знает о самих проблемах и каким образом предлагает решение для них. Уже в первой части исследования отмечалось, как Дунс Скот резко отделяет чувственно воспринимаемую словесную форму от бессмысленного содержания слова, значения. То же самое обстоит и с предложением: vox repraesentatur sensui, aliud derelinquens intellectui; предполагающее, что смыслу соответствует отдельный акт сознания. Что касается значения сих актов, Дунс Скот продолжает в следующих словах: intellectus *duplicem rationem* ei [voci] tribuit, scilicet rationem significandi, quae vocatur *significatio* per quam efficitur signum vel significans, et sic formaliter est dictio; et rationem consignificandi, quae vocatur modus significandi activus, per quam vox significans fit consignum vel consignificans et *sic formaliter* est *pars orationis* (4).

Итак, сначала слово вообще приобретает значение в результате акта сознания; оно противопоставляет сознанию нечто предметное, что означает; сие не значит, что создается реальный предмет, существующий независимо от сознания. Подобным образом выражается слово, нечто означает. Дунс Скот также рассматривает значение слова не в смысле сенсуалистической психологии, как если бы значение было не более чем образным призраком мыслимых предметов, ассоциативно связанным с чувственным звучанием. По его мнению, значения не являются психическими реальностями; они не входят в реальный контекст, в рамках которого вызваны; их следует рассматривать как интенциональные содержания, как результаты интенциональных актов (intentiones inductae per animam). Большее понимание смысла выражения по сравнению с просто чувственно воспринимаемым звучанием заключается в актах значения (5).

«Однако сим овеществлением только что возникшего содержания не исчерпывается весь смысл первого мыслительного акта; сознание может представить его перед собой не столько вообще, сколько придав ему определенное положение; оно вообще не может отличить его от состояния его собственного возбуждения, не признавая за ним другого способа существования, кроме способа бытия, обладаемого им в качестве подобного состояния. Что подразумевается в оном требовании… легче всего язык нам показывает его действительное исполнение… оценивает все остальные слова [исключая междометия, d. V], делит их на определенные формы существительных, прилагательных, глаголов, известных частей речи вообще…

я схватываю первый акт мышления в своем безраздельном постижении – придать воображаемому содержанию одну из логических форм, сделав его доступным сознанию, или же именно представить его, наделив одной из подобных определенных форм» (6).

Выше приведена подробная цитата из «Логики» Г. Лотца. Что можно было бы назвать иллюстративным переложением предложений Дунса Скота. Значение, становясь предметным посредством акта, предстает уже сформированным значением. В *Modus significandi* присутствует определенное отношение, связанное со значением. Теперь необходимо прояснить сущность этой формы значения как таковой.

Под выражением «Modus significandi» можно понимать двойное: Modus significandi activus и passivus. Modus activus есть акт значения как действие сознания; он назван так потому, что придание значения воспринимающим сознанием предстает «как бы под воздействием». Modus passivus означает результат действия, предметный коррелят акта, который Лотце называет «впечатлением», непосредственной данностью, поскольку он осмыслен, т. е. сформирован (7). Modus activus не что иное, как субъективная сторона; Modus passivus – объективная сторона значения. То же положение вещей можно выразить в терминологии феноменологии следующими словами: «В ноэтическом отношении под названием «выражения» следует понимать особый слой акта, к которому все остальные акты должны своеобразно приспосабливаться и с которым они должны сливаться, именно так, чтобы каждый ноэматический актовый смысл и, следовательно, заключающееся в нем отношение к предметности [Modus essendi] проявлялись в понятийно запечатленном ноэматическом выражении [Modus significandi passivus]» (8).

Посредством Modus significandi значение обретает определенную форму: «Все логические различия и, тем более, все различия категориальной формы конституируются в логических актах в смысле интенций» (9) [Modi significandi activi].

Итак, существуют различные формы значений – и различие «частей речи» показывает это: тогда возникает вопрос: чем определяются категориальные формы значений, в чем заключается *принцип их дифференциации*? Дунс Скот формулирует эту проблему в вопросе: a quo modus significandi radicaliter orietur?

Как определенный класс интенциональных актов сознания, модусы означающего действия подчиняются сущностному закону, распространяющемуся на акты вообще: intellectus ad actum determinatum non vadit nisi aliunde determinetur (10).

Акты где-то детерминированы; они детерминированы чем-то, что не является формой. Таким образом, выявляется необходимое соотношение качества акта и материи акта, ноэзиса и ноэмы, формы и содержания. Но этот принцип определенности материала любой формы еще ничего не говорит о природе определяющего материала. Значение есть значение только в определенной форме, через определенный Modus significandi. Следовательно, данный акт как акт должен детерминироваться определенной материей, т. е. каждому Modus significandi соответствует определенный Modus essendi. Тем самым появилось новое понятие, необходимое для учения о категориях значений (11).

Однако Дунс Скот приводит следующее возражение против сказанного: слово «deitas» – женского рода; но род теперь считается Modus significandi. Женскому роду как форме значения, заключающей в себе идею пассивности, в означаемом предмете ничто не соответствует, на основании чего могла бы быть определена рассматриваемая форма (12). То же самое относится и к лишениям и figmenta, поскольку в их значениях не подразумевается реальное бытие. И все же выражения, обозначающие лишения и figmenta, в том числе «слепота», «химера», также имеют определенные формы значения, подпадают под определенные категории значений (13).

Чтобы разрешить эти возражения, Дунс Скот указывает, что Modus significandi значения не должен браться именно из чувствительной ткани реальности, подразумеваемой в значении, для которой оно является определяющей формой. Форма может быть определена и в другом месте, и достаточно, чтобы она не противоречила материалу, для которого должна быть формой; или чтобы материал мог переносить оную форму. Это установление было особенно важным для абстрактных Modi significandi, бессмысленных значений; именно их мы постигаем в формах значений, изначально приспособленных к смысловым значениям. Возражений по поводу выражения «deitas» в принципе нет, поскольку «genus» нельзя рассматривать как форму значения. Дунс Скот, однако, разрешает кажущееся возражение, которое принимает всерьез, с помощью действительного принципа. Это также используется им для устранения трудностей, связанных с лишениями и figmenta. Лишениям придается смысловая форма соответствующего им «habitus», точно так же как значения фиктивного содержания определяются смысловыми формами составляющих их частичных значений действительного содержания (14).

Но, похоже, трудности, связанные с лишениями, все же не решены удовлетворительным образом. Ибо можно далее утверждать, что формы

значения, если они определяются «habitus» как своим материалом, определяют содержание значения лишения через форму «habitus» и, следовательно, являются «ложными» в отношении определенности формы (consignificative falsa) (15). Затронутая здесь «ложь» не есть противоположность истине в том виде, в каком она присуща суждению и только ему. Отсюда Дунс Скот не без основания полагает, что добавление «consignificative» означает ложность, которая может существовать только в отношении Modi significandi. Согласно приведенному возражению, формальный способ значения неверен; ему не хватает как раз того, чем он кажется. Он представляет собой форму значения лишения, и в данный момент это не так, а скорее форма Habitus, содержания значения, в котором имеется в виду реальный предмет.

Однако форма значения привативного выражения, определяемая Habitus, на самом деле не является со-означаемой ложной. А именно, лишение следует понимать как Ens secundum animam; его действительность – это его познаваемое бытие. Итак, если, исходя из вышеизложенного принципа, Modus significandi должен определяться Modus essendi, то в случае с лишением это совпадает с Modus intelligendi, и тогда форма значения, определенная в соответствии с Habitus, по праву приобретает частное значение. А именно – лишение нельзя понять без снижения до уровня Habitus, которое им отрицается (privatio non cognoscitur nisi per habitum) (16).

Из чрезвычайно сжатого, но в то же время точного решения проблемы материальной определенности формы значения вытекает замечательная мысль: а именно, что под Modus essendi должна пониматься не только реальная природная действительность, но и бессмысленно логичное, познаваемое как познаваемое и, следовательно, все предметное вообще. Modus essendi совпадает с универсальной областью «нечто вообще», описываемой первичной категорией «ens». Таким образом, учение о значениях имеет универсальную тенденцию в соответствии с функцией значения, которая касается всего. Это говорит о том, что Дунс Скот четко осознавал сферу господства категорий значений.

Выводя отдельные формы значения из Modus essendi, что представлено в следующей главе, Скот теперь почти исключительно позволяет реальной, чувственной природной действительности выполнять функцию, дифференцирующую формы. Это не только следствие его при всей проницательности логического эмпирически направленного мышления, но и вытекает из совершенно правильного понимания того, что формы значений изначально рассчитаны на непосредственно данную эмпирическую действительность.

Лотце однажды совершенно верно заметил об этих формах: их «логический смысл есть … лишь тень от метафизических понятий [из которых они первоначально произошли, d. V.]: он лишь повторяет формальные положения, которые они утверждают относительно реального; но, не ограничивая их применение действительным, он отбрасывает и ту часть их значения, которую они приобретают только в подобном использовании» (17).

Точно так же и Дунс Скот нигде не говорит, что Modi significandi выражают, отображают только смысл категорий, применимых к реальной природной действительности, но только то, что они берут свое «происхождение» оттуда. Формы значений проявляют своеобразное угасание по сравнению с категориями реальной природной действительности, как это будет показано при изложении учения о формах значений. Следует отметить особый факт, что при обработке чувственно логической, а также психической реальности мы используем выражения, которые по своему содержанию большей частью взяты из чувственной природной реальности. Для сих областей нам часто не хватает «языка», так что не случайно и не произвольно, когда обсуждения, касающиеся данных областей, часто оказываются столь громоздкими и тяжеловесными из-за возникающей необходимости описывания.

Адекватное понимание предметов, относящихся к указанным областям, и проблем, связанных с ними, чрезвычайно затруднительно; но это было бы совершенно исключено, если бы категориальные формы значений, связанных с оными выражениями, сами по себе не имели блеклости и неопределенности, благодаря которым они становятся относимыми ко всему предметному.

Возможно, что изложенные выше принципы материальной детерминированности форм значений являются бесспорными, но теоретик познания еще не может быть удовлетворен этим. Если реальная природная действительность должна быть определяющей для категорий значений, то я должен знать эту действительность и ее структуру заранее. Это может быть последним принципом дифференциации форм значения, но непосредственно оно все же не может относиться к ним. Таким образом, возникает новая проблема: *A quo modus significandi immediate sumatur?* Где формы значений считываются непосредственно и где их можно только прочитать?

Der Modus essendi все же должен быть дан сознанию, оно должно иметь его перед собой в наглядном виде. Но я знаю о предмете только в познании, только как предмет познания он действительно предстает предметом. Modus intelligendi – это ratio concipiendi, т. е. способ и метод,

с помощью которого я нечто предметно воспринимаю и знаю об этом. Значит, Modus essendi может входить в функцию дифференцирующего значения только постольку, поскольку он дан познавательно (*prout ab intellectu apprehenditur*) (18). В другом месте Дунс Скот обсуждает вопрос о том, относится ли значение выражения к предмету как таковому или к предмету, данному в Species intelligibilis. На последнее он отвечает утвердительно. Это выражение непосредственно относится к сознающему объекту, хотя следует отметить фундаментальное различие в отношении понятия «сознание»: Species intelligibilis – то, благодаря чему предмет присутствует в сознании – может быть однажды понято как психическая реальность, как определенное душевное событие. Значение не относится к понятому тем самым Species intelligibilis, но, вероятно, принадлежит Species, поскольку оно имеет *предметную ценность*, представляемую предметом сознанию. Отсюда значение выражения связано не с предметом, поскольку он существует сам по себе, независимо от сознания, а с как таковым познаваемым предметом. Все, что интенционально подразумевается, должно выражаться в значениях, и только то, что определенным образом предметно, сознательно интенционально, может быть «выражено» в значениях (19).

Модус intelligendi, как и Modus significandi, теперь подразделяется на активный и пассивный. Активный модус осуществляет овеществление в сознании; пассивный модус есть не что иное, как Modus essendi, поскольку он овеществлен в сознании. Следовательно, если означающие формы имеют *последнее основание* своей определенности в Modus essendi, то Modus intelligendi passivus, как предметно данный Modus essendi, лишь фактически делает возможным определение формы (20).

До сих пор имело место своеобразное обострение, полученная взаимозависимость Modi essendi, intelligendi и significandi. «Ноэтический» означает особую взаимосвязь и обоснованность различных слоев акта. Отсюда вытекает дальнейшая задача прояснения взаимных отношений выявленных ноэматических сфер. Одновременно с решением вопроса: *Quomodo modus significandi a modo intelligendi et a modo essendi distinguatur?* – характеристика значимых режимов, от четкого понимания которых здесь зависит все, позволила сделать значительный шаг вперед.

Modi essendi, intelligendi passivi и significandi passive суть одно и то же чисто по своему содержательному Что, по своей ноэматической суть, (materialiter et realiter) тождественны друг другу, а именно благодаря форме каждой конкретной ткани или точнее: благодаря ткани, мыслящейся

отдельно от определенности формы и соотносящейся с ней. Она вообще становится дифференцируемой, когда Modi мыслятся как различные только по форме. Но о ней говорили, что она сама определяется материалом. Следовательно, может быть только одной в отношении тождественной ткани, а значит, стоит говорить только об одном модусе. Но на самом деле существует дифференциация формы, и она не может быть возможна иначе, как если бы материал в различных отношениях выполнял для формы дифференцирующую по значению функцию (21).

Modus essendi – это переживаемое вообще, это противостоящая сознанию в абсолютном смысле «твердая» реальность, которая непреодолимо навязывается сознанию и которую никогда и ни за что нельзя устранить. В этом смысле его следует называть абсолютным, центрирующим в себе. Это данное вообще существует не только для реализма, но и для абсолютного идеализма, который стремится растворить всякое содержание в форме и который должен признать только исторический факт науки как нечто для него *данное*, «*предполагаемое*». Если он и не должен сего признавать, то все же, по крайней мере, существует «бесконечный» процесс, в котором и посредством которого X предмета должен быть радикально растворен в форме и системах форм. Modus essendi есть непосредственно данная эмпирическая реальность *sub ratione existentiae*. Важно отметить, что Дунс Скот характеризует оную эмпирическую реальность как находящуюся под «отношением», т. е. под одной точкой зрения, одной формой, одним отношением; тем самым выражается не что иное, как недавно о ней сформулированное: «данность» уже также представляет собой категориальное определение. Здесь налицо «элементарнейшие логические проблемы», которые, как однажды заметил Риккерт, «открываются только логическому исследователю, который равно включает в сферу своего исследования донаучное познание» (22).

Modus intelligendi passivus – это реальность, входящая в познание, Modus essendi – в определенности формы познания. Modus significandi passivus следует понимать как Modus essendi, поскольку он связан с выражениями, т. е. он включен в значения, одно является точкой зрения (ratio) данности, другое – точкой зрения познания, третье – точкой зрения значения. Таким образом, способы, лежащие в основе общей тождественной ткани, различаются с точки зрения определенности формы (*secundum formales rationes*) (23).

Формы представляют собой не что иное, как объективное выражение различных способов, которыми сознание интенционально связано с предметным.

Эти качества действия, в которых различные способы интенционального отношения получают свое актуальное завершение, должны быть, в свою очередь, дифференцированы и подвергнуты описанию.

Modi essendi, intelligendi activi и significandi activi различаются materialiter и formaliter, поскольку принадлежат к разным сущностным областям. Своеобразно, что Дунс Скот в своей характеристике активных Modi снова ссылается на Modus essendi, который он ранее ставил с Modi intelligendi и significandi passive, но при этом он явно не различает Modus essendi activus et passivus. Последнее можно истолковать так, как если бы Скот не уяснил окончательно Modus essendi, поскольку однажды объявил его абсолютной объективной реальностью, причем не преминул заметить, что и она находится в определенном отношении, а именно в отношении существования, и тем самым приближается к характеру определенности формы, которому должен соответствовать характер действия.

Modus intelligendi activus относится к области сознания, а именно к области познающего, тогда как Modus significandi activus следует отнести к области «выражений». Но поскольку акты познания, означающего и те, в которых непосредственная данность в настоящее время осознается, различаются в зависимости от их соотношения, смысла их действия (насколько это будет очевидно при разделении теории значения и логики), их также следует разделять более формально (24).

По поводу описания упомянутого акта Скот снова возвращается к уже затронутому в начале фундаментальному различию в отношении акта вообще. Качество акта (познания – как материала значения) и соответствующая ему материя акта принадлежат к различным структурным областям; в каждом интенциональном переживании следует различать интенциональное содержание (Modus passivus) и вещественные компоненты (Modus activus). В отличие от formaliter, Modi activi et passivi, поскольку смысл действия представляет собой как бы интенциональное содержание, перенесенное в сферу действия (25).

Значение может в известном смысле пониматься как принадлежащее объективности предметного мира; отсюда оно получает свое «содержание». С другой стороны, как исполнение акта, придающего смысл, оно принадлежит выражению, оживленному смыслом, как formaliter тождественное с ним. Поскольку акт, придающий смысл, в свою очередь определяется материалом, т. е. объективностью, постольку можно сказать, что, основанный

на объективности, он рассматривается как психическая реальность, имеющая свою основную причину в деятельности рассудка. В «Constructio», т. е. в контексте значения, акт как бы отменяется как следствие (достижение как совершенное) (26).

Таким образом, в руководстве данности (modus essendi), которая, в свою очередь, является данностью только как познаваемой (в Modus intelligendi), читаются формы значения (Modi significandi).

Раньше можно было лишь условно различать формулировку и значение, а принадлежность этих двух явлений к разным областям могла представляться только в самых общих чертах.

Теперь исследование дошло до того, что структура выражения вообще (dictio) может быть упущена из виду в его стратификации.

Слово само по себе, как чувственно воспринимаемый объект, не имеет отношения к предметам познания; последние придают ему, прежде всего, значение: vox non proportionatur ipsi rei *nisi per rationem significandi* (27). «Выражение речи, – говорит Гуссерль, – заключается… не в простых словах, а в актах выражения; они вплетают корреляты и через них выражаемые акты в новую ткань, создавая из них мысленное выражение, общая сущность которого составляет значение рассматриваемой речи» (28).

Однако Ratio significandi, «означающая сущность» (Гуссерль) формулировки, основано на Modus intelligendi, посредством которого вообще устанавливается отношение к предмету. «Разговоры о познании предмета и выполнении означающего намерения… просто выражают одно и то же положение вещей с разных точек зрения» (29).

Благодаря этому отношению значения к предметному оно приобретает определенную форму *в зависимости от характера интенциональной установки*. А именно, прямо отмечает Скот, весьма вероятно, что из одной и той же предметной данности возникают различные смысловые интенции, т. е. смысловые идеи могут быть основаны на ней: *non est inconveniens ab eadem rei proprietate modos significandi diversos non oppositos oriri* (30). «Поскольку смысловое намерение выражения реализуется в различных понятийно несвязанных воззрениях, то вместе с резко различающимся направлением исполнения резко проявляется и различие смысловой интенции» (31).

Субъекту, живущему в содержательной речи и через нее обращающемуся к предметам, смысловая форма не приходит в актуальное сознание. Только в рефлексии можно выделить само формальное содержание значений.

Это содержание формы проявляется в Modi significanti. Эти категории значений составляют отдельные «части речи» (partes orationis). Однако при обозначении «pars orationis» следует иметь в виду не звуковую форму речи вместе со словоформами, а скорее бессмысленные логические категории значений; ибо Дунс Скот прямо характеризует их как таковые: *omnis pars orationis est ens secundum animam* (32).

Категории значений суть гештальт-идеи возможных конкретных значений. Эти гештальт-идеи определяют свои взаимные отношения на основе собственного содержания; в формах значений заложена имманентная закономерность, которая априори регулирует возможные смысловые связи; Дунс Скот формулирует это следующим образом: [modi significandi] sunt *principium efficiens intrinsecum constructionis* (33).

В Modi significandi заключается возможная форма расположения конкретных смысловых комплексов. Чем характеризуется сущностная функция Modi significandi в пределах области значения. Лотце на первой странице своей «Логики» с присущей ему утонченной манерой изобразил данное достижение в своей яркой и четкой картине. Вряд ли много его мысли могут потерять из-за перефразирующего воспроизведения, ведь даже в собственной формулировке всем придется следовать Лотце:

«В отношениях многообразных нам обычно показывают достижения мышления; поэтому можно полагать, что и самое первоначальное из его действий следует искать в простейшем способе соединения двух представлений. Тем не менее, небольшое соображение советует нам сделать еще один шаг назад. Из зычных ядер легко собрать кучу, если безразлично, как они лежат; напротив, здание правильной формы возможно только из строительных блоков, каждый из которых по отдельности уже создан по форме, в которую они соединяются друг с другом поверхностями для надежного крепления и кладки. Здесь следует ожидать нечто подобное. Как простые внутренние возбуждения, состояния, следующие за внешними стимулами, могут без какой-либо дополнительной подготовки сосуществовать в нас и действовать друг на друга так, как это позволяют или повелевают общие законы нашей душевной жизни; напротив, чтобы их можно было связать в определенной форме мысли, они по отдельности нуждаются в предварительной обработке [см. вышеозначенного автора], посредством которой они вообще становятся сначала логическими строительными блоками, из впечатлений – представлениями – ничто в сущности не знакомо нам лучше, чем это первое достижение мысли; мы лишь постольку склонны смотреть на них свысока, поскольку она

постоянно уже использовалась в образовании дошедшего до нас языка [т. е. превосходно издано] и отсюда кажется одной из самоочевидных предпосылок, а не частью собственной мыслительной работы».

Modus significandi должны быть телеологическими, значит, их действие следует понимать с точки зрения Constructio, на которую они нацелены как на ее принципы.

Само собой разумеется, что теперь неясно, какого рода принципами являются способы значения в отношении Constructio. В этом отношении можно выделить четыре типа принципов: principium materiale, formale, efficiens, finale.

Материальный принцип суть *Constructibilia*, т. е. отдельные значения как *элементы* («строительные блоки» [Лотце]) смысловой связи. Они представляют собой ткань, из которого складывается смысловая совокупность. Поскольку это результат зависимости одного элемента от другого, Constructio всегда имеет два и только два элемента: зависимый и определяющий. В предложении «homo albus currit bene» присутствуют несколько отношений зависимости: отношения прилагательного к существительному, глагола к подлежащему, наречия к глаголу; соответственно, предложение одинаково содержит несколько «конструкций» (35).

Формальным принципом усложнения значений является *объединение* составных частей. Функция формы состоит в том, чтобы придать предмету его бытие; эта функция формы при Constructio осуществляет «unio» элементов (36).

В отношении принципа эффективной конструкции следует различать: имманентный принцип, который определяет способ зависимости и, соответственно, возможность связи значений; это категории значений, способы значения, которым приписывается эта функция; они как бы подготавливают конструкцию, задавая априори направление соответствующего комплекса; они превращают «строительные блоки» в формы. Дунс Скот приписывает им функцию Principium intrinsecum (внутреннего принципа), поскольку они остаются как бы внутри, а точнее: между значениями как их формами (quasi inter constructibilia manentes).

Principium extrinsecum (внешний принцип) Constructio является деятельность разума; в настоящее время в мышлении и речи она осуществляет объединение составляющих частей; поскольку сами по себе значения в настоящее время не связаны; они находятся в определенных возможностях взаимосвязи только на основе категорий значений (37).

Завершающим принципом Constructio предстает выражение данного в сознании, категориально определенного в качестве предмета познания, т. е. представляющего собой целостность отношений (38).

Constructio теперь может определяться обобщенно: constructio est constructibilium unio ex modis significandi et ab intellectu causata ad expressimendum mentis conceptum compositum finaliter adinventa (39).

Таким образом, важная функция Modi significandi, о которой здесь идет речь, вероятно, обусловлена только ими. Сопоставление с остальными принципами построения должно быть доведено до ясности. Они суть как бы нерв комплекса значений; они предписывают его структуру и составляют область собственной закономерности.

Конструкция включает в себя соединение значений как элементов. Из закономерной взаимосвязи категорий значений, которым подчиняются отдельные значения, вытекает Constructio debita или congruitas. Она основывается не на особом фактическом содержании отдельных значений, которые необходимо связать, а на фактических «более ранних» их формах. Тем самым Congruitas (конгруэнтность) следует понимать как Constructio, предписываемую априорными Modi significandi; применяемая нормативно, она является правилом для особых конкретных смысловых связей (40).

В настоящее время Гуссерль вновь выдвинул «идею чистой грамматики» и показал, что существуют априорные законы значения, которые еще не предполагают объективной действительности значений. Законы сложности значений определяют «чего требует простое единство смысла, т. е. какие априорные формы объединяют значения различных категорий значений в одно значение, а не создают беспорядочную бессмыслицу. Современная грамматика полагает, что должна опираться исключительно на психологию и другие эмпирические науки. Напротив, здесь мы начинаем понимать, что старая идея [отмеченная в предыдущем] общей и специальной априорной грамматики приобретает несомненное основание благодаря нашему доказательству априорных законов, определяющих возможные формы значения, и, во всяком случае, определенно ограниченную сферу действительности» (41).

В своих «Идеях о чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль указал сфере значения его место в целом ряду феноменологических задач и тем самым в то же время по-новому осветил теоретическую значимость «априорной грамматики» (42).

Прежде чем мы окончательно установим понятие теории значения и разграничим его с логикой, следует обсудить еще один возможный способ рассмотрения области значения.

Любое более глубокое рассмотрение значений, их отношения к словам, как к предметам, подразумеваемым в них интенционально, наталкивается на явления однозначности, тождественности и аналогии. Относится ли, строго говоря, их обработка к теории значений, т. е. находятся ли упомянутые способы функционирования в существенной связи с модусами означающего?

Дунс Скот отмечает, что однозначность, тождественность и аналогия различаются не столько по своему смысловому содержанию (significatio), т. е. по содержанию и форме, сколько по «слову» (vox).

Полная сущность однозначности видна из различия, которое Дунс Скот устанавливает в отношении нее: univocationem completant dico, quando est similitudo in forma et in modo essendi formae. Diminutam, quando est similitudo in forma, licet habeat alium. modum essendi, quomodo domus extra est a domo in mente (43). Абсолютная однозначность тем самым происходит тогда, когда значения, касающиеся их содержания, совпадают как с актовым качеством. Я имею в виду «дом» как реально существующий объект и «дом» как значение (представление), т. е. если один раз акт значения является определяющим, означающим содержание значения как реально существующее, но в другой раз он не имеет значения, а просто охватывает содержание значения как таковое, не обладая им, то в обоих случаях выражение «дом» больше не используется строго однозначно.

Таким образом, в выражениях, однозначных в строгом смысле, слово сохраняется в идентичности как лингвистическая форма, значение по форме и содержанию, а также способ выражения означающего содержания (характер предложения). Отсюда для выяснения сути необходимо использовать не только содержание значения, но и лингвистическое выражение и предмет, придающий смыслу значение. Только там, где даны эти моменты, имеет смысл говорить об унификации или об одном из остальных способов функционирования. Но эти моменты даны только в живом словоупотреблении. Скот формулирует это следующим образом: объединение на самом деле – не то, что в первую очередь касается значения, а значение, понятие, поскольку оно используется в предикативном смысле; ибо только в самом утверждении, в котором значение применяется к предмету, проявляется

и направление исполнения (44). Однозначность в конечном счете есть не что иное, как тождественное придание тождественного значения одному тождественному слову (языковой форме). Направление выполнения тождественно в том смысле, что выполняющие предметы подают себя тождественно в соответствии со своими принципами.

Итак, тождество (una ratio) предстает характеристикой однозначности, и именно тождество, как оно проявляется в отдельных моментах, существенно связанных с употреблением однозначных выражений (45).

Понятийное разъяснение однозначности еще прояснит сказанное. In aequivoco nullus est idem sed sola vox (46). Из выявленных моментов: форма речи, значение и направление исполнения – *тем самым при однозначности сохраняется только первое*. Об однозначном выражении, поскольку под выражением понимается не обособленная от значения форма речи, а единство слова и значения, строго говоря, нельзя сказать, что оно является выражением; но и под ним подразумевается не так много выражений. Напротив, его вполне можно назвать множественным выражением, множественным в отношении различных актов значения, присущих формулировке, которая остается тождественной, и различных направлений исполнения, ей придающихся. Таким образом, в одном отношении тождество обнаруживается и в выражении, используемом в однозначности, а именно в слове. Но что радикально отличает его от однозначных выражений, так это разнообразие актов значения и направлений исполнения (47): *aequivocum cum diversis actibus significandi significat multa* (48).

Значит, поскольку однозначные выражения относятся ко многим предметам и тем самым становятся ими осмысляемыми, может возникнуть соблазн поставить их в один ряд с универсалиями. Однако здесь следует иметь в виду существенное отличие: предметный материал, обеспечивающий выполнение разных актов значения, свойственных каждому однозначному выражению как таковому, не имеет общей точки зрения, никакого содержательного единства, упроченного в «общем понятии»: inter significata termini aequivoci *nulla est habitudo* (49). Напротив, каждое универсальное отличается именно *тождественностью* точки зрения, с которой оно высказывается отдельными объектами (50). Поскольку эта общая точка зрения, общая для нескольких отдельных предметов, лишена однозначного выражения, ее также невозможно определить путем добавления моментов значения; ибо каждый вид по своей сути является видом, определяющим его «общее» содержание значения (51).

Сущность однозначных выражений прояснится еще больше, если мы решим вопрос о том, разделяет ли различие связь подобного выражения с «signum universale», например, «omnis» (каждый) и всеми отдельными предметами, о чем в нем идет речь. Можно сказать, что всякое различение и деление должно производиться с единой точки зрения, которой подчиняются все подлежащие делению предметы. Однако в однозначном выражении нет «общего» по смыслу; общим для отдельных значений является только форма слова, и это единственная реальность; таким образом, «распределение» в рассматриваемых выражениях кажется невозможным. Но более тщательное изучение все же убеждает в такой возможности, как это убедительно доказывает Дунс Скот в своей проникновенной аргументации.

Однозначное выражение может использоваться в определенном значении «как будто», иначе у него не оказывалось бы другого выбора, что на самом деле к нему не относится. Точно так же signum universale способен сделать одно значение дистрибутивно релевантным посредством одного акта дистрибутивного значения, а другое значение – посредством другого.

Под распределением следует понимать: восприятие общего и его представление и установление в качестве одного из них отдельных подчиненных ему объектов, каждый из которых является самим собой. Однако, как уже неоднократно подчеркивалось, в однозначных выражениях, нет такого сообщества, которое допускало бы указанное распределение. Распределение в названных выражениях тем самым придерживается только что означенного значения, как если бы оно не касалось другого, но в то же время также и любого из значений, присущих выражению как таковому; но это возможно только через другой акт распределения. И причина этого заключается в следующем: однажды установленный signum universale относится только к одному значению; следовательно, дистрибутивное положение образует акт. Вместе с тем следует отметить, что несамостоятельные формы значения, такие как Signum universale, получают ограничение своего функционального диапазона от связанных с ними независимых значений. Если же к ним присоединяются, как это имеет место в случае с однозначными выражениями, несколько актов значения, которые не имеют отношения друг к другу, то возникает равно столько же актов распределения, не имеющих отношения друг к другу.

Отсюда распределение возможно и в случае однозначных выражений, только в нескольких действиях. Что еще раз подчеркивает сущность самих выражений: многообразие значений, не имеющих отношения друг к другу,

и, соответственно, взаимозависимость их актов значения, придерживающихся тождественной формулировки (52).

Об аналогии, третьем способе употребления выражений, который здесь уместен, уже говорилось более подробно в другом контексте (53). Здесь следует коснуться этого вопроса еще раз только в той мере, в какой различие между однозначностью и двусмысленностью становится еще более очевидным. В однозначности преобладает тождественность языкового выражения, значения и направления исполнения. С другой стороны, тождественность значения и направления исполнения в двусмысленных выражениях ослабевает, так что тождественность слова все еще сохраняется. В итоге того, что касается значения указанных выражений – существует абсолютное разнообразие возможных актов.

Аналогия теперь находится как бы «между» однозначностью и двусмысленностью; она не вполне себе подобна и не совпадает с этим. Здесь нет ни постоянной тождественности, ни полного различия, но присутствует своеобразное переплетение того и другого: тождественность в различии и различие в тождественности. Но последнее можно сказать и о двусмысленных выражениях, если обратить внимание на тождественность слова; и лишь в аналогии это не только внешнее тождество словообразования, но и его смысловое содержание, благодаря чему аналогия приближается к однозначности. Поскольку аналогичные выражения имеют несколько различных значений, они соприкасаются с двусмысленностями; однако различие не является корневым, значения не предстают бессвязными, а подчиняются общему тождественному значению. В аналогичных выражениях различается направление восприятия, поскольку оно направлено на различные области действительности и дифференцирует оттуда общее смысловое содержание выражения. Ранее в качестве примера аналогичного выражения приводилось слово «принцип»: применительно к логическим условиям оно означает «основание», а в области естественной действительности – «причину». Подобно тому медицинское выражение «разрез», к примеру, означает совершенно иное, нежели вышеприведенный «разрез», в смысле иррациональных чисел Дедекинда. И все же оба значения имеют нечто общее, тождественное общее значение в качестве точки отношения.

Упомянутые различные способы функционирования выражений можно было бы математически символизировать и сказать: тождественность однозначности можно представить в виде линии; полное различие актов значения в двусмысленных выражениях – в виде пересекающихся в про-

странстве расходящихся линий; тождество в различии аналогичных выражений – в виде пучка лучей, сходящихся в одной точке.

Преобладающая роль рефлексивных категорий в указанных способах функционирования выражений позволяет вообще понимать их в смысле общей сущности рассматриваемых категорий.

Ясная понятийная фиксация их сущности, резкое разграничение рефлексивных и конститутивных категорий, четкое определение их сферы действия, хотя и значительно продвинутое исследованиями Лотце и Виндельбанда, было решительно достигнуто только Ласком.

Ласк определяет их как «созданные субъективностью» в отличие от конститутивных категорий, что не означает, что их применение и значимость были бы совершенно произвольными; скорее, в этом отношении они, как и конститутивные, определяются материалом, хотя и не конкретным содержанием, а содержанием, которое превратилось в простую содержательность. Подобное «создание» рефлексивных категорий со стороны упомянутых способов функционирования соответствует их происхождению из употребления выражений в живом мышлении и познании; в определенном смысле они также являются производными субъективности, но, с другой стороны, они снова объективно закреплены объективным составом языкового выражения, его значениями и направлениями исполнения. Кроме того, они также имеют общий характер, сохраняемый Ласком за рефлексивными категориями, поскольку их применение не определяется каким-либо особым смысловым содержанием и формами.

Теперь можно также прояснить отношение этих способов функционирования к Modi significandi. Они считаются объективными формами значения, определяемыми материалом. Но в упомянутых способах функционирования формы значений вообще не затрагиваются; они остаются тождественно одинаковыми при многочисленных модификациях, которые обнаруживаются в способах функционирования выражений. Поскольку отдельные значения двусмысленного выражения расходятся, номинальная форма значения сохраняется как номинальная. То же самое можно сказать и об аналогии. Таким образом, однозначность, двусмысленность и аналогия не затрагивают значение как значение в смысле означающих форм; скорее, это возможные отношения внутри целого отношения, вызванные субъективностью: форма языка, содержание языка и исполняющий предмет, образующие состав выражения, используемого в предикативном смысле. В них проявляется своеобразная подвижность смысла и его исполнения,

обусловленная живой речью и высказыванием, по отношению к единичной реальности слова. Дунс Скот видел различие обсуждаемых способов функционирования по сравнению с Modi significandi, поскольку рассматривает их применительно к выражению как таковому, а не к простому обособленному значению (55).

Modi significandi образуют определенный *порядок* в области значений (56). Но это априори регулируемое объединение значений в смысловые комплексы еще не составляет того, что мы называем действительным смыслом. В смысловых комплексах как таковых, регулируемых Modi significandi, значение истины, присущее только чувству суждения, еще не реализовано. Но поскольку благодаря им действительный смысл суждения, выражаемый в предложениях, как бы закрепляется в их структуре, значение, которое Лотце может называть «синтаксическим значением», осуществляется уже в пределах области значений (57).

Стало быть, постигаемый смысл Modi significandi следует понимать с точки зрения синтаксического значения, а смысл Modus intelligendi – с точки зрения значения истины. Modi significandi составляют, прежде всего, объект, оцениваемый с точки зрения значения истины; порядок, предписываемый Modi significandi, является предпосылкой для того, чтобы совокупность значений вообще могла входить в контекст действительного смысла. Порядок смыслового комплекса сохраняется и в сфере действительного смысла, но не как самостоятельное образование, а только как составная часть высшего. Благодаря такому отношению категорий значений к смыслу суждения они приобретают повышенную значимость, эпистемологическую значимость. Тем самым теория смысла вступает в самое близкое отношение к логике, более того, предстает ее частью, поскольку логику рассматривают как теорию теоретического смысла, которая сама по себе определяет учение о составляющих смыслах (учение о значениях), учение о структуре смысла (теория суждений) и учение о структурной дифференциации и ее систематических формах (научное учение).

Благодаря своей принадлежности к логике учение о значениях участвует в особом типе логической постановки вопросов. Отсюда учение о значениях изначально исключает любое занятие психологическими проблемами, а посему здесь обозначенное понятие намного уже, нежели то, в котором недавно обобщались задачи учения о значениях (58).

Таким образом, учение о значениях в смысле трактата «De modis significandi» должно исключить несущественные сами по себе проблемы,

касающиеся действительности, процессов, обсуждения вопросов о целесообразности знаков, ответов на вопросы о трудностях и легкости понимания значений. Точно так же психические склонности не делают возможным понимание значений, какими бы важными они ни были как фактические условия современного восприятия; логическое учение о значении по-прежнему интересуется происхождением их или физиологически-психологической цепью причин, проходящей между знаком и значением. Исследования исторического развития значений и изменения значений также исключены из их проблемной области. Она рассматривает только значение как таковое и его структуру; без этого фундаментального знания решение психологических проблем значения всегда должно оставаться неопределенным.

Требование логического учения о значении, выдвинутое здесь в связи с трактатом Дунса Скота, похоже, теперь стремится восстановить все заблуждения, в которых обвиняли и продолжают обвинять логические грамматики. «Простая истина, что лингвистическая мысль есть вещь в себе, нечто самостоятельное и, в особенности, нечто существенно отличное от логической мысли, – эта простая истина постоянно упускается из виду. Следовательно, двуполость логической грамматики растеряла свое призвание, утративши право на свое существование» (59).

Если понятие «логическая грамматика» означает, что грамматика должна быть выведена из логики, то в этом есть нечто невозможное. Но если теперь указать на то, что логически неверные суждения могут выражаться грамматически совершенно правильно, и сделать вывод: следовательно, грамматика нелогична, то под логическим или алогичным характером языка понимается нечто совершенно иное, чем то, что логическое учение о значении подразумевает под выражением «логический». Логичность и логичность в обоих случаях – это не одно и то же.

Требование логики грамматики не использует теоретического мнения о том, что грамматическое употребление языка может быть выведено из логических законов. Вопрос о том, как возник язык, каким творческим факторам он обязан своим существованием, не является проблемой логики. Можно, как всегда, рассуждать о сущности, задаче и структуре лингвистики, но следует признать, что языковые образования имеют значения. И только в этих случаях философская рефлексия начинает редуктивно возвращаться к категориальным моментам и оценивать их с точки зрения системы учения о категориях. Но сами логические условия языка, точнее значений, не могут истолковываться как фактические причины звукового развития языка

и даже единственные из них. И все же дух языка, творческий фактор развития языка, как дух имеет также определенную, в указанном смысле логическую структуру: она и только она стремится выделить логику языка.

Итак, учение о значениях объясняет язык не в соответствии с его реальным существованием, а только исходя из его рациональной стороны, т. е. стороны, касающейся содержания. Вернер называет Трактат Скота «главным достижением схоластического средневековья в области логики языка, т. е. попыткой усвоения грамматики и логики» (60). Скот не желает «превращать грамматику в логику», он хочет понять логическую структуру значений. Вернер упускает из виду особенность области значений как собственно «выражающего слоя».

Хотя он не хочет «высказывать суждение о фактической ценности» трактата, но отмечает, что «лингвистическая логика, сформулированная с точки зрения средневековой мысли, не может притязать на название философии языка в современном смысле этого слова»; такая логика, по его мнению, должна обращать внимание на «генетическую эволюцию языка» (61).

Но именно психологические и исторические исследования языка не являются философией языка. Это заставляет их искать свои проблемы в совершенно новом измерении. В его плоскости лежит задача разработки последних теоретических основ, заложенных в языке. Без четкого понятийного разумения «значения вообще», «предмета, подразумеваемого под значением», «категории значения», «соотношения форм значений» невозможно безопасное исследование языка, за исключением того, что учение о значениях занимается фундаментальной областью логики, решая обозначенные проблемы.

Кстати, суждение Вернера о «логике языка» Скота показывает, насколько ценностные суждения в истории философии зависят от его собственной систематической точки зрения. Если это теоретически несостоятельно, то и историческое оценочное суждение должно быть подвергнуто пересмотру.

В какой степени Дунс Скот правильно разобрался в отдельных вариантах своего трактата, будет показано в следующей главе, посвященной его учению о формах значений.

(1) … signum perfectionis constructionis est *generare perfection sensum in animo auditoris*. De mod. sig. cap. LIV, 49 b.

(2) Essai sur les données immédiates de la conscience. 1912. S. 100; cf. S. 10, 97, 99, 192.

(3) Die Grenzen der naturwissensdhaftlichen Begriffsbildung. 2. Aufl. 1913. S. 31 ff.

(4) …notandum, quod cum intellectus vocem ad significandum et consignificandum imponit, *duplicem rationem* ei tribuit, scil. rationem significandi quae vocatur signification per quam efficitur signum vel significans, et sic formaliter est *dictio*; et rationem *consignificandi*, quae vocatur *modus significandi activus*, per quam vox significans fit consignum vel consignificans et sic formaliter est *pars orationis.* De mod. sig. cap. I, 1 b sq.

(5) Rationes significandi non indueuntur per motum, sed sunt *intentiones inductae per animam*. Quaest. sup. elench. qu. VIII, II a.

(6) H. Lotze, Logik. Philos. Bibl. Bd. 141 (herausgeg. v. G. Mischt). 1912. S. 17.

(7) …est sciendum, quod modus significandi duo importat aequivoce. Dicitur enim de modo significandi activo et passivo. Modus significandi activus est modus sive proprietas vocis *ab intellectu sibi conces*sa, mediante qua vox proprietatem *rei* significat. Modus significandi passivus est modus sive proprietas *rei* prout est per vocem significata. Et quia significare et consignificare est *quoddam modo* agere et significari et consigniilcari est quoddam modo pati; inde est quod modus vel proprietas vocis mediante qua vox proprietatem rei active significat, modus significandi activus nominatur. Modus vero vel proprietas rei prout per voces passive significatur, modus significandi passivus nuncupatur. De mod. sig. cap. I, 1 b.

(8) E. Husserl, Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Jahrb. f. Philos, u. phänomenolog. Forschung. Bd. 1. 1. Teil. 1913. S. 257. [Husserliana Bd. IП, 1950, S. 305.]

(9) E. Husserl, Logische Untersudhungen. 2. Aufl. 1913. Bd. 2. l. Teil. S. 384.

(10) …notandum, quod cum huiusmodi rationessive modi significandi activi non sint figmenta, oportet, omnem modum significandi activum *ab aliqua rei* proprietate radicaliter orire. Quod sic patet: quia cum intellectus vocem ad significandum sub aliquo modo significandi activo imponit, ad ipsam rei proprietatem aspicit, a qua modum significandi originaliter trahit; quia intellectus, cum sit virtus passive, de se indeterminata, ad actum determinatum non vadit, nisi *aliunde determinetur*. Unde cum imponit vocem ad significandum sub determinate modo significandi activo, a determinate rei proprietate necessario movetur; ergo cuilibet modo significandi activo correspondet aliqua proprietas rei seu *modus essendi rei*. De mod. sig. cap. II, 2 a.

(11) Ср. предыдущее примечание.

(12) Sed contra hoc objicitur; quia haec vox significativa scil. *deitas* habet femininum genus, quod est modus significandi passivus; tamen in re significata sibi proprietas non corresponde, quia est proprietas patientis, a qua sumitur femininum genus. De mod. sig. cap. II, 2 b.

(13) Item privationes et figmenta sub nullis proprietatibus cadunt, cum non sint entia, et tamen voces significativae privationum et figmentorum modos significandi activos habent, *ut caecitas, chimaera* et similia. De mod. sig. cap. П, 2 b.

Ср. *выше*.

(14) Dicendum quod non oportet, quod semper modus significandi activus dictionis trahatur a proprietate rei illius dictionis, cuius est modus significandi; sed potest accipi a proprietate rei alterius dictionis et rei illius dictionis tribui et sufficit quod ipsi non repugnet; et quia substantias separates non intelligimus nisi ex istis sensibilibus, ideo sub proprietatibus sensibilium eis nomina imponimus et nominibus eorum modos significandi activos attribuimus. Unde licet in Deo secundum veritatem non sit proprietas passiva, tamen imaginamur ipsam tanquam patientem a nostris precibus. l. c. 2 b.

Similiter privationes intelligimus ex suis habitibus, sub proprietatibus habituum eis nomina imponimus et nominibus eorum modos sig. activos attribuimus. Similiter in nominibus figmentorum sumuntur modi sig. activi ex proprietatibus partium, ex quibus imaginamur chimaeram componi quam imaginamur *ex capite leonis cauda draconis*, et sic de aliis. l. c.

(15) Et si instetur: si modi sig. activi in nominibus privationum sumuntur a modis essendi habituum, tunc nomina essendi habitus et non privationis designabunt; et hoc posito, nomina privationum per suos modos sig. activos *erunt consignificative* falsa. 1. c. 2 b.

(16) Dicendum quod non est verum; imo nomina privationum per suos modos sig. activos designant circa privationes modos intelligendi privationum, *qui sunt eorum modi essendi*. Juxta quod sciendum, quod licet privationes non sint entia positiva *extra animam, sunt tamen entia positiva in anima*, ut patet IV, Met. text. 9, et sunt entia secundum animam; *et quia eorum intelligi est eorum esse*, ideo eorum modi intelligendi erunt eorum modi essendi. Unde nomina privationum per suos modos sig. activos non erunt consignificative falsa, quia cum modi intelligendi privationum reducantur ad modos intelligendi habitus (nam privatio non cognoscitur nisi per habitum), ideo modi essendi privationum tandem ad modos essendi habitus reducuntur. l. c. 2 sq.

(17) Logik. S. 19.

(18) …notandum, quod modi significandi activi immediate a modis intelligendi passivis sumuntur. Juxta quod sciendum est, quod sicut est duplex modus significandi, seil, activus et passivus, ita duplex est modus intelligendi, scil. *activus et passivus*. Modus intelligendi activus est ratio concipiendi, qua mediante, intellectus rei proprietates significat, concipit vel apprehendit. Modus autem intelligendi passivus est proprietas *rei prout ab intellectu apprehensa*.

Dicatur ergo, quod modi *significandi* activi sumuntur immediate a modis *intelligendi* passivis; quia modi significandi activi non sumuntur a modis essendi, nisi ut hi modi essendi ab intellectu apprehenduntur … 1. c. cap. III, 3 a.

(19) …species intelligibilis immediate significatur per vocem, sed illa dupliciter consideratur, aut inquantum est quid in *se accidens*, scil. *informans animam*, aut *inquantum repraesentat rem*. Primo modo non significatur per vocem … sed secundo modo. Quaest. sup. lib. perih. qu. II, 641 b.

Res non significatur ut existit sed *ut intelligitur*. l. c. qu. III, 645 a.

(20) modi autem essendi prout ab intellectu apprehensi, dicuntux modi intelligendi passivi; ergo modi sig. activi sumuntur a modis essendi mediantibus modis intelligendi passivis; et ideo immediate modi sig. activi a modis intelligendi passivis sumuntur. De mod. sig. cap. III, 3 a.

(21) …notandum, quod modi essendi et modi intelligendi passivi et modi significandi passivi sunt idem materialiter et realiter, sed *differunt formaliter*. 1. c. cap. IV, 3 b.

(22) Ср. эссе «Geschichtsphilosophie» в сборнике, посвященном Куно Фишеру: Die Philosophie im Beginn des 20. Jahrhunderts. 2. Aufl. 1907. S. 333; далее: Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. 2. Aufl. 1913. S. 31, 36 f. Ausführlicher ist das Problem behandelt in dem Buch: Der Gegenstand der Erkenntnis. 3. Aufl. 1915. S. 376 ff.

(23) …modus essendi est rei proprietas absolute; modus intelligendi passivus est ipsa proprietas rei prout *ab intellectu apprehensa*; modus sig. passivus est eiusdem rei proprietas prout *per vocem significatur*. Et sunt eadem materialiter et realiter (quia quod dicit modus essendi absolute, dicit modus intelligendi passivus, prout refertur ed intellectum) et quod dicit modus intelligendi passivus, dicit modus sig. passivus, prout refertur ad vocem, ergo sunt eadem materieliter. Sed differunt formaliter, quod sic patet: quia qui dicit modum essendi dicit proprietatem rei absolute sive sub ratione existentiae; sed qui dicit modum intelligendi passivum, dicit eandem rei proprietatem ut materiale, et rationem intelligendi sive concipiendi ut formale; sed qui dicit modum sig. passivum, dicit eandem proprietatem rei ut materiale et dicit rationem consignificandi ut formale, et cum

alia sit ratio *essendi*, alia *intelligendi*, alia *significandi*, differunt secundum *formales rationes*. 1. c. cap. IV, 3 b.

(24) Item sciendum, quod modus essendi et modus intelligendi activus et modus *significandi activus* differunt *formaliter et materialiter*; quia modus essendi dicit proprietatem rei absolute sive sub ratione existentiaei ut dictum est supra; sed modus intelligendi activus dicit proprietatem *intellectus*, quae est ratio *intelligendi* sive *concipiendi*; modus significandi activus dicit proprietatem vocis, quae est ratio consignificandi. Sed alia est proprietas rei extra animam et alia intellectus et alia vocis; ita alia est ratio essendi, alia intelligendi alia consignificandi; ergo modus essendi et modus intelligendi et modus significandi activus differunt in utroque. L c. 3 b sq.

(25) … sciendum, quod modus intelligendi activus et modus intelligendi passivus differunt *materialiter* et conveniunt *formaliter*. Nam modus intelligendi passivus dicit rei proprietatem sub r&tione intelligendi passiva; sed modus intelligendi activus dicit proprietatem intellectus, quae est ratio intelligendi activa; sed eadem est ratio intelligendi, per quam intellectus proprietatem rei intelligit active et per quam rei proprietas intelligitur passive, ergo proprietates sunt diversae et ratio est eadem, ergo materialiter differunt et formaliter sunt idem. Item sciendum, quod modus significandi activus et passivus differunt materialiter et sunt idem formaliter. l. c. cap. IV, 4 a.

(26) … notandum, quod modus sig. passivus materialiter est in re, ut in subjecto, quia materialiter est proprietas rei; rei autem proprietas est in eo, cuius est ut in subjecto. Formaliter autem est in eo subjecto, in quo est modus significandi activus, quia formaliter a modo significandi non discrepat.

Modus autem significandi activus, cum sit proprietas vocis significativae, materialiter est in voce significative ut in subjecto, in proprietate autem rei sicut causatum in causa efficienti radicali et remota; et in intellectu sicut causatum in causa efficiente proxima; et in constructione ut causa efficiens in suo effectu proprio. 1. c. cap. V, 4.

(27) Quaest. sup. elench. qu. XL, 15 a.

Quamlibet essentiam contingit intelligere sub ratione propria et etiam significare, et tali modo intelligendi correspondit modus significandi abstractus. Quaest. in praed. qu. VIII, 457 b.

(28) Logische Untersuchungen. 1. AufL 1901. Bd. II, S. 481, 489.

(29) Op. cit. p. 505.

«Красный объект распознается как красный, и в середине этого распознавания он называется красным». Op. cit. p. 500.

(30) De mod. sig. cap. XXXVI, 32 a.

(31) Husserl, op. cit. p. 71 seq.

(32) De mod. sig. cap. XXI, 18 a.

(33) 1. c. cap. XLV, 38 a; ср. выше примечание 35.

(34) Logik. S. 14. Ср. Mikrokosmos. 5. Aufl. 1905. Bd. П. S. 240ff.

(35) Primo earum principia in generali videamus. Sunt autem quattuor principia essentialia *construendi* sermonem congrue et perfecte scilicet: *materiale, formale, efficiens et finale*. Principium materiale construendi sunt constructibilia; quia sicut se habet subjectum ad accidens, sic se habent constructibilia ad constructionem; sed subjectum est materia accidents, nam accidens non habet materia *ex qua* sed *in qua*; ergo constructibilia sunt materia constructionis. Et unius constructionis non sunt plura vel pauciora duobus, quia, ut patebit, constructio causatur *ex dependentia unius constructibilis ad alterum*; sed una dependentia non est nisi duonim, scil. dependentis et determinantis; ergo unius constructionis non sunt nisi duo constructibilia prineipalia, scil. *dependens* et *terminans*. Et ex hoc patet error dicentinm hanc constructionem esse uruim: «homo albus currit bene». Nam hic sunt diversa dependentia: una, qua Adjectivum dependet ad Substantivum, alia, qua Verbum dependet ad suppositum, tertia, qua determinans dependet ad determinabile; ergo non erit hie una constructio. De mod. sig. cap. XLV, 38 a.

(36) Principium *formale* constructionis est *unio* constructibilium; hoc enim est forma rei, per quod res habet esse. Sed constructio habet esse per constructibilium unionem; ergo constructibilium unio est forma constructionis. l. c. 38 b.

(37) Prmcipum *efficiens* constructionis duplex, scil.: *extrinsecum* et *intrinsecum*. Intrinsecum sunt modi significandi respective, ratione quorum vel unum constructibile est ad alterum dependens vel alterius dependentiam determinans; a quibus modis sig. respectivis abstrahuntur duo modi sig. generales: modus dependendi in uno constructibili et modus dependentiam terminans in altero constructibili. Et hi modi sig. dicuntur *efficere* construetionem pro tanto quia praeparant et disponunt constructibilia ad adualem unionem, quae fit per intellectum…

Sed principium efficiens *extrinsecum* est intellectus qui constructibilia per modos sig. disposita et praeparata *actu unit* in constructione et sermone. Constructibilia enim, qualitercumque summe disponantur ad unionem per suos modos sig.; numquam tarnen unum constructibüe actu se altero unit, sed hoc *fit per intellectum*, ut dictum est. Et dicitur intellectus principium extrinsecum, quasi extra constructibilia manens. l. c. 38 b.

(38) Principium finale est expressio mentis conceptus compositi. 1. c. 38 b.

(39) l. c. cap. XLVI, 39 a.

(40) …sicut constructio requirit constructibilium unionem absolute, sic congruitas requirit constructibilium unionem, non quameumque sed *debitam*. Et haec debita unio potest contingere dupliciter: uno modo *ex convenientia* significatorum speci alium, et per oppositum unio *indehita* ex repugnantia ipsorum. Alio modo potest contingere *ex conformitate modorum* sig. et per oppositum indebita ex indebita modorum sig. discrepantia. l. c. cap. LIII, 47.

(41) Logisdie Untersuchungen. 2. Aufl. 1913. Bd. II. 1. Teil. S, 295. Ср. вообще там же IV. Untersuchung, S. 294–342: Различие самостоятельных и несамостоятельных значений и идея чистой грамматики.

(42) Ср. особенно Ideen, § 118 ff. S. 245 ff. [Husserliana Bd. III, 1950, S. 291 ff.] – S. 25 Anmerk. [S. 30, Anm. 4], где Гуссерль заявляет о других особых вкладах в чистую грамматику.

(43) Op. Ox. Prol. qu. IV, 291 a, n. 45.

(44) Univocum et denominativum primo sunt differentiae *praedicati*, quod secundum se inest conceptui, non *primo voci significanti*. cf. sup. praed. qu. VI, 452 b sqq.

(45) Univocum apud logicum dicitur omne illud, quod per *unam rationem* devenit apud intellectum secundum quam dicitur de multis. Sup. praed. qu. VII. 465 a, b.

(46) l. c. qu. IV, 443 a.

(47) …nomen aequivocum nec debet dici simpliciter unum nomen nec plura nomma sed nomen *multiplex* quasi ab uno multiplicand. Hoc est manifestum: nam nomen dicitur tale eo quod sie per intellectum imponitur, unde intellectus est principium nominum, cum sit imponens ad placitum: nomen ergo est quoddam artificiale, sed in artificialibus tota substantia est ipsa materia … ipsa vox est substantia et materia nominis; manente ergo unitate vocis non dicetur illud nomen plura nomina, sed in termino aequivoco vox est una … Nec simpliciter debet dici unum nomen, *nam ibi sunt plures rationes significandi*. Relinquitur ergo dicendum, quod sit nomen multiplex … Si autem pluribus rebus imponatur una vox, illa dicetur nomen multiplex. Sup. elench. qu. VIII, 10 b.

(48) Op. I, perih. qu. II, 443 a.

(49) Sup. elench. qu. X, 13 b.

(50) …licet vox aequivoca in eo quod secundum aliud et aliud respicit aliud et aliud significatum *conveniat cum universalis* quod secundum aliud et aliud respicit sua supposita – in alio tamen est differentia, nom in termino aequivoco non contingit considerare *aliquam rationem communem*, in qua significata conveni-

ent praeter *solam vocem*; sed in toto universale contingit considerare aliquam rationem in qua supposita univocantur et ideo non est simile. In alio etiam est differentia, nam omnis ratio significandi actu importatur per terminum aequivocum; sed nullum suppositum importatur actu per terminum communem, ideo non est simile. Sup. elench. qu. X, 12 b.

(51) …intelligendum est, quod terminus aequivocus proprie loquendo non potest contrahi per immediate sibi adjunctum nec per mediate. *Nam contractio est determinatio alicuius communis*, ita quod aggregatum ex contrahente et contracte necesse est repraesentare intellectum determinatiorem, quam sit intellectus ipsius contracti de se. Sed in termino aequivoco non est intellectus communis omnibus significatis, quia cum aequivocata per terminum aequivocum significentur *sub propriis rationibus, nihil est eis commune praeter solam vocem*, quae contrahi non potest, cum sit singularis. Sup. elench. qu. XIII, 17 a sq.

(52) …dicendum quod signum universale [omnis] adveniens termino aequivoco potest distribuere ipsum pro omnibus suppositis cuiuslibet significati. Sed intelligendum est, quod sicut terminus aequivocus significat unum significatum *ac si aliud non significaret*, et unum repraesentat respectu praedicati *ac si aliud non repraesentaret*, hoc est sub nulla babitudine, sic etiam signum universale distribuit unum significatum ac si aliud non distribueret, hoc est, unum distribuit sub uno actu distribuendi et aliud sub alio. Et huius ratio est: nam distributio est acceptio alicuius communis pro quodlibet eius supposito, quorum quodlibet est ipsum; nunc autem in termino aequivoco non est aliquod commune, super quod possit cadere distributio, quia nihil est ibi commuae nisi sola vox. Et ideo distributio cadit super uno significato ac si super aliud non caderet, et super quodlibet, sed hoc est alio actu distribuendi et alio…

…signum universale possit distribuere terminum aequivocum pro omnibus suis significatis, … sed non unico actu. Contra hoc potest argui sic: Signi semel positi est unum significatum et unus modus significandi ergo et unus actus distribuendi. Dicendum quod syncategoremata finitatem suae significationis trahunt ex adjunctis, cum ergo hic sint actu plura significata, quorum nullum ad aliud habet habitudinem, ut dictum est, *diversi hic erunt actus* distribuendi, quorum nullus ad alium habet habitudinem, … patet quod causa apparentiae in aequivocatione est *unitas actualis vocis incomplexae* secundum materiam et formam. Sup. elench. qu. XIV, 19.

(53) Ср. Erster Teil, Kap. 1, S. 255 ff.

(54) H. Lotze, Logik. Buch III, Kap. 4.

W. Windelband, Vom System der Kategorien. S. 41 ff.

E. Lask, Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre 1911. S. 140 ff.

(55) Ср. Abschn. II, Kap. 3: Sprachgestalt und Sprachgehalt S. 290 ff.

(56) Modi significandi respective sunt principia *ordinandi* dictionem cum alia … significata et modi significandi sunt *essentialia* dictioni. cf. sup. elench. qu. XVII, 27 a, 30 b.

(57) Mikrokosmos II, S. 239.

(58) Ср. E. Martinak, Psychologische Untersuchungen zur Bedeutungslehre. 1901.

(59) K. Voßler, Grammatik und Sprachgeschichte oder das Verhältnis von «richtig» und «wahr» in der Sprachwissenschaft. Logos 1.1910. S. 86.

«Но само по себе всякое высказывание алогично» – «Логика начинается только за языком или с его помощью, но не до него и не без него».

Voßler, Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft Heidelberg 1904. S. 25, 26.

В заключение своего трактата «Система грамматики» («Das System der Grammatik», Logos IV, 1913. S. 203 ff.), где «основным предметом грамматики выступает язык, отделенный от всякой более духовной широты и всей духовной жизни», тот же автор пишет: «Представляется, что и сегодня имеют место философы языка, которые требуют самостоятельной общей чистой, умозрительной и универсальной грамматики, грамматики грамматик (!). По моим наблюдениям, эти неоплатоники и новые схоластики станут такими же умными, как и я из их числа» (op. cit. p. 223).

Сказанное в тексте, вероятно, подтверждает возможность и необходимость обеих «точек зрения».

(60) Die Sprachlogik des Duos Scotus. S. 549.

(61) Op. cit. p. 550.

ВТОРАЯ ГЛАВА

УЧЕНИЕ О ФОРМАХ ЗНАЧЕНИЙ

К общему выяснению смысла значения и функции значения вообще необходимо присоединяется задача, заключающаяся в представлении и характеристике отдельных функций смысла, вошедших в исследование. Основные понятия и главные положения, необходимые для выполнения этой конкретной задачи, вероятно, получили достаточное разъяснение и определение в предыдущей главе, чтобы мы могли выбрать, возможно, не идеальный способ изложения без риска возникновения противоречащих пониманию неоднозначностей: мы имеем в виду одновременное внимание к объективной и субъективной точкам зрения в изложении теории значения. Наряду с формами значений должно быть представлено и смысл достижения, функция акта, придающего значение, чтобы всегда можно было помнить о корреляции, существующей между ними. Подобный, как бы смешанный, метод также наилучшим образом соответствует тому, как Дунс Скот проводил особую часть своего учения о значении. Опасность психологического отклонения от сферы объективного содержания смысла в сторону таких психических реалий, которые можно было бы постичь эмпирическим путем, после всего, что было до этого, вероятно, больше не существует.

Исследования, как нижеприведенное, легко создают впечатление беспорядочной череды случайно собранных феноменов. Логическая и эстетическая совесть требуют порядка. Выполнение этого желания должно привести к созданию системы; но часто не довольствуются простой классификацией, а стремятся к дальнейшему выведению отдельных явлений из первичного феномена. Причем довольно часто и легко обнаруживается, что обрабатываемые предметы «подвергаются насилию» и соответствующие понятия в их содержании затуманиваются.

В какой степени Дунс Скот избегает подводных камней априорной и угрожающей смыслу систематики и стремится к упорядочению форм значения, основанному на «вещах» и предлагаемому через них, мы рассмотрим в следующем изложении.

Предметы выражаются через значения; они, в свою очередь, определяют значения. Основное различие в области предметного вообще, к которому

относятся и значения, заключается в разделении на самостоятельные и несамостоятельные предметы. Следовательно, акты, придающие смысл, делятся на две основные группы: те, действие которых возникает как конституция *самостоятельного* значения, и те, содержание которых представляет собой *несамостоятельную* форму, нуждающуюся в заимствовании. Это фундаментальное разделение Modi significandi ставит Дунса Скота на передний план его особого исследования. Modus significandi essentialis конституирует основные формы значений, части речи как исключительно существующие сущности в отношении как их рода, так и их видов. Каждое содержание смысла, на которое влияет форма Modus essentialis, больше не нуждается в дополнительной формальной детерминации своего собственного содержания. Применительно к акту это означает: он не требует для своего бытия как такового некоего поддерживающего его, обосновывающего смыслового акта. С другой стороны, Modus significandi *accidentalis как таковой существенно* дополняет Modus essentialis (advenit), основываясь на нем. Определенность формы, которую он придает, не может существовать без того, чтобы она существовала вместе с самостоятельной «сущностью». В ней как таковой заключается то, что она не может существовать сама по себе; это объективная невозможность, которую мы должны принять, которая не имеет своей причины, например, в нашей психической предрасположенности (1).

Это различие самостоятельных и несамостоятельных предметов, отражающееся здесь в Modi significandi, противостоит нам в эмпирической реальности как различие вещи и свойства. Различие между Ens simpliciter и Ens secundum quid совпадает с различием между Ens primum и Ens secundum. Подобному общему разделению подчиняется действующее в фактической реальности различие субстанции и accidens. Выражения Ens simpliciter и Ens secundum quid лучше всего отражают различие, улавливаемое Скотом в его сущностном единстве как данное предметам вообще и проявляемое в учении о формах значений (2).

Две основные категории, которые мы встречали ранее (3) как действующие в реальной сфере действительности, оказываются в свете нынешнего различия модификациями, обусловленными своеобразием соответствующей им области применения (реальности). Итак, когда говорят, что Modus significandi essentialis придает сущее, то под этим может подразумеваться не реальная экзистенция, а сущее, соответствующее значению и которое можно понимать как «существующее».

В настоящее время Гуссерль особенно обратил свое внимание на различие самостоятельных и несамостоятельных объектов, выделил его в максимально возможной теоретической чистоте и развил вытекающие из него закономерности сущности. Сущность самостоятельных предметов «не требует для себя, следовательно, априори, какой-либо другой взаимосвязанной сущности»; несамостоятельное содержание (предмет) по своей сущности связано с другими содержаниями (4). Эти определения легко применить к основному разделению Modi significandi, как это делает Дунс Скот.

Modus significandi essentialis теперь может быть дополнительно определен. Как Modus generalissimus он выполняет функцию составления сущности «части речи», т. е. придания сущностной форме имени существительного. В чем раскрывается смысловая функция существительного вообще; он очерчивает область существительных, каждое из которых в отдельности несет в себе общую сущность. От Modus generalissimus ряд ступеней ведет вниз к низшим обособленным различиям («эйдетическим особенностям») – Modus specialissimus. Он последний, поскольку для него нет никаких преград, в отличие от того, что он сам по необходимости отменил в себе Modus generalissimus.

Modus essentialis, который не является ни низшим, ни высшим родом, получает соответствующее название Modus subalternus. Сущность «имени существительного вообще», больше не имеющая над собой никакого рода, когда ее предметная сущность содержалась бы в нем, является необходимым высшим родом, и как таковой она ограничивает «область».

Теперь необходимо строго различать: собственно материальную сущность области и формальные сущности, как бы «пустые формы», которые определенным образом лежат над всеми областями. К последнему виду относится Modus essentialis, встречающийся во всех «частях речи».

Дунс Скот, используя эти общие положения о Modus essentialis и accidentalis, отменил формальную структуру каждой области, назвав ее «частью речи», и перечислил строение каждого из них. Он ставит формальное разделение «пустой формы» параллельно с «linea praedicamentalis», последовательностью ступеней от рода вообще к виду и наименьшему различию вообще. Слово «linea» также ясно показывает, что мы находимся на чисто формальной территории, оторванной от всякой предметности (5). Сущность Genus generalissimum, хотя и не состоит в том, чтобы иметь под собой несколько видов, но, вероятно, и не включает в себя наличие над ними более высокого рода (6). Однако под родом подразумевается наличие

под собой видов не в том смысле, что они реально существовали, а в том смысле, что они могут быть понятийно разуметься; и они таковы, когда выявляются иногда реально существующие особенности и в них усматривается сущность рассматриваемого вида (7).

Что касается несамостоятельных форм значения, Дунс Скот различает два типа: Modus accidentalis absolutus и Modus accidentalis respectivus (8).

Формы значений первого типа лишь детерминируют самостоятельные, в то время как формы значений второго типа придают им связь с другими значениями (9).

Тем самым Дунс Скот обнажил как бы формальную основу, на которую возводятся отдельные «части речи».

Поскольку отдельные части речи рассматриваются исключительно сами по себе, с точки зрения определяющих их способов значения, постольку задача «этимологии» выполняется (10).

Порядок, в котором Дунс Скот исследует отдельные части речи на предмет их значения, он почерпнул у грамматика Доната, перечисляющего их следующим образом: существительное, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог и междометие (11).

Имя существительное

Чтобы выявить сущность категории значений «имя существительное», необходимо задать вопрос о Modus essentialis generalissimus nominis. Он должен выразить то, что делает каждое существительное существительным, какую функцию значения оно выполняет. Указанная общая функция значения существительного дана в «*Modus entis et determinatae apprehensionis*». Непосредственно смысл этого общего способа функционирования существительного не ясен.

Но о каждой форме мы знаем теперь по крайней мере одно, что ее значение определяется материалом. Таким образом, необходимо заглянуть в область реального, чтобы найти факторы, определяющие наиболее общий смысл категории значений «существительное» (12).

Дунс Скот указывает, что в области действительного можно обнаружить некоторые наиболее общие определенности, наиболее общие способы бытия; одним из таких способов является Modus entis.

Каждое действительное, независимо от того, принадлежит ли оно к какой-либо из различных областей, является *чем-то*, предметом. Это нечто,

выраженное в Modus entis, еще ближе определяет Скот как «habitus», а именно как «постоянное», присущее каждому предмету, поскольку он является таковым. Данная изначальная трансформация всего того, что является предметом и может стать предметом. Данная изначальная трансформация также определяет смысл категории значений «имя существительное». Таким образом, смысловая функция этой части речи заключается в том, *чтобы выражать предмет как предмет* (13).

Однако это еще не исчерпывающе определяет самый общий смысл функции значения. Вместе с Modus entis как бы поглощается Modus determinatae apprehensionis. Благодаря ему форма значения «существительное» выделяется из остальных только как определенная категория. Сей модус предстает как бы формой формы значения. Ее задача состоит в том, чтобы определять и тем самым различать. Благодаря форме один предмет становится одним, другой – другим. Отсюда можно с полным основанием сказать: форма есть нечто качественное; в ней заключается качественное вообще. Следовательно, в каждом предмете содержится наиболее общий качественный момент; и поскольку существительное в своей функции значения означает предмет как предмет, то и в нем должен содержаться способ определения, способ определенного или определяющего значения предмета (14).

В результате слияния этих двух Modi в единый акт возникает общий существенный модус значения имени существительного.

Дунс Скот приводит для более четкого освещения своего определения определение древних грамматиков, которые говорили: nomen significare substantiam cum qualitate. Modus essentialis nominis в понимании Скота также может говорить об этом. Но в одном отношении он значит больше, в другом – меньше. Более того, поскольку Скот принимает свое определение как можно более общее, он утверждает, что смысловая функция существительного не ограничивается вещественными субстанциями и качествами, а распространяется на мир предметов вообще. Ибо мы, несомненно, равно используем nomina для выражения несуществующих логических и математических объектов; точно так же качественные определения не обязательно должны быть именно определениями чувственной эмпирической реальности.

Таким образом, определение существенного способа значения существительного имеет меньшее значение, чем определение, данное древними грамматиками, и в других отношениях. Понятие природно-действительной субстанции, как и понятие качества, относящегося к той же сфере

действительности, имеют гораздо более богатое содержание, обусловленное именно принадлежностью к природной действительности. В Modus entis et determinatae apprehensionis эти смысловые различия стираются; Modus настолько общий и блеклый, что соответствует безграничной широте его сферы применения (15).

Вероятно, следует признать, что генетическая причина образования категории значений «существительное» кроется в эмпирической реальности природы. Но этот вопрос о происхождении и поводе нас здесь не интересует, поскольку важно лишь выявить *объективное идеальное содержание и смысл функций значения*.

Эту широту значения имени существительного и его оторванность от конкретных областей действительности разделяет Дунс Скот и в других своих логических трудах. Определяя значение существительного Ens, он прямо говорит, что оно означает не реальную природную действительность, существование, как причастие Ens, а: имеющее сущность, нечто, предмет-бытие. Существительное означает его предмет, независимо от того, существует он или не существует. Значит, имя «Сократ» обозначает значение «Сократ», поскольку является содержанием акта, придающего смысл, но не реального Сократа, в той мере, в какой он существует. Отсюда существительное означает не предмет, измеряемый временем, т. е. постоянный, реальный объект, а относится к тому, что есть у каждого предмета (de essentia cuiuslibet) (16).

При такой правильной широкой формулировке модуса значения существительного Дунсу Скоту равно не составит труда отклонить возражение, уже упомянутое ранее. Можно, конечно, сказать, что такие обозначения, как «ничто», «слепота», не означают реального предмета, откуда существует функция значения, подобная функции существительного, которая, тем не менее, выполняет свою функцию. Получающий определенность от означаемого материала, не может дать ее, и, следовательно, означаемые предметы одинаково не могут быть номинально выражены. Дунс Скот с готовностью признает, что рассматриваемые предметы, тем не менее, не являются реальностью. Но, по его мнению, их все же следует рассматривать как предметы, которые могут быть объектами направленных на них актов. А посему на них распространяются и самые общие положения, применимые к предметам вообще; и поскольку только из них смысловой модус существительного приобретает свой смысл, они также могут быть выражены номинально (17).

Теперь можно указать общий способ значения существительного. Сначала возникают два Modi: Modus communis и Modus appropriati. Они суть разновидности с точки зрения сущностного модуса значения; с другой стороны, они сами являются общими с точки зрения других Modi, расположенных «ниже» их на ступенчатой шкале.

Modus communis должен получать свою собственную смысловую функцию от своеобразия предметов, которое присуще не каждому предмету как предмету. Действительно, есть предметы, от которых можно отделить общий момент и которые устанавливаются сами по себе. Они способны быть предметом мысли, а следовательно, и смысла. Отделяемость в то же время оказывается в других отношениях *распределяемой по отдельным предметам*. Отделенное предметное в силу своей сущности имеет возможность функционировать для отдельных предметов, от которых оно отделено, как определенность, присущая каждому. Логикам подобные предметы известны под названием «universalia» (18).

Неясным и запутанным является выражение «общее представление», которое иногда используется в последнее время. Если рассматривать «представление» здесь как психический акт, то нельзя сказать, что общее представление когда-либо бывает общим; акты как реальности всегда индивидуальны. Но если рассматриваемое выражение означает «представление об общем», то, принимая во внимание содержание представления, оно равно не является общим в строгом смысле этого слова. Его можно назвать общим только в связи с его функцией, *с заложенной в нем возможностью высказывания многих отдельных предметов*. Дунс Скот даже прямо указывает, что всеобщее само по себе может быть познано, а его сущность способна превратиться в предмет познания. В этом доказательстве он также со всей очевидностью раскрывает сущность Универсального.

Например, если я хочу получить ясность в отношении сущности «дерева», то рассматриваю, что делает каждое дерево деревом. Сначала исследую не столько сущность в ее «что», сколько моменты, относящиеся к каждому дереву. В определенном смысле я делаю сущность объектом своего исследования. Теперь это отношение является случайным для сущностного дерева как такового. Значит, я могу безошибочно определить различие моего духовного взгляда, который касается сначала сущности как таковой, а затем ее применимости ко многим отдельным предметам. Посредством дальнейшего размышления можно затем сделать предметом способ данной «действенности для» и тем самым постичь сущность Универсального.

Последнее как таковое заключается в возможности оказаться детерминированным в отдельный предмет. *Универсальное – это не психическая реальность, а сущность, воспринимаемая «в представлении» (содержании смысла)*. Иногда сущность существующей единичной вещи также называют универсалией. Но вышеуказанное в качестве реальности безразлично к таким определениям, как «universalis» и «singularis» (19).

Способ «действенности для» конституирует функцию значения «*nomen commune*» (20).

Способ означивания в Modus communis можно объяснить своеобразием эмпирически данного материала действительности, а именно тем, что общие понятия сущности могут быть отделены от него и, в свою очередь, применимы к отдельным предметам. Но оные общие сущности, какую бы важную роль ни играли в познании, не содержат в себе всей действительности, что именно и делает эмпирическую реальность непостижимым многообразием отдельных единичных объектов: *tota entitas singularis non continetur sub universali* (21).

Ранее (22) давалась краткая характеристика однородного аспекта, представляющего собой эмпирическую реальность. Во всеобщих сущностях живая непосредственная действительность теряется; если ее необходимо осмыслить, то требуется, чтобы к понятиям сущности (как Universalia) были добавлены новые моменты значения (23). В этом случае сингулярным индивидуальным предметом предстает, соответственно. значение, выражающее его в модусе сингулярности, что больше не может интенционально относиться к нескольким объектам; это прямо противоречило бы их содержанию; отсюда форма его значения прямо говорит об обратном: *singulare enim non est communicabile ut quod* (24).

В некотором смысле, конечно, сингулярное и универсальное могут сочетаться. С одной стороны, сингулярность можно рассматривать как объект – сингулярный предмет является объектом мышления; с другой стороны – сингулярность можно рассматривать как сущность. В последнем отношении она становится способом восприятия, универсалией (25).

Что касается вопроса о том, в какой степени индивидуальное вообще возможно познать, Дунс Скот справедливо решает, что оно не может быть познано с помощью низшего, наиболее близкого к нему видового понятия.

А именно, как индивидуальное, оно все еще содержит в себе нечто одно, и в отношении этого понятие вида ничего не говорит. Отсюда следует сказать, что индивидуальное как индивидуальное нельзя полностью постичь.

Все равно невыразимый остаток, к которому в лучшем случае всегда можно приблизиться, но никогда не исчерпать его. Последнее вовсе не означает, что метод обобщения является единственным для представления разнородного многообразия, как если бы индивидуальное могло быть мыслимо достигнуто простым сочетанием общих понятий. Только современная логика создала фундаментальное право индивидуализирующих наук на самостоятельность и раскрыла связанные с этим проблемы (26)

Способу познания в модусе сингулярности соответствует функция значения «modus significandi *per modum appropriati*». Этот и рассмотренный ранее Modus communis в области функций значения *представляют собой два основных направления*, в которых эмпирическая реальность может быть рассмотрена и соответственно означена. Вот почему Дунс Скот перечисляет их с полным правом и упорядочивает как наиболее опосредованные особенности Modus essentialis generalissimus nominis (27).

Оба вида, непосредственно подчиняющиеся основному общему способу обозначения существительного, Modus communis и Modus appropriati, представляют теперь, в свою очередь, *роды* в отношении видов, к которым они относятся. В качестве функции общего способа обозначения указывается: обозначать вообще предмет как предмет. Там пока нет речи о каких-то определенных отдельных объектах, поддающихся разграничению. Правда, на первом этапе дифференциации смысловых функций на пути общего и индивидуального необходимо вернуться к единичным предметам. Но это происходит с совершенно определенной точки зрения, а именно с точки зрения Modus communis, так что отдельные предметы рассматриваются как *основа,* как соответствующее выполнение их общей абстрактной сущности. В Modus communis имеется в виду не общее бытие как таковое, а заложенная в нем *функция* обращения ко многим отдельным предметам – означающим их. Точно так же, строго говоря, в Modus appropriati ничего не говорится об индивидуальном и единственном как таковом, о его содержательной конституции; скорее, следует выделить только сущность индивидуального вообще, способ мышления, относящегося к индивидуальному предмету.

Дальнейший этап дифференциации функции значения происходит таким образом, что сначала в Modus communis делается упор на содержательную структуру предметов. Каждый предмет есть не только предмет вообще, но как этот предмет обладает *содержательной определенностью*; *каждое бытие есть то бытие*, но не каждое бытие нуждается в существовании. Если при Modus communis вообще шла речь только о роде, то благодаря

его подпаданию способу как таковому, мы приходим к функции значения с целью *обозначения определенных родов по содержанию*. Сей способ составляет субстантивное имя существительное в строгом смысле (28).

Сущность, определенная по содержанию, позволяет различать в себе: сущность в себе, ее «ядро» и присущие ей определенности. Как только человек нацеливается на материально определенные сущности, т. е. на модус как таковой, одновременно дается Modus adjacentis, представляющий собой форму значения определенностей, свойственных данному существу. Что с ним связана конститутивная форма nomen *adjectivum*, ясно из других примечаний, встречающихся у Скота по поводу прилагательного. Его смысловая функция такова: определять. Таким образом, оправдано и обозначение Modus adjacentis, поскольку именно определенность всегда является определенностью для определяемого или определенного. Ей необходимо *нечто*, на что она способна (29).

Теперь можно возразить, что хотя прилагательные типа «*animatum*», «*rationale*» как таковые связаны с субстантивным существительным, как в выражении «corpus animatum» или «animal rationale», они, тем не менее, представляют существительные. Как можно с этим согласиться? Модус значения субстантивного существительного в конце концов является самостоятельным; он не нуждается в таком «обосновании», как Modus adjacentis. Такие выражения, как «*animatum*» и «*rationale*», не могут быть одновременно независимыми и несамостоятельными в отношении своей формы значения. На это следует ответить, что выражения «самостоятельный» и «несамостоятельный» в отношении простых слов вообще не имеют смысла. Разумеется, означать сами по себе могут только слова. Слову «animatum» как таковому не дано видеть, какую смысловую функцию оно выполняет; это обнаруживается только тогда, когда человек живет в значении слова, точнее: в результате установления смысловой связи, из которой тогда и становится понятной смысловая функция. И здесь проявляется своеобразный факт, что со словом «animatum», используемым в обычной речи в качестве прилагательного в Modus adjacentis, вполне может быть связана и форма значения модуса как такового, когда, следовательно, «animatum» функционирует уже в качестве имени существительного. Из характеристического слова «синий» путем *номинализации* получается «синее» и т. д. В этом обсуждаемом возражении проявляется исключительная важность четкого понимания способа значения каждого слова, используемого в любом конкретном случае (30).

Если от Modi per se stantis и adjacentis перейти к дальнейшим дифференциациям и искать Modi specialissimi, иными словами, низшие различия Modus essentialis nominis, то материал, определяющий смысловые формы в их функциях, говорит о том, что даже по отношению к содержательным родам есть основания для дальнейших уточнений. Таким образом, чем дальше человек отходит от общего, почти пустого способа обозначения существительного, тем ближе он соприкасается со свойствами разнородного, непостижимо разнообразного содержания действительности. Отсюда неудивительно, что по мере того, как это конкретное изобилие расширяется, увеличивается число наиболее обособленных модусов значения субстантивного существительного.

При этом следует иметь в виду, что все низшие способы значения существительного содержат в себе, хотя и *не явно (non explicite)*, все находящиеся над ними родовые сущности и субстантивное существительное вообще, так что теоретическое рассмотрение общего смысла функции значения низшего модуса должно выявить связанные с ним сущности и их взаимное соответствие.

Согласно Дунсу Скоту, существует пять специфических способов значения, которым подчиняется Modus per se stantis: Modus generalis, Modus specificabilis, Modus descendentis ab altero, Modus diminuti ab alio, Modus collectionis.

Чтобы понять соответствующий смысл этих Modi, необходимо снова прибегнуть к материалу.

При рассмотрении эмпирической реальности мы сталкиваемся с убедительными определенностями, каждая из которых отличается от другой и которые, тем не менее, опять-таки имеют одно общее. Синий отличается от красного, но оба являются цветами. Обычно говорят, что между ними есть какая-то разница в характере. Существительное «цвет», следовательно, произносится в качестве отдельных цветов в совершенно определенном смысле. Ему как существительному свойственно означать не только предмет вообще или существо, которое может быть приписано всем возможным отдельным предметам; кроме того, оно имеет не только четко очерченное, особое сущностное содержание, но и означает *в смысле рода, отдельные случаи которого видоизменяются.*

Этот Modus generalis образует *Substantivum generale*. Это функция значения, которая непосредственно получает свой смысл от логического понятия рода.

Общая сущность рода представляет собой универсальное, к которому ранее относили Modus communis. Универсальное вообще может выражаться несколькими предметами. Однако в случае рода как разновидности универсального сей сущностный момент универсального должен обособляться каким-то образом.

Порфирий определяет род: genus est, quod de pluribus differentibus specie in eo quod quid est, praedicatur.

Дунс Скот усваивает это определение и доказывает его правильность. De pluribus specie differentibus и praedicari in quid – освидетельствование рода как вида различных предметов, а именно как существ; эти два определения образуют обособляющиеся различия, благодаря которым «универсальный» род превращается в видовой род «genus». А именно: универсальное может выражаться и по предметам, различным только числом, и, кроме того – как качественная определенность, а не по существу (32).

Вместе с тем род определяется не только *числом различных предметов* и не in quale, но и *различиями в видах in quid*. Таким образом, их понятие достаточно определено и в то же время является смыслом функции значения Nomen generale. Значение такого существительного имеет функцию выражения сущностно-видовых предметов (33).

Различие «praedicari in pluribus» в видовом различении только по числу, согласно значимости рассматриваемых предметов, позволяет предположить, что и последней возможности высказывания соответствует определенная смысловая функция, которую Дунс Скот называет Modus specificabilis. Значит, предметы, на которые направлена эта функция значения, должны быть лишь числовыми, а не различаться по характеру (34). Третий вид смысловой функции «per modum per se stantis» есть *Modus descendentis ab altero*. Благодаря нему передается смысл патронимического (Patronymicum) значения.

Несомненно, существует заметное различие в отношении функции значения, выражаются ли «цветом» различные виды цветов или «приамидами» различные представители указанного пола. Члены одного рода, хотя и отличаются друг от друга, все же в одном отношении одинаковы. Это относится и к разновидностям цветов. Но они различны в другом отношении, а именно в соответствии с их положением в генеалогической таблице, а одинаковы следующим образом: в отношении принадлежности к одному и тому же генеалогическому древу.

Это бесспорное внутреннее структурное различие рассматриваемого

или означаемого материала дает достаточные основания для новой дифференциации Modus per stantis через Modus descendentis ab altero (35).

Наряду с Patronymica Дунс Скот выделяет Diminutiva и определяет их форму значения тем, что они выражают предмет в «уменьшенной форме», вместо «цветы» – «цветочки», вместо «камня» – «камешек». Разумеется, верно, что данный смысл заключается в уменьшительных формах, но он, вероятно, не исчерпывается подобной как бы количественной характеристикой. Мы используем уменьшительные формы для выражения радости, шутки, нежности, привязанности и т. д. Но это, в конце концов, является основным возражением против формулировки Скота рассматриваемой функции значения. Ибо она ничего не говорит о многократно меняющемся содержании значения, которое, будучи вещественным, может иметь одну и ту же форму. Кроме того, может возникнуть вопрос, действительно ли душевные настроения, эмоциональные акты, не будучи сами по себе простыми, принадлежат выражению уменьшительного свойства и не объединяются ли эти акты особым, до сих пор не выясненным образом с актом значения соответствующего уменьшительного слова и, как частичные акты, образуют с ним феноменологическое единство?

Это предположение о таком унифицированном акте тем более близко, как и употребление Diminutiva не является никаким чисто теоретическим выражением. Как бы ни решались эти запутанные феноменологические проблемы, характеристика функции уменьшительного значения, которая кажется почти тривиальной, если не учитывать очевидной простоты отношений в области форм значений, не затрагивается Дунсом Скотом (36).

В качестве последнего Modus specialissimus от Modus per se stantis Дунс Скот приводит Modus collectivus; он считается коллективной формой значения. Под каждым Collectivum подразумевается объединение или даже сплоченность между собой отдельных предметов. Но точка зрения, с которой они образуют единое целое, не обязательно должна быть, как считает Дунс Скот, общей местной определенностью. Возможно, это справедливо в отношении таких значений, как «песчаный холм», «группа домов»; напротив, для таких значений, как «народ», «племя», необходимо использовать «высшую» точку зрения единства. То, что в этих значениях имеется в виду единое целое, неоспоримо. Если обратить внимание, что в различных Collectiva существуют разнообразные объединяющие точки зрения, а пространственное единство составляет только один их класс, то характеристика, данная Скотом, оказывается слишком узкой и односторонней.

В этом отношении представляется нецелесообразным помещать Patronymica как особую форму значения рядом с Collectiva. Скорее, правильным является подчинение первых Collectiva, поскольку они разделяют их общую функцию сплочения отдельных предметов в единое целое с определенной точки зрения. Однако в отношении Patronymica данная точка зрения представляется совершенно особенной, но не в том смысле, что она конституирует отдельную функцию значения. Напротив, вероятно, остается в силе, что Collectiva отличаются от рода с точки зрения единства, образующего сплоченность, и отсюда их справедливо разграничивают с Modus generalis (37).

Modus communis существительного был разделен на Modus per se stantis и Modus adjacentis. Мы проследили первый из них вплоть до его наиболее специфических дифференциаций. То же самое должно произойти и с Modus adjacentis.

Его общая функция значения проявляется в понимании определенности, присущей предмету, точнее: в понимании совпадения определенности.

Прежде чем перечислить 24 особых способа значения прилагательного, из которых мы упомянем только самые важные, Дунс Скот фиксирует одно различие. А именно: смысловая функция по преимуществу может означать приход определенности как определенности без дифференциации, т. е. без более близких моментов значения, которые говорят о том, в каком отношении и в каком виде определенность приходит к определяемому предмету. Следовательно, этот способ означивания является более общим, чем следующие, в которых Modus adjacentis имеет место с определенных точек зрения (38).

При близком родстве существительных и прилагательных присутствует также аналогичная дифференциация означающих функций. Прилагательное может быть общим, например, «окрашенный»; оно означает отдельные определения, которые, различаясь между собой по характеру, подчиняются одной и той же определенности формы, подразумеваемой под модусом Adjectivum generale.

У специального прилагательного отсутствует это видовое различие возможных определений, присущих предмету. Дунс Скот прямо отмечает, что Adjectiva, о которых здесь идет речь, вполне могут изменять свой модус значения без ущерба для сохраняющейся тождественности внешнего словообразования (39).

Adjectivum possessivum (притягательное прилагательное) представляет собой особый модус значения, поскольку придает предмету опреде-

ленность, которая не просто присуща ему, как, например, «окрашенный», и обозначает, скорее, субстанцию, материю, из которой он состоит.

Смысл уменьшительного прилагательного вытекает из того, что само собой подразумевается под уменьшительным существительным. То же самое относится и к Adjectivum collectivum, для которого Скот приводит в качестве примеров «городской», «наролный». Аналогично тому, как Patronymica принадлежит к собирательным понятиям, к только что упомянутому следует отнести и Adjectivum gentile (40).

Далее Дунс Скот относит к классу особых способов придания значения прилагательному его возрастающие формы, которые он характеризует как избыток конечного значения, выходящий за пределы положительного значения прилагательного (41).

Следует также отметить такие прилагательные, как «подобный», «равный», в которых выражается способ значения «ad aliquid» – относительность (42).

Здесь стоит указать и на временное прилагательное Adjectivum temporale (diumus, nocturnus, annuus), местное прилагательное Adjectivum locale (vicinus, propinquus…), порядковое прилагательное Adjectivum ordinale (primus, secundus…) (43).

Уже из этого перечисления различных способов значения прилагательного становится очевидным, что чем более специфичным является содержание рассматриваемых значений, тем больше можно перечислить форм значений. Однако следует отметить, что изменяется не столько функция значения, сколько содержание, на которое она влияет, а отсюда сами способы значения мало учитываются в учении о значениях.

При первой дифференциации функции значения существительного, направленной на предмет как таковой, были выявлены две основные формы способов значения, Modus communis и Modus appropriati, соответствующие двум основным направлениям, в которых может двигаться мыслящее представление о действительности. Обобщающие функции значения существительного иллюстрировались выше.

Рассматривая индивидуализирующие функции значения в Modus appropriati, характеристика форм значения существительного завершается.

Особые индивидуализирующие способы значения присущи, прежде всего, имени собственному. Они всегда имеют в виду индивидуальность, что по преимуществу. Какая именно сторона означаемого предмета, соответственно названного, предстает содержанием означающего сознания, не опре-

деляется функцией значения. В нем говорится только о том, что значение имени собственного «представлено» sub ratione propria, т. е. с сознанием того, что оно принадлежит этому и только этому означаемому индивиду. Подобная индивидуализирующая функция значения есть форма, которую можно отделить от многообразно меняющегося материала значения (44).

Задача возлагается на имя, иными словами, его общую смысловую функцию можно понять, поскольку оно позволяет различать людей, носящих одно и то же имя. Живя в этой смысловой функции имени, названная индивидуальность предстает перед нами как отдельная индивидуальность. Таким образом, функция значения преномена основана на функции собственного существительного.

Форма значения когномена вносит дополнительный вклад в характеристику означаемой и упоминаемой индивидуальной личности, а именно в отношении ее происхождения; она несет в себе исторический момент.

Совершенно очевидно, что то же самое делает, только в другом направлении, эпитет, форма значения которого определяется как proprietate eventus, т. е. единичное, особенно значимое событие, к которому каждое из названных событий имеет определенное, в отдельных случаях, естественно, различное отношение.

Не случайно Дунс Скот приводит в качестве примера Сципиона Африканского, историческую личность. Поскольку сама история как индивидуализирующее культурологическое исследование оперирует собственными именами, прозваниями и названиями. Стало быть, именно сей раздел учения о значениях, трактующий об индивидуализирующей функции значения существительного, дает ценное подтверждение правильной характеристики исторического формирования понятия и фиксации значения как индивидуализирующего (45).

До сих пор рассматривались только самостоятельные модусы значения существительного. Чтобы завершить всестороннее рассмотрение формы значения существительного, несамостоятельные формы значения также должны получить характеристику.

В отличие от Modus essentialis generalissimus существительного, выражающего его собственную и общую сущность, остальные обособленные формы значения Modus communis, appropriati и пр., можно рассматривать в качестве случайных модусов, как это действительно имеет место у Доната. Однако эти специфические модусы несмотря на то, что несут в себе общую сущность имени существительного, все же независимы; их функ-

ция значения не нуждается в обосновании; то, что они содержат больше, чем общую сущность существительного, происходит от специфического содержания, которое изменяет формы значения таким образом, что форма значения сохраняется. С другой стороны, чисто случайные формы не несут в себе сущности имени существительного; сами по себе они представляют собой не Nomina, особенности сущности «существительного», а формы, закрепляющиеся только на основе существительного и нуждающиеся в опоре на существительное, но сами по себе не обладают самостоятельным значением. Вот почему Дунс Скот отвергает указанное представление о Донате и рассматривает существительные «вид, род, число, фигура, случай и личность» («species, genus, numerus, figura, casus et persona») как чисто случайные модусы (46).

Как формы значения, хотя и случайные, они, будучи всякой формой, определяются материалом.

Относительно рода Nomina, который Дунс Скот относит к двум категориям действия и страдания, можно с полным основанием сомневаться, начиная с того, что его следует рассматривать как означающие формы. Это простая модификация слова, которая, конечно, с точки зрения лингвистической истории восходит к предметно-познавательным мотивам, но все же не имеет в своей основе всеобъемлющей категории реальности и, следовательно, не может быть использована для определения логического смысла предложения (47).

Дунс Скот приводит в качестве примера несамостоятельный модус «species»: «гора» и «горный житель» (Mons и Montanus). Он выступает против мнения, которое хочет видеть здесь простое различие слов, и стремится доказать материальную определенность оного модуса, распадающегося на первичный и вторичный. Первичный модус, который содержится в выражении «гора», относится к абсолютному существованию предмета, вторичный модус – к условной реальности. Ведь о горном человеке можно говорить только постольку, поскольку горы вообще существуют. Горы, с другой стороны, вполне могут существовать без горцев. Хотя выражение «горный житель», несомненно, является самостоятельным существительным; только в его функции значения входит момент, который можно понять только на основании значения «гора». Эта зависимость подобных Nomina от первичных значений призвана обосновать модус значения «species» (48).

В то же время Дунс Скот не считает целесообразным интерпретировать модус «figura» только как внешнее различие простых и составных слов.

Такие Nomina, как «ученый» и «неученый», указывают на особенность материала в том смысле, что, являясь одним и тем же, он может оставаться простым, составным или даже слагаться из нескольких частей. Однако эта характеристика предстает очень грубой и неточной, но в своей неопределенности она снова подходит для приблизительного указания на особенности в вещах, которые, несомненно, изменяют значения, подобные упомянутым. Скот дает здесь очень общие и приблизительные классификации, четкое и определенное регулирование границ которых требовало детального изучения. Что такое чистые, абсолютные формы значения, определенные предметным материалом как таковым, и что, в свою очередь, следует относить к издержкам развития языка, которое никогда не происходит чисто мыслительным путем, можно решить только на основе учения о категориях, развившегося до мельчайших деталей.

Более отчетливо, чем в упомянутых акцидентальных модусах существительного, проявляется их склонный к заимствованию, несамостоятельный характер в *модусе числа*. Множественность и единичность суть модификации значений, которые имеют смысл только тогда, когда означающее, в предыдущем случае номинальное означающее, обосновывает их. *Нечто* должно быть одним или многими. Следовательно, названный способ определяет значение тем, что в нем имеется в виду один предмет или множество. Интересно, что Дунс Скот при выводе рассматриваемой формы значения числа прибегает не к математическому или действительному числу, а к объединению Unum и Multum *transcendens* с действительным числом и позволяет определить форму значения из обоих. Ведь на самом деле это число определяется не только математическим числом, а числительные в форме множественного числа применяются не только к действительно исчисляемым предметам, но и к *многообразиям*, множествам. Это означает, что форма значения числа предназначена для одного и другого, а также для единицы и счисляемых предметов; таким образом, она раскрывает свою *широту применения*, лежащую за пределами отдельных областей, и, следовательно, вообще свою – присущую формам значения – увядаемость смысла. В то время как в отношении первых упомянутых случайных модусов могут существовать законные сомнения относительно того, действительно ли они обладают этой функцией или их нельзя отнести к языковым историческим факторам, находящимся вне сферы значения, модус числа сохраняется на основании его определения доминирующей категорией, охватывающей все предметное (49).

Общая сущность означающей формы существительного была истолкована как означающая предмет как предмет. Акцидентальные формы казуса (падежа) отражают теперь особенности воспринимаемых предметов, заключающиеся в том, что они находятся в определенных отношениях друг с другом. В сети отношений, возникающих между объектами, сами объекты функционируют как исходные «отправные точки» (principium) отношений или, в другом отношении, как точки отсчета (terminus), к которым стремится отношение. Акцидентальные формы значения падежей суть рефлексы самых общих определений мышления, присущие области значений; говоря субъективно: они выводят свой смысл из изначальной деятельности мышления как различающего и сравнивающего. Но сим характеристика данных форм еще не исчерпывается. Вероятно, вышеотмеченного достаточно, чтобы различать шесть падежей: именительный (Nominativ), родительный (Genetiv), дательный (Dativ), винительный (Akkusativ), звательный (Vokativ) и аблативный (Ablativ); отсюда следует: поскольку именительный падеж определяет смысловое содержание существительного, которое его определяет, как отправную точку отношения, а звательный падеж придает значению значение точки отсчета, постольку остальные четыре падежа могут формировать связанное с ними смысловое содержание в соответствии с обоими аспектами.

Для более точного определения содержания формы в каждом отдельном случае необходимо отметить еще одну особенность предметов, а именно то, что предмет по своей сущности является тем, чем он является, но в то же время может быть и чем-то иным (50).

Следовательно, форма значения именительного падежа гласит: содержание значения существительного, стоящего в нем, подразумевается, как отправная точка определения в том смысле, что означаемый предмет по своей тождественности предстает еще и одним другим. Дунс Скот так интерпретирует фразу: «Sokrates amat» – Сократ есть Principium определения «любить»; в то же время в своей тождественности как Сократ он является другим, себе принадлежащим; он любит, он любящий Сократ. Теперь, когда смысл предложения относится именно к природной действительности, возможна дальнейшая содержательная детерминация принципа. Исходным пунктом определения предстает одновременно действующий принцип, исходная причина события; однако, например, в математических предложениях, смысл которых относится к бессмысленной области, где, разумеется, в силу своеобразия предметной области говорить о событии не имеет смысла, функция значения

именительного падежа не может подвергаться такому дифференцированию, определяемому природной действительностью.

Мнение, что именительный падеж переводит значение существительного, к чему он прикреплен, в функцию предмета, «о котором» нечто говорится или «в котором» заключается нечто еще, Скот отвергает как заблуждение. По этой характеристике именительный падеж недостаточно отличался бы от остальных падежей. Поскольку нечто может быть высказано и из содержаний значений, находящихся в других падежах (51).

Родительный падеж как форма значения придает значению свойство быть принципом или Terminus, точкой отсчета или ориентиром отношения с более близким определением, то, что у вас есть – это нечто другое (ut cuius est alterum). Однако представляется, что с последней детерминацией, которая должна отличать родительный падеж как таковой от дательного падежа, была выдвинута только одна тавтология: родительный падеж означает в форме родительного падежа. В предложении «Сократ интересуется» слово «Сократ» выступает как Principium, в другом предложении «Socratis misereor» – как Terminus: таковой имеется и в предложении: «Filius Socratis est».

Дательный падеж также устанавливает значение как точку начала или цели отношений с более близким определением того, что другому «дано» то или иное установленное (52).

Винительный падеж придает смысл значению как точке назначения, в которой действие как бы останавливается и завершается. Он такой исполнитель главной роли. Иногда винительный падеж также означает определяющее его содержание как Principium по преимуществу без детерминации, свойственной именительному падежу. Так обстоит дело с так называемым винительным падежом cum infinitivo. Далее следует отметить, что винительный падеж может просто быстро появиться, а вскоре и в сочетании с предлогами в предложении: Lego librum, curro ad campum (53).

Звательный падеж придает его определяющему смыслу форму Terminus, зависящего от непосредственного совершения действия. Другой детерминации, подобной трем вышеупомянутым случаям, здесь не найти. Что касается акта, то следует отметить разницу между *Actus signatus* и *Actus excercitus*.

Первый находит свое выражение в глаголе и причастии. Через «nego», например, сообщается, что я совершаю акт отрицания; вместе с «не» и посредством «не» совершается сам акт. В восклицании «O Henrice» в «O» заключено действие; оно не только провозглашается, но и совершается. И

конечным пунктом такого непосредственного совершения действия является звательный падеж (54).

Аблативный, как родительный и дательный падежи, придает значению форму Principium или Terminus с детерминацией quo. Полноценность падежа во всей этой сущности состоит в том, что Дунс Скот значительно фиксирует его функцию в целом как точку подхода или цели, поскольку эта функция присуща каждому падежу в целом; более близкие определения меняются с изменением сферы применения падежей и детерминирующих их выражений. Далее стоит отметить, что Дунс Скот исследует значения, заключающиеся в отдельных падежах, не изолированно, а в контексте предложений.

С другой стороны, различные склонения Nomina не суть Modi significandi, а основаны на *различных вариациях словообразований*. Склонение вообще существует только на основе различных падежей, и это, однако, формы значения. Отсюда можно сказать, что склонение – форма значения, посредством которой содержание значения «склоняется», т. е. формируется как состоящее в различных отношениях (55).

Местоимение

При определении основной формы значения существительного подчеркивалось, что оно означает предмет как предмет, но в то же время отмечалось, что этого определения недостаточно и достаточно, чтобы отделить существительное от других частей речи. Поскольку «часть речи», о которой идет речь, местоимение, означающее per modum entis, т. е. указывает на предмет как на предмет. Однако, что отличает его от существительного, так это то, что в местоимении предмет определяется не по содержанию, а как этот, а не какой-либо другой. Таким образом, смысловую функцию местоимения можно с полным правом назвать неопределенной, лучше не определяющей (indeterminata apprehensio). Дунс Скот выводит это сущностное свойство местоимения из materia prima. А именно, она сама по себе неопределенна, лишена всякой формы, так что не включает и не исключает ее. Первичная материя не имеет определенной тенденции быть детерминированной какой-либо определенной формой; она как бы «покоится» под любой произвольной, доступна любой форме.

Эта особенность не «навязана» ей, но присуща ей как таковой, составляет ее сущность; она характеризуется capacitas quaedam formarum, некоторой нейтральной доступностью произвольным определениям формы.

Из этой особенности Materia prima, заключающейся в том, что она неопределима и в то же время поддается определению, проистекает основной модус значения местоимения.

Правда, под определенностью materia prima не следует понимать эту определенность так, как если бы местоимения к означаемому и обозначаемому им предмету имели materia prima, но это делает понятной только смысловую функцию местоимения.

Древние грамматики выражали то же самое в том смысле, что местоимение означает субстанцию без качества. В противоположность оному толкованию функции значения местоимения, данное Скотом оказывается гораздо более общим, т. е. не относящимся исключительно к реальной природной действительности (56).

Однако теперь можно возразить и против этого, что смысловая функция части речи, которая сама по себе представляет нечто положительное, также должна быть положительной. Но местоимение, согласно сказанному, функционирует в частной форме, как Modus indeterminatae apprehensio; следовательно, сей модус не может точно характеризовать функцию значения местоимения.

Дунс Скот замечает по этому поводу: все неопределенное настолько, что исключает всякую форму и вообще не допускает определения формы, называется частным. Но то, что не включает и не исключает определенность формы, не является частным. Однако именно так проявляется смысловая функция местоимения. Хотя даже если бы не желали признать, что эта функция значения не является частной, можно было бы сказать, что она как частная ограничивает собственно модус означающего местоимения, которое, по сути, имеет отношение ко всему (57). И даже если предположить, что модус означающего местоимения действительно частный и не ограничивается только частной формой, он все же был бы достаточно определенно разграничен с другими частями речи. Их следует мыслить не как словесные формы, а как бессмысленные первичные категории значений; значит, как таковые Entia secundum animam также положительны по своему характеру и положительно различимы (58).

Уже говорилось, что местоимение в Modus communis означает и в каждом предмете касается предметного как такового. Но последнее равно происходит через существительное Ens; следовательно, это на самом деле местоимение. Дунс Скот пытается ответить на это возражение, отмечая, что смысл существительного «ens» ограничен по отношению к области господ-

ства местоимения, поскольку его значение не применимо к трансцендентностям «unum, res, aliquid», а не к изъятиям и отрицаниям (nihil est non ens), вот потому оно может не совпадать с местоимением и само по себе иметь характер такового (59).

Однако сейчас это рассуждение вряд ли может быть обоснованным. Да, Дунс Скот объявляет Ens тождественным трансцендентностям; следовательно, они входят в его сферу; далее, он принимает понятие Ens в таком общем виде, что оно действительно применимо к любому произвольному познаваемому (quodlibet intelligibile). Таким образом, Ens имеет ту же широту применения, что и местоимение. В этом отношении оба они ничем не отличаются, и возражение остается, но только до тех пор, пока не будет упущено из виду, что при всей неопределенности функция значения существительного «ens» отличается от функции местоимения. Под существительным я подразумеваю предмет как предмет. Под местоимением я подразумеваю совершенно определенный предмет, правда, без того, чтобы он уже определялся содержанием самим местоимением. Смысловая функция местоимения обусловлена определенностью (determinabilis) и является результатом соответствующего применения местоимения в определенном смысловом контексте (предложении).

Смысловая функция местоимения, сама по себе не определяемая каким-либо конкретным предметом, приобретает свое единственное направление исполнения, проявляющееся в отдельных случаях использования, благодаря различным моментам, связанным с феноменом направления исполнения вообще. И в зависимости от характера сих моментов, обусловливающих исполнение (содержательную определенность), можно установить различные Pronomina.

Предметы могут присутствовать «телесно» в непосредственном созерцании, так что в отношении их существования и того, что они могут быть восприняты с точки зрения содержания, не может быть никаких сомнений. Указательное местоимение выполняет смысловую функцию указания на предмет, данный телесно. Смысловая функция, не определяющая сама по себе, но определенная по своей сути, получает свое исполнение благодаря предметам, непосредственно «представленным» в каждом конкретном случае.

Дунс Скот проводит здесь интересное различие: Demonstrativum *ad sensum* означает и имеет в виду также предмет, на который указывает; в суждении «ille currit» зафиксирована полная данность: «тот, кто там бежит». Demonstrativum *ad intellectum* одинаково указывает на непосредственно

данный предмет, хотя он не имеется в виду только как таковой; в суждении «haec herba crescit in horto meo», пусть «haec» и указывает на траву в моей руке, оно означает не только то, что находится в моей руке, но и то, что произрастает в моем саду; последнее положение дел не дано наглядно; отсюда «haec» используется *ad intellectum* (60).

Исполнение является прямым, непосредственным в указательном местоимении (notitia prima), в отличие от относительного местоимения; оно означает предмет в actus secundus, т. е. относится не к непосредственно данному предмету, а к нему как к теперь уже не данному, но уже ставшему данным; оно обозначается относительным местоимением как бы «повторяется» и называется «повторенным», а не непосредственно данным (61). В субъективном смысле это означает: в указанном местоимении заключается момент воспоминания (recordatio). Это знание о том, что знающий *осознает, как некогда осознавал* (62). Следовательно, Relativum имеет в виду мнимый предмет как бы осмысленный ранее.

Уже упомянутый в существительном Modus per se stantis, посредством которого существующий в себе предмет имеется в виду как таковой, отличный от другого, также характеризует личное местоимение (я, ты, он…). «Я» означает наиболее определенный и непосредственный объект, смысловую функцию того же самого в настоящее время выполняющего себя «я». Функция значения очень специфична, выполняя одно за другим, так часто, как другое «я» обновляет значение. «Ты», как бы мало оно ни значило того же «я», совершающее смысловой акт местоимения, равно имеет отношение ко всякому говорящему, поскольку имеется в виду каждое лицо, к кому «обращается» данное местоимение. «Ты – это я», которое есть «оно» (Фихте). Он, она суть указательные местоимения (в основном demonstrativa ad intellectum) и обозначены в Modus per se stantis, отсюда и их частое использование в качестве заместителей для собственно существительных (63).

Modus adjacentis, также встречающийся у существительного, образует смысловую функцию притяжательного местоимения, которое означает предмет, принадлежащий говорящему или иным образом осмысляемый им предмет (64).

Дунс Скот не рассматривает акцидентальные формы значения местоимения более подробно, а лишь заявляет, что они такие же, как указаны в существительном, о чем уже шла речь (65).

Очевидно, Дунс Скот осознает широкое значение местоимения в области значений, иначе он, опуская остальные части речи, не вернулся бы по-

сле обсуждения различных способов того же самого к функции значения местоимения и не удостоверился бы в установленном им смысле местоимения, невзирая на возможные возражения.

Итак, говорят, что местоимение само по себе, взятое абсолютно, лишено значения, оно имеет только «пригодность» (habilitas) нечто означать, и это в смысле демонстративных и относительных актов. Оное мнение опирается на Присциана, который объявляет местоимение пустым и тщетным без вышеозначенных актов (66).

Дунс Скот указывает на ошибочность сего мнения, возвращаясь к сущности Modus significandi и его отношению со значением. Об определенно дифференцированной имитации значения можно говорить только в том случае, если значение вообще существует. Итак, если для местоимения вообще могут существовать Modi siguificandi, то этому местоимению должно придаваться основное первичное значение. Но на самом деле в местоимении присутствует такое понятие, как modi significandi, так что оно делает возможным подобное значение в первую очередь.

Относительно положения Присциана следует отметить, что, согласно Аристотелю, «пустым и тщетным» может быть названо только то, что направлено к определенной цели, хотя и не достигает ее. Тенденция местоимения, однако, заключается в том, чтобы подразумевать предмет, не определяя его по содержанию.

«Пустое и тщетное» можно понимать двояко: сначала местоимение вообще ничего не значит; затем оно означает нечто, не определяя сего нечто. Последний вид «пустое и тщетное» – это местоимение. Поскольку функция его значения не является определяющей, ее можно назвать «пустой»; однако она, хотя и не определяющая, но определенная и, следовательно, не пустая, ведь именно она имеет прямое отношение к тому, чтобы подразумевать нечто не определяющее. Возражение, решительно отвергнутое Скотом, может основываться только на смешении определенной функции значения вообще с изменяющимся в каждом конкретном случае, т. е. само по себе определенным (пустым) содержанием значения.

Другая точка зрения допускает, что местоимение обязательно должно иметь определенную смысловую функцию, ибо в противном случае под местоимением вообще ничего нельзя было бы мыслить и ничего нельзя было бы сказать о нем как о субъекте суждения. Но это значение есть определенное понятие бытия, предметности вообще, которое, подобно понятиям рода, вида и т. д., применимо к каждому отдельному чувственному и сверх-

чувственному предмету. Само по себе, даже такое толкование функции значения местоимения не может быть верным. В самом деле, местоимение само по себе как подлежащее (субъект) не бывает реальным сказуемым (предикатом), и суждение «я – человек» тогда оказалось бы невозможно – точно так же невозможно, как нелепо суждение «понятие “человек” – это живое существо» (67).

В предложении «illud est significatum Pronominis, significat scil. essentiam de se indeterminatam *determinabilem tamen*» Дунс Скот подытоживает суть смысловой функции местоимения (68).

Вернер считает «поразительным, что после того, как Дунс Скот уловил конкретно-индивидуальное неотложное мышление…, конкретизирующий характер фразеологизмов не стал заметен. Следовательно, средневековая логика языка была столь же далека от философии языка, сколь и схоластически-средневековая философия – далека от того же проникновения в конкретную сущность вещей» (69).

То, что схоластика была еще далека от приближения к реальности и интенсивного аналитического исследования фактической действительности, каковым оно предстает перед нами в современных эмпирических науках, в главном бесспорно. Но философия все же не является эмпирической наукой, и в учениях о значениях речь идет не об отдельных подробностях и особенностях предметов, а о принципиальном, категориальном, содержании формы. И там, где встречаются формы значения, предназначенные для восприятия индивидуального – но сами по себе как формы все же общие – Дунс Скот равно признает их таковыми, как можно показать в случае наиболее специфических модусов значения существительного. Точно так же, как местоимения применяются к отдельным предметам, их смысловая функция, несомненно, остается общей, выделение которой действительно входит в задачи *философии языка*, поскольку она свободна от психологических отклонений.

Насколько Дунс Скот прав в своей интерпретации функции значения местоимения, проливает свет на интересный момент у Гегеля, чья «логика», столь богатая плодотворными различениями и понятийными определениями, все еще должным образом не исчерпана: «Когда я говорю: единичное, это единое, здесь, сейчас – все оное есть всеобщность; все и каждый есть единое, это, даже если оно чувственно, здесь, сейчас. Точно так же, когда я говорю «я», то имею в виду «себя» как того, кто исключает всех других; но то, что я говорю «я», есть именно каждый: «я», исключающее из себя

всех остальных… «Я» есть само по себе всеобщее… «я» абстрактное как таковое есть чистое отношение к самому себе… самое» (70).

Глагол

Наряду с существительным глагол считается одной из важнейших частей речи. Это преимущественное положение глагола в пределах целого значения (смысла предложения) непосредственно проясняется материальной определенностью его формы значения. Суть существительного восходит к предметному как таковому. Каждый предмет является предметом и отличается от другого. Предметное положение вещей столь же изначально, как и предмет вообще; с каждым предметом оно имеет отношение, и не важно, что оно тождественно с самим собой и отличается от другого.

Предметное состояние в Modus entis и Modus esse Дунс Скот справедливо называет самыми общими определенностями в области предметного вообще.

Modus esse, предметное состояние, теперь определяет функцию значения глагола. Сам по себе этот модус недостаточен для однозначного определения рассматриваемой части речи. Ведь способ употребления также подходит и для причастия; следовательно, необходимо дальнейшее определение, чтобы установить полную сущность глагола.

Собственно сущностная форма глагола, отличающая его от всех других частей речи, есть Modus distantis.

Глагол выражает предметное состояние, и в этой функции значения он как бы изолирует состояние от предмета, так что хотя содержание в обособлении и посредством него снова относится к предмету, состояние все же свидетельствует о том, что оно утверждается предметом.

Теперь, вероятно, станет очевидным различие между глаголом и причастием. Последнее, хотя и говорит о том же положении вещей, имея в виду глагол, все же не означает его в Modus distantis, не предопределяет его как утверждение предмета, а скорее подразумевает, что он каким-то образом помещен в одно целое с этим предметом, связан с ним.

Но теперь представляется невозможным полностью отнести сущностную форму значения глагола, Modus distantis, к «содержанию», отличному от предмета: отсюда бы следовало, что модус, поскольку он присущ не всем глаголам, не мог бы считаться сущностной формой. В предложении «ens est», что значит бытие есть, положение вещей «есть», предполагаемое

глаголом «быть», по-видимому, не отличается от предмета, «бытия», иначе бы предмет различался с предметным состоянием. В таком различии установилось бы небытие (72).

Как Дунс Скот решает эту трудность? Он признает, что здесь «est» не означает нечто существенно отличного от предмета «ens», но указывает, что в рассматриваемом суждении подлежащее (субъект) следует рассматривать как материю, а сказуемое (предикат) – как форму, и в этом отношении «ens» и «est» существенно различны (*ut tamen in ista propositione subjectum accipitur ut materia et praedicatum ut forma, quae essentialiter differunt*) (73).

Данное краткое предложение менее значимо как опровержение вышеприведенного возражения, разве что благодаря глубокому пониманию сущности суждения Дунсом Скотом, оно достойно дополняет, если не превосходит, уже известные ранее высказывания об этом основном феномене логики (74).

Дунс Скот предвосхитил здесь одну из самых современных и глубоких учений о суждении в принципе. «Познание, – говорит Ласк, – связано исключительно с присоединением логической формы к логически аморфной материи. Отсюда материал для познания есть лежащая в его основе, данная ему, опора познания – то, над чем оно должно совершать свое постижение. Категория, напротив, представляет собой простое логическое дополнение, добавляемое к материальному субстрату. Значит, истинный «субъект» есть материал, истинный «предикат» … категория (!)» (75).

Интересным является само по себе почти буквальное совпадение в формулировке. Но прежде всего нельзя упускать из виду тот факт, что Дунс Скот приходит к указанному толкованию, когда выносит содержательно значимое суждение. В предложении «сущее есть» он как бы уже не мог иначе, как объявить материал подлежащим (субъектом), форму – сказуемым (предикатом). Следовательно, и в способе постановки и решения проблем Скот, вероятно, совпадает с Ласком, поскольку последний, стремясь установить господство логической формы, пришел к своей теории суждений. Постановка вопроса у Ласка гораздо шире, ибо принципиальна, тогда как Дунс Скот пришел к пониманию сути этого суждения только по случаю толкования любопытной фразы «ens est». Но он не расширил данное само по себе глубокое и ценное знание до общей теории суждений. Причиной того является не только его металогическая «точка зрения», но и, прежде всего, отсутствие у него, несмотря на его независимый от критики образ мышления, свободной умственной подвижности по отношению к оковам традиции.

Ens и Est различаются «secundum rationem», – с каждым из них оно поразному связано, о чем только что говорилось. И этой разницы в отношении уже достаточно для различения предмета и предметного состояния.

У каждого предмета есть две определенности: его содержательное «что» и его «это-бытие», а также отличительное «бытие» от любого другого (76).

Modus esse, коим сообща обладает глагол с причастием, происходит от феномена изменения и преемственности в фактической действительности, которому противостоит настойчивая субстанциальная определенность. Но очевидно, что глагол выражает не только реальные события, но и вневременные обстоятельства. Не всякое бытие, по словам Дунса Скота, имеет преемственность. Бытие Бога – не есть изменение, и все же мы говорим: «Бог есть». Скот избегает оной трудности, объясняя: бытие Бога последовательно в вечной, а не временной последовательности. Но и этот способ речи является лишь аналогом; мы представляем себе бытие Бога, побуждаемое понятием временной преемственности, как если бы оно существовало в вечной преемственности (77).

Наряду с отношениями из области сверхчувственной реальности метафизического в словесном воплощении находят свое выражение и бессмысленные математические и логические взаимосвязи, отсюда представляется целесообразным определить смысловую функцию глагола как возможно более общую и блеклую, нежели функция отношения предмета.

Совершенно общие отношения, существующие между предметами вообще, выражаются Verbum substantivum (отглагольным существительным), смысловая функция которого еще не выделена, посредством определенных типов бытия, меняющихся в зависимости от отдельных сфер действительности.

Если подняться в предметную область природной действительности, где имеет смысл говорить о событиях, действиях, поступках и страданиях, то смысловая функция глагольного существительного претерпевает соответствующие детерминации. Таким образом, можно различать Verbum activum, passivum, neutrum и communum – последний может встречаться в значении активного или пассивного глагола; нейтральный глагол, напротив, не означает ни активной, ни пассивной формы, так что возникает соблазн классифицировать его в понятии общего модуса значения отглагольного существительного. Сам по себе данный модус значения не детерминирован, в то время как модус глагола нейтрален. Однако такие слова, как «vivo», «sto», приводимые Скотом в качестве нейтральных, в некотором смысле можно

отнести к категории Verba activa. Однако они обозначают деятельность, которая как таковая не относится непосредственно к объекту, например, в случае с «docео»; но это различие не является категориальным и, следовательно, не приводит к разделению названных классов (78).

Более важным для дальнейшего выяснения сущности формы значения глагола является то, что Дунс Скот рассказывает о Compositio. В сущности, выше уже указывалось на этот случайный способ значения глагола с замечанием, что глагол не только означает предметное состояние, отличное от предмета, но в то же время выделяет его как принадлежащее предмету. Дунс Скот отмечает, что древние грамматики специально не упоминали Compositio, но на самом деле знали о данном понятии на основании высказывания Аристотеля о «est», которое обозначает определенную связь, без чего невозможно понять взаимосвязанные звенья.

Согласно Дунсу Скоту, это «est» заключено во всех глаголах, как бы в их «корне». Вот почему Compositio относится к глаголу вообще и определяет его смысловую функцию тем, что положение вещей понимается как «склоняющееся» к предмету, относящееся к нему интенционально, как относящееся к нему в соответствии с ним.

Однако Compositio, по Дунсу Скоту, не учитывает сущностной функции значения глагола, ибо сводится к тому, чтобы означать факт как таковой; только на этом и строится Compositio.

Modus compositionis глагола соответствует со стороны существительного Modus per se stantis, под которым предмет обозначается как этот конкретный предмет. Compositio – это собственно принцип соединения глагола с существительным в едином смысле.

Если бы только что отмеченное толкование суждения «ens est» применялось к любому суждению, то было бы сказано, что глаголу соответствует функция формы, и акцидентальный модус значения глагола, Compositio, выражает определенный момент в форме, а именно характер отношения (*inclinatio*) к материалу (*suppositum*), к «данному»; обстоятельство есть всегда обстоятельство, положение вещей есть всегда положение вещей.

Таким образом, Modus distantis и Modus compositionis, на первый взгляд кажущиеся противоречащими и противостоящими друг другу, могут быть объединены в одной функции значения глагола (79).

Теперь глагол может просто выражать положение вещей, называть его, т. е. высказывать, являя собой это положение и относя или не относя его к предмету как таковому.

Но, кроме актов высказывания, возможны и другие способы выражения мнения субъекта о положении вещей; здесь можно перечислить желаемое, требуемое, вынужденное, вызывающее сомнения положение вещей. И в соответствии с этими различными качествами действия возникают и разные акцидентальные модусы функции значения глагола. Данные модусы представляют собой различные способы выражения мнения субъекта, и как таковые они изменяют Compositio. Приказные, желающие, вопрошающие и сомневающиеся предложения даже сегодня недостаточно прояснены и разграничены; особенно неясным остается их отношение к суждению. То, что Дунс Скот причисляет их к случайным модусам, т. е. к функциям обоснованного значения, указывает следующее: он рассматривает их не как простые акты, а как акты, чреватые множеством осложнений. Совершенно верно Дунс Скот подчеркивает, что разнообразие качеств действия влечет за собой прежде всего Compositio, тип и способ отношения предмета к предмету.

Инфинитив, включенный Скотом в упомянутые модусы, есть форма глагола, в которой он обозначает содержание, по существу, как таковое, имеющее в виду положение вещей; в инфинитиве положение вещей представляется простым. Этим объясняется, что все вышеупомянутые модусы могут быть растворены в нем, поскольку все они содержат положение вещей, так или иначе окрашенное качеством акта (80).

Другой тип особых модусов значения, по мнению Дунса Скота, может обосновываться формой. Различают формы: a perfecta, meditativa, frequentativa, inchoativa, diminutiva. Однако модификации, выражающиеся в этих формах, касаются не столько собственно смысловых функций глагола, сколько его соответствующего содержания - того, *что* относится к означаемому положению вещей (81).

Compositio как момент смысловой функции утверждает, что отношение, обозначаемое глаголом, относится к предмету; отношение мыслимо только как отношение к нечто; Modus esse глагола, т. е. его сущность в обозначении отношения, аналитически требует предмета, на который он может как бы опираться. Modus esse, как имеющий значение для положения вещей, требует в то же время и опорных точек для данного положения вещей. В свою очередь, положение вещей должно мыслиться только как отношение между «вещами», как отношение между относящимися; следовательно, в Modus esse одновременно даны и предметы, на основании которых существует положение вещей, подразумеваемое модусом (82).

Наряду с Compositio, что связывает предмет, считая его принадлежащим предмету, с предметом предложения как бы «впредь», существует еще один акцидентальный момент смысловой функции глагола – Significatio; понятие гласит, что предмет связан с предметами, которые не предназначены для содержания предмета предложения и, следовательно, также могут быть связаны с предметом предложения, находясь в падежном склонении. Обозначение «Significatio» объясняется так, поскольку в нем выражается свойство глагола, основанное на его содержательном смысле. Содержание глагола, меняющееся от случая к случаю, обусловливает и разнообразие зависимых от него Nomina в различных падежах; определенность содержания выражения в глаголе влечет за собой более или менее меняющееся разнообразие обстоятельств вещей (83).

Обстоятельство, подразумеваемое в глаголе, может быть по-разному детерминировано соответствующим различием в отношении к предметам, не входящим в состав субъекта предложения. Significatio, что само по себе следует рассматривать как акцидентальное определение общей функции значения глагола, подвергается, тем самым дальнейшему уточнению посредством Genus accidentale verbi. Это как бы качество Significatio (84).

Однако Дунс Скот отмечает, что в отношении Genus verbi, делящегося на активный, пассивный, средний и общий Genus, он опирается «*преимущественно*» на различия в *словообразовании* глаголов (Verba). Тем самым он указывает, что Genus verbi нельзя рассматривать как чисто значимый момент и следует больше учитывать просто грамматические отношения (85).

Теперь остается изложить, как Дунс Скот определяет отношение категории «время» к глаголу. Немецкое обозначение «zeitwort» для глагола предполагает, что категория времени может относиться к сущности рассматриваемой части речи. Скот, как уже видно из сказанного, не придерживается подобного мнения. Для него время есть лишь акцидентальный модус, разумеется, никак себе не соответствующий, основанный на отношении глагола к субъекту или объектам предложения (существительным, стоящим в склоняемых падежах), но модус, основанный на самом положении вещей как таковом, *который необязательно должен* предоставляться вместе с ним. Логические и математические положения вещей не имеют определения времени (86).

Причастие

Смысловую функцию глагола можно кратко охарактеризовать тем, что он означает положение вещей, а именно утверждение о предмете (per modum distantis).

Общая функция причастия теперь состоит в том, чтобы также подразумевать положение вещей, но не в Modus distantis, а в Modus indistantis. Это означает следующее: у причастия акцент в его значении опирается не столько на принадлежность предмета к предмету, сколько на предмет, мыслящийся объединенным с предметом. Этим моментом значения, в котором как бы снимается и стирается напряжение между предметом и обстоятельством, причастие отличается от глагола (87).

Дунс Скот объясняет название рассматриваемой части речи тем, что она как бы участвует в функции значения существительного и функции глагола. Правда, не в отношении сущностных моментов, как если бы причастие означало одновременно предмет как предмет и положение вещей как положение вещей. Это толкование следовало бы отвергнуть как ошибочное, и если бы оно оказалось правильным, то было бы непонятно, как тогда причастие должно представлять собой самостоятельную форму значения, обособленно отличную от остальных. Упомянутое «участвовать» может относиться только к акцидентальным модусам, поскольку оно подходит для Participium (причастия), как и Nomen (существительного) «numerus» и «casus» одновременно, равно как Verbum (глагола) «tempus» и «significatio» (88).

Классификация особых смысловых модусов причастия аналогична классификации глагола (89).

Номинальные акциденции присваиваются причастию не как таковому, а на основании определяемой в его сущности связи с предметом (90).

Наречие

Наречие означает per modum esse, т. е. мысль о положении вещей включена в его значение. Его функция направлена – при ближайшем рассмотрении – на то, чтобы каким-то образом определить Compositio, момент принадлежности положения вещей к предмету. Поскольку в причастии момент Compositio исключен – это обстоятельство его и отличает от глагола – постольку нельзя говорить о наречиях в собственном смысле как о детерминациях причастия. И так как в причастии также имеется в виду положение вещей, то оно должно быть предметом определения формы наречной

функции значения как положения вещей. Но общая, сущностная функция значения наречия переходит только на глаголы (91).

Однако если данная общая функция значения подвергается определенным обособлениям, например, смысловой момент ограничения соответствует исключению, то наречие допускает приспособление ко всем значениям, предварительно сформированным для самой заданной функции значения. Таким образом, оказывается, что существительные и местоимения также могут быть связаны с наречиями.

Последнее, по-видимому, противоречит функциональному значению наречия, отмеченному в начале, поскольку говорилось, что в его функции входит понятие отношения к положению вещей; но имена существительные и местоимения все же означают предметы как предметы. Теперь можно было бы ответить взаимностью: положения вещей могут быть названы в отыменных и местоименных формах значения, а отсюда нет ничего необычного в том, что и они определяются наречием.

Просто так эту трудность не решить. Ведь когда положение вещей в функции значения существительного соответствует поставленному местоимению, я больше не имею его в виду как положение вещей, но мыслю в качестве предмета. Противоречие, на мой взгляд, можно разрешить, уяснив, что указанные наречные определения существительного и местоимения могут «мыслиться» только в полной значимости, в которой всегда подразумевается положение вещей, например, в предложении, приводимом Дунсом Скотом: «homo tantummodo legit» – «Только человек читает»; значит, наречие всегда имеет какое-либо отношение к положениям вещей, т. е. к глаголам, их выражающим (92). И если оно не относится к глаголам или причастиям, т. е. не выполняет определяющей функции, то его значение, как прямо отмечает Дунс Скот, «искажено» (93).

Сущность функции значения наречия допускает обособление, в чем выражается собственно детерминированный характер наречия. А именно, наречие может определять глаголы и причастия двояким образом. Сначала в отношении их смыслового содержания как такового, но затем и в отношении их способа означивания. Оба типа наречной определяющей функции теперь могут быть дополнительно выделены, с помощью какого обособления можно получить доступ к различным конкретным формам наречий.

Выражаемое глаголом положение вещей может иметь отношение к категориям пространства, количества, качества, кроме того, качество глаголь-

ного акта значения способно приобретать приближенную наречную определенность (94).

Смысловая функция глагола как такового, а не содержательная функция выраженного в нем положения вещей, определяется с точки зрения Compositio, времени и глагольного качества (95).

Наречные определения, возможные в соответствии с указанными категориями из-за различий в положении вещей, здесь не следует рассматривать в деталях, поскольку они на самом деле больше не имеют ничего общего со смысловой функцией глагола, а представляют собой материальные дифференциации.

Напротив, интересно посмотреть, как Дунс Скот иногда разъясняет проблемы, известные в феноменологии в других областях, обсуждая наречные определения, относящиеся к значению глагола, или, по крайней мере, указывает им место в своем учении о значениях.

Уже при обсуждении Compositio глагола и изменяющих это качеств акта было высказано предположение, что Дунс Скот указывает на давно недостаточно проработанную проблемную область.

Рассматриваемые здесь наречия получают свой особенный характер соответственно рассматриваемым качествам действия как существующим: спрашивать, сомневаться, утверждать, отрицать. В сей же ряд входят и наречия, связанные с изъявительными, предпочтительными и повелительными наклонениями, качествами акта желания, побуждения как их более близкими определениями. С другой стороны, наречия времени, вероятно, следует отнести к вышеупомянутой группе, которая касается содержательной стороны положения вещей (96).

Союз

Как следует из названия, задача союза состоит в том, чтобы соединять звенья. При использовании этой весьма общей отметки ничего не говорится ни о способе соединения, ни о природе соединяемых звеньев. Можно выделить два основных типа соединения и, соответственно, два класса союзов. Возможна связь звеньев, которая не зависит от них – *quae inter se dependentiam non habent*, т. е. то, что содержится в связанных звеньях, как таковое не требует соответствующей связи; это как бы навязывается им «извне». Данный тип союзов не случайно называется conjunctio per vim (97).

Сюда входят связующие союзы, например «и»; последний может связывать два существительных (Subjectiva) или прилагательных (Adjectiva) или целые предложения, которые по своему содержанию не имеют имманентной связи и, следовательно, не требуют связующей нити. Особенность отношения, имеющего место в таких соединениях, состоит в том, что оно не ограничивается двумя членами, а может непрерывно распространяться на третье и, стало быть, фиксированное множество. Союзы посредством vim также являются дизъюнктами (бессвязными). Только у них есть особенность соединять два члена таким образом, чтобы они различались относительно третьего; Дунс Скот цитирует фразу Боэция, который говорит о дизъюнктивном соединении: оно связывает два члена, в то же время запрещая быть обоим одновременно (98).

Второй тип составляют союзы per ordinem. Звенья, подлежащие соединению, по своему значению требуют определенных форм соединения, в качестве которых Дунс Скот называет связи, опосредующие причину и следствие (реальные предметы и положения вещей), с одной стороны, и причину и следствие (логические предметы и обстоятельства), с другой (99).

Наряду с этими двумя типами собственно союзов, смысл которых коренится в существе речи, предложений, есть еще такие, которые используются для украшения речи. Поскольку по своей сути они не относятся к формам значения, нет необходимости рассматривать их более подробно (100).

Предлог

Предлог также может рассматриваться как способ соединения. Но его нельзя сводить ни к чему другому, имеющему отношение к смыслу, и, следовательно, он представляет собой новый самостоятельный предмет значения. Таково соединение с именами существительными, хотя они и находятся в определенных падежах. Посредством падежей предметы, подразумеваемые в соответствующих значениях, мыслятся находящимися в определенных отношениях. Предлоги теперь в контексте значений обладают способностью детерминировать соответствующие отношения и тем самым способствовать дальнейшим контекстам значений.

Однако если предлоги соединяются с другими формами значения, например, с глаголами, так, что образуют с ними лингвистическое единство, то они теряют свою функцию значения; они перестают представлять собой

самостоятельное выражение, но приобретают форму значения соответствующего слова, с которым они лингвистически связаны. Хотя они все еще могут оказывать детерминирующее влияние на содержание значения, тем не менее не способны действовать в обособленной предложной функции (101).

Междометие

Междометие понимается Дунсом Скотом как более близкое определение к глаголу или причастию. Следовательно, можно предположить, что оно не является самостоятельной функцией значения, а совпадает с наречием. Однако необходимо отметить, что смысловое содержание междометий всегда представляет душевные движения, а значит, имеет отношение к эмоциональным актам. Вот почему междометие не определяет смыслового содержания глагола как такового, т. е. положения вещей, подразумеваемого в нем; его определяющая функция сводится на отношение словесных актов значение к сознанию (102).

В зависимости от различных душевных движений, таких как боль, печаль, радость, восхищение, страх и ужас, возникают конкретные формы междометий (103).

(1) De modis significandi cap. VII, 5 a, n. 1.

(2) Accipiendo esse simpliciter prout dividitur contra secundum quid, dico, quod sicut ens dividitur in prius et posterius vel primum et secundum, et prius continet sub se substantiam et posterius accidens, ita simpliciter in isto intellectu aequivalet ei quod est primum naturaliter et secundum quid aequivalet ei quod est posterius naturaliter. Op. Ox., dist. IV, qu. III, n. 43.

(3) Ср. выше I. Teil. Kap. 1.

(4) Logische Untersuchungen. 2. Aufl. III. Unters. Zur Lehre von den Ganzen und Teilen, bes. S. 236.

(5) De mod. sig. cap. VII, 5 a, n. 1.

(6) De ratione generis generalissimi non est in se habere plures sub se species *sed non habere aliud supraveniens genus*. Op. Ox. I, dist. VIII, qu. III, n. 19.

(7) Ad rationem generis requiritur, quod multas habet actu species non quae existant actu vel potentia, sed quod tantum ab actu *concipiantur* per speciem intelligibilem ab individuis acceptam quandoque existentibus, et quod

actu habeant *aptitudinem participandi genus*, quia talis actualitas est illorum, inquantum dicuntur species generis. Sup. univers. porph. qu. XVIII, 250 a.

Quanto genus communius tan to eius minor in re est unitas et ita nomen generis de suo primo intellectu importat aliquid, quod est materiale in speciebus. Quaest. in lib. praed. qu. VII, 465 a.

(8) De modis significandi cap. VII, 5 a sq., n. 2.

(9) 1. c. 5 b, n. 2.

(10) 1. c. 5 b, n. 3.

(11) l. c.

(12) 1. c. cap. VIII, 6 b, II, 4.

(13) 1. c. 5 b sq., n. 5; ср. выше I. Teil, Kap. 1.

(14) l. c. 6 a, n. 7.

(15) l. c. 6 a, n. 8.

(16) Solet antiquitus dici, quod ens potest esse participium vel nomen. Ens participium significat idem, quod existens; quia tenet *significatum verbi a quo descendit*… Ens nomen significat habens essentiam. Sup. perih. qu. VIII, 554 b sq., n. 10.

Nomen significat univoce rem remanente vel existente vel non existente. Ad quod sciendum, quod hoc nomen «Socrates» significat «Socratem» secundum quod est in actu, non *tamen significat «Socratem existere»*. II. sup. perih. qu. II, 586 a.

Ens nomen non significat rem ut tempore mensuratam. Anal. post. II, qu. IV, n. 3.

Ens nomen est de essentia cuiuslibet. 1. c. n. 2.

(17) De mod. sig. cap. VIII, 6 a sq., n. 9; см. выше II. Teil, Kap. 1.

(18) De mod. sig. cap. IX, 6 b, n. 1–3.

(19) Dicendum, quod universale est per se intelligibile, quod patet sic: primum objectum intellectus scil. quod quid est, intelligitur sub ratione universalis; illa vero ratio non est idem *essentialiter* cum illo quod quid est, sed *modus eius accidentalis* ergo intellectus potest cognoscere differentiam inter suum objectum primum et illum modum, quia potest distinguere inter omnia quae non sunt essentialiter eadem … *igitur intellectus potest cognoscere modum sive rationem universalis; hoc enim modo refectendo cognoscit intellectus se et sui operationem et modum operandi et caetera,, quae sibi insunt*. Sup. univ. Porph. qu. V, 106 a, n. 2.

…universale ex hoc quod universale natum est determinari ad suppositum. Reportata I, dist. XIX, qu. V, 248 a sq., n. 11.

Universale *est ab intellectu*. Sup. univ. Porph. qu. IV, 97 a, n. 4.

Aliquando autem universale accipitur pro re subjecta intentioni secundae, id est pro quidditate rei absoluta, quae, quantum est de se, nec est universalis nec singularis, sed *de se est indifferens*. De anima qu. XVII, n. 14.

(20) De mod. sig. cap. IV, 6 b, n. 2.

(21) Op. Ox. II, dist. III, qu. XI, 276 b, n. 9.

(22) Ср. выше I. Teil, Kap. 1.

(23) …singulare addit aliquam entitatem supra entitatem universalis. Op. Ox. II, dist. IX, qu. II, 437 b, n. 10.

(24) 1. c. III, dist. I, qu. I, 26 b sq., n. 10.

(25) Aliud est singularitatem esse conceptam ut objectum vel ut partem objecti, aliud est singularitatem esse praecise *modum* concipiendi, sive sub quo concipitur objectum … Ita in intentionibus logicis, cum dico: singulare est universale, quod concipitur est singularitas, sed modus concipiendi, sub quo concipitur, est universalitas, quia quod concipitur ut concipitur habet indifferentiam ad plura. Op. Ox. I, dist II, qu. III, n. 7.

(26) Cum dicitur, singulare non est intelligibile nisi in universali, dico, quod sicut in communion non continetur perfecte quidquid est entitatis in inferiori, sic nec in cognosci vel intelligi. Ideo dico quod in nulla specie, inquantum talis perfecte potest cognosci objectum suum per se singulare, quia *aliquid includit, quod non species et quantum ad hoc non ducit species in eius cognitionem; et ideo dico, quod singulare non est per se intelligibile sub propria ratione perfecte*. Reportata II, dist. III, qu. Ill, n. 15.

De singularibus non est facta scientia isto modo, quo scientia accipitur I. Metaphysicae, prout distinguitur contra experimentum, sed accipiendo scientiam *pro certa notitia bene est scientia singularium*. Miscel. qu. III, n. 13.

Относительно собственного права индивидуализирующих наук следует обратить внимание на работы Дильтея, Риккерта и Зиммеля.

(27) De modis significandi cap. IX, 6 b sq. n. 3.

(28) Deinde sub bis modis descendamus ad alios modos significandi subalternos minus generales istis, et primo sub modo significandi per modum communis; secundo sub modo significandi per modum appropriati.

Circa primum notandum, quod modus significandi per modum communis, habet duos modos sub se, qui sunt minus generales eo, scilicet modum per se stantis et modum adjacentis. Modus significandi per modum per se stantis sumitur a proprietate rei, quae est proprietas essentiae determinatae. Sicut enim modus significandi generalissimus sumitur a proprietate essentiae absolutae: sic

modus significandi per modum per se stantis sumitur a proprietate ipsius essentiae determinatae: et hic modus constituat nomen substantivum. Nomen ergo substantivum significat per modum determinati secundum essentiam. 1. c. cap. X, 7 a, n. 4,5.

…essentia variis modis dicitur de creatura: uno modo secundum rationem determinatam alicuius generis secundum quem modum dicimus hic est homo vel corpus vel albedo vel quantitas; et *hoc convenit cuilibet enti* sive existat actu sive in potentia sive per suam essentiam; nam quaelibet res reponitur in determinato genere per suam essentiam non per suum actum existentiae. De rer. princ. qu. VIII, 346 b, n. 1.

(29) Adjectivum formaliter significat *formam* ut forma est eius de quo dicitur; propter istam proprietatem adjectivum non potest praedicari nisi *praedicatione formali*. Quodlibet qu. V, 203 b, n. 6.

Adjectiva si praedicantur, de necessitate formaliter praedicantur et hoc quia sunt adjectiva. Nam ex hoc quod sunt adjectiva *significant formam per modum informantis*, de quo videlicet formaliter dicuntur. Op. Ox. I, dist. V, qu. I, 448 b, n. 7.

(30) De modis significandi cap. X, 7 a, b, n. 7.

(31) 1. c. cap. XI, 7 b, n. 9.

(32) Dicendum, quod est vera definitio [generis], quod sic ostenditur: ratio universalis est praedicari de pluribus, cum ergo in definitione generis ponatur praedicari de pluribus, ponitur genus eius postea ponitur «differentibus specie» et «in quid» quae sunt per se differentiae generis. Probatio: quia per se dividunt superius, scil. praedicari de pluribus: ergo sunt per se constitutivae inferioris, ad quod superius per illa appropriatur. Dividitur enim per se «praedicari de pluribus» in «differentibus specie» et «differentibus numero» … Dividitur etiam in «praedicari in quid» et «in quale», … Sup. univ. Porph. qu. XV, 191 a sq., n. 4.

Convenienter ponitur «differentibus specie» ut differentia, quia per illam particulam universale descendit in ipsum definitum, tamquam genus per differentiam. 1. c. XVII, n. 2.

Convenienter ponitur «in quid», quia praedicari dividitur in «praedicari in quid» et «in quale», tamquam per primos praedicandi modos; igitur per illa descendit universale in species: genus autem non praedicatur «in quale», igitur «in quid». l. c. qu. XIX, 259b, n. 2.

Nihil praedicatur in quid de illo respectu cuius est accidens, sed respectu cuius est genus: ut «color» non praedicatur de substantia in quid sed de albedine respectu cuius est genus. 1. c. 260 b, n. 4.

(33) Sicut enim a proprietate rei, quae est communicabilis pluribus, absolute sumitur modus significandi per modum communis absolute, sic ab eadem proprietate strictius sumpta, scilicet a proprietate communicabili pluribus specie differentibus, sumitur modus generalis. Ab hac autem proprietate, apud Logicum sumitur secunda intentio generis, et sic iste modus constituit Nomen substantivum generale, ut *animal, color*, et sic de aliis generibus. Nomen ergo *substantivum generale est, quod significat per modum communicabilis pluribus, non solum numero, sed specie differentibus*. De modis significandi cap. XI, 7 b, n. 9.

(34) Secundus modus per se stantis, est modus significandi per modum specificabilis, sumptus a proprietate rei, quae est proprietas communicabilis pluribus non absolute sed solum numero differentibus. 1. c. cap. XI, 7 b sq., n. 10.

(35) Tertius modus per se stantis, est modus significandi per modum descendentis ab altero; ut ab avo, vel a patre: et hic modus constituit nomen substantivum patronymicum, ut *Priamides*. Et quia nomen patronymicum a propriis nominibus patrum vel avorum derivatur, ideo merito patronymicum nomen nuncupatur. Nomen ergo *patronymicum est quod a propriis nominibus patrum vel avorum derivatur, significans per modum descendentis ab altero, ut a patre vel ab avo.* 1. c. 8 a, n. 11.

(36) 1. c. 8 a, n. 12.

(37) l. c. 8 a, n. 13.

(38) Delude sub modo adjacentis alteri ad modos specialissimos descendamus: qui continet sub se viginti quatuor modos; quorum:

Primus est modus significandi per modum adjacentis alteri, seu denominantis ipsum simpliciter et absolute, speciali ratione non superaddita, et hic modus constituat nomen adjectivum denominativum, ut albus, niger, croceus. Nomen ergo *Adjectivum denominativum significat per modum adjacentis alteri, sive denominantis aherum simpliciter et absolute.* Et iste modus est generalior omnibus modis sequentibus, qui dicuntur modi adjacentis alteri, sive denominantis alterum, superaddita ratione speciali, ut postea patebit.

Secundus modus adjacentis est modus significandi per modum denominantis alterum, sub ratione communicabilis pluribus specie differentibus, et iste modus constituit nomen adjectivum generale significans sub ratione communicabilis pluribus specie differentibus, ut *coloratus*. Nomen ergo *Adjectivum generale est, quod significat per modum denominantis sub ratione communicabilis pluribus specie differentibus*. l. c. cap. XII, 8 a, b, n. 1, 2.

(39) 1. c. 8 b, n. 2, 3.

(40) l. c. 9 a, n. 5, 6, 8.

(41) l. c. 9 b sq., n. 16, 17, 18.

(42) l. c. 10 a, n. 19.

(43) l. c. 10 b, n. 21, 22, 24.

(44) Nomen quodcumque aliquid significans quod *huic soli* potest inesse, potest dici proprium nomen huic, sed simpliciter nomen propiius huius non est nisi quod primo significat hoc sub ratione *propria*, quia solum illud est proprium signum vocale huius. Op. Ox. I, dist. XXII, qu. II, 238 a, n. 7.

(45) Consequenter sub modo appropriati, qui ex opposito dividebatur contra modum significandi communis, ad modos specialissimos, quorum:

Primus est modus propriae denominationis, sumptus a proprietate individuationis absolute; et hic modus constituit Nomen proprium individui, et absolute impositum ut Socrates, Plato. Nomen ergo *proprie proprium est, quod significat rem sub proprietatibus individuationis absolute*.

Secundus modus appropriati est modus significandi per modum praenominatdonis, sumptus a proprietate differentiae, quae est facere differre: et hic modus constituit Nomen proprium praenomen, ut Marcus Tullius. Nomen ergo *proprium praenomen est, quod impositum est rei individuae sub ratione differentiae*.

Tertius modus appropriati est modus significandi per modum cognominis vel cognationis, sumptus a proprietate parentali, quae est unum nomen pluribus commune; et hic modus constituit Nomen proprium cognomen, ut omnes de parentela Romuli dicuntur *Romuli*: et dicitur cognomen, quia pluribus cognatis est nomen commune. Nomen *ergo proprium cognomen est, quod impositum est rei individuae sub proprietate parentali.*

Quartus modus appropriati est modus significandi per modum agnominis, sumptus a proprietate eventus et hic modus constituit Nomen proprium agnomen, ut Scipio *Africanus* nominatus est, quia ei eventu devicit Africam. Nomen ergo *proprium agnomen est, quod impositum est rei individuae, sub proprietate eventus*. Patet ergo, qui et quot sunt modi significandi Nominis essentiales generalissimi, specialissimi et subaltemi, et quae et quot sunt species Nominis per eosdem modos constitutae. De modis significandi cap. XIII, 11 a, n. 1–4.

(46) l. c. cap. XIV, 11 b sq., n. 1, 2.

(47) l. c. cap. XVI, 12 b, 13 a, n. 1–5.

(48) l. c. cap. XV, 12 a, b, 3–5.

(49) l. c. cap. XVII, 13 a, b, n. 6, 8.

(50) l. c. cap. XIX, 14 b, n. 1–16 b, n. 12.

(51) l. c. 15 a, n. 3.

(52) l. c. 15 b, n. 6.

(53) l. c. 16 a, n. 8–9.

(54) l. c. n. 10.

(55) 1. c. cap. XX, 17 a, b, n. 3.

(56) Modus significandi essentialis generalissimus Pronominis *est modus significandi per modum entis et indeterminatae apprehensionis*; a qua vero proprietate modus significandi per modum entis sumitur, prius dictum est, nam in hoc modo Pronomen a Nomine non distinguitur, ut dictum est.

Modus vero indeterminatae apprehensionis oritur a proprietate seu modo essendi materiae primae. Materia enim prima in se, extra indeterminate est, respectu cujuslibet formae naturalis, quae inest de se, ita quod nec includit formam, nec determinationem formae. Ab ista ergo proprietate materiae primae, quae est proprietas de se indeteiminata, determinabilis tamen per formam, sumitur modus significandi per modum indeterminati, qui est modus significandi essentialis generalissimus Pronominis, non quod Pronomen materiam primam significet tantum, sed ex modo essendi reperto in materia prima, intellectus movetur ad considerandum aliquam essentiam sie indeterminatam et ad imponendum sibi vocem sub modo significandi per modum indeterminati. Et hunc modum generalissimum essentialem Pronominis Grammatici expresserunt dicentes, *Pronomen significare substantiam meram, vel substantiam sine qualitate*; dantes intelligi per substantiam modum entis, qui in substantia principaliter reperitur, ut dictum est: per meram, vel sine qualitate, modum indeterminatae apprehensionis. 1. c. cap. XXI, 17 b, n. 5,6.

Materia prima ad nullam formam determinate inclinatur et ideo sub quacumque quiescit, *non violenter sed naturaliter* quiescit propter indeterminatam inclinationem ad quamcumque. Op. Ox. I, dist. I, qu. I, 311 b, n. 6.

(57) De modis significandi cap. XXI, 17 b sq., n. 7, 8.

(58) l. c. 18 a, n. 10.

(59) l. c. 18 a, n. 9.

(60) Modus ergo significandi, qui vocatur demonstratio, sumitur a proprietate rei, quae est proprietas certitudinis et praesentiae seu notitiae primae intellectus, et hunc modum Donatus vocat qualitalem finitam: et hic modus constituit Pronomen demonstrativum.

Pronomen ergo demonstrativum significat rem sub ratione vel proprietate praesentiae seu notitiae primae. Semper enim Pronomini sex demonstrationes correspondent praesentiae, sive sit ad sensum, sive ad intellectum, differenter tamen, quia Pronomen demonstrativum ad sensum hoc quod demonstrat, significat, ut *ille currit*. Sed Pronomen demonstrativum ad intellectum hoc quod de-

monstrat, non significat, sed aliud: ut si dicam de herba demonstrata in manu mea, *haec herba crescit in horto meo*, hic unum demonstrating et aliud significatur: et hunc modum demonstrandi habent propria nomina: ut si dicam demonstrato Joanne, *iste fuit Joannes*, hic unum demonstratur et aliud in numeros significatur. Et sic contingit dare diversos modos certitudinis et praesentiae: et secundum hoc erunt diversi modi demonstrationum: et ex consequenti diversa Pronomina adjectiva. Contingit enim rem esse praesentem et certam et maxime certam vel praesentem, et sic demonstratur per hoc Pronomen ego, vel non maxime esse certam et praesentem, et sic demonstratur per hoc Pronomen *tu*, et alia similia. 1. c. cap. XXII, 18 b, n. 2, 3.

(61) 1. c. 19 a, n. 4.

(62) Recordatio est cognitio seu cogitatio actus alicuius praeteriti ipsius recordantis *et hoc inquantum praeteriti*. Op. Ox. IV, dist. XLV, qu. III, 326 b, n. 5.

(63) De modis significandi cap. XXII, 19 b, n. 6, 7; ib. 18 b, n. 3.

(64) l. c. 19 b, n. 8.

(65) l. c. cap. XXIII, 20 a, n. 2.

(66) 1. c. cap. XXIV, 20 a, n. 3.

(67) 1. c. 20 a, b, n. 4–8.

(68) l. c. 21 a, n. 9.

(69) Werner, Die Sprachlogik des Duns Scotus, a. a. O. S. 560.

(70) G. W. F. Hegel, Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften (herausgeg. von G. Lasson). Philos. Bibl. Bd. 33 (1911), S. 55 ff.

(71) Et ut sciamus a qua rei proprietate iste modus significandi sumatur, notandmn est, quod in rebus invenimus quasdam proprietates communissimas, sive modos essendi communissimos, scilicet modum entis et modum esse. Modus entis est modus habitus et permanentis, rei inhaerens, ex hoc quod habet essentiam. Modus esse est modus fluxus et successionis, rei inhaerens ex hoc quod habet fieri.

Tunc dico, quod modus significandi activus per modum entis, qui est modus generalissimus Nominis, trahitur a modo essendi entis, qui est modus habitus et permanentis. Sed modus significandi acüvus per modum esse, qui est modus essentialis generalissimus Verbi, trahitur a modo essendi ipsius esse, qui est modus fluxus et successionis, ut postea patebit. De modis significandi cap. Vlll, 5 b sq., n. 5, 6.

(72) 1. c. cap. XXV, 21 a sq., n. 1, 9, 10, 11.

(73) l. c. n. 11.

(74) Ср. выше Erster Teil, Kap. 2.

(75) E. Lask, Die Lehre vom Urteil 1912. S. 58.

В уже неоднократно упоминавшемся сочинении о числе Риккерт пишет: «Под предикатом прежде всего следует понимать только ту форму, которую акт суждения придает содержанию. Соответственно, субъект – это только то содержание, которое формируется. В этом первоначальном соединении или «синтезе» подлежащего и сказуемого как соединения формы и содержания мы действительно имеем простейшее суждение». Logos II, 1911. S. 4θ.

(76) Vel dicendum est, quod licet non sit dare ens praeter hoc, vel illud: et cum omne quod est, sit hoc vel illud, quia ens est concretum et significant duo, scilicet rem et esse, et illud esse non est ens; ideo hoc verbum est significat aliquid essentialiter distans ab ente.

Vel aliter, licet in ista propositione significatum Verbi non differat essentialiter et secundum rem a significato suppositi, differt tamen ab eo secundum rationem: et hoc sufficit ad distantiam et diversitatem Verbi a supposito, quae sunt entia secundum rationem; *Verbum ergo est pars orationis significant per modum esse distantis a substantia*. De modis significandi cap. XXV, 22 b, n. 12, 13.

(77) 1. c. 21 b, n. 2, 3, 4.

(78) 1. c. cap. XXVI, 22 b - 23 b.

(79) 1. c. cap. XXVII, 24 a, b.

Compositio est modus significandi mediante quo verbum primo et principaliter *dependet ad quemlibet supposition ante se.* 1. c. cap. XXIX, 26 a, n. 3.

(80) 1. c. cap. XXV, 24 b sq., n. 2, 3, 4.

(81) l. c. 25 b, n. 6.

(82) Item sicut Verbum per modum *distantis* exigit modum *per se stantis* pro supposito, ita per eundem modum esse exigit modum entis esse in obliquo. Et sicut Verbum per modum *compositionis* exigit modum entis per se stantis in ratione principii in supposito; sic per modum *generis* exigit modum *entis per se stantis* in ratione termini in obliquo. Item sicut Verbum per modos proportionales casibus modo Verbi superadditos exigit in supposito rationem principii, aliter et aliter conjunctam, et ex consequenti aliud et aliud suppositum; sic etiam Verbum per modos proportionales casibus generi Verbi superadditos Verbum exigit in obliquo rationem termini, aliter et aliter conjunctam: et ex consequents alium et alïum obliquum. l. c. cap. XXX, 27 b sq., n. 11.

(83) 1. c. cap. XXIX, 26 a, n. 3.

(84) Consequenter de Genere videamus. Genus in verbo sumitur a proprietate rei Verbi, quae est proprietas dependentiae rei Verbi post se ad obliquum sub ratione termini non contracti sed contractibilis. *Genus ergo in Verbo est modus*

significandi accidentalis Verbi, mediante quo proprietatem dependentia rei Verbi post se ad obliquum sub ratione termini significat. Et hoc patet per Petrum Heliam, qui diffinit Genus per significationem accidentalem, sic dicens: *Genus est significatio accidentalis cum determinatione in o vel in or:* dans intelligere per significationem accidentalem modum significativum transeuntis, ut dictum est, id est, dependentiae ad quemlibet obliquum post se. Per terminationem in *o* vel in *or* dat intelligere species generis, quarum diversitas maxime attenditur penes vocis terminationem secundum Grammaticos, ut patebit, 1. c. cap. XXX, 25 b, n. 1.

(85) 1. c. 27 a, n. 4.

(86) 1. c. cap. XXXII, 28 b, sq., n. 3, 4, 6.

(87) Modus significandi essentialis generalissimus Participii est modus significandi per modum *esse indistantis* a substantia, circa quod notandum quod modus esse in Participio et in Verbo ab eadem rei proprietate oritur, quae est proprietas flurus et successionis; et in hoc modo Participium a Verbo non discrepat.

Modus autem *indistantis* a substantia seu modus uniti substantiae, sumitur ab eadem rei proprietate in Participio, a qua sumitur modus adjacentis in Nomine: et *compositio* in Verbo: et haec est proprietas inhaerentis alteri secundum esse. Et non est inconveniens ab eadem rei proprietate modos significandi diversos, non oppositos, oriri: cum modi significandi oppositi in eadem voce possint fundari. Et per hunc modum significandi Participium a Verbo distinguitur, et per ipsum Participium in suum suppositum in constructione et in situ collocatur.

Participium ergo est pars orationis significans per modum esse indistantis a substantia, sive uniti cum substantia quod idem est. Et dicitur Participium quasi partem Nominis et partem Verbi capiens non partem essentialem id est modum essentialem utriusque. Et quidam dicunt, quod Participium significat per modum entis et per modum esse, quod falsum est: quia tunc Participium non esset ab utroque distinctum specifice, quod est inconveniens. Sed pro tanto dicitur Participium capere partem Nominis et Verbi: quia habet quosdam modos significandi accidentales modis accidentalibus Nominis et Verbi consimiles, ut statim apparebit 1. c. cap. XXXVI, 32 a, b.

(88) 1. c. cap. XXXVIII, 33 a, n. 1–3.

(89) 1. c. cap. XXXVII, 32 b, n. 4–6.

(90) 1. c. cap. XXXVIII, 33 b, n. 3.

(91) Modus significandi essentialis generalissimus Adverbii est modus significandi per modum *adjacentis* alteri per modum esse, significans ipsum simpliciter, id est: absolute deteiminans. Et quia Participium significat per modum esse sicut Verbum, ideo Adverbium determinat Participium sicut Verbum: licet Ad-

verbium dicatur Adjectivum Verbi secundum Priscianum. Hoc est ideo, quia Adverbium secundum omnes species eius determinat Verbum sed non Participium: quia Adverbia determinantia Verba genera compositionis et genera sui modi, qui est qualitas compositionis, Participia determinare non possunt, cum Participium compositionem et modum Verbi non habeat. Et sumitur iste modus determinantis a proprietate terminantis in re.

Adverbium ergo est *pars orationis significans per modum adjacentis alteri, quod per modum esse significat ipsum esse absolute determinans*.

Et notandum, quod Adverbium de suo modo significandi essentiali generalissimo tantum determinat ea, quae per modum esse significat: licet de aliquo modo essentiali speciali et accidentali possit alia determinare, ut patet de Adverbiis exclusives, quae sunt *tantummodo*, *solummodo* et huiusmodi; quae propter modum significandi per modum excludentis possunt determinare omne illud, quod habet se per modum exclusibilis. l. c. cap. XXXIII, 29 a sq., n. 1, 2.

(92) l. c. n. 2.

Adverbium licet sit adjectivum verbi non tamen habet modos significandi speciales, *quibus ipsi soli verbo proportionatur*. Unde quia habet modos significandi generales, ideo determinare potest participium, pronomen et ipsum nomen. Sup. elench. qu. XXXIII, 48 a.

(93) Adverbium enim nisi habeat participium vel verbum, semper est truncata locutio sive incongrua. Op. Ox. IV, dist. L, qu. VI, 567 a, n. 10.

(94) De modis significandi cap. XXXIV, 29 a, n. 5; cap. XXXV, 30 a, n. 7.

(95) 1. c. cap. XXXV, 30 b, n. 13.

(96) l. c. cap. XXXV, 30 b sq., n. 14–19.

(97) Modus significandi essentialis Conjunctionis generalissimus est modus significandi *per modum conjungentis duo extreme*. Et sumitur iste modus significandi a proprietate conjungentis et unientis in rebus extra. *Conjunctio ergo est pars orationis per mcdum conjungentis duo extrema significans*.

Sub modo essentiali generalissimo Conjunctionis ad modos subalternos per divisionem descendamus. Dividitur autem iste modus *conjungentis duo extrema* in modum conjungentis duo extreme *per vim* et in modum conjungentis duo *extrema per ordinem*. Et hos duos modos Donatus appellat potestates. Et hahet se similiter potest as in Conjunctione sicut *significatio* in Adverbio. Nam sicut significatio in Adverbio consistat in speciali modo determinandi: sic potestas in Conjunctione consistat in speciali modo conjungendi. Et istius modi modus est modus conjungendi per vim et per ordinem. Ex hoc patet quod *potestas* in Conjunctione non est modus significandi accidentalis, nisi pro tanto, quia est extra

rationem Conjunctionis simpliciter et absolute sumptae, ut dictum est de significatione in Adverbio.

(98) l. c. cap. XXXIX, 34 a, n. 7.

(99) 1. c. cap. XXXIX, 34 a, b, IL 8, 9.

(100) 1. c. 34 b, n. 11.

(101) l. c. cap. XLI, XLII, 35 a sqq.

(102) 1. c. cap. XLIII, 36 b sq., n. 10.

(103) 1. c. cap. XLIV, 37 a sq.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Девиз:

«Мы ищем безусловное повсюду

и всегда находим только вещи»
Новалис*

ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИЙ

Сама цель этого исследования как проблемно-исторического исследования с систематической необходимостью требует в качестве заключения, наряду с обзором, анализирующим и оценивающим основные моменты полученного результата, предварительного взгляда на *систематическую* структуру проблемы категорий. Однако это может быть не более чем выявление существенных *потенций проблемы и их взаимосвязи*, *принципиальное* раскрытие которых еще не было завершено в ходе предыдущей работы над проблемой. Это также причина, по которой до сих пор опробованные системы категорий не могут избавиться от впечатления некой смертельной пустоты.

В предыдущем, где первоначально предполагалось представить историческое изложение проблемы категорий с одновременным сведением ее к систематическому, не было необходимости начинать с принципиальных, определенных по содержанию тезисов, поскольку их более широкое отношение к конкретной постановке проблемы, несомненно, оставалось бы под вопросом без предварительного знания самого вопроса. И, кроме того, проблематика, которая была бы неизбежно связана с принципиальным мнением и часто была бы обширной, слишком обременяла бы изложение, направленное на простое систематическое понимание, и неприятно мешала бы постоянной постановке открытых вопросов. Напротив, сейчас самое подходящее место для выражения сдерживаемого до тех пор душевного *волнения*, которое философ должен испытывать в любое время на стадии исторического осмысления своего проблемного мира.

Но выявление существенных потенций проблемы категорий возможно теперь только в том случае, если они будут проанализированы обособленно и последовательно. Тем более необходимо с самого начала подчеркнуть, что они взаимообусловлены и кажущееся прямым и непосредственным всегда является опосредованным; и то, что будет определено в дальнейшем

---

* Novalis, Fragmente. Bd. II (Minor) S. 111.

по отдельности, обретает свой полный смысл только во всеобщности.

Если категории понимать как элементы и средства осмысления переживаемого – предметного вообще, то в качестве основного требования учения о категориях возникает характеризующее *разграничение различных предметных областей на категориально несводимые друг к другу области*. Выполнение сей задачи уже было подчеркнуто всей системой предыдущего исследования (1). В то же время это приводило к разрушению прежнего скудного и беспроблемного аспекта логики средневековой схоластики. Что и делалось путем выделения определяющих элементов, фундаментально характеризующих отдельные предметные области. Их проникновение в последнюю категориальную сферу предметного (трансценденций) дало затем принципиальное объединение распадающимся областям. Здесь требовался строго *понятийный*, в определенном смысле односторонний способ изложения с сознательным исключением глубоких метафизических проблемных ссылок.

Их следует рассматривать как в конечном счете решающие для проблемы категорий только после того, как будет признана вторая основная задача любого учения о категориях: *превращение проблемы категорий в проблему суждения и субъекта*. Эта сторона проблемы категорий также по меньшей мере неоднозначна в схоластической логике. Правда, изложение теории суждений Дунса Скота имело и другую тенденцию: оно должно было характеризовать область логического, при этом прежде всего оставалась неясной существенная связь суждения с категорией вообще. С другой стороны, учение о значениях позволило получить доступ к субъективности (под которой понимается не индивидуальность, а субъект как таковой). Задача Дунса Скота, анализ определенного слоя акта, модусов значения, заставляет его обратиться к сфере *акта вообще* и установить принципиальные отношения между отдельными слоями акта (модусами значения, интеллекта, сущности) и их соотношением друг с другом.

Само существование учения о значениях в средневековой схоластике обнаруживает тонкую склонность уверенно вслушиваться в непосредственную жизнь субъективности и смысловых связей, присущих ей, без обретения четкого представления о субъекте. Может возникнуть соблазн попытаться «объяснить» существование таких «грамматик» ссылкой на работу средневековой школы и ее традиции. Такое «объяснение», обычно популярное в исторической науке, но вызывающее большие сомнения в вопросах интеллектуальной истории, *до известной степени* справедливо

и в нашем случае. Но там, где важно живое понимание «времени» и действенных в нем постижений духа, становится необходимым толкование его смысла, направляемое конечными целевыми мыслями. Такой замысел в большинстве случаев с помощью дешевого этикета «конструирования» принято называть неисторическим и, следовательно, бесполезным, и не понимают – в силу принципиального неведения сущности исторического познания и формирования исторических понятий – насколько именно простое перетаскивание как можно большего количества «фактического материала» из живой жизни исторического сообщества в противоположную сторону и друг против друга уводит в минувшее и странным образом приближает к выравнивающей, исключающей единство и целеустремленный смысл конструкции.

Для философского истолкования средневековой схоластики в контексте проблемы категорий учение о значениях – несмотря на их непосредственный схематический характер – *особенно значимо, поскольку восходит к фундаментальной проблемной сфере субъективности* (актовым слоям). Изучение взаимосвязи между модусом сущего и «субъективными» модусами означающего и интеллектуального приводит к принципу материальной определенности любой формы, который, в свою очередь, заключает в себе фундаментальную корреляцию объекта и субъекта (2). Эта существенная взаимосвязь объекта познания и познания предмета находит наиболее яркое выражение в понятии «verum» как одной из трансценденций, определенностей предмета вообще. Тем не менее, то, что связано с постановкой проблемы познания как таковой, как только проблема суждения сознательно превращается в субъект-объектное отношение, а затем в соотнесение-установление категории с суждением, отсутствует.

Поскольку даже сегодня, когда представлен реализм, эти проблемные связи еще не доведены до принципиального понимания, эта фундаментальная задача учения о категориях, помимо разграничения предметной области, должна быть рассмотрена еще более подробно. При этом появляется возможность указать, по крайней мере, в самых общих чертах, на необходимость метафизического завершения проблемы познания.

Категория есть наиболее общая предметная определенность, а предмет и предметность имеют смысл как таковые только для субъекта. В этом случае объективность основывается на суждении. Значит, если мы хотим решительно понять категорию как *предметную определенность*, то она должна быть приведена в сущностное отношение к формированию, созда-

ющему предметность. Итак, это не «случайность», но в основе проблемы категорий лежит то, что как у Аристотеля, так и у Канта, она неким образом связана с предикацией, т. е. с суждением. Это может означать, что категории должны быть сведены к простым функциям мышления, для чего философия, признавшая проблемы смысла, вообще не видит возможности. И именно трансцендентальный идеализм, который в его современном виде нелегко отождествить с кантовской теорией познания и ее формулировкой, с самого начала подчеркивает, что все мышление и познание суть всегда мышление и познание *предмета*. После чего следует оценить и то, какое отношение это имеет к категориям как простым «мыслеформам» (3).

Даже самые общие предметные определения, рефлексивные категории, которые по своему содержанию *бледнеют*, не могут быть полностью поняты без отношения к суждению, составляющему объективность: последнее говорит о том, что только «объективная» общая теория предмета остается неизбежно неполной без учета «субъективной стороны». Следовательно, всякое различие, несомненно, есть отличие от предметного, но только опять-таки как *познанное, оцененное различие*. Причина многообразия областей применения в совокупности категорий заключается *преимущественно, но не исключительно*, в многообразии предметных областей, каждая из которых обусловливает соответствующую им структурированную форму образования суждений, из которой категории могут быть «извлечены» в соответствии с их полным содержанием.

Только исходя из суждения, можно решить проблему «имманентной и трансцендентальной («лежащей вне мышления») значимости» категорий. Без учета «субъективной логики» нет даже смысла говорить об имманентном и трансцендентном. Имманентность и трансцендентность – это понятия отношения, которые приобретают свое определенное значение только благодаря определению того, что должно быть имманентным, или трансцендентным, чему-то, что должно быть мыслимо. Остается неоспоримым, «что всякая трансцендентная значимость возникает и исчезает вместе с признанием предметов» (4); *проблема* только в том, *какого рода может быть предметность*, если учесть, что предметность имеет смысл только для действующего субъекта, без чего субъекту никогда не удастся раскрыть полный смысл того, что справедливо обозначается. Означает ли это своеобразное «быть» или «должно», или ни то, ни другое, *но только более глубокие группы проблем, заключаемые в понятии живого духа и, несомненно, тесно связанные с проблемой ценности, которые, разумеется, здесь не мо-*

гут разрешиться.

Тесная связь между категорией и проблемой суждения делает тогда проблемой также *соотношение формы и материала* и дифференцирующую по значению функцию материала. Двойственность формы и материала является сегодня важнейшим средством решения проблем теории познания, так что принципиальное исследование ценности и пределов этой двойственности стало неизбежным.

Однако, оставаясь в пределах логической сферы смысла и смысловой структуры, невозможно добиться окончательного прояснения этого вопроса. В лучшем случае достигается возведение в степень (учение об этажности форм у Ласка), которая, несомненно, позволяет пролить свет на структурное многообразие самого логического, но в то же время именно она усложняет и выводит в новую сферу проблему дифференцирующей значение функции материала без достаточного учета установленного фундаментального различия чувственного и бессмысленного материала.

Вообще невозможно увидеть логику и ее проблемы в истинном свете, если контекст, из которого они интерпретируются, не станет транслогическим. *Философия не может в долгосрочной перспективе лишаться своей собственной оптики, метафизики*. Для теории истины это означает отказ от окончательного метафизико-телеологического толкования сознания. В чем, собственно, и заключается ценность, поскольку это осмысленный и осуществляющий смысл живой акт, который даже отдаленно не понимается, если его нейтрализовать понятием биологической слепой фактичности.

Среди всего богатства направлений формирования живого духа теоретическое умонастроение только одно, отсюда принципиальное и роковое заблуждение философии должно быть названо «мировоззрением», если оно довольствуется описанием действительности и не стремится, что является его самым настоящим призванием, выходящим за пределы всего предварительного в обобщении познаваемого, и к прорыву в подлинную реальность и действенную истину. Только при такой ориентации на понятие живого духа и его «вечные утверждения» (Фр. Шлегель) эпистемологическая логика сможет избежать исключительной ограниченности изучения структур и сделает логический смысл и его онтическое значение проблемой. Тогда, прежде всего, станет возможным удовлетворительный ответ на вопрос, как «нереальный» «трансцендентный» смысл гарантирует нам истинную действительность и предметность.

Как бы радикально Ласк ни выделял структурные проблемы в учении

о суждениях и категориях, он сам был так неудержимо увлечен своей проблемой, связанной с метафизическими проблемами, что, возможно, даже не осознавал этого в полной мере. И именно в его понятии предмета, характеризующемся сугубой противоположностью, заключается плодотворный элемент, в котором теперь все еще могут быть объединены теории познания, которые во многих отношениях расходятся. Причем не следует упускать из виду трудности, связанные с проблемой противопоставления и ценности, проблему онтического толкования и логического осмысления «предмета» (5).

При такой *трансцендентально-онтической* версии понятия предмета проблема «применения» категорий теряет смысл; что тем более очевидно, чем смелее и серьезнее следует относиться к принципиальному значению не «индивидуалистически» истолкованного положения об имманентности, *окончательное* обоснование которого, на мой взгляд, будет необходимым и осуществимым только метафизически, исходя из указанного понятия живого духа. Если где-то, то именно в проблеме применения категорий, если это вообще допускается как возможная проблема, должен признаваться односторонним только объективно-логический метод решения проблемы категорий (6).

Эпистемологический субъект не выражает наиболее метафизически значимого смысла духа, не говоря уже о его полном содержании. И только благодаря включению в них проблема категорий приобретает свое реальное измерение глубины и обогащения. *Живой дух как таковой по своей сути является историческим духом в самом широком смысле этого слова*. Истинное мировоззрение далеко от простого точечного существования теории, оторванной от жизни. Дух может быть охвачен только тогда, когда вся полнота его достижений, т. е. его *история*, раскрывает, с какой все возрастающей полнотой дается в его философском понимании постоянно расширяющееся средство живого постижения Абсолютного Духа Божьего. История и ее культурное философско-телеологическое толкование должны стать определяющим значение элементом проблемы категорий, если кто-то хочет мыслить иначе, чтобы выделить космос категорий, чтобы таким образом выйти за пределы скудной, схематичной таблицы категорий. Это, наряду с разграничением предметной области и включением проблемы суждения, является третьим основным требованием для перспективного решения проблемы категории. И наоборот, понятийным средствам и целям можно научить, прежде всего, с помощью такого широко ориентированного учения о категориях, чтобы живо осмыслить отдельные эпохи духовного

классицизма. Затронутая во введении проблема «средневекового мировоззрения», которая должна вызывать особый интерес в контексте настоящего исследования, до сих пор, насколько она вообще может быть рассмотрена более глубоко, упускает собственно *понятийную, культурно-философскую основу*, которая может дать всему ясность, определенность и единство. Своеобразная воля к жизни и тонкая душевная стойкость такого времени требуют соответствующего им открытого чуткого понимания и широких, т. е. философски ориентированных ценностей. Например, понятие аналогии, обсуждаемое в этом исследовании (7) по проблеме метафизической реальности, поначалу кажется довольно блеклым и не имеющим дальнейшего смысла школьным понятием. Но в качестве господствующего принципа в категориальной сфере чувственной и сверхчувственной реальности оно содержит концептуальное выражение качественно наполненного, выдержанного, связанного с трансценденцией мира переживаний средневекового человека; это понятийное выражение определенной формы внутреннего бытия, закрепленной в трансцендентном изначальном отношении души к Богу, как это бывало в редкой замкнутости средневековья. В силу соответствующего расстояния или приближения (в качественно интенсивном смысле) изменяется многообразие жизненных связей между Богом и душой, потусторонним миром и этим миром. Метафизическая связь через трансценденцию является в то же время источником многообразных противоположностей и, следовательно, богатейшей жизнью имманентно личной индивидуальной жизни.

Трансценденция не означает радикального, теряющего смысл отдаления от субъекта – существует именно жизненный ориентир, основанный на корреляции, в качестве которого он не имеет единого жесткого смысла направления, но который следует сравнивать с потоком переживаний, возникающих у духовных индивидуальностей, связанных выбором, но при этом не учитывается абсолютная значимость одного из звеньев корреляции. Следовательно, установление ценности не тяготеет исключительно к трансцендентному, но как бы отражается от его полноты и абсолютности и покоится на индивидууме.

Отсюда во всем средневековом мировоззрении, поскольку оно так радикально сознательно ориентировано на телеологию, кроется целый мир многообразных ценностных дифференциаций. Стало быть, возможность и полнота переживания, являющиеся результатом этого для субъективности, обусловлены расширяющимся в трансцендентное измерением душев-

ной жизни, а не, как сегодня, *ее мимолетной широтой содержания*. Возможности растущей неуверенности и полной дезориентации гораздо шире и совершенно безграничны при таком разнообразном жизненном укладе, в то время как основная форма жизни средневекового человека изначально не теряется в содержательной широте смысловой реальности и не закрепляется там, а подчиняет ее саму, как нуждающуюся в закреплении, трансцендентной целевой необходимости.

В понятии живого духа и его связи с метафизическим «источником» открывается видение его основной метафизической структуры, в единственности, индивидуальности *акта*, объединенного со всеобщностью, в существовании смысла в живом единстве объективно развернута проблема соотношения времени и вечности, изменения и абсолютной значимости мира и Бога, которая с научной точки зрения находит свое отражение в истории (формирование ценности) и *философии* (осмысление ценности) (8).

Если задуматься о более глубокой, мировоззренческой сущности философии, то следует также рассмотреть христианскую философию Средневековья как противоположную современной философии. Мистицизм, стоящий за схоластикой, должен быть признан в принципе неудачным. Схоластика и мистицизм существенно совпадают в средневековом мировоззрении. Две пары «противоположностей»: рационализм-иррационализм и схоластика-мистика *не охватывают друг друга*. И там, где делается попытка их уравнивания, оно основывается на крайней рационализации философии. Философия как оторванное от жизни рационалистическое образование *бессильна*, а мистика как иррационалистическое переживание *бесцельна*.

Философия живого духа, деятельной любви, почитающей божественности, наиболее общие ориентиры которой можно было бы указать, в частности, категория жизни, основанная на ее главных тенденциях, сталкивается с большой задачей принципиального взаимодействия с самой обширной, глубокой, богатой опытом и понятийной системой исторического мировоззрения, в качестве которой она представляла все предшествующие фундаментальные философские проблемные мотивы, упраздненные в себе с Гегелем.

(1) О. Кюльпе подчеркивает «различие сферы охвата категорий». Ср. O. Külpe Zur Kategorienlehre. Sitzungsberichte der Kgl. Bayr. Akad. d. Wissensch, philos.-hist. Klasse 1915. S. 46 ff. Эта последняя, чрезвычайно ценная

работа Кюльпе появилась только после завершения настоящего исследования. Значение трактата Кюльпе и вообще философская позиция, которую занял ученый, умерший слишком рано, требуют комментариев, но только в той мере, в какой к этому побуждают следующие мысли. На всякий случай следует особо отметить, что при этом ни в малейшей степени не затрагивается чувство почтения к автору.

(2) Как отсюда, в связи с метафизикой проблемы истины, которая будет затронута ниже, экхартовская мистика получает свое философское истолкование и оценку, я надеюсь показать при другой представившейся возможности.

(3) Игнорирование фундаментального значения проблемы суждения для обоснования объективности является причиной того, что Кюльпе в своей «Realisierung» (1912) так же, как и в уже упомянутом трактате «Zur Kategorienlehre», не смог опровергнуть трансцендентальный идеализм. Как раз в решающий момент, когда Кюльпе отвергает термин «теория образов» как неподходящий для критического реализма и подчеркивает, что «объекты реального мира, которые должны быть представлены, которые должны быть определены в познании [!], не являются уже обнаруживаемыми компонентами восприятия, не просто даны в сознании, *но могут быть поняты только в процессе познания, особенно посредством научного исследования*» (отмечено автором); в другой работе (Zur Kategorienlebre S. 42) он опирается на аргумент, который трансцендентальный идеализм сознательно ставит в центр внимания, чем вызывает проблему. Если критический реализм можно заставить в принципе учитывать суждение для решения проблемы познания, и, с другой стороны, если трансцендентальному идеализму удастся органически свести принцип материальной определенности формы к его основному положению, то эти два наиболее значительных и плодотворных в настоящее время эпистемологических «направления» должны быть успешно сведены едином высшем целом.

(4) Ср. Külpe, op. cit. p. 52. Необходимость участия субъекта логического суждения в настоящее время особенно осознается Г. Риккертом в его «Предмете познания». От окончательного мнения по проблеме «рассуждающего сознания вообще», как и от «несомненного да» (op. cit. p. 318 et seq., 34 et seq.), придется воздержаться, до тех пор, пока не будет получено общее обоснование, необходимое для этого, с помощью теории ценностей, рассматриваемой в расширении. То же самое относится и к ценным высказываниям Э. Гуссерля о «чистом сознании» («Ideen», S. 141 ff. [Husserliana Bd. III, 1950,

S. 174ff.]), которые дают решающее представление о богатстве «сознания» и разрушают часто высказываемое мнение о пустом сознании вообще.

(5) Автор надеется, что в ближайшее время он сможет дать принципиальные определения этой проблеме в ходе более глубокого исследования бытия, ценности и отрицания.

(6) К сожалению, Кюльпе, что становится понятным при его неизменном предпочтении «объективной логике» и никак не «Учению о суждении» Ласка (1912), исследованию, которому я должен придать для учения о категориях еще большее значение, нежели «Логике философии», также касается именно этой проблемы. Книга суждений необычайно богата плодотворными перспективами, поэтому тем более следует сожалеть, что Кюльпе, при его образцово-показательном способе ведения спора, не имел возможности опубликовать свое мнение о Ласке, дабы представить все важнейшие проблемы, связанные с вынесением суждений, экспертным кругам. И сегодня верно то, что сам Кюльпе написал Ласку в своей последней работе: «Несомненно, выдающийся исследователь не избежал бы этого следствия своих глубоких размышлений [о проблеме дифференциации форм, автор] в дальнейшем ходе своего развития, если бы его слишком рано не вырвала от нас некая необычная способность». Zur Kategorienlehre. S. 26, Anm. 3.

(7) Ср. выше.

(8) Отсюда, прежде всего, можно провести теоретико-научный анализ и установить понятие «*philosophia perennis*», чего до настоящего времени не было сделано даже приблизительно удовлетворительным образом. Точно так же проблема *научно-теоретического рассмотрения католического богословия*, тесно связанная с вышесказанным, до сих пор не рассматривалась как таковая, не говоря уже о том, чтобы заняться ее решением, что, например, Гейзер, чьи «Основы логики и теории познания» (1909) уже упоминались ранее, предпринял первую принципиально сознательную переориентацию в этой области на прежнюю слепую, слишком традиционную форму решения проблем (ср. мой реферат «Neuere Forschungen über Logik», Literarischen Rundschau, herausgegeb. v. J. Sauer XXXVIII. (1912), Heft 11, Sp. 622 f. [oben S. 36f.]).

ЛИЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Это исследование проблем истории в конечном счете имеет *систематическую* цель: учение о категориях, принципиальное обоснование и органическое расширение которого философия сегодня сделала одной из своих четко осознанных фундаментальных задач. В качестве проблемно-исторического исследования она посвящена философии схоластика Дунса Скота, чтобы приблизиться к более глубокому пониманию проблемы категорий и логики, а также к общей оценке средневековой схоластики и ее логики в одном из наиболее совершенных и богатых в интеллектуальном отношении типов средневековой схоластической мысли вообще. Вот почему в I части (учение о категориях) основное значение придавалось главному требованию для любого рассмотрения проблемы категорий: разграничению различных областей внутри предметного вообще. Прежде всего, наиболее общие предметные определения вообще и отдельные области, логическая, математическая, физическая, психическая и метафизическая реальность, были подвергнуты определяющей характеристике. II часть (учение о значениях) дала возможность более подробно представить определенную предметную сферу, сферу значений, причем основные тезисы об акте и смысле акта значения и акта познания, а также основные формы значения вообще («категории значений») прорабатывались в своей взаимосвязи. В заключительной главе делается попытка дать предварительные определения структуры проблемы категорий и возможного пути ее решения.

Фрайбург-ин-Брайсгау *Мартин Хайдеггер*

ПОНЯТИЕ ВРЕМЕНИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Девиз:
«Время есть то, что изменяется
и многообразно,
вечность держится просто».
Майстер Экхарт

В течение нескольких лет в научной философии пробудилось определенное «метафизическое стремление». Останавливаться на простой теории познания уже недостаточно. Упорство в вопросах теории познания, порожденное обоснованным, энергичным осознанием необходимости и ценности критики, не позволяет объективным и конечным вопросам философии достичь своего имманентного значения. Отсюда тенденция к метафизике, становящейся сначала скрытой, а вскоре и открытой. Последнее необходимо истолковать как более глубокое понимание философии и ее проблем и увидеть в этом волю философии к власти, конечно, не к власти в смысле интеллектуального насилия так называемого «естественнонаучного мировоззрения».

В современной науке и философии критическое сознание слишком живо, чтобы пытаться овладеть нашей культурой с помощью необоснованных и плохо обоснованных притязаний на власть, настолько сильно, что, несмотря на все признание незаменимости последней метафизической основы (ὑπόθεσις Платона), тем не менее, основная часть их могущества по-прежнему используется для решения эпистемологических – т. е. в более широком смысле логических задач. В конце концов, не стоит заблуждаться, ведь многие проблемы научно-теоретического характера еще не решены, какими бы плодотворными ни были исследования в этой области в последние десятилетия. Естественные науки, как и науки о культуре, стали проблемой с точки зрения их логической структуры, и именно их четкое разграничение друг с другом и логическое обоснование их самостоятельности является одним из основных результатов этого исследования. Однако существует еще достаточно отдельных проблем, которые необходимо решить до

того, как можно будет приступить к всеобъемлющей будущей задаче общей теории знаний. Такая отдельная проблема должна стать предметом исследования в дальнейшем.

Некоторые общие указания на науку и теорию знаний могут даваться заранее, чтобы цель и особый характер подобных исследований всегда присутствовали.

Наука – это взаимосвязь теоретических знаний, упорядоченная и обоснованная принципами. Знания изложены в суждениях; эти суждения истинны, они применяются. И действительно, строго говоря, имеет место не акт суждения, который выпадает на долю отдельного исследователя при получении знания, а смысл суждения – его содержание. Всякая наука, мыслимая в идее своего завершения, есть существующая сама по себе связь действительного смысла. Отдельные конкретные науки как культурные факты, обусловленные временем, никогда не бывают завершенными, но всегда находятся в процессе поиска истины.

То, как в отдельных науках обнаруживаются знания, т. е. метод исследования, определяется предметом рассматриваемой науки и точками зрения, с которых она его рассматривает. Методы исследования различных наук оперируют определенными основными понятиями, логическую структуру которых должна учитывать научная теория. Теоретико-научная постановка вопроса выводит из отдельных наук в область последних основных элементов логики, категорий. У отдельного научного исследователя теперь такие научно-теоретические исследования легко создают впечатление некоторой самонадеянности и, следовательно, бесплодности. Но это только до тех пор, пока он ожидает от таких исследований чего-то принципиально нового для своей отдельной научной области. Конечно, они не могут этого сделать, поскольку движутся в совершенно новом измерении. Отсюда они значимы для исследователя в отдельной науке тогда и только тогда, когда он как таковой забывается – и философствует.

Итак, выяснение логических основ методов исследования в отдельных науках является делом логики как научного учения. В дальнейшем это понятие не может быть развито во всей его полноте; скорее, выбирается определенная отдельная категория (логический базовый элемент) – понятие времени – и уточняется его структура. В конце концов окажется, что здесь в проблему вводится центральное понятие, решение которого должно пролить свет и на общий логический характер отдельных наук, использующих его. Теперь вопрос заключается в том, каким путем мы можем наиболее

уверенно прийти к познанию логической структуры понятия времени в исторической науке. Когда мы говорим об особой логической структуре этого понятия времени, то имеем в виду, что его содержание своеобразным образом детерминировано совершенно определенными конечными категориальными элементами. Необходимо подчеркнуть эту детерминацию понятия «времени вообще» понятию «историческое время». Это будет обеспечено тем, что историческая наука будет использовать понятие времени в соответствии со своими задачами. Структуру исторического понятия времени мы сможем тем самым понять из его функции в исторической науке; с другой стороны, особую функцию следует разуметь исходя из цели исторической науки. Значит, для решения нашей задачи логической характеристики понятия времени в исторической науке мы пройдем путь от цели исторической науки через вытекающую из нее функцию понятия времени к его структуре; и тогда проблему можно кратко сформулировать следующим образом: какую структуру должно иметь понятие времени в исторической науке, чтобы быть понятием времени в соответствии с целью этой науки? Быть в состоянии функционировать? Итак, мы не предполагаем какой-либо конкретной философской теории исторической науки и не исследуем, какая структура понятия времени вписывается в нее, но мы исходим из исторической науки как факта, изучаем действительную функцию понятия времени в ней и определяем исходя из этого ее логическую структуру. Если мы подошли к решению поставленной таким образом задачи, то, признав понятие времени в исторической науке одним из ее центральных понятий, мы должны иметь возможность составить общее представление о логической структуре истории как науки.

Особенность структуры понятия времени исторической науки, несомненно, проявится теперь тем резче, что она сможет выделиться на фоне иной структуры времени. Чтобы сделать это возможным, прежде чем приступить к выполнению нашей настоящей задачи, понятие времени в естествознании – точнее, в физике – должно быть подвергнуто краткой характеристике. *Теперь мы ставим проблему в отношении понятия времени в физике так же, как и в отношении понятия времени в исторической науке, и спрашиваем: какую структуру должно иметь физическое начало времени, чтобы оно могло функционировать как понятие времени в соответствии с целью физики?*

I.

Итак, прежде всего необходимо получить ясность в отношении цели физики как науки. Скорее всего, это делается для того, чтобы выявить основную тенденцию физики, которая на протяжении всей ее истории, от Галилея до наших дней, становилась все более очевидной.

Античная и средневековая философия природы (1) стремились исследовать метафизическую сущность феноменов, проявляющихся в неосязаемой реальности, и их скрытые причины. По сравнению с этой метафизической спекуляцией на природе наука Галилея методологически означает нечто принципиально новое. Она стремится господствовать над многообразием явлений посредством закона, и то, как она приходит к закону, является ее своеобразно новым достижением. Поскольку из этого метода познания закона наиболее ясно видна основная тенденция физики, пусть этот метод будет объяснен на классическом примере, а именно на открытии Галилеем закона случая. Старый подход к проблеме случая применял бы естественную методику, пытаясь путем наблюдения отдельных случаев явлений выделить то, что теперь предстает общим для всех из них, чтобы затем сделать отсюда вывод о сущности случая. Галилей начинает не с наблюдения отдельных явлений падения, а с общего предположения (гипотезы), которое гласит: тела падают — лишенные своей основы — так, что их скорость возрастает пропорционально времени ($v = g \cdot t$), т. е. тела падают в равномерно ускоренном движении. Начальная скорость равна о, конечная скорость $v = g \cdot t$. Возьмем среднюю скорость – $g/2 \cdot t$, тогда мы получим равномерное движение; для чего основная определяющая формула $s = c \cdot t$: путь равен производной скорости и времени. В нашем случае $c = g/2 \cdot t$; это значение, вставленное в последнюю формулу, дает $s = g/2 \cdot t^2$. Это уравнение Галилей проверяет на конкретных случаях, и оно подтверждается им. Значит мы имеем, верно приведенное выше предположение, из которого чисто дедуктивно был выведен закон, впоследствии подтвержденный экспериментально. Весь ход мыслей был намеренно представлен более подробно, чтобы показать, что во всем рассуждении нигде не говорится о том или ином конкретном теле, том или ином отрезке времени, том или ином пространстве падения. Предположение $v = g \cdot t$, впоследствии ставшее законом в результате удостоверенного эксперимента, представляется общим для тел вообще.

Отсюда в этом новом методе кроется двойная особенность: 1) выдвигается предположение, которое позволяет в общих чертах понять явления

определенной области, в том числе движения; 2) предположение не подразумевает какого-либо скрытого качества в виде причины, объясняющей явления, но содержит математически измеримые, т. е. измеримые отношения между идеально мыслимыми моментами явления. Такого рода постановка проблем, которую Галилей впервые сознательно применил, со временем завоевывает господство в отдельных областях физики (механика, акустика, теория тепла, оптика, учение о магнетизме и электричестве). В каждой из них физика стремится к уравнениям, в которых излагаются наиболее общие закономерные отношения, касающиеся процессов, происходящих в соответствующих областях.

Но современная физика не стоит на месте. Она уже нашла основные законы, позволяющие, с одной стороны, включить в механику части акустики и теории тепла; с другой – оптику и магнетизм, а также теорию излучающего тепла в теорию электричества. Таким образом, многочисленные отдельные области физики сегодня сведены к двум: механика и электродинамика, или, как еще говорят, физика материи и физика эфира. Как бы ни разгорелась борьба между механическим и электродинамическим «мировоззрением» (!), обе области, как говорит Планк, «в долгосрочной перспективе вообще невозможно будет четко разграничить» (2). «Механика в принципе нуждается в понятиях пространства, времени и того, что движется, как бы это ни называлось для своего обоснования – субстанцией или состоянием. Но и электродинамика не может обойтись без тех же понятий. Следовательно, надлежащим образом обобщенная механика вполне могла бы включать в себя и электродинамику; и действительно, некоторые признаки указывают на то, что эти две области, уже частично пересекающиеся, в конечном счете объединятся в единое целое – для общей динамики» (3).

Итак, цель физики как науки, вероятно, будет раскрыта; это единство физической картины мира, сведение всех явлений к математически фиксируемым основным законам общей динамики, к законам движения массы, которые еще предстоит определить. Теперь, когда мы знаем цель физики, можно задать второй вопрос: какая функция соответствует понятию времени в этой науке?

Предметом физики является – теперь мы можем сказать вкратце – закономерность движения. Движения совершаются во времени. В итоге, о чем это сейчас говорит? «Во» времени имеет место пространственное значение; но время, по-видимому, не является чем-то пространственным, раз пространство и время всегда противопоставляются друг другу. Но столь же

очевидно, что движение и время каким-то образом связаны. Галилей как-то в одном месте своего «Discorsi» прямо говорит о «родстве понятий времени и движения». «Ибо как однородность движения определяется равенством времен и пространств, так и увеличение скорости (ускорение) мы можем воспринимать как просто достигнутое равенством частей времени» (4). Очевидно, что соотношение движения и времени есть измерение движения с помощью времени. Измерение как количественное определение – это вопрос математики. Основу экспериментальной физики составляет теоретическая, т. е. математическая физика. Итак, если мы хотим получить четкие понятия о движении и времени, то должны рассматривать их в их математическом образе.

Положение материальной точки в пространстве определяется точкой пространства, с которой она совпадает. Теперь представим себе, что пространство пусто, за исключением материальной точки, местоположение которой должно быть определено. Но пространство теперь бесконечно, каждая точка пространства эквивалентна каждой другой, точно так же каждое направление равноценно всякому другому. Определение местоположения рассматриваемой материальной точки невозможно без точки, по отношению к которой определяется ее местоположение. Такая точка отсчета всегда должна быть предусмотрена. Все определения местоположения относятся к нему, поэтому они никогда не бывают абсолютными. Определение положения происходит таким образом, что мы представляем себе три перпендикулярные друг другу прямые – оси x, y, z, проложенные через точку отсчета. Положение точки P теперь определяется расстояниями от координатных осей, координатами x, y, z. Представим себе, что точка P находится на пространственной кривой. Теперь мы рассматриваем ее в ее движении, т. е. изучаем ее положения, как они следуют друг за другом во времени. В каждую секунду, которую мы счисляем на часах, мы можем сделать три измерения, т. е. указывать определенные значения x, y, z, которые определяют положение точки P в момент времени t; таким образом, x, y, z *зависят* по своим значениям от соответствующего значения t, иными словами, являются функциями времени [x = x (t); y = y (t); z = z (t)]. Если значение времени t изменяется на бесконечно малое значение, то меняются и значения координат. Теперь для t зададим все возможные последовательные значения, тогда координаты в виде непрерывных функций от t зададут совокупность всех последовательных во времени положений точки P. Это воплощение всех слоев мы называем *движением*.

«Если мы хотим описать движение материальной точки, – говорит Эйнштейн, – то мы даем значения ее координат в зависимости от времени» (5).

Все другие основные понятия теории движения, такие как скорость, равномерное движение, ускорение, неравномерное движение, определяются определенными отношениями между пространственными и временными величинами. Чувственно-наглядные качества определяемого явления стерты и полностью возведены в математическое.

Таким образом, движения как объекты физики измеряются с помощью времени. Функция времени состоит в том, чтобы делать возможным измерение. Движения, поскольку в физике они всегда рассматриваются с точки зрения измеримости, не просто иногда соотносятся со временем, в противном случае, существовали бы физические представления, где время как таковое оказывалось бы выключенным, но время, как показали вышеприведенные уравнения движения, является необходимым моментом в определении движения. Движение, прежде всего, математически и физически постигаемо в этой необходимой сжатости во времени. Теперь, когда время признано условием возможности математической определимости предмета физики, а именно движения, мы можем непосредственно ответить на последний вопрос о структуре самого понятия времени. В уравнениях движения $x = x(t)$, $y = y(t)$, $z = z(t)$ время предполагается независимым переменным, хотя оно постоянно изменяется, т. е. течет равномерно, без скачков из одной точки в другую. Оно представляет собой однонаправленный ряд, в котором каждый момент времени отличается только своим положением, измеренным от начальной точки. Поскольку один момент времени отличается от предыдущего только тем, что он является последующим, становится возможным измерять время и, следовательно, движения. Как только время измеряется – а только как измеримое и подлежащее измерению время имеет значимую функцию в физике – мы определяем столь много. Это указание на столько-то объединяет истекшие к тому времени моменты времени в один. Мы как бы сокращаем временную шкалу, тем самым разрушая реальное время в его потоке и заставляя его застывать. Река замерзает, становится поверхностью, и ее можно измерить только как площадь. Время стало однородным положением, масштабом, параметром.

Прежде чем мы закончим рассмотрение естественнонаучного понятия времени, необходимо рассмотреть еще одно возражение. Можно было бы указать, что в сказанном до сих пор не учитывалась самая современная

теория физики – теория относительности. Вытекающее из этого представление о времени «пожалуй, превосходит по смелости все, что было сделано до сих пор в умозрительном исследовании природы, даже в философском учении о познании» (6).

Однако это в большинстве случаев упускается из виду: в теории относительности как физической теории речь идет о проблеме измерения времени, а не о времени как таковом. Теория относительности не затрагивает понятия времени; более того, она лишь в большей степени подтверждает то, что было указано выше, как характеристика естественно-научного понятия времени, а именно однородный, поддающийся количественному определению характер. Этот математический характер физического понятия времени нельзя выразить более четко, чем если его поместить рядом с трехмерным пространством в качестве четвертого измерения и использовать вместе с ним неевклидову, т. е. более чем трехмерную геометрию.

Если мы теперь перейдем к изложению структуры понятия времени в исторической науке, то поначалу представляется весьма сомнительным, можно ли вообще здесь ставить какую-либо новую проблему. Ведь и для исторической науки время является как бы положением, по отношению к которому событиям отводится определенное место во времени и тем самым они исторически фиксируются. Так, недавно Фришайзен-Келер пишет, что «при определенных обстоятельствах временная фиксация … этого достаточно, чтобы превратить понятие, сформированное на основе естественнонаучных принципов, в историческое» (7). Стало быть, понятие «голод в Фульде в 750 году» обозначает совершенно конкретное индивидуальное событие и, следовательно, (а) является историческим понятием.

Перед нами возникает альтернатива: либо мы не имеем в вышеупомянутом понятии исторического понятия, поскольку невозможно уразуметь, почему простое определение времени должно превращать общее понятие в историческое, ведь процессы движения в физике также определяются временем, – либо же: перед нами историческое понятие, что на самом деле верно. Но тогда определение времени, обнаруживаемое в нем, является совершенно своеобразным, которое можно понять только из сущности исторической науки.

Как минимум, многое стало очевидным: в исторической науке существует проблема с понятием времени. Отсюда имеет смысл и обоснованность, когда мы спрашиваем о структуре исторического понятия времени. Об этом мы можем судить только по его функции в исторической науке, функцию

которой, в свою очередь, можно понять только исходя из цели и предмета самой исторической науки.

II.

В исторической науке этот путь от цели науки к функции понятия времени в ней и оттуда к структуре самого начала времени представляется теперь обходной стезей. Однако гораздо легче и быстрее достичь цели в исторической науке, если учесть, что в ее методологии существует особая вспомогательная дисциплина, которая непосредственно занимается определением времени: историческая хронология. Здесь могла бы непосредственно проявиться особенность исторического понятия времени – почему этот путь не был выбран, можно понять только в заключении. Тогда станет ясным, что из хронологии относится к историческому понятию времени как к единственному существенному моменту. Итак, мы идем по уже намеченному пути и прежде всего попытаемся разобраться в цели исторической науки.

Мы сразу же сталкиваемся с трудностью, поскольку среди историков не достигнуто полного согласия относительно цели и предмета исторической науки. Отсюда то, что здесь решается по данному вопросу, не претендует на окончательность и полноту. Однако это не может поставить под угрозу нашу настоящую проблему, если мы выделим в понятии исторической науки только те моменты, которые позволяют уразуметь в ней функцию понятия времени.

Историческая наука рассматривает человека не как биологический объект, а постольку, поскольку идея культуры реализуется через его духовно-физические достижения. Это культурное творчество в его полноте и многообразии движется во времени, претерпевает развитие, подвергается самым разнообразным изменениям и регрессиям, впитывает предшествующее, чтобы в дальнейшем переработать или бороться с ним. Это культурное творчество человека изнутри и в союзе с созданными им сообществами и организациями (государством) предстает, в конечном счете, объективацией (b) человеческого духа. Историка не интересует объективация духа, совершающаяся с течением времени, во всей ее полноте, как если бы он хотел зафиксировать все, что вообще когда-либо происходило во времени; его интересует только – как уже отмечалось – исторически действующее. Эдуард Мейер, который дал это определение, дополняет и правильно объ-

ясняет его: «Выбор основан на историческом интересе, который настоящее имеет к какому-либо последствию, результату развития…» (8).

Но интерес всегда выстраивается с определенной точки зрения, руководствуясь нормой. Тем самым выбор исторического из множества данных фактов основывается на ценностных отношениях. Значит, цель исторической науки состоит в том, чтобы представить связь между действием и развитием объективаций человеческой жизни в их уникальности и неповторимости, понимаемых посредством взаимодействия с культурными ценностями. Но до сих пор не затронута одна важная особенность каждого исторического предмета. Исторический предмет в качестве исторического всегда пребывал в прошлом, его, строго говоря, больше не существует. Между ним и историком существует расстояние во времени. Прошлое всегда видело смысл только в настоящем. Прошлое не только больше не рассматривается нами, но и отличается от того, что мы имеем в настоящем с нашими жизненными отношениями. Время – это становится уже очевидным – располагает в истории совершенно оригинальным значением. Только там, где это качественное отличие прошлых времен от настоящего проникает в сознание, пробуждается исторический смысл. Поскольку историческое прошлое всегда инаковость объективаций человеческой жизни, и мы сами живем и творим в ней, то с самого начала дается возможность понять прошлое, ведь оно не может не сопоставляться с иным. Но временной разрыв между историком и его объектом существует. Если он хочет изобразить их, то должен каким-то образом представить предмет перед собой. Необходимо преодолеть время, преодолеть временную пропасть, перейти от настоящего к прошлому. Со своей стороны, требование преодоления времени и представления прошлого, необходимое в цели и предмете исторической науки, будет возможно только в том случае, если само время каким-то образом будет действовать в подобном функциональном процессе. Иоганнес Бодинус (1607 г.) уже опубликовал в своем «Methodus ad facilem historiarum cognitionem» отдельную главу о времени. Там есть фраза: «qui sine ratione temporum [примечательно множественное число] histories intelligere se posse putant, perinde falluntur, ut si labyrinthi errores evadere sine duce velint» (9).

Функцию времени в преодолении времени, необходимого для исторической науки, мы сможем изучать наиболее уверенно, если обратим внимание на методологию исторической науки, с помощью которой она создает себе доступ к прошлому и исторически представляет его. Проследить функцию времени в исторической научной методологии до мельчайших

подробностей, выявить связи ее основных понятий с главным понятием – значило бы зайти слишком далеко. Скорее, следует охарактеризовать лишь некоторые особенно бросающиеся в глаза понятия и способы историко-научного метода, иллюстрирующие функцию понятия времени. Таким образом, создается, по крайней мере, достаточный момент для анализа структуры понятия времени.

Первая основополагающая задача исторической науки состоит в том, чтобы в первую очередь удостовериться в действительности процессов, которые она представляет. «Возможно, величайшая заслуга критической школы в нашей науке, по крайней мере, самая значительная в методологическом отношении, – говорит Дройзен, – заключается в том, что она утвердила понимание, когда основой наших исследований предстает удостове*р*ение (с) «источников», из которых мы черпаем. Значит, отношение истории к прошлому поставлено на научно направляющую точку отсчета» (10).

Итак, «источник» обеспечивает научный доступ к исторической действительности. Из нее в первую очередь и строится эта реальность. Но последнее возможно только в том случае, если источник имеет гарантированную ценность как источник, т. е. его подлинность доказана. Что происходит благодаря критике. Например, необходимо доказать подлинность документа. Это может быть сделано путем поиска решения о «юридической ценности». «Документальные свидетельства надлежащим образом функционирующего юридического лица в определенное время располагают свойственными себе особенностями. Воплощением всех этих черт в определенное время является их юридический характер» (11). Стало быть, в понятие юридической ценности входит понятие времени.

Однако доказательство юридической ценности, т. е. дипломатическая критика должна дополняться правовой и общеисторической критикой, значит, документ должен сопоставляться с правовыми и общекультурными условиями того времени, к которому он предположительно принадлежит. Например, Лжеисидоровы декреталии доказываются как подделки, поскольку отдельные папские послания указываются как анахронизмы. Мы знаем, что Папа Григорий Великий впервые использовал название «servus servorum Dei» во вступлении к своим письмам. В рассматриваемых письмах из собрания Исидора так называют себя старшие папы. Кроме того, известно, что папы не датировали свои послания римскими консулами до конца четвертого столетия; в рассматриваемых письмах Исидора это происходит. Декреталии, которые, как говорят, относятся к первым векам, предполагают

клерикально-правовые отношения, возникшие лишь позднее. Тем самым критика показывает, что письма в формальном и содержательном отношении носят отпечаток вовсе не того времени, в котором, как предполагается, они были написаны, а более позднего периода. Время создания источника должно быть определено для его научного использования, поскольку его ценность как свидетельства зависит от того, насколько он удален во времени от исторического факта, который необходимо освидетельствовать. «Наиболее общим средством является сравнительное исследование того, какой эпохе изначально соответствует рассматриваемый источник по форме, стилю и содержанию, короче говоря, по всему своему характеру… ибо каждое время во всех своих творениях и проявлениях носит характер, отличный от других, который мы, вероятно, можем распознать» (12). Что касается письменных источников, то, прежде всего, письменность и язык, «это наиболее гибкие выражения духа времени», позволяют нам определять время.

Понятие времени играет не менее важную роль во второй основной задаче исторического метода: в установлении связи между ранее выявленными фактами в деталях. Прежде всего, необходимо правильно понимать отдельные факты в их значении для контекста, т. е. правильно интерпретировать фактическое содержание источников.

Интересным примером всеобъемлющей функции понятия времени в истории предстает недавнее исследование Августина, проведенное Трёльчем (13). Трёльч показывает, что Августин, «поистине заключающий и завершающий период христианской древности, будучи ее последним и величайшим мыслителем, ее духовным практиком и народным трибуном. Отсюда он должен быть сначала понят» (14). С другой стороны, Трёльч характеризует христианскую древность, начиная с Августина, в конце своего сочинения. Подобная характеристика позволяет ему затем противопоставить второй период в истории христианства первому. Говоря о различиях между великими периодами, Трёльч пишет: «Они должны образовываться в зависимости от принадлежности христианской церкви к соответствующим общим культурным отношениям» (15).

Вероятно, подобных примеров предостаточно, чтобы сразу заметить суть исторического понятия времени. *Периоды истории качественно различаются*. «Руководящие тенденции» (Ранке) одной *эпохи* определяют ее разграничение с другой.

Таким образом, понятие времени в исторической науке не имеет ничего общего с однородным характером естественнонаучного понятия времени.

Следовательно, историческое время также не может быть математически выражено чередой, поскольку не существует закона, определяющего последовательность времен. Моменты физического времени отличаются друг от друга только своим положением в ряду. Исторические времена, конечно, равно следуют друг за другом – иначе они вообще не являлись бы временами – но каждое из них (d) отличается по своей содержательной структуре. *Качество исторического понятия времени означает не что иное, как уплотнение – кристаллизацию – объективации жизни, данной в истории*. Значит, историческая наука не оперирует количествами. Но каковы же еще исторические числа? Говоря о «голоде в Фульде в 750 году», историк ничего не может поделать с числом как таковым; его не может интересовать число как квант, элемент, который занимает определенное место в числовом ряду от 1 до бесконечности, делится примерно на 50 и т.д. Число 750 и любое другое историческое число имеет в исторической науке значение и ценность только с учетом того, что исторически значимо с точки зрения содержания. Треченто, Кватроченто суть не что иное, как количественные понятия. Вопрос о том, когда имеет совершенно разный смысл в физике и истории. Я спрашиваю в физике, когда вес на фальш-машине Атвуда достигает определенного места на шкале, когда, т. е. через сколько ударов секундного маятника. Когда я спрашиваю о времени исторического события, я спрашиваю о месте (местах) в качественном историческом контексте, а не о том, сколько. Но историк иногда задает вопрос и о том, сколько. Таким образом, последующая история войны, несомненно, заинтересует, сколько времени понадобилось армии Макензена, чтобы развернуть наступление от Карпат до русско-польского укрепленного района. Но количественное определение – примерно 12 недель – само по себе имеет значение для историка лишь постольку, поскольку из него можно понять огромную ударную мощь наших союзных войск, целеустремленность всей операции и, с другой стороны, оценить стойкость русской армии. Годовые числа – это удобные счисляемые знаки, но сами по себе они бесполезны, поскольку для каждого числа может быть эквивалентно другое число, если просто отложить начало платежа. И все же само начало счисления времени показывает, что оно всегда начинается с определенного исторически значимого события (основание города Рима, Рождество Христово, Хиджра).

Итак, вспомогательная дисциплина исторической науки – историческая хронология – значима для теории исторического понятия времени только с точки зрения начала счисления времен. Например, сообщается, что хри-

стиане изначально не хотели устанавливать начало года на первое января, «поскольку оно оказывалось совершенно не связанным с христианской религией» (16). Отсюда церковь перенесла праздник обрезания Господня на этот день, придав ему церковное значение. Всегда существовали знаменательные праздники – Пасха, Рождество, – на которые отмечалось начало года. Последнее показывает, что вообще происходящее в исторической науке в отношении количества, счисления времен, качественно детерминировано способом установления начала отсчета. Можно сказать, что даже в подходе к счислению времен проявляется принцип образования исторических понятий: ценностное отношение (17).

Признание фундаментальной значимости исторического понятия времени и его полного отличия от физического позволит в дальнейшем теоретически проникнуть в сам характер исторической науки и теоретически обосновать его как оригинальное и несводимое к другим наукам мировоззрение.

(1) Средневековое мышление, однако, не было чуждо эмпирии в той степени, в какой принято считать; оно умело ценить эмпирическую обработку или, по крайней мере, регистрацию фактов; у человека было – даже теоретически не проясненное – сознание ценности математики для естествознания, он знал эксперимент; при всем при этом он не был уверен в том, что математика имеет значение для естествознания; все же еще не хватало собственно естественнонаучной постановки проблемы.

(2) Acht Vorlesungen über theoretische Physik. 1910. S. 8.

(3) Op. cit. p. 9.

(4) Unterredungen und mathematische Demonstrationen über zwei neue Wissenszweige, die Mechanik und die Fallgesetze betreffend. 3. und 4. Tag (1638). Übersetzt und herausgegeben von A. von Öttmgen. 1891. Ostwalds Klassiker der exakten Wissenschaften. Nr. 24, S. 7.

(5) 5 A. Einstein, Zur Elektrodynamik bewegter Körper. Annalen der Physik, Bd. 17, 1905; abgedruckt in «Fortschritte der mathematischen Wissenschaften in Monographien», herausgegeben von O. Blumenthal. Heft 2, Das Relativitätsprinzip. 1913. S. 28.

(6) Planck, Acht Vorlesungen über theoretische Physik 1910. S. 117.

(7) Wissenschaft und Wirklichkeit. 1912. S. 168.

(a) Separatum aus der Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, 1916: в каком смысле индивидуальное = историческое?

(b) Separatum aus der Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, 1916: являются ли «сообщества» объективациями?

(8) Kleine Schriften. 1910. S. 44.

(9) Methodus ad facilem historiarum cognitionem, 1607, cap. VII, de temporis universi ratione, p. 431.

(c) Separatum aus der Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, 1916: это не «констатация фактов»?

(10) Grundriß der Historik 2. Aufl. 1S75. S. 79 f.

(11) O. Redlich, Urkundenlehre. I. Teil. 1907. S. 21 f.

(12) E. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode. 5. und 6. Auflage. 1908. S. 393.

(13) Augustin. Die christliche Antike und das Mittelalter im Anschluß an die Schrift «de civitate Dei». 1915.

(14) Op. cit. p. 6 et seq.

(15) Op. cit. p. 172.

(d) Separatum aus der Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, 1916: что значит здесь «есть»? Это не *объективные* качества.

(16) Rühl, Chronologie des Mittelalters und der Neuzeit 1897. S. 24.

(e) Separatum aus der Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, 1916: что здесь называется «местом»?

(17) Сравните это фундаментальное понятие с историческим понятийным образованием: H. Rickert, Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. 2. Aufl. 1913. S. 333 ff.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Das Realitätsproblem in der modernen Philosophie. Zueist erschienen in: Philosophisches Jahrbuch der Görresgesellschaft. Hg. C. Gutberlet. Fulda 1912 (25), pp. 355–363.

Neuere Forschungen über Logik. Zuerst erschienen in: Literarische Rundschau für das katholische Deutschland. Hg. J. Sauer. Herdersche Verlagshandlung Freiburg i. Br. 1912 (38), Nr. 10, Spalte 465–472; Nr. 11, Spalte 517–524; Nr. 12, Spalte 565–570.

Besprechung: Kants Briefe in Auswahl. Herausgegeben und erläutert von F. Ohmann. Insel-Verlag Leipzig 1911. Erschienen in: Literarische Rundschau für das katholische Deutschland. Hg. J. Sauer. Herdersche Verlagshandlung Freiburg i. Br. 1913 (39), Nr. 2, Spalte 74.

Besprechung: Nikolai von Bubnoff, Zeitlichkeit und Zeitlosigkeit. [Ein grundlegender theoretisch-philosophischer Gegensatz in seinen typischen Ausgestaltungen und in seiner Bedeutung für die modernen philosophischen Theorien] Verlag Winter, Heidelberg 1911. Erschienen in: Literarische Rundschau für das katholische Deutschland. Hg. J. Sauer. Herdersche Verlagshandlung Freiburg i.Br. 1913 (39), Nr. 4, Spalte 178–179.

Besprechung: Franz Brentano, Von der Klassifikation der psychischen Phänomene. Neue, durch Nachträge stark vermehrte Ausgabe der betreffenden Kapitel der «Psychologie vom empirischen Standpunkt». Verlag Duncker & Humboldt, Leipzig 19–11. Erschienen in: Literarische Rundschau für das katholische Deutschland. Hg. J. Sauer. Herdersche Verlagshandlung Freiburg i. Br. 1914 (40), Nr. 5, Spalte 233–234.

Besprechung: Charles Sentroul, Kant und Aristoteles. Ins Deutsche übertragen von L. Heinrichs. Von der deutschen Kant-Gesellschaft gekrönte Preisschrift. Verlag Kösel, Kempten und München 1911. Erschienen in: Literarische Rundschau für das katholische Deutschland. Hg. J. Sauer. Herdersche Verlagshandlung Freiburg i. Br. 1914 (40), Nr. 7, Spalte 330–332.

Besprechung: Kant – Laienbrevier. Eine Darstellung der Kantischen Welt- und Lehens anschauung für den ungel ehrten Gebildeten aus Kants Schriften, Briefen und mündlichen Äußerungen. Zusammengestellt von F. Groß. Zweite, verbesserte Auflage. Verlag Bruckmann, München 1912. Erschienen in: Literarische Rundschau für das katholische Deutschland. Hg. J. Sauer. Herdersche Verlagshandlung Freiburg i. Br. 1914 (40), Nr. 8, Spalte 376–377.

Die Lehre vom Urteil im Psychologismus. Ein kritisch-positiver Beitrag zur Logik. Dissertation, Freiburg i. Br. 1913. Erstdruck hei Johann Ambrosius Barth, Leipzig 1914. p. VII, 110.

Die Kategorien- und Bedeutungslehre des Duns Scotus. Habilitationsschrift, Freiburg i. Br. 1915; das Schlußkapitel wurde nachträglich für den Druck verfaßt. Erstdruck bei J. C. B. Mohr (Paul Sieheck), Tübingen 1916. p. 245. Versehen mit einem Personen- und Sachregister.

Selbstanzeige: Die Kategorien- und Bedeutungslehre des Duns Scotus, in: Kant-Studien, Bd. XXI, Heft 4. Berlin 1917. pp. 467–468.

Der Zeitbegriff in der Geschichtswissenschaft. (Anmerkung vom Verfasser: «Das Folgende fällt inhaltlich mit der Probevorlesung zusammen, die der Verfasser am 27. Juli 1915 vor der philosophischen Fakultät der Universität Freiburg i. Br. hielt zur Erlangung der venia legendi. Die Form ist hier mehr dem Charakter eines Aufsatzes angepaßt.») Erstdruck in: Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, vormals Fichte-Ulricische Zeitschrift, Bd. 161. Leipzig 1916. pp. 173–188.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

I.

«Пути – не произведения»: это девиз, который Мартин Хайдеггер написал от руки в последний раз за несколько дней до своей смерти для своего полного собрания сочинений вместе с титульным листом.

В феврале того же года он написал посвящение своей спутнице жизни Эльфриде Хайдеггер, урожденной Петри, гласившее: «Ваша постоянная поддержка в долгом пути» началась с помолвки в 1915 году и продолжалась более шестидесяти лет. Титульный лист, девиз и посвящение воспроизведены в виде факсимиле.

Мартин Хайдеггер намеревался предварить 1-й том своего полного собрания сочинений предисловием, разъясняющим его замысел и задачу, к разработке которых он сам приступил. Внезапно наступившая смерть, предвестия которой философ ясно ощутил на себе в последние дни своей земной жизни, уже не оставляла ему времени для осуществления задуманного. Вместо предисловия, застрявшего в предварительных проработках, он создал целенаправленный девиз.

Из оставленных записей для предисловия можно привести две – написанные на отдельных листах, которые объясняют основную идею его издания:

«*Полное собрание сочинений должно разными способами показать: путь по проселку меняющегося вопроса многозначного бытия. Итак, собрание сочинений направлено на то, чтобы включить вопрос, задать его и, прежде всего, вопросить о нем более подробно. Задавать вопросы – т. е. делать шаг назад; назад от удерживания себя; назад к вызываемому высказыванию («назад» как характер пути мышления, а не временное историческое).*

Речь идет о возбуждении спора по вопросу о факте мышления (мышление как отношение к бытию как присутствию; Парменид, Гераклит: νοεῖν, λόγος), а не о сообщении мнения автора и не об обозначении точки зрения исследователя, и не о включении его в ряд других исторически устоявшихся философских точек зрения. Разумеется, подобное возможно в любое время, особенно в век информации, но совершенно не имеет значения для подготовки вопрошающего доступа к предмету размышлений».

Вторая запись имеет следующую формулировку:

«*Многочисленность томов свидетельствует лишь о непреходящей сомнительности вопроса о бытии и дает множество поводов для самоанализа. Со своей стороны, усилия, собранные в этом издании, остаются лишь слабым отголоском все более отдаляющегося начала: неизменного состояния Ἀλήθεια. В некотором смысле она очевидна и всегда переживается; однако ее собственное в самом начале остается неизбежно неосмысленным, и данное положение вещей накладывает своеобразную сдержанность на все последующее мышление. Пытаться преобразовать то, что изначально было известно, в то, что теперь известно, оказалось бы ослеплением*».

II.

«Ранние сочинения» как первый том полного собрания сочинений отличается от последнего прижизненного издания от 1972 года тем, что его состав дополнен семью работами молодого Хайдеггера. Том теперь полностью охватывает все ранние сочинения Мартина Хайдеггера, опубликованные в период с 1912 по 1916 гг. Два самых ранних эссе «Проблема реальности в современной философии» (1912 г.) и «Новые исследования логики» (1912 г.) вышли из-под пера студента еще за год до получения докторской степени (1913 г.). Остальные пять недавно воспроизведенных небольших работ представляют собой критические обзоры (1913/1914). Как оба эссе, так и три более крупных обозрения по тематике близки к следующим трактатам; первое и наиболее подробное из обозрений также цитируется Хайдеггером в диссертации, докторском сочинении и испытательной лекции.

В библиотеке рукописей Мартина Хайдеггера есть по одному экземпляру диссертации, докторского сочинения и испытательной лекции. В отличие от более поздних, они содержат в текстах очень мало примечаний на полях. Судя по почерку и содержанию, они относятся к годам, непосредственно последовавшим за публикацией самих сочинений. Как и во всех томах I раздела, примечания на полях напечатаны в виде сносок и обозначены строчными буквами, чтобы отличать их от текстовых примечаний с бегущими цифрами.

Сверка всех цитат, которых особенно много в «Ранних сочинениях», а также пересмотр и расширение именного и предметного указателей – заслуга доктора Хартмута Титьена. То, что 1 том содержит именной и предметный указатели, вопреки общему желанию Мартина Хайдеггера не

включать указатели в тома его полного собрания сочинений, имеет свою особую причину в предыстории оных указателей. Докторское сочинение «Учение о категориях и значениях Дунса Скота» увидело свет в 1916 году с реестром физических лиц и предметов, составленным их автором. Когда Мартин Хайдеггер решил объединить в 1972 году свою диссертацию, докторское сочинение и испытательную лекцию в томе «Ранних сочинений», то поручил редактору настоящего тома дополнить существующие реестры его «Ранних сочинений», включив в них два других сочинения, так что вышло отдельное издание «Ранних сочинений» с обоими реестрами. Та же задача расширения реестров с сохранением их первоначального характера, установленного самим Мартином Хайдеггером, была теперь поставлена благодаря увеличению числа «ранних сочинений» и включением в их состав упомянутых семи работ.

Цифры, проставленные сбоку, также называемые маргиналиями страниц, относятся к номерам страниц единственного издания «Ранних сочинений», вышедшего в 1972 году.

Годовые цифры, заключенные в круглые скобки в оглавлении, указывают на дату создания сочинений.

Послесловие к 5 тому «Лесные тропы» рассказывает о характере полного собрания сочинений как последнего издания – в отличие от критического издания.

Я сердечно благодарю господина доктора Хартмута Титьена и господина Клауса Нойгебауэра за их тщательно выполненную работу по корректуре текстов.

Фрайбург-в-Брайсгау, июль 1978 г. Ф.-В. ф. Геррманн

Wege - nicht Marken

Die Gesamtausgabe

ist

meiner Frau
Elfriede geb. Petri
gewidmet

Ihr inständiger Beistand
auf dem langen Weg
war die Hilfe,
deren ich bedürfte

M. H.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авенариус, Р. 16
Августин 372
Айхер, 7, 51
Альберт Великий 175
Амезедер, Р. 32, 23
Аристотель 36, 48, 50–52, 55, 86, 87, 157, 167, 176, 181, 184, 220, 325, 330, 352

Баумкер, Кл. 175
Бергсон, Г. 48, 151, 272
Беркли, Дж. 13
Бодинус, Й. 365
Больцано, Б. 27, 48, 244
Бонавентура 176
Брентано, Ф. 37, 48, 49, 56, 62, 86, 105–108, 111, 112, 147, 168
Брюнетьер, Ф. 13
Бубнов, Н. фон 48
Бэкон Веруламский 189

Вернер, К. 269, 292, 326
Виндельбанд, В. 6, 38, 51, 61, 181, 289
Вульф, М. de 269
Вундт, В. 44, 62, 64–70, 73–84, 115, 116, 119, 146, 147, 159, 168

Галилей, Г. 241, 363–365
Гартманн, Э. фон 20, 182
Гегель, Г. Ф. В. 14, 56, 175, 195, 326, 356
Гейзер, Й. 17, 20, 28, 37–42, 251, 358
Гейманс, Г. 27, 28
Гейнрих Гентский 209
Гераклит 47, 48, 377
Гербарт, Й. Ф. 26, 61
Гёльдерлин, Ф. 56
Грабман, М. 175, 184
Грёбер, К. 55
Гросс, Ф. 54
Гуссерль, Э. 26–28, 33, 34, 40, 48, 56, 61, 103, 115, 173, 182, 185, 244, 248, 261, 262, 281, 284, 298, 303, 358

Декарт, Р. 43
Дильтей, В. 182
Достоевский, Ф. 56
Дройзен, Й-Г. 371
Дунс Скот, И. 171, 182, 183, 187, 190, 193, 195–200, 203–209, 211, 212, 214, 236, 239–243, 245–250, 257–259, 261–264, 269, 273–280, 282, 283, 285, 287, 290, 292, 301–309, 311–319, 321–337, 350, 359, 380

Зигварт, Хр. 27, 65, 72, 91, 100, 162
Зигель, К. 45
Зиммель, Г. 339

Кант, И. 13, 14, 18–20, 23, 26, 28, 30, 34, 36, 39, 47, 48, 50–54, 61, 84, 117, 127, 138, 181, 198. 241, 352
Кьеркегор, С. 56
Климке, Фр. 16
Кон, Й. 41
Коперник, Н. 103
Коэн, Г. 26, 51, 61
Крейбиг, Кл. 37, 38, 44, 45
Кутюра, Л. 166
Кюльпе, О. 15, 16, 18–24, 357, 358

Ласк, Э. 29–31, 36, 37, 48, 56, 138, 166, 173, 183, 237, 289, 328, 353, 354, 358
Лейбниц, Г. В. 42
Лемен, А. 35
Липпс, Т. 27, 62, 84, 104, 115–119, 121, 122, 124–131, 133–142, 168
Локк 117
Лотце, Г. 36, 38, 44, 48, 153, 165, 274, 277, 282, 283, 289, 290
Майер, Г. 44, 62, 85–88, 90–93, 95–97, 99–104, 159, 168

Малли, Э. 155
Марти, А. 106, 109, 168
Мах, Э. 16, 18
Мейер, Э. 369
Мейнонг, А. 31–33, 37–39, 44, 130
Мерсье, Д. 50

Наторп, П. 26, 51, 61, 151
Ницше, Ф. 56, 177
Новалис 349

Оманн, Ф. 47

Парменид 47, 377
Пиррон 39
Планк, М. 365
Платон 29, 48, 165, 360
Порфирий 312
Присциан 325
Пфордтен, О. фон 184

Ранке, Л. фон 371
Рассел, Б. 42, 166
Риккерт, Г. 26, 51, 53, 56, 59, 61, 148, 166, 172, 195, 215, 243, 248, 272, 279, 339, 345, 357
Риль, А. 45, 51, 56, 62, 102
Роден, О. 154
Ротта, 5, 269

Сентруль, Ш. 50–53, 184
Спиноза, Б. 48

Тракль, Г. 56
Тренделенбург, А. 178
Трёльч, Э. 372
Туро, Ш. 269

Фома Аквинский 207, 212, 243

Шеллинг, В. 56
Шлегель, Ф. 353
Шмидкунц, Г. 40, 41
Шнайдер, А. 59
Шопенгауэр, А. 21, 26, 52, 61
Штайнталь, Г. 269
Штифтер, А. 55
Шуберт-Зольдерн, Р. фон 16
Шуппе, В. 16

Эвальд, О. 26
Экхарт 195, 360
Эйнштейн, А. 367
Эрдманн, Б. 27, 37, 65

Юм, Д. 14, 16, 87, 116, 121, 127,
133, 138

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ
в Санкт-Петербурге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru

ФИЛОСОФСКИЙ КНИЖНЫЙ «ДАЛЬ»
Санкт-Петербург, Дмитровский пер., 4 (с 11:00 до 21:00)
8 (921) 914 45 44 umozrenie.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПРОФИ»
Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 105 (с 10:00 до 19:00)
8 (812) 365 41 38 vk.com/profknigaspb

в Москве:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, ул. Тверская, д. 17 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.su

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»
Москва, ул. Чаянова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250 65 46 www.rsuh.ru/kentavr

Электронные книги:

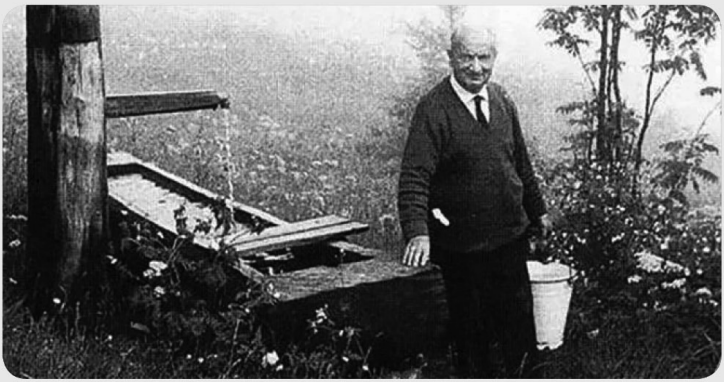
ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
ЯНДЕКС МАРКЕТ market.yandex.ru
OZON www.ozon.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР



НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

О СУЩНОСТИ ЯЗЫКА

К ВОПРОСУ ОБ ИСКУССТВЕ

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ИСТОРИЯ ПРА·БЫТИЯ

АЛЕТЕЙЯ

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ И СУЩНОСТЬ НИГИЛИЗМА

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

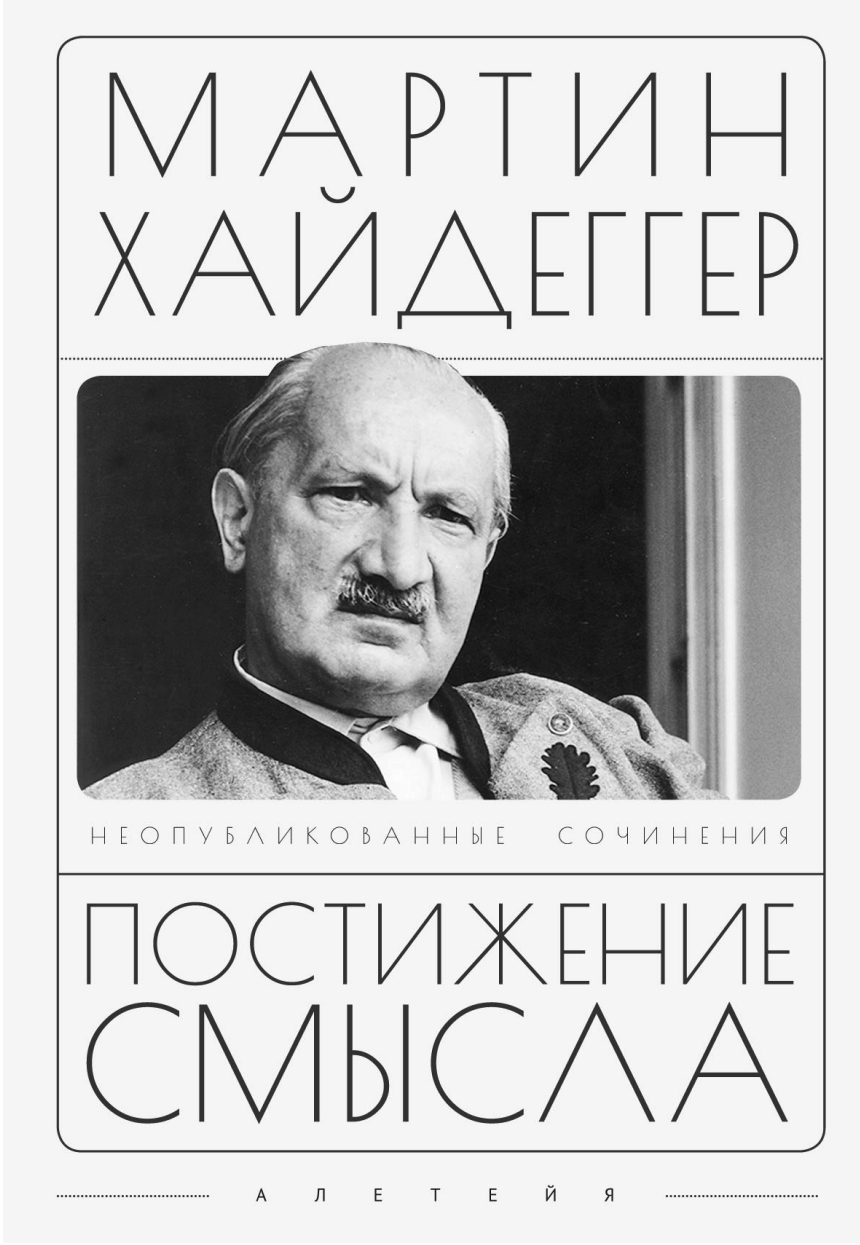
МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

СО·БЫТИЕ

АЛЕТЕЙЯ

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:



Хайдеггер Мартин

РАННИЕ РАБОТЫ

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *О. Ю. Марусова*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

16+

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:
e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» можно приобрести

в Москве:
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», ул. Тверская, д. 17. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Минске:
«Эпосервис», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Риге:
«Intelektuāla grāmata»
Riga, Kr. Barona iela 45/47. Tel. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 24,3.